

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 18.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года 2 мая.

Содержаніе: I. По поводу газетныхъ осужденій Церкви и нареканій на православное духовенство. Свящ. В. П.—II. Что думать о лицѣ Иисуса Христа? Перев. Н. П. Селивановской.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.

Но поводу газетныхъ осужденій Церкви и нареканій на православное духовенство.

Если бы черезъ сто лѣтъ безпристрастный историкъ пожелалъ, на основаніи современныхъ намъ газетъ, нарисовать картину нашей жизни, то онъ, пожалуй, сдѣлалъ бы тотъ интересный выводъ, что въ наши дни церковные вопросы занимали едва ли не первое мѣсто, а духовенство было самымъ сильнымъ и вліятельнымъ сословіемъ—такъ много удѣляютъ имъ газеты вниманія. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что количество бумаги, исписываемой газетчиками по церковнымъ вопросамъ, слѣдуетъ исчислять тоннами, а израсходованныя чернила ведрами. Не нужно, впрочемъ, быть историкомъ для того, чтобы видѣть, что современная намъ критика церковной жизни, какъ и оцѣнка

дѣятельности духовенства имѣють свои особыя черты въ необыкновенномъ разнообразіи критиковъ, въ широтѣ этой критики и, наконецъ, въ ея особомъ тонѣ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какъ разнообразенъ букетъ церковныхъ критиковъ и „устроителей“ нашей Православной Церкви, кого только тутъ нѣтъ, какая смѣсь одеждъ и лицъ!

Понятно, что каждый православный христіанинъ имѣеть право и обязанъ вникать въ церковное дѣло, отзываться на церковные вопросы. Бывали въ Церкви счастливыя времена, когда торговки на базарахъ вели горячія пренія о догматахъ вѣры, о Церкви. Когда живой интересъ, горячее слово о церковныхъ дѣлахъ являются естественнымъ выраженіемъ внутренняго настроенія и ревности по вѣрѣ, когда разсужденія о вѣрѣ вытекають изъ жизни,—этому нельзя не радоваться, и чѣмъ больше такихъ ревнителей Церкви пользуется печатнымъ словомъ, какъ средствомъ для усовершенствованія церковной жизни, тѣмъ лучше. Но, къ сожалѣнію, вовсе не эти ревнители Церкви задають тонъ газетнымъ толкамъ о церковныхъ дѣлахъ: тихъ и скромнень ихъ голосъ; спокойныя и доброжелательныя ихъ рѣчи далеко не вездѣ и не во всякой газетѣ найдуть себѣ мѣсто. Громче, развязнѣе и чаще о церковныхъ дѣлахъ толкуютъ въ газетахъ лица, которыя къ Церкви принадлежать лишь по рожденію и крещенію, люди, ушедшіе отъ Церкви, чуждые ея духа и ей враждебные. Всѣ эти Мережковскіе, Розановы, по ихъ собственному признанію находящіеся только „около церковныхъ стѣнъ“, такъ какъ тѣсно имъ и не по себѣ въ церковной оградѣ,—кто больше ихъ пишетъ о Церкви и кто больше приносить вреда Церкви?

Не малое усердіе къ газетному устроенію Православной Церкви проявляютъ и наши инородцы: всевозможные Абамелеки, Мирзы, Мойши, ясновельможныя паны. Здѣсь, казалось бы, православнымъ людямъ, читающимъ газеты, оставалось одно—развести руками и указать этимъ радѣтелямъ православія ихъ мѣсто—(кстати, мы поразительно мало зна-

емъ о томъ, что дѣлается въ костелахъ, армянскихъ церквяхъ, мечетяхъ и синагогахъ); но увы, мало подвиженъ и долготерпѣливъ православный народъ и не постигъ еще силы яда, которымъ отравляютъ его нѣкогда крѣпкій духъ.

Газетная критика Церкви и духовенства отличается необыкновенною широтою размаха. Во всякомъ другомъ дѣлѣ отъ критика требуется хотя элементарное знакомство съ трактующимъ вопросомъ,—иначе назовутъ невѣждой и не станутъ читать. Этимъ для каждаго предмета и вопроса ограничивается кругъ критиковъ—специалистовъ своего дѣла. Въ индивидуальныхъ способностяхъ человѣка существуютъ также свои ограниченія для критики; если у меня нѣтъ способности и склонности къ занятію философіей, если я никогда не занимался химіей, естественными науками, то ясно, что и критика моя въ этихъ областяхъ ничего не будетъ стоить, и заниматься такой критикой было бы смѣшно. Никакихъ такихъ ограниченій не признаютъ газеты для вопросовъ религіозно-церковныхъ: тутъ всѣ—специалисты, всѣ все знаютъ, всѣ могутъ исправлять, усовершенствовать, а особенно укорять, будетъ ли дѣло касаться богослуженія, каноновъ церковныхъ и даже догматовъ.

Слово „критика“ у насъ на Руси понимается довольно односторонне: критиковать и ругать у насъ стало почти равнозначущими словами. Такое пониманіе критики у насъ возникло не вчера, а въ послѣднее время достигло своихъ крайнихъ предѣловъ. Въ такомъ смыслѣ критика примѣняется у насъ ко многимъ предметамъ и общественнымъ явленіямъ, литературнымъ и художественнымъ произведеніямъ; но есть излюбленныя области, гдѣ критика только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и признается,—это сферы правительственной и церковной дѣятельности. Чтобы ни сдѣлало правительство, какое бы предпріятіе, законъ, или мѣру, хотя бы самую благодѣтельную и полезную, оно ни выработало, въ лѣвой печати (а таковой 90%) все это встрѣтитъ только одно—суровую критику и осужденіе. То же можно сказать и

о церковной жизни. Доброе слово о ней—величайшая рѣдкость, встрѣчающаяся только въ газетахъ умѣреннаго и праваго направленія.

Что касается отдѣльныхъ лицъ изъ духовнаго міра, то къ нимъ тоже свое особое отношеніе у нашихъ лѣвыхъ газетчиковъ. Свѣтлаго явленія изъ жизни духовенства, добраго поступка (если только это не будетъ дѣйствіе въ ярко освободительномъ духѣ) здѣсь не ищи. Но за то, если какой-либо представитель духовенства сдѣлалъ неосторожный шагъ и даже просто не угодилъ лѣвой печати, то тутъ уже никакой пощады не ищи; не ушаты, а бочки грязи выльются на голову несчастнаго. Эта смѣлость и беззащитность въ отношеніи отдѣльныхъ представителей духовенства объясняется прежде всего враждебностію къ Церкви, желаніемъ дискредитировать ее въ глазахъ православнаго населенія, такъ какъ людямъ, особенно мало развитымъ, свойственно заключать отъ лицъ къ учрежденіямъ, которыя они представляютъ. Есть и особыя обстоятельства, содѣйствующія этой наглости и беззащитности. Свѣтскій человекъ въ защиту своего добраго имени имѣетъ гораздо больше средствъ, чѣмъ духовенство: печать, судъ, въ крайнемъ случаѣ даже палка... для исключительныхъ нахаловъ. Къ печати обращаться духовенство не умѣетъ, судовъ не любитъ, да и, правду сказать, не знаетъ законовъ, а палка и совѣмъ не годится для него. Особое положеніе духовенства должно бы внушать и особую деликатность и осторожность тамъ, гдѣ дѣло касается личности, но на разбойниковъ пера оно дѣйствуетъ въ обратномъ смыслѣ, такъ какъ беззащитность часто порождаетъ особую жестокость ¹⁾.

¹⁾ Какъ безцеремонны въ отношеніи духовенства наши лѣвыя газеты, показываетъ, напримѣръ, такой случай. Пишетъ одна газетная кликуша защитительный фельетонъ по нашумѣвшему дѣлу Тарновской, объясняя ея поступки и преступленія дѣйствіемъ среды, и при этой ocasiи не упускаетъ случая лягнуть духовенство. Окружающіе новобрачныхъ Тарновскихъ, по разсказу фельетониста, аристократическіе шелоная от-

Газетные листы, уничтожаемые по прочтении на хозяйственные нужды, тѣмъ не менѣе своей цѣли достигаютъ, и планомѣрная газетная борьба противъ Церкви и духовенства дѣлаетъ свое дѣло.

Учесть эту работу трудно, указать точно результаты газетной критики и нападокъ на Церковь и духовенство нельзя, но во всякомъ случаѣ кто близко стоитъ къ народу, сталкивается съ нимъ и говорить, тотъ знаетъ, что газетныя рѣчи о церковныхъ дѣлахъ доходятъ до народа, колеблютъ его вѣру, разрушаютъ народное міросозерцаніе.

Какъ нужно духовенству относиться къ газетамъ и ихъ выступленіямъ противъ Церкви и духовенства?

Нельзя не отмѣтить того печальнаго явленія, что духовенство мало разбирается, или вѣрнѣе не хочетъ разбираться въ томъ, какія газеты относятся къ Церкви доброжелательно и какія враждебно. Отъ этого происходитъ далѣе то, по истинѣ скорбное явленіе, что духовенство въ значительномъ большинствѣ выписываетъ газеты лѣвыя, враждебныя Церкви и государству, такъ какъ пишутъ онѣ хлестко „интересно“, да и по цѣнѣ часто стоятъ дешевле правыхъ и умѣренныхъ газетъ. Если вѣрить тѣмъ же газетамъ, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ были предприняты чисто административныя мѣры къ тому, чтобы побудить духовенство къ выпискѣ правыхъ и умѣренныхъ газетъ. Мы противъ такого вмѣшательства въ частное дѣло. Необходимо, чтобы духовенство выбирало газеты не по административной рекомендаціи, а вполне добровольно и сознательно, разобравшись въ томъ, кто ему другъ

пускаютъ въ слухъ, во время вѣнчанья, самыя плоскія и пошлыя шутки, а совершителемъ таинства является пьяный іерей. Такъ пишетъ кликуша. По наведеннымъ нами справкамъ оказывается, что все это, по просту говоря, брехня, что никакихъ безчинствъ во время вѣнчанья Тарновской не было, что вѣнчанье совершенно было весьма почтеннымъ и вышѣ здравствующимъ священникомъ, прослужившимъ Церкви 40 лѣтъ, вовсе не пьющимъ, популярнымъ среди населенія, заслужившимъ доброю и безкорыстіемъ любовь и уваженіе населенія.

и кто недругъ. Въ этомъ отношеніи отчасти помогли бы духовенству „Епархіальныя Вѣдомости“, если бы помѣщали на своихъ страницахъ характеристику не только мѣстныхъ провинціальныхъ органовъ печати, но также и болѣе выдающихся столичныхъ. Разбираться въ направленіи газетъ тѣмъ болѣе важно, что нерѣдко газета, прочитанная священникомъ, идетъ потомъ по селу, удовлетворяя печатный голодъ деревни. Наконецъ, тотъ же вопросъ о направленіи газетъ могъ бы быть обсуждаемъ и на благочинническихъ сѣздахъ, доводя духовенство до сознанія, что поддерживать трудовымъ рублемъ, заработаннымъ у алтаря, тѣ изданія, которыя принципиально отрицаютъ религію и особенно враждебны православію, духовенство не имѣетъ правственнаго права.

Пора духовенству оставить и то олимпійское спокойствіе и равнодушіе, съ которымъ оно относится ко всякимъ нападкамъ на Церковь и нареканіямъ на духовенство. Кое-что въ этомъ отношеніи дѣлаетъ петербургская газета „Колоколъ“, но она исключительно опровергаетъ ложь столичныхъ освободительныхъ газетъ, а $\frac{9}{10}$ провинціальныхъ измышлений и клеветъ обычно останется безъ отвѣта, какъ будто духовенство молчаливо соглашается съ ними. Между тѣмъ „Епархіальныя Вѣдомости“, а равно изданія праваго и умѣреннаго направленія, всегда могли бы открывать свои страницы для возстановленія истины и опроверженія лжи по церковнымъ вопросамъ.

Скажутъ, пожалуй, что такая полемика излишня, что она будетъ лишь развигать страсти, вовлекать духовенство въ газетную перебранку со всѣми ея неприглядными сторонами. Пусть такъ, но и молчать въ наше время не приходится: вѣдь молчаніе толкуется всегда, какъ слабость, какъ признаніе справедливости газетныхъ измышлений и выдумокъ. Пусть „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ никто изъ свѣтскихъ людей не читаетъ, но зато систематическое изложеніе хотя бы мѣстныхъ газетныхъ сужденій по церковнымъ дѣламъ дастъ полную картину отношеній разныхъ лицъ къ этимъ

вопросамъ, нерѣдко дать въ руки священника оружіе, съ которымъ онъ можетъ бороться противъ враговъ Церкви и духовенства, а то вѣдь теперь нерѣдко намъ приходится только краснѣть да отмалчиваться, когда отъ насъ не безъ ехидства просятъ разъясненія газетныхъ „фактовъ“ и газетныхъ весьма категорическихъ сужденій.

Нападки на отдѣльныхъ представителей духовенства,—на первый взглядъ частное небольшое дѣло—тоже заслуживаютъ вниманія. Никакое другое дѣло и служеніе не связано такъ тѣсно съ лицами, какъ служеніе пастырское, служеніе Церкви. Обруганный, оплеванный въ газетѣ представитель Церкви не можетъ молчать потому, что его недостатки непременно переносятся на все сословіе и на всю Церковь: тактика не новая—отъ лицъ заключать къ режиму, строю, разъ режимъ или строй почему-либо неуютны. Всякая ложь, клевета, фельстонная фантазія, гдѣ затрогиваются имена, должна быть опровергнута, газетнымъ ли порядкомъ или судебнымъ; только такимъ путемъ можно парализовать отчасти вредъ газетной критики и указать послѣдней границы приличія и уваженія къ человѣческой личности, такъ часто теперь попираемой во имя ложно понятой свободы слова.

Священникъ В. П.

Что думать о лицѣ Іисуса Христа?

Почему вопросъ о лицѣ Іисуса имѣетъ такое важное значеніе?—Что мы знаемъ объ Іисусѣ?—Можемъ ли мы вѣрить тому, что рассказываютъ Евангелія объ Іисусѣ?—Іисусъ—болѣе, чѣмъ человѣкъ.—Іисусъ Христосъ есть не только истинный человѣкъ, но и истинный Богъ.—Триединство Божіе.

Вопросъ о томъ, что думать о лицѣ Іисуса Христа, все еще продолжаетъ волновать человѣчество. Только совершенно поверхностные люди могутъ равнодушно пройти мимо него. Хотя уже прошло девятнадцать столѣтій съ тѣхъ поръ, какъ Іисусъ жилъ на землѣ, однако-же почти каждый годъ

все еще появляются новыя книги, сочиненія и статьи, стремящіяся дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Ап. Павелъ говоритъ объ Иисусѣ: „Богъ далъ Ему имя выше всякаго имени“ (Филипп. 2, 9). Это дѣйствительно сбылось. Въдъ имена великихъ людей древности не забыты, но ни одно изъ нихъ не пользуется такой извѣстностью, какъ имя Иисуса. Въдъ имена тѣхъ, которымъ челоувѣчество многимъ обязано, часто упоминаются и воспѣваются въ стихотвореніяхъ и пѣсняхъ; но ни одно имя не восхваляется такъ, какъ имя Иисуса, въ честь Котораго поется такъ много пѣсенъ. Лѣтосчисленіе ведется отъ Рождества Христова и, такимъ образомъ, это событіе дѣлается центральнымъ пунктомъ всемірной исторіи. День рожденія Иисуса, Рождественскій праздникъ, почитается и теперь безчисленнымъ множествомъ людей прекраснѣйшимъ праздникомъ, который они празднуютъ больше, чѣмъ день рожденія своихъ родителей. День Его смерти почитается многими милліонами болѣе траурнымъ днемъ, чѣмъ день смерти отца или матери. Есть еще и теперь безчисленное множество людей, любящихъ Иисуса больше всего на свѣтѣ и готовыхъ ради Иисуса на величайшія страданія, даже на смерть, какъ нѣкогда мученики во времена христіанскихъ гоненій въ Римской имперіи. Гоненія въ Арменіи и Китаѣ доказали это. Кто же былъ однако этотъ Иисусъ изъ Назарета?

Онъ не принадлежалъ къ богатымъ и знатымъ. Про Него разсказывается, что Онъ родился бѣднымъ и незнатнымъ въ пещерѣ вилеемской, куда загоняли скоть. Онъ странствовалъ, какъ мы читаемъ въ Евангеліи, нѣсколько лѣтъ въ качествѣ іудейскаго равви, поучая и благодѣтельствуя, въ сопровожденіи нѣсколькихъ учениковъ, происходившихъ, какъ и Онъ, изъ низкаго званія. Онъ умеръ очень молодымъ, приблизительно 33 лѣтъ отъ роду, распятый, какъ преступникъ, на крестѣ. Онъ не трудился для науки, Онъ не написалъ ни одного большаго научнаго сочиненія и вообще не оставилъ намъ ни одной строчки, написанной Его рукой. Въ области искусства Онъ также ничего не создалъ, ни од-

ного поэтического произведенія, ни одной картины, ни одной статуи неувядающей красоты. Онъ не былъ также королемъ, создавшимъ великое всемірное королевство и приведшимъ свои народы къ благосостоянію, не былъ и знаменитымъ полководцемъ, прогремѣвшимъ на весь міръ своими побѣдами. Онъ не открылъ неизвѣстную часть свѣта, не сдѣлалъ никакого великаго изобрѣтенія, благодаря которому вся жизнь людей пріобрѣла бы другой видъ. И все же никто не можетъ отрицать, радуется ли это его или раздражаетъ, что ни одно имя не пользуется такой извѣстностью, какъ имя Иисуса, что никто не имѣлъ и не имѣетъ такого вліянія на исторію человечества и такой власти надъ сердцами безчисленнаго множества людей, какъ Иисусъ изъ Назарета. Кто же былъ этотъ Иисусъ изъ Назарета? Воистину этотъ вопросъ заслуживаетъ того, чтобы надъ нимъ подумать.

Нѣкоторые писатели, находящіеся въ близкихъ отношеніяхъ съ социаль-демократіей, заходятъ такъ далеко, что объявляютъ: „Сомнительно, существовалъ ли вообще Иисусъ изъ Назарета, ибо то, что намъ о Немъ рассказывается, такъ неправдоподобно, что не можетъ быть истиной. Если же дѣйствительно существовалъ Иисусъ изъ Назарета, то это былъ совсѣмъ незначительный человѣкъ, странствующій раввинъ, какихъ было въ это время сотни и тысячи. Съ религіей, которую Онъ будто бы основалъ, съ христіанствомъ, Онъ въ дѣйствительности имѣетъ очень мало общаго“. Но этотъ взглядъ слишкомъ глупъ, чтобы было необходимо подробно на немъ останавливаться. Съ такимъ же правомъ можно было бы въ послѣдующее время говорить о первомъ великомъ агитаторѣ социаль-демократовъ Лассалѣ, который находился въ близкихъ отношеніяхъ съ графиней Гацфельдъ и девять лѣтъ велъ для нея одинъ процессъ за другимъ, который написалъ большой философскій трудъ въ двухъ томахъ, а въ концѣ концовъ былъ убитъ на дуэли изъ-за одной благородной дамы: „я сильно сомнѣваюсь, существовалъ ли вообще Лассаль, ибо все, что о немъ рассказывается, слишкомъ не-

правдоподобно. И даже если этот Лассаль, существовалъ, то нельзя во всякомъ случаѣ признать, что онъ могъ имѣть большое значеніе для развитія социаль-демократіи. Соціалистическій агитаторъ не чувствуетъ, обыкновенно, влеченія къ графинѣ, такъ же какъ и графиня къ социалистическому агитатору. Вождь народа имѣетъ болѣе важныя дѣла, чѣмъ писаніе толстыхъ философскихъ книгъ. Да, наконецъ, невозможно себѣ представить, чтобы социаль-демократическій вождь, вслѣдствіе страсти къ знатной дамѣ, согласился на дуэль; вѣдь каждый социаль-демократъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ дуэль“.

Другіе говорятъ: „Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Иисусъ жилъ, а еще менѣе въ томъ, что Онъ былъ изъ ряда выходящая личность, можетъ быть, даже самая выдающаяся изъ всѣхъ, когда-либо жившихъ на землѣ. Его личность должна была производить чрезвычайно сильное впечатлѣніе, иначе не было бы возможно то, что уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Его смерти многіе были твердо убѣждены въ томъ, что Онъ воскресъ, что Онъ Спаситель міра и что Онъ опять придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Но, къ сожалѣнію, мы слишкомъ мало знаемъ о Немъ. Единственныя сочиненія, которыя о Немъ повѣствуютъ, это Евангелія, но они недостоверны, потому что наука доказала, что они происходятъ не отъ современниковъ Иисуса, а возникли лишь въ значительно позднѣйшее время, во второмъ столѣтіи“.

Но пусть тебя не смущаетъ, если ты услышишь: „Это доказано наукой“. Замѣть себѣ, что такое выраженіе обыкновенно охотнѣе всего употребляется тогда, когда наука, по отношенію къ какому-нибудь вопросу, еще не заняла твердаго положенія. Какъ часто слышишь, будто наука доказала, что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны! А между тѣмъ въ наше время все больше увеличивается число значительныхъ естествоиспытателей, которые объясняютъ, что это совершенно необоснованное предположеніе, въ защиту котораго нельзя привести ни малѣйшаго доказательства.

Такъ же обстоитъ дѣло съ утверженіемъ, будто наука доказала, что Евангелія были написаны только во второмъ столѣтіи послѣ Христа. Напротивъ, ученые, занимающіеся этими вопросами, чѣмъ дальше, тѣмъ больше проникаются убѣжденіемъ, что Евангелія, также и Евангеліе отъ Іоанна, должны были произойти очень рано. А многіе изъ значительнѣйшихъ изслѣдователей объявляютъ даже, что Евангелія въ томъ видѣ, какъ они дошли до насъ, были написаны тѣми людьми, имена которыхъ онѣ носятъ. Итакъ, наука принимаетъ въ этомъ вопросѣ совершенно другое положеніе, чѣмъ утверждаютъ многіе.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, удивляться, если въ настоящее время многіе оспариваютъ, что Евангелія происходятъ отъ апостоловъ и апостольскихъ учениковъ. Ибо что въ наше время не оспаривается и не подвергается сомнѣнію? Для многихъ было бы очень неудобно, если бы то, о чемъ повѣствуютъ Евангелія, оказалось истиной, потому что тогда Іисусъ былъ бы Сыномъ Божиимъ и Судьей міра, передъ судилищемъ Котораго каждый когда-нибудь долженъ былъ бы предстать; тогда надо было бы подчиняться Его волѣ, и нельзя было-бы служить грѣху, отъ котораго они не хотятъ отстать. Далѣе, есть много такихъ людей, которые утверждаютъ, будто чудеса невозможны. Откуда они такъ достовѣрно это знаютъ, мнѣ, конечно, неизвѣстно. Они, вѣдь, не могутъ признавать за истину то, что написано въ Евангеліяхъ, такъ какъ тамъ разсказывается о многихъ чудесахъ. Оба эти класса людей попадаютъ въ затруднительное положеніе, если Евангелія дѣйствительно были написаны Матѳеемъ, Маркомъ, Лукой и Іоанномъ, ибо эти мужи должны были знать, что говорилъ Іисусъ и творилъ ли Онъ чудеса, и относительно нихъ нельзя предположить, что они съ умысломъ что-либо солгали. Если бы однако Евангелія возникли лишь въ болѣе позднее время, то эти люди уже не были бы въ такомъ затрудненіи, но могли бы утверждать, не безъ основанія, что эти писанія, навѣрно, заключаютъ въ себѣ много ошибокъ.

Теперь ужъ ты, вѣрно, не будешь требовать основательныхъ научныхъ изслѣдованій о времени возникновенія Евангелій. Да они даже не нужны. И безъ нихъ каждый можетъ придти къ убѣжденію, что Евангелія написаны апостолами и апостольскими учениками, при томъ условіи, конечно, если съ нимъ можно вообще говорить объ этихъ вопросахъ. Тому же, кто заупрямится и во что бы то ни стало захочетъ настоять на томъ, будто Исусъ не можетъ быть Сыномъ Божиимъ, и будто чудеса невозможны, —тому, разумѣется, помочь нельзя.

То, что я говорилъ о Библии, а именно, что она стоитъ несравненно выше всѣхъ другихъ книгъ, что она еще и въ настоящее время даруетъ утѣшеніе во всѣхъ скорбяхъ, ниспосылаетъ миръ душѣ и даетъ силу къ добру — все это въ особенности относится къ Евангеліямъ. Если Библия есть откровеніе Божіе, если въ ней господствуетъ Духъ Божій, то это еще съ большимъ правомъ можетъ быть сказано объ Евангеліяхъ. Но тогда невысказано, чтобы въ Евангеліи были поддѣлки. Скорѣе всего они дѣйствительно написаны тѣми людьми, которымъ христіанская Церковь приписываетъ ихъ съ древнѣйшихъ временъ.

Каждый укрѣпится въ этой увѣренности, если онъ безъ пристрастія и предубѣжденія прочтетъ Евангелія. При чтеніи эти писанія, навѣрное, произведутъ на него сильное впечатлѣніе подлинности. Отъ нихъ вѣдетъ такой первоначальной свѣжестью и жизненной правдой, что каждый подумаетъ: „Этого не можетъ выдумать ни одинъ человекъ, это все было въ дѣйствительности“. *Гете* также не избѣжалъ такого впечатлѣнія. — Онъ говоритъ: „Я считаю Евангелія безусловно истинными, потому что они проникнуты отблескомъ того величія, которое исходило отъ личности Христа, божественнаго величія, равнаго которому никогда не появлялось на землѣ“. Это мнѣніе вполне согласуется съ тѣмъ, что пишетъ извѣстный французъ *Руссо*: „Подобныхъ вещей выдумать нельзя. Никогда іудейскіе писатели не выдумали бы та-

кихъ рѣчей и такой морали. Евангеліе заключаетъ въ себѣ такія поразительно-великія и неподражаемыя черты истинности, что его изобрѣтатель былъ бы болѣе достоинъ удивленія, чѣмъ его герой.

Если же мы однако имѣемъ право признать, что Евангелія написаны апостолами и апостольскими учениками, то мы уже не можемъ говорить: „Мы ничего достовѣрнаго объ Иисусѣ не знаемъ“. Мы могли бы говорить это только лишь въ томъ случаѣ, если бы допустили, что эти люди сознательно рассказывали намъ неправду. Но этого имъ ни одинъ человѣкъ не припишетъ, такъ какъ у насъ передъ глазами тѣ гоненія, которыя они претерпѣли за свою вѣру. Если бы они не вѣрили твердо въ то, что они проповѣдывали и писали, то они, навѣрно, не приняли бы на себя столько страданій и наконецъ смерть.

Но кто же былъ Иисусъ изъ Назарета, какимъ Его рисуютъ намъ Евангелія?

Первое, что намъ бросается въ глаза въ Иисусѣ, это Его необыкновенная любовь. Никто никогда не любилъ такъ людей, — всѣхъ людей, самыхъ бѣдныхъ и незначительныхъ и самыхъ отъявленныхъ грѣшниковъ, какъ любилъ ихъ Онъ. У Него нельзя найти ни малѣйшаго слѣда своекорыстія, себялюбія или честолюбія. Онъ былъ готовъ, гдѣ только могъ, помогать и утѣшать. Все что Павелъ прославляетъ въ любви (1 Кор. 13, 4—7): „Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслить зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ; все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переносить,“ — все это относится къ Иисусу и къ Нему Одному въ полной мѣрѣ. Надо замѣтить, что Иисусъ не принадлежалъ къ такимъ, напримѣръ, друзьямъ человѣчества, которые потому любятъ людей, что представляютъ ихъ себѣ лучшими, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. Такіе послѣ нѣсколькихъ разочарованій, въ большинствѣ случаевъ, раздражаются. Нѣтъ,

Иисусъ имѣлъ ясное представленіе о глубокой испорченности людей. Онъ не принадлежалъ также къ тѣмъ мягкимъ и слабымъ натурамъ, у которыхъ любовь болѣе похожа на бессильное и безхарактерное добродушіе. Нѣтъ, Иисусъ могъ также становиться серьезнымъ и очень строгимъ. Какъ строго Онъ наказалъ фарисеевъ за ихъ лицемѣріе и самодовольство! Но мы чувствуемъ, что Его къ этому побуждала любовь. Этихъ людей, по отношенію къ которымъ не принесла бы плодовъ доброта, Онъ хотѣлъ привести къ покаянію и къ сознанію въ грѣхахъ посредствомъ Своей могучей обличительной рѣчи. Прекраснѣе всего однако проявилась любовь Иисуса во время Его смерти. Его страданія и смерть—это чудеснѣйшее откровеніе любви, которое когда-либо видѣлъ міръ. Какъ трогательны Его первыя слова, произнесенныя Имъ на крестѣ: „Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлають.“ Чѣмъ болѣе погружаемся въ крестныя страданія Христа, тѣмъ прекраснѣе и лучезарнѣе выступаетъ навстрѣчу Его любовь. Вполнѣ справедливо постоянное восхваленіе и прославленіе этой любви.

До Иисуса мы не находимъ ни одного человѣка, любовь котораго имѣла бы хоть какую-нибудь черту сходства съ Его любовью. Язычество—это міръ безъ любви. Среди христіанъ же были такіе, и еще въ настоящее время есть многіе, любовь которыхъ напоминаетъ любовь Иисуса. Если мужчины и женщины посвящаютъ свою жизнь уходу за прокаженными или за эпилептиками, или если они ставятъ своей жизненной задачей спасеніе дѣвушекъ, глубоко погрязшихъ въ отвратительномъ порокѣ, то любовь ихъ напоминаетъ любовь Иисуса. Изъ того же, что только христіанство, а не какая-либо другая религія, способно пробудить такую любовь, ясно вытекаетъ то, насколько христіанство превосходитъ всѣ прочія религіи. Но даже величайшіе герои и героини любви далеко отстаютъ отъ любви Иисуса. Они сами высказывали это достаточно часто такъ же, какъ и то, что ихъ любовь воспла-

менилась только благодаря примѣру любви Иисуса. Кто же однако былъ этотъ Иисусъ изъ Назарета, Который такъ далеко превзошелъ Своей любовью всѣхъ прочихъ людей?

Перев. *Н. П. Селивановской.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Первое слово объ о. Меодіи (Семовѣ). На него возлагались широкія надежды. Онъ былъ первый студентъ въ разрядномъ спискѣ, обладалъ твердымъ основательнымъ умомъ и отличался строгимъ религіознымъ настроеніемъ. Думали и надѣялись, что изъ него выдетъ вѣрный служитель Божій, котораго взыщутъ почести высшаго званія, хотя онъ былъ тихій и смиренный инокъ, не питавшій никакихъ честолюбивыхъ замысловъ, и не имѣлъ ни расположенія, ни способности къ показной выдающейся дѣятельности на томъ поприщѣ, на которомъ былъ поставленъ по окончаніи курса. Онъ былъ подверженъ припадкамъ падучей болѣзни. Ректоръ Антоній узналъ объ этой его болѣзни уже послѣ постриженія его въ монашество, и донесеніе ему объ этомъ товарищемъ Семова Доброленскимъ, вмѣстѣ съ Меодіемъ постриженнымъ въ монашество, не мало смутило его, потому что болѣзнь эта могла быть препятствіемъ къ рукоположенію Меодія въ священный санъ. Рукоположенія сначала въ іеродіакона, а потомъ черезъ годъ, по окончаніи курса въ іеромонаха онъ былъ удостоенъ. Но ректоръ Антоній, вслѣдствіе его болѣзненного состоянія, сталъ къ нему относиться съ меньшею въ немъ увѣренностію, и выказывалъ расположеніе отдавать предпочтеніе предъ нимъ другимъ его това-

¹⁾ См. № 15-й за 1910 г.

рищамъ... Въ послѣднее полугодіе академическаго курса мнѣ и ему назначена была проповѣдь на одинъ день пасхальнаго праздника, и мнѣ онъ далъ произнести проповѣдь за поздней обѣдней въ субботу пасхальной недѣли, когда въ Братскомъ монастырѣ раздается артось, и бываетъ большое стеченіе народа, а Меѳодію назначилъ произнести проповѣдь на ранней обѣднѣ въ Фомино воскресеніе. Когда мы кончали курсъ, опросталась каѳедра церковнаго права и литургики, которая, по практиковавшемуся тогда способу замѣщенія каѳедръ, должна быть предоставлена ему, какъ первому студенту. Но ректоръ Антоній выдвигалъ кандидатуру на это мѣсто Павла (Вильчинскаго), кончившаго курсъ въ 1853 году, и бывшаго въ то время преподавателемъ въ Переяславской (Полтавской) семинаріи. Но предложеніе ректора не было принято конференціею, и Меѳодій былъ опредѣленъ бакалавромъ на означенную каѳедру церковнаго права и литургики, которую до того времени занималъ священникъ Алексѣй Михайловичъ Колосовъ, вышедшій изъ академіи, по случаю опредѣленія его на должность законоучителя въ Кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ. Но на этой каѳедрѣ онъ пробылъ не долго. Въ 1859 году, онъ опредѣленъ былъ инспекторомъ академіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ переведенъ на каѳедру нравственнаго богословія. Въ то время преподаваніе нравственнаго богословія обыкновенно поручалось инспектору, какъ преподаваніе догматическаго богословія ректору, и если бакалавръ или профессоръ, до назначенія его инспекторомъ, занималъ другую каѳедру, какъ, напримѣръ, Меѳодій, то съ полученіемъ должности инспектора, онъ оставлялъ прежнюю каѳедру, и переходилъ на новую каѳедру нравственнаго богословія. Не долго прослужилъ отецъ Меѳодій, и скончался на седьмомъ году своей службы въ іюлѣ 1862 г. отъ чахотки, не успѣвъ проявить всей силы своихъ дарованій, и я проводилъ своего товарища въ иную далекую страну, откуда нѣтъ возврата, надгробнымъ словомъ, которое въ свое время напечатано было въ Трудахъ Кіевской духовной академіи.

Мы съ нимъ всегда, и въ періодъ нашего студенчества, и потомъ во время совмѣстной службы въ Академіи, были въ самыхъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ, и между нами никогда не возникало никакихъ недоразумѣній. Хотя онъ былъ монахъ, а я свѣтскій человѣкъ, но мы совершенно сходились съ нимъ въ своихъ воззрѣніяхъ и настроеніи. И въ сводной вѣдомости объ успѣхахъ нашихъ за всѣ четыре года по всѣмъ предметамъ у насъ стоятъ одинаковые баллы (6—отлично хорошо); только по русской церковной исторіи 5—весьма хорошо. Молодой бакалавръ Иванъ Игнатьевичъ Малышевскій никому не ставилъ высшей отмѣтки, которую секретарь Правленія означалъ балломъ 6. Когда я, послѣ совмѣстной четырехлѣтней жизни съ нимъ въ академическомъ корпусѣ, рѣшился вступить въ бракъ, онъ благословилъ меня на новую жизнь иконою Братской Божіей Матери.

Другой мой товарищъ, вмѣстѣ съ Меодіемъ принявшій иночество, Теофанъ Леонтьевичъ Доброленскій (въ иночествѣ Кириллъ), донинѣ здравствуетъ, и я не знаю, имѣю ли я право говорить о немъ въ своихъ замѣткахъ о своихъ сокурсникахъ. Онъ самъ напечаталъ „Воспоминанія о пройденной жизни“¹⁾, гдѣ кратко сообщилъ начальную исторію своей жизни и служебной дѣятельности въ Волынской семинаріи, но не коснулся главныхъ событій своей жизни, полной печальныхъ тревоженій. Но я полагаю, что онъ не обидится, если я, для полноты своего очерка, нѣчто сообщу о немъ, не пускаясь въ подробности, о которыхъ онъ самъ надѣется рассказать и повѣдать печати.

Ө. Л. Доброленскій, лишь только былъ принятъ въ Академію, въ первый же мѣсяцъ заявилъ инспектору архимандриту Даніилу, что онъ намѣренъ принять иночество... Даніиль строгій, монахъ и аскетъ, съ большимъ сочувствіемъ принялъ его заявленіе, и сказалъ ему, что, если онъ утвердится въ этомъ добромъ намѣреніи, то можно будетъ

¹⁾ Мирный Трудъ 1909 г., и отдѣльный оттискъ.

надѣть клобукъ и рясу, когда онъ перейдетъ на старшій курсъ. Выслушавъ одобреніе своему намѣренію, Доброленскій просилъ позволенія у инспектора теперь же, не дожидаясь постриженія, пользоваться монашескимъ столомъ. (Для студентовъ монаховъ, которыхъ было не много, готовили особый рыбный, постный столъ, и они въ общую столовую не ходили, а обѣдали въ особой комнатѣ нижняго этажа корпуса). Конечно, это позволеніе дано было ему, и онъ съ перваго дня своего студенчества вращался въ монашеской средѣ.

Въ младшемъ курсѣ, первые два года, я жилъ съ Доброленскимъ въ одномъ, третьемъ, номерѣ, и въ первое полугодіе у меня съ нимъ были жаркіе споры о томъ, кто лучше и дѣловитѣе,—великороссы, или малороссы. Я съ полною горячію стоялъ за великороссовъ, а онъ за малороссовъ, и мы не хотѣли уступать одинъ другому, и наши споры длились нескончаемыми словоизліціями, не приводя насъ къ какому-либо опредѣленному результату. Пужно при этомъ замѣтить, что въ этихъ спорахъ не было и тѣни того украинофильства, мечтающаго о самостійной Украинѣ, какое такъ непріятно заявляетъ себя въ послѣднее время. Пренія были совершенно безобидныя, чуждыя всякой политической окраски, и по мѣрѣ того, какъ студенты, пріѣхавшіе изъ разныхъ странъ, болѣе и болѣе знакомились между собою, они замолкали, и между студентами, великороссами и малороссами устанавливалось полное объединеніе и мирное сожителство, при которомъ не было никакой розни между студентомъ сѣверныхъ и южныхъ губерній, и полная одинаковая дружба между всѣми. Съ Ѳ. Л. Доброленскимъ я болѣе сошелся и сблизился не тогда, когда онъ жилъ со мною въ одномъ номерѣ, а когда онъ принялъ монашество, и жилъ въ отдѣльной комнатѣ, отведенной для студентовъ-монаховъ.

По окончаніи курса академіи, Доброленскій, тогда іеромонахъ Кириллъ, назначенъ былъ преподавателемъ въ Волынскую семинарію, гдѣ кромѣ должности преподавателя на

него возложена была должность эконома. Отсюда онъ переведенъ былъ инспекторомъ въ Смоленскую духовную семинарію. Вслѣдствіе доноса на него, посланнаго въ Петербургъ учениками семинаріи, не провѣреннаго хорошо, онъ лишень былъ должности инспектора, уволенъ отъ духовно-учебной службы и посланъ на жительство въ одинъ изъ монастырей Кіевской епархіи. Ректоромъ Смоленской семинаріи тогда былъ Павелъ, впоследствии экзархъ Грузинъ и архіепископъ казанскій; онъ не приложилъ стараній къ тому, чтобы защитить и оправдать своего инспектора.

Отсюда началась длинная цѣпь искушеній и бѣдъ, обрушившихся на несчастнаго Доброленскаго. Нужна была немалая сила духа, чтобы терпѣливо перенести тяжкія злоключенія, какія встрѣтили Доброленскаго на путяхъ его жизни, и, выстрадавъ ихъ, сохранить рѣдкую бодрость и твердое упованіе на Бога, управляющаго судьбами нашими.

По удаленіи отъ духовно-учебной службы, архимандритъ Кириллъ нѣкоторое время проживалъ въ Кіево-Выдубецкомъ монастырѣ. Кіевскій митрополитъ Арсеній, знавшій его, когда онъ былъ преподавателемъ въ Волынской семинаріи и благоволившій къ нему, принялъ въ немъ участіе. По его ходатайству, онъ назначенъ былъ настоятелемъ въ Пертоминскую обитель Архангельской губерніи, на берегу Бѣлаго моря. Будучи настоятелемъ Пертоминскаго монастыря, онъ, во время голода, посѣтившаго сѣверный край, своею ревностію о помощи голодающимъ возбудилъ неудовольствіе гражданской администраціи и вошелъ съ нею въ столкновеніе. Архангельскій губернаторъ (князь Гагаринъ) выставилъ на видъ петербургскимъ властямъ его дѣйствія, не согласованныя съ мѣропріятіями гражданской администраціей, и представилъ изданное имъ воззваніе о помощи голодающимъ, какъ политическую рекламу, съ превратнымъ толкованіемъ правительственныхъ распоряженій. Въ это воззваніе онъ включилъ излишнюю вставку изъ старыхъ временъ о томъ, что Петръ I взялъ камень и кирпичъ, приготовленный для

построенія храма въ Пертоминскомъ монастырѣ и употребилъ его на построеніе Ново-двинской крѣпости. Указомъ Св. Синода архангельскому архіепископу Наѳанилу предписано было за эту политическую рекламу, съ превратнымъ толкованіемъ правительственныхъ распоряженій паложить взысканіе на архимандрита Кирилла. Послѣ неприятностей, испытанныхъ Кирилломъ въ Пертоминскомъ монастырѣ, онъ былъ переведенъ въ Крестный монастырь, основанный Никономъ. Въ этомъ монастырѣ его удручала крайняя бѣдность монастыря, не могшаго оправиться послѣ постигшаго его пожара въ 1855 году, а съ другой стороны раздражала безпорядочная жизнь тамошнихъ монаховъ. Пробывъ въ Крестномъ монастырѣ три года, онъ подалъ заявленіе, что не можетъ долѣе жить въ этомъ монастырѣ, среди монаховъ, не отвѣчающихъ своему званію. Послѣ этого его послали въ число братіи Пертоминскаго монастыря, гдѣ онъ прежде былъ настоятелемъ, а оттуда перевели въ Оптину пустынь Калужской губерніи, подъ руководство оптинскихъ старцевъ. Оптинскіе старцы дали о немъ и его поведеніи неблагопріятный отзывъ, и онъ (28 августа 1872 года) лишенъ былъ архимандричьяго и монашескаго сана и обращенъ въ свѣтское званіе, съ правами по происхожденію, но безъ всякихъ пріобрѣтенныхъ имъ преимуществъ по образованію и безъ права опредѣленія на гражданскую службу, и архимандритъ Кириллъ сталъ опять Ѳеофаномъ Леонтьевичемъ Доброленскимъ. Много горя и лишеній пришлось перенести ему, когда онъ, съ лишеніемъ сана и монашескаго званія, лишенъ былъ всякихъ средствъ къ жизни. Скитался онъ изъ одного мѣста въ другое, ища средствъ для содержанія себя,—первоначально опредѣлился писцомъ въ контрольную палату въ Казани, потомъ брался за управленіе чужими имѣніями, занимался письмоводствомъ въ земскихъ управахъ. Къ большому отягченію своему, не имѣя обезпеченнаго положенія, онъ вступилъ еще въ бракъ, и долженъ былъ заботиться о пропитаніи не себя, но и своего семейства.

Когда онъ находился въ такомъ тяжеломъ положеніи (что продолжалось около десяти лѣтъ), его не оставляла мысль о возстановленіи своей чести и объ улучшеніи своей участи, и онъ много хлопотъ предпринималъ для этой цѣли. Имъ подано было всеподданнѣйшее прошеніе на Высочайшее имя, (оно не сразу было повергнуто на благовоззрѣніе Государя Императора), въ которомъ онъ, указывая на то, что съ него сняли санъ безъ суда и слѣдствія, просилъ о возвращеніи ему правъ по воспитанію и образованію. Всемилостивѣйшею резолюціею Государя Императора Александра III (26 мая 1881 года) возвращены были ему эти права, и онъ получилъ возможность поступить на государственную службу. Онъ просилъ себѣ мѣста въ томъ же вѣдомствѣ, въ которомъ прежде состоялъ, то-есть, въ духовно-учебномъ. Участіе принялъ въ его положеніи Оберъ-Прокуроръ Св. Синода Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ (супруга его знала Доброленскаго, когда онъ былъ инспекторомъ Смоленской семинаріи), и онъ былъ опредѣленъ преподавателемъ въ Томскую духовную семинарію, гдѣ пробылъ четыре года. Преосвященный томскій Владиміръ (Петровъ), впоследствии архіепископъ казанскій, далъ о немъ такой отзывъ: „счастливы были бы наши семинаріи, если бы въ каждой изъ нихъ было по одному или по два такихъ преподавателей, каковъ Теофанъ Доброленскій“. Получивъ такую лестную аттестацію, О. Л. Доброленскій перешелъ на службу въ Полтавскую семинарію, и здѣсь выслужилъ полный срокъ семинарской службы, дающій право на пенсію. Въ 1908 г. онъ вышелъ въ отставку и нынѣ получаетъ пенсію. При назначеніи ему пенсіи, къ лѣтамъ службы его по возвращеніи ему правъ по образованію присчитаны были и тѣ годы, когда онъ въ иноческомъ чинѣ служилъ въ семинаріяхъ Волынской и Смоленской, такъ что онъ получаетъ усиленную пенсію (900 рублей).

Изрипутый изъ монашескаго чина, онъ, и будучи свѣтскимъ человѣкомъ, любитъ привнать въ монастыряхъ, поль-

зуюсь расположеніемъ многихъ архипастырей. Въ настоящее время онъ проживаетъ въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, гдѣ завѣдуетъ бібліотекою и читальнею.

Третій студентъ, принявшій иночество въ студенческой періодъ,—Мелетій (Андріевскій), изъ вдовыхъ священниковъ. Служилъ онъ первоначально въ Вильнѣ, если не ошибаюсь, смотрителемъ духовнаго училища, и списалъ благорасположеніе Макарія, архіепископа литовскаго. Съ переводомъ Макарія на митрополичью кафедру въ Москву, перешелъ въ Московскую епархію и Мелетій, и былъ настоятелемъ Серпуховскаго, а потомъ одного изъ московскихъ монастырей,—скончался скоропостижно, въ припадкѣ нервного разстройства.

Очень скоро, по окончаніи академическаго курса, въ первый годъ службы принялъ иночество Александръ Горностаевъ, нареченный въ иночествѣ Гавріиломъ. Онъ былъ сынъ рязанскаго протоіерея. Съ полною симпатією всѣ отнесли къ этому юношѣ гнѣзной и благородной души, и путь иноческій избралъ онъ по глубокому религіозному убѣжденію. Первоначально онъ служилъ смотрителемъ Кіево-Подольскаго духовнаго училища. Но съ духовно-учебной службы увлекъ его на Востокъ архимандритъ Петръ, бывшій прежде ректоромъ Кіевской семинаріи, впоследствии епископъ аккерманскій, назначенный настоятелемъ русской духовной миссіи въ Константинополь. По его убѣжденію, отецъ Гавріиль (Горностаевъ) принялъ мѣсто помощника настоятеля миссіи въ Константинополь. Черезъ это напрасно отнять былъ у духовно-учебнаго вѣдомства прекрасный, умный и религіозно-настроенный дѣятель, который много могъ бы принести пользы, если бы не оставлялъ духовной школы, къ которой первоначально онъ былъ приставленъ. Я лично не совѣтовалъ ему принимать предложенія отца Петра. Но его увлекалъ православный греческій Востокъ, съ которымъ онъ желалъ поближе познакомиться, живя среди тамошняго клира. Кромѣ того онъ былъ человѣкъ очень любознательный. Отправляясь на Востокъ, онъ думалъ, что онъ будетъ имѣть

тамъ много свободнаго времени, которымъ можетъ воспользоваться для обогащенія себя познаніями, и при этомъ говорилъ, что онъ всѣ лишнія деньги будетъ употреблять на приобрѣтеніе полезныхъ книгъ. И дѣйствительно, живя въ Константинополѣ, онъ всецѣло погруженъ былъ въ научныя занятія. Я какъ-то имѣлъ случай, по дѣламъ редакціоннымъ, писать архимандриту Антонину (Капустину), смѣнившему Петра на мѣстѣ настоятеля русской духовной миссіи въ Константинополѣ, впоследствии знаменитому настоятелю русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, и въ своемъ письмѣ къ нему между прочимъ спрашивалъ его, какъ живеть и чѣмъ занимается мой товарищъ отецъ Гавріилъ. „Отецъ Гавріилъ (отвѣчалъ мнѣ о. Антонинъ) изучаетъ *всѣ* науки, *многія* искусства и *нѣкоторыя* ремесла“. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, я, по порученію ректора академіи Филарета, предлагалъ ему снова перейти на духовно-учебную службу, при чемъ, со словъ ректора академіи, сообщилъ ему, что ему желали бы предоставить мѣсто ректора въ Волынской семинаріи. Но онъ не принялъ этого предложенія. Кажется, тогда, когда послѣдовало это предложеніе, у него открылись признаки тяжелой болѣзни, грознаго развитія которой онъ боялся. У него оказалась чахотка, которая, сравнительно въ молодыхъ годахъ, свела его въ могилу. Для укрѣпленія своего здоровья и для борьбы съ зловѣщею болѣзнію онъ изъ Константинополя отправился въ Самарскую губернію на кумысь, и здѣсь, гдѣ надѣялся найти облегченіе отъ болѣзни, нашелъ смерть.

Принялъ монашество, скоро по окончаніи курса, Василій Михайловичъ Смирновъ, калужанинъ родомъ: въ монашествѣ нареченъ онъ былъ Веніаминомъ. Смиранный и непритязательный, тихій и дружелюбный, онъ кончилъ курсъ не высоко (подъ 32 №), и вступилъ въ жизнь съ самыми скромными желаніями и чаяніями, но Господь за его смиреніе, превознесъ его предъ всѣми товарищами. Не надѣясь скоро получить мѣсто на духовно-учебной службѣ, онъ хотѣлъ поступить въ сельскіе священники, и намѣтивъ себѣ

опроставшееся священническое мѣсто въ одномъ мѣстечкѣ Кіевской епархіи, искалъ этого мѣста, и даже дѣлалъ предложеніе одной достойной барышнѣ, дочери заслуженнаго кіевскаго протоіерея, — но получилъ отъ нея отказъ, не потому впрочемъ, чтобы онъ не правился, а потому, что ей не хотѣлось быть женою сельскаго священника. На службу онъ назначена былъ въ Воронежское духовное училище, гдѣ былъ преподавателемъ и инспекторомъ или помощникомъ смотрителя. Слухи доходили изъ Воронежа до Кіева, что онъ и въ Воронежѣ дѣлалъ покушеніе на устроеніе семейнаго очага, но опять неудачно. Въ этихъ неудачахъ онъ увидѣлъ указаніе воли Божіей къ избранію новаго пути жизни, и онъ съ покорностію послѣдовалъ усмотрѣнному имъ указанію воли Божіей, и добръ подвизался на открывшемся предъ нимъ новомъ поприщѣ дѣятельности. По принятіи монашества Василій Смирновъ въ иночествѣ Веніаминъ, служилъ инспекторомъ семинаріи въ Черниговѣ, гдѣ я посѣщалъ его въ 1863 году, остановившись на короткое время въ Черниговѣ проездомъ въ Москву и Владимірѣ, потомъ ректоромъ Донской семинаріи. Живя въ Новочеркасскѣ, отецъ Веніаминъ писалъ мнѣ, что преосвященный архіепископъ Донскій и Новочеркасскій Платонъ, въ послѣдствіи митрополитъ Кіевскій, все побуждаетъ его искать степени магистра, но что онъ, сознавая свои силы, затрудняется послѣдовать его совѣту. Послѣ онъ былъ епископомъ острогѣжскимъ, оренбургскимъ, а потомъ воронежскимъ. Строгий монахъ, преданный началамъ православія и ревностно соблюдавшій церковные уставы, еще до принятія монашества, справедливый и ко всѣмъ доброжелательный, корректный администраторъ, онъ вездѣ, куда ни былъ призванъ на служеніе, возбуждалъ къ себѣ симпатіи и пользовался полнымъ уваженіемъ. Въ Воронежѣ, гдѣ нашель онъ христіанскую кончину, его всѣ любили и признавали его, какъ говорилъ мнѣ одинъ воронежець, святителемъ не только добрымъ и справедливымъ, но и праведнымъ.

Проф. *Василій Пивницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 27-го апрѣля 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 19.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года мая 9-го дня.

Содержаніе: I. Изъ жизни современной деревни. Свящ. В. Пестряковъ.—
II. Что думать о лицѣ Іисуса Христа. (Окончаніе)? Перев. Н. П.
Селивановской.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В.
Пѣвницкій.

Изъ жизни современной деревни.

Въ концѣ прошлаго года вышла въ свѣтъ замѣчатель-
ная книга неизвѣстнаго дотолѣ писателя И. А. Родіонова:
„Наше преступленіе“, рисующая жизнь современной деревни.
Какой огромный успѣхъ имѣетъ книга, видно изъ того, что
въ началѣ настоящаго года она вышла уже четвертымъ из-
даніемъ. Успѣхъ книги, когда даже недавніе „властители
думъ“ не находятъ сбыта своимъ произведеніямъ, нужно
признать рѣдкимъ и, къ слову, вполне заслуженнымъ.

Мы не будемъ касаться художественныхъ и литератур-
ныхъ достоинствъ книжки, хотя они несомнѣнны; важнѣе
для насъ ея содержаніе, такъ необходимое въ настоящее
время. Въ параллель съ этой книгой можно бы поставить
развѣ сборникъ „Вѣхи“. Какъ „Вѣхи“ дѣлаютъ попытку

сказать правдивое слово о русской интеллигенціи, такъ „Наше преступленіе“ дѣлаетъ то же въ отношеніи деревни и народа, съ той разницей, что въ „Нашемъ преступленіи“ это выполнено въ повѣствовательной формѣ, несравненно сильнѣе, выразительнѣе, чѣмъ въ „Вѣхахъ“.

И по личнымъ наблюденіямъ въ послѣдніе годы, по ежедневнымъ газетнымъ сообщеніямъ и статьямъ, равно и по художественной литературѣ всякій могъ видѣть и убѣдиться, что міросозерцаніе народа, выработанное вѣками, укладъ и вѣковые устои народной жизни колеблются въ самыхъ своихъ основаніяхъ.

Происходящій въ народномъ сознаніи процессъ, какъ мы сказали, уже отмѣченъ въ нашей художественной литературѣ, (напр., у Горькаго); но тамъ все это подносилось всего чаще подъ особымъ соусомъ: мрачнымъ отталкивающимъ явленіямъ придавалась своя окраска, порокъ и паденіе до самыхъ низинъ представлялись какъ геройство, и подвигъ, какъ заря „новыхъ дней“, а конечные выводы изъ новыхъ настроеній и переживаній народа замалчивались. Такая литература не только не врачевала, но развращала общество и народъ, и чѣмъ художественнѣе и талантливѣе она была, тѣмъ больше былъ приносимый ею вредъ и развращеніе. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мало мы видѣли въ послѣднее время, какъ люди съ талантомъ,—этимъ высшимъ Божьимъ даромъ,—рисовали въ заманчивыхъ краскахъ порокъ и преступленіе не съ цѣлью только изобразить жизнь, но съ очевидной тенденціей прививать пороки обществу, и развѣ очевидная дѣйствительность не говоритъ о томъ, какъ пагубно было вліяніе такой литературы на общество, народъ и особенно воспримчивую молодежь?

Книга Родіонова не такова. Смѣло, не боясь лѣвой критики, съ ея избитыми трафаретами, какъ мужественный человекъ и честный писатель-гражданинъ, вскрываетъ г. Родіоновъ язвы современной деревни и даетъ имъ надлежащее имя и оцѣнку; онъ далекъ отъ идеализаціи народа, не пря-

чется отъ дѣйствительности, не скрываетъ тѣхъ ужасовъ, какими полна жизнь деревни въ послѣднее время, но онъ и не отчаявается: какъ ни велико разложеніе деревни—она еще не погибла, „нужна лишь скорая безотлагательная помощь народу, нужна лихорадочная работа на благо меньшему брату“. Вся книга Родіонова проникнута горячей любовью къ Россіи; въ каждой строкѣ его произведенія слышно біеніе горячаго русскаго сердца.

„Народъ спился, одичалъ, озлобился, не умѣетъ и не хочетъ трудиться... Если во время не притти къ нему, то исходъ одинъ—бездна, провалъ, дно“—вотъ основная мысль всей книги.

Такъ какъ нравственность находится въ самой тѣсной связи съ религіей, то естественно, что упадокъ нравственности порождается прежде всего упадкомъ въ народѣ религіознаго настроенія. Невѣріе въ основныя христіанскія истины, или атеизмъ,—въ прежніе годы достояніе нѣкоторой части русской интеллигенціи, въ послѣдніе годы сталъ проникать и въ народъ, производя нравственное опустошеніе, оставляя въ индивидуумѣ только дикіе инстинкты разнузданнаго звѣря. Двухъ представителей деревенскаго атеизма рисуетъ намъ Радіоновъ въ своей книгѣ—въ лицѣ крестьянскихъ парней—Лобова и Сашки.

— А не все ли равно, што человѣкъ, што собака, поспѣшно спросилъ Лобовъ, переворачиваясь на нарахъ лицомъ къ Рыжову.

— Извѣстно, все едино,—подтвердилъ Сашка.—Одинъ чертъ... подохнуть, одна падалъ останется.

— Нѣтъ, не все едино: у человѣка-то душа, а у собаки души нѣту-ти...

— А ты видалъ человѣчью душу?—возбужденнымъ голосомъ опять поспѣшно спросилъ Лобовъ.

— Душу никто не видалъ. Богъ ее даетъ, Богъ и отнимаетъ.

— А ты Бога видѣлъ?—уже съ азартомъ приставалъ Лобовъ.

Это былъ его конекъ. Въ деревнѣ за кощунственныя и богохульныя рѣчи его прозвали „блажнымъ“.

— Бога никто не видалъ.

— Такъ и не говори, разъ не видалъ. Нѣтъ Бога. Какой тамъ Богъ? Разъ не видалъ никто, значить, Его нѣтути. Нонче только дураки въ Бога вѣрятъ.

— Да ты чего, Федоръ,—вставилъ свое замѣчаніе Сашка, ты думаешь живешь—живешь, ѣшь, ѣшь, помрешь, и еще потомъ твоя душа жить будетъ?

— А какъ же. И отвѣтъ Богу за свои дѣла понесу...

— Вотъ што собака, што мы всѣ, подохнемъ и дѣлу конецъ.

— Никакого Бога, никакой Божьей Матери нѣтъ...

Мы выписываемъ изъ книги только болѣе спокойныя строки изъ рѣчей Лобова, характеризующія современныхъ деревенскихъ невѣровъ, и выпускаемъ другія его „мерзѣйшія ругательства, которыя легко и свободно выплевываетъ это двуногое животное.

Невѣріе и равнодушіе къ вѣрѣ отъ единицъ постепенно распространяется и на деревенскую массу, совершая тамъ свое разрушительное дѣло.

„Въ городкѣ, (гдѣ происходятъ событія, описываемыя Радіоновымъ), гостила чтимая мѣстнымъ населеніемъ икона; сюда съѣхались богомольцы, хотя и далеко не въ такомъ большомъ количествѣ, какъ съѣзжались лѣтъ 15—20 назадъ. Тогда на поклоненіе поднимался старъ и младъ, теперь одни старики да бабы; мужиковъ зрѣлыхъ лѣтъ было очень мало, а одичавшая развращенная, спившаяся деревенская молодежь совсѣмъ отсутствовала (126).

Особенно яркими красками рисуетъ Радіоновъ вѣковой русской недугъ—пьянство. Въ пьяномъ угарѣ компанія парней убиваетъ своего односельчанина, дѣлового степеннаго мужика, ничего злого имъ не сдѣлавшаго. Пьянствуютъ ста-

рые и малые, не отстають отъ мужей жены. „Ошалѣвшіе въ праздникъ отъ вина отцы напайвали своихъ малолѣтнихъ дѣтей и тѣшили ихъ опьяненіемъ“. Народный разгулъ особенно широкіе размѣры принимаетъ въ дни храмовыхъ и другихъ большихъ праздниковъ.

Вотъ какъ изображаетъ деревню въ одинъ изъ такихъ праздниковъ Родіоновъ. „Пьяны были всѣ поголовно, исключая дряхлыхъ стариковъ да грудныхъ младенцевъ. Пьянъ былъ и урядникъ, пьянъ и десятскій, пьяны и патрульные изъ мужиковъ... непреоборимый соблазнъ сокрушилъ даже власти, призванныя, по долгу службы, наблюдать за порядкомъ... Казалось, всѣ эти люди вдругъ заболѣли острымъ помѣшательствомъ и вмѣсто степенной рѣчи, во все горло выкрикивали непотребныя слова, точно всѣ другія ими забыты и только одними ими они выражали и радость, и злобу, и дружескій привѣтъ и смертельную угрозу“ (229).

До какого одичанія и нравственнаго паденія можетъ дойти человѣкъ, какія чудовищныя преступленія совершаются въ деревнѣ—этому посвящены многія страницы разсматриваемой книги.

„Въ храмовой праздникъ черноземцы не ударили лицомъ въ грязь, оправдали укоренившуюся въ послѣдніе годы въ деревняхъ поговорку: „безъ мертваго тѣла ни одинъ праздникъ не обходится“. На утро оказался одинъ черноземецъ зарѣзаннымъ на смерть, другого, съ проломленнымъ черепомъ, въ безсознательномъ состояніи отвезли въ больницу (231).

Неуваженіе къ родителямъ, отсутствіе жалости къ человѣку, злобная зависть къ имущимъ—таковы печальныя явленія деревенской жизни. Въ одномъ мѣстѣ своей книги (148) Родіоновъ рассказываетъ, какъ убійцы—деревенскіе парни—издѣваются надъ несчастной женой убитаго; въ другомъ мѣстѣ какъ крестьянинъ избиваетъ до крови свою старуху мать за ея упреки сыну въ пьянствѣ (226); въ третьемъ,—убійцы, только что оправданные судомъ, избиваютъ старуху мать убитаго ими (424); въ четвертомъ—деревен-

ская щеголиха вслухъ и открыто предъ всѣми мечтаетъ о томъ, какъ она своему „корявому“ мужу подсыплетъ въ чай горсть мышьяку (424).

Какъ ни печальна и ужасна картина, нарисованная г. Родіоновымъ въ его скорбной книгѣ, но и въ ней все же проскальзываютъ свѣтлые лучи, доказывающіе, что не со-всѣмъ еще развращена и не въ конецъ погибла деревня, есть еще въ ней добрые люди. Таковъ прежде всего Иванъ, хозяйственный, добрый мужикъ, трезвый, трудолюбивый, добрый семьянинъ, въ предсмертной мукѣ, въ рѣдкія минуты созна-нія, мучающійся за судьбу своей жены. Таковы его жена и мать Прасковья, волнуемая тѣмъ, исполнилъ ли ея без-временно загубленный сынъ христіанскій долгъ исповѣди.

Не дурень крестьянинъ Леонтій, женившійся на люби-мой дѣвушкѣ, больной чахоткой. Годъ спустя Марьюшка ро-дила ему сына, а еще черезъ полгода скончалась. За краси-ваго молодого вдовца непьющаго, съ достаткомъ, каждая дѣвка въ околоткѣ не прочь была выйти замужъ. Отецъ и мать хлопотали снова женить Леонтія, но когда упрашивали его ѣхать свататься, онъ такъ раздражался, какъ если бы ему наносили кровное оскорбленіе.

— Одно солнце на небѣ, одна любовь въ сердцѣ,—го-вариваль онъ. Закатилось мое солнышко,— видно такъ Богъ судилъ, а другое меня не обогрѣетъ (190). Но и этотъ сте-пенный мужикъ, бывший для своего единственнаго ребенка и матерью и нянькой, служившій для крестьянъ односельцевъ примѣромъ чистоты жизни, началъ понемногу пить, къ ре-бенку сталъ относиться все суровѣе и строже и за малѣй-шую оплошность билъ жестоко...

Но всѣ эти лица, всѣ эти искорки добра все же не со-грѣваютъ общей картины мрачной и грустной и особенно жизни молодежи. Обращаясь къ присяжнымъ, прокуроръ дѣ-лаетъ такую характеристику современной деревенской моло-дежи. „Скажите вы, пожилые люди, похожа ли теперешняя молодежь на васъ? дѣти ваши такія ли, какими были вы 20—

30 лѣтъ назадъ? Нѣтъ, они не таковы теперь. Въ ваше время была крѣпка вѣра въ Бога, крѣпка семья, незыблемъ родительскій авторитетъ; тогда боялись и почитали властей. То ли теперь? Къ сожалѣнью, совсѣмъ не то. Мальчишки поднимають руку на собственныхъ родителей. Теперешніе деревенскіе юноши и подростки не посѣщаютъ переквей, родительскаго авторитета не признають, прежній страхъ передъ властями пропалъ. Деревня одичала и озвѣрѣла, и всего больше одичала и озвѣрѣла молодежь, особенно въ послѣдніе два года послѣ смуты, когда хулиганскіе разбойничьи нравы стали считаться въ средѣ молодежи какимъ-то молодечествомъ, достойнымъ подражанія“ (329).

Таковы черты деревенской жизни по изображенію Родіонова. Къ сожалѣнью, въ его книгѣ не находимъ мы яркаго и полнаго выясненія того, что же привело деревню къ тому печальному состоянію, въ какомъ она находится, какія причины привели къ тѣмъ ужасамъ, какія въ ней совершаются. Нѣкоторую попытку къ этому, въ освободительномъ духѣ, дѣлаетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ рассказѣ—адвокатъ, за пять радужныхъ явившійся въ судъ защищать убійць. „Надо, говорить онъ въ своей защитительной рѣчи, оздоровить жизнь. Надо направить всѣ силы, все разумѣніе, всѣ средства къ тому, чтобы облагородить, очеловѣчить эту жизнь въ самомъ быту, въ самой первой, но и самой важной ячейкѣ—въ семьѣ. А для этого въ первую голову—водка безъ пощады за бортъ. Безъ этого начала ничто не поможетъ, объ это страшное начало разобьются всѣ самыя благородныя, самыя геніальныя начинанія, и мы, русскіе, навѣки вѣковъ останемся пьянымъ, преступнымъ народомъ, позоромъ челоуѣчества...“

Второе столь же важное условіе для оздоровленія темной крестьянской жизни—это побольше свѣта, побольше знаній. Главный виновникъ всего нашего уродства, всего нашего нестроенія—отжившій правительственный строй держалъ народъ въ темнотѣ, душилъ въ челоуѣкѣ всякую само-

стоятельную мысль, всякое стремленіе къ знанію и просвѣщенію“... Мысли краснорѣчиваго оратора однако не рѣшаютъ вопроса. Далеко не самый пьяный мы народъ, такъ какъ въ отношеніи потребленія вина Россія занимаетъ седьмое мѣсто. У народовъ, болѣе насъ пьющихъ, мы не видимъ той нравственной распущенности и дикости, какія все чаще встрѣчаются у насъ. Не меньше пила Русь и прежде; меньше въ ней было просвѣщенія и знанія въ прежніе старые годы, но не было того разложенія, какое видимъ теперь, и едва ли есть основаніе въ переживаемыхъ нами бѣдствіяхъ обвинять режимъ.

Отъ выясненія причинъ духовнаго разоренія и развращенія деревни самъ авторъ уклоняется. „Не моя задача, пишетъ онъ въ предисловіи къ своей книгѣ, перечислять причины, приведшія насъ къ такому печальному, ужасному положенію; но есть одна, на которую неоднократно указывалось въ печати, и которую я не могу обойти молчаніемъ. Причина эта разобщеніе русскаго культурнаго класса съ народомъ. Народъ брошенъ и безпомощный, невѣжественный, предоставленъ собственной бѣдной судьбѣ“. Причина эта важна и заслуживаетъ вниманія, но требуетъ не мало поясненій и оговорокъ. Кого, на примѣръ, нужно разумѣть подъ культурнымъ классомъ? Атеисты, пропагандисты, бомбометатели, порнографы, насадители лигъ любви и тому подобная нечисть—все вѣдь они считаютъ себя носителями культуры; недостатка въ общеніи съ народомъ въ послѣдніе годы у нихъ не было, только что оно дало народу и къ чему привело? Чѣмъ дальше такіе культуртрегеры будутъ стоять отъ народа тѣмъ лучше, тѣмъ слабѣе будетъ идти и самое разложеніе деревенской жизни.

Какъ бы то ни было, но книга Родіонова составляетъ крупное литературное произведеніе послѣдняго времени, съ которымъ не лишне познакомиться всякому. Для однихъ она интересна, какъ бытовая правдивая картина деревенской жизни переживаемаго нами лихолѣтья. Для другихъ она почи-

тельна, какъ средство для повѣрки теоріи, показывающее, до какого ужаса можетъ дойти человѣкъ. Честнымъ работникамъ на нивѣ народной, любящимъ родину и народъ, книга Родіонова придастъ силу, заставить пріободриться, чтобы и съ удвоенной энергіей понести нелегкій трудъ на благо младшаго брата, понести туда, „во глубину Россіи“ миръ, свѣтъ и знанія, ибо время не стоитъ, дорогъ каждый часъ.

Не бесполезно эту книгу прочитатъ и сельскому духовенству. Оно стоитъ въ центрѣ деревенской жизни, изо дня въ день тянется его религіозно-просвѣтительная работа, а вмѣстѣ и нелегкая борьба съ деревенской тьмой. Отъ частаго наблюденія нерѣдко и у энергичныхъ борцовъ притупляются чувства къ воспріятію того зла, какое царитъ вокругъ; даже сильные и крѣпкіе духомъ люди слабѣютъ, и если не примиряются, то привыкаютъ къ тому, что ежедневно приходится наблюдать. Необходимо и полезно въ такихъ случаяхъ, чтобы талантъ яркимъ пламенемъ освѣтилъ не только частности, но и общую картину жизни, а это и дѣлаетъ Родіоновъ своей книгой.

Свящ. В. Пестряковъ.

Что думать о лицѣ Іисуса Христа?

(Окончаніе ¹⁾).

Второе, что намъ бросается въ глаза въ Іисусѣ, это Его безгрѣшность. Его жизнь осталась чистой отъ всѣхъ грѣховъ. Онъ могъ спросить Своихъ враговъ: „Кто между вами можетъ обличить Меня въ грѣхъ?“ и они должны были умолкнуть. И въ настоящее время Онъ можетъ задать такой же вопросъ. На образѣ Его нельзя открыть ни одного пятна. Какъ были бы рады тѣ, которые осудили Іисуса на смерть, если бы они могли найти въ Немъ что-нибудь дурное и

¹⁾ См. № 18-й за 1910-й г.

тѣмъ самымъ облегчить свою совѣсть, обвинявшую ихъ, какъ убійць Праведника. И однако они одинъ за другимъ должны были давать свидѣтельство о невинности Иисуса. Каиафа за время долгаго допроса не нашелъ ничего, за что можно было бы осудить Иисуса. Иуда, который въ продолженіе трехъ лѣтъ странствовалъ съ Иисусомъ и, значить, долженъ былъ Его очень хорошо знать, воскликнулъ: „Я дурно совершилъ, предавши невинную кровь“. Понтій Пилать неоднократно повторяетъ: „я не нахожу въ немъ никакой вины“. Начальникъ, командовавшій солдатами, которые распинали Иисуса и видѣвшій самъ, какъ Иисусъ переносилъ Свои ужасныя страданія, призналъ: „воистину, это былъ праведный человекъ и Сынъ Божій“. Синедрионъ также зналъ еще до осужденія, что Иисусъ невиненъ; поэтому-то онъ выставилъ ложныхъ свидѣтелей, которые должны были исказить слова Иисуса и выставить поступки Его подозрительными. Но ихъ обвиненія падали сами собою, такъ что Ему не было нужды защищать Себя. Никакая грязь не могла пристать къ Его святой личности. Въ настоящее время также существуютъ люди, пытающіеся отрицать нравственную чистоту личности Иисуса и отыскивать въ Его словахъ и поступкахъ что-нибудь нехорошее. Но защищать Иисуса отъ нихъ нѣтъ необходимости. Ихъ нападки безрезультатны. Тѣ люди своимъ поведеніемъ даютъ о самихъ себѣ весьма печальное свидѣтельство. Они доказываютъ, что они не лучше тѣхъ первосвященниковъ и лжесвидѣтелей, людей, заклеившихъ себя на вѣчныя времена. Безгрѣшность Иисуса блистательнѣе всего проявляется во время Его страданій. Никто никогда не испытывалъ на себѣ такой постыдной неблагодарности, такого безстыднаго лицемѣрія, такой возмутительной жестокости, какую испыталъ Иисусъ. Какой человекъ, испытавши хоть десятую часть того, что претерпѣлъ Иисусъ, не раздражился бы и не вспылалъ бы хоть разъ? Онъ сохранилъ Свою любовь, Свое терпѣніе, Свое величіе до самой смерти. Иисусъ Самъ сознавалъ Свою безгрѣшность. Онъ постоянно указывалъ

Своимъ ученикамъ на ихъ грѣхи и уговариваль ихъ просить прощенія у Бога; Самъ же Онъ никогда не просиль у Бога о прощеніи Своихъ грѣховъ.

Обыкновенно говорятъ: гдѣ много свѣта, тамъ и много тѣни. Именно у великихъ людей легче всего замѣтить недостатки. Это относится также къ великимъ людямъ Библии, къ Аврааму, Моисею, Петру и Павлу. Библия не занимается прикрашиваніемъ, она открыто указываетъ на грѣхи этихъ людей. Только у одного Иисуса нельзя найти ни одного пятнышка. Кто же однако этотъ Иисусъ изъ Назарета? Выше ли Онъ другихъ людей? Сила Его любви и Его безгрѣшность позволяютъ намъ подозрѣвать это. На это также указываютъ нѣкоторыя изъ Его изреченій въ Евангеліи.

Тебѣ знакомы, конечно, эти прекрасныя слова: „Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“ (Мѣ. 11, 28). Можетъ быть, даже это—любимое твое изреченіе. Но обыкновенное ли это слово? Знаешь ли ты человѣка, который бы осмѣлился произнести подобное изреченіе? Если бы такъ говорилъ могущественнѣйшій князь или богатѣйшій миллионеръ, мы бы подумали: вѣдь они не могутъ даже устранить, нищету, какъ же они хотятъ успокоить тѣхъ, которые чувствуютъ себя отягченными грѣхами, или тѣхъ, которые въ болѣзни и старости жалуются на страданія“? Однако мы не удивляемся Иисусу, когда Онъ говоритъ: „Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“. Да, и въ настоящее время тысячи тысячъ труждающихся и обремененныхъ свидѣтельствуютъ о томъ, что имъ даровано было успокоеніе, какъ только они обращались къ Иисусу.

Также необыкновенно звучать слова: „Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня“ (Мѣ. 10, 37). Можетъ ли требовать человѣкъ, чтобы мы его любили больше, чѣмъ тѣхъ, съ которыми мы связаны тѣсными узами кровнаго родства? Я думаю, что только Богъ имѣетъ право требовать отъ насъ такой любви. Считаль ли Себя Иисусъ Богомъ?

Я напоминаю далѣе величественное пророчество о страшномъ судѣ (Мѣ. 25), гдѣ Иисусъ повѣтствуетъ о томъ, что Онъ отдѣлитъ овецъ отъ козловъ, и что окончательное осужденіе будетъ зависетьъ отъ той любви, которую мы Ему оказывали въ меньшихъ братьяхъ. Осмѣлится ли такъ говорить простой человѣкъ? Не было ли бы это величайшимъ самопревозношеніемъ?

Господь сказалъ еще: „Гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди нихъ“ (Мѣ. 18, 20),—эти слова звучали бы непонятно въ устахъ простаго человѣка.

А теперь вспомни о томъ, какъ осудилъ Его синедрионъ. Первосвященникъ спросилъ Иисуса подъ клятвою: „Заклинаю тебя Богомъ живымъ, скажи намъ, ты ли Христось, Сынъ Божій“, а Иисусъ въ этотъ страшный часъ, когда смерть смотрѣла Ему въ глаза, отвѣтилъ: „ты сказалъ“. Существовало, правда такое мнѣніе, будто мы всѣ—дѣти Божіи, и что потому Иисусъ, будучи даже простымъ человѣкомъ, имѣлъ право назвать Себя Сыномъ Божіимъ. Но Онъ, какъ бы желая показать, что Его слова не слѣдуетъ понимать такъ, прибавилъ: „отнынѣ узрите Сына Человѣческаго сидящаго одесную силы, грядущаго на облакахъ небесныхъ“ (Мѣ. 26, 64). На библейскомъ языкѣ это можетъ значить только то, что отнынѣ Онъ будетъ править цѣлымъ міромъ и придетъ второй разъ—судить живыхъ и мертвыхъ. Можетъ ли кто-либо, считающій себя обыкновеннымъ человѣкомъ, такъ говорить?

Я могъ бы еще указать много подобныхъ изреченій, гдѣ Иисусъ говоритъ съ особеннымъ значеніемъ о Богѣ, какъ о Своемъ Отцѣ. Онъ говоритъ про Себя, что Онъ выше храма, выше Соломона и Іоны. Онъ называетъ Себя Господомъ, Тѣмъ, Которому дана вся власть на небѣ и на землѣ. Онъ связываетъ отпущеніе грѣховъ со Своей личностью и придаетъ Своимъ словамъ вѣчную цѣнность: „Небо и земля прейдутъ, но слова Мои не прейдутъ“ (Лука 22, 23).

Надо замѣтить, что я совершенно оставилъ безъ вниманія рѣчи изъ Іоаннова Евангелія. Тамъ почти въ каждой

главѣ можно найти изреченія, показывающія, что Иисусъ ясно сознавалъ то, что Онъ болѣе, чѣмъ человѣкъ. Онъ говоритъ, напримѣръ: „Я и Отецъ одно“ (гл. 10, 30), „Прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь“ (гл. 8, 58), „Я есмь воскресеніе и жизнь“ (гл. 11, 25). Я не указывалъ на эти слова потому, что часто оспаривается, хотя и безъ достаточныхъ основаній, что Иисусъ дѣйствительно произносилъ рѣчи, содержащіяся въ Евангеліи отъ Іоанна. Я привелъ только изреченія изъ первыхъ трехъ Евангелій, и именно тѣ изреченія, которыхъ, насколько, мнѣ извѣстно, ни одинъ разумный изслѣдователь не отрицаетъ, какъ происходящія именно отъ Иисуса,—для того, чтобы каждый могъ ясно увидѣть, что Иисусъ, по Его же собственнымъ словамъ, считалъ Себя болѣе, чѣмъ человѣкомъ.

Произнесенныя устами простого человѣка, эти слова казались бы фантазерствомъ, даже болѣе—безумствомъ. Въ нѣкоторыхъ, враждебныхъ христіанству, сочиненіяхъ указывается также, что Иисусъ, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы Своей жизни, былъ не вполне нормаленъ. Но авторы такихъ сочиненій осмѣливаются, большею частью, только лишь намекать на это. Ихъ собственная совѣсть говоритъ имъ, что если кто-либо оставался до самой смерти при ясномъ и полномъ сознаніи, то это былъ именно Иисусъ.

Но кто же таковъ Иисусъ Назарянинъ? Чѣмъ больше углубляешься въ Его личность, тѣмъ загадочнѣе и необъяснимѣе кажется намъ она, тѣмъ яснѣе мы видимъ, что Онъ неизмѣримо превосходитъ прочихъ людей.

Многіе на вопросъ: „Кто былъ Иисусъ Назарянинъ?“ отвѣчаютъ: „Онъ—великій Учитель человѣчества, мудрѣйшій изъ мудрыхъ“. Они восхваляютъ Его изреченія, ихъ истинность, ихъ глубину, ихъ на вѣчныя времена цѣнное значеніе. Безусловно, Онъ—великій Учитель человѣчества. У Него можно безконечно больше научиться, чѣмъ у кого-либо другого. Попробуй внимательно прочесть Его рѣчи, и ты убѣдишься въ этомъ самъ. Но такой отвѣтъ неудовлетвори-

лень. Его любовь, Его безгрѣшность и многія изъ Его изреченій остаются необъясненными. Иисусъ представлялъ изъ Себя нѣчто большее.

Многіе въ наше время говорятъ, что Иисусъ былъ величайшій другъ бѣдняковъ, вождь и заступникъ угнетеннаго народа въ тѣ времена. Никто рѣзче Его не нападалъ на богатыхъ. Но при Его попыткѣ побудить низшіе классы народа къ возстанію, Онъ погибъ вслѣдствіе ненависти власть имущихъ, ибо тогдашнія отношенія еще не созрѣли для подобнаго переворота. Многіе приверженцы социаль-демократіи, которые въ другихъ отношеніяхъ не желаютъ совершенно считаться съ христіанствомъ, питаютъ на основаніи этого нѣкоторое уваженіе къ личности Христа, Они Его называютъ даже первымъ социаль-демократомъ.

Конечно, Онъ былъ величайшій другъ бѣдняковъ, и никто ихъ не любилъ больше, чѣмъ Онъ. Никому они не обязаны столь многимъ, какъ Ему. Во всѣхъ языческихъ странахъ низшіе классы народа находятся въ такой нуждѣ, въ такой нищетѣ, о которыхъ мы даже не можемъ составить себѣ представленія. Но гдѣ только начинаютъ проповѣдывать Христа, тамъ положеніе низшихъ классовъ народа улучшается, чѣмъ больше и тѣмъ больше слѣдуютъ Его словамъ и Его примѣру. Это несомнѣнный фактъ, которому учитъ насъ всемірная исторія и миссіонерство. Онъ доказываетъ, что христіанство стоитъ много выше всѣхъ другихъ религій; ибо никакая другая религія не принесла подобныхъ плодовъ.

Правда и то, что никто такъ рѣзко не говорилъ о маммонѣ и такъ настойчиво не предостерегалъ отъ опасностей богатства, какъ Иисусъ. Но Онъ не считалъ Своей первой задачей смягчить матеріальную нужду бѣдныхъ и угнетенныхъ. Кто про него высказываетъ подобное мнѣніе, тотъ составляетъ себѣ о Немъ другое представленіе, чѣмъ даютъ Евангелія. Нѣтъ, Онъ хотѣлъ спасти людей отъ другого бѣд-

ствія, большаго, чѣмъ нищета, а именно—отъ грѣха. Онъ и бѣднымъ, и богатымъ проповѣдывалъ одинаково: покайтесь! О Себѣ Онъ сказалъ: „Сынъ Человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшее“ (Лука 19, 10). Иисусъ представляетъ изъ Себя нѣчто иное, большее, чѣмъ простой другъ бѣдняковъ и вождь народа.

На вопросъ: кто былъ Иисусъ Назарянинъ? я знаю только одинъ отвѣтъ, удовлетворяющій меня, который я даю съ полнымъ убѣжденіемъ. Это тотъ отвѣтъ, который во всѣ времена давала Церковь: „Онъ истинный человѣкъ, рожденный отъ Дѣвы Маріи, но въ то же время и истинный Богъ, рожденный въ вѣчности отъ Отца“.

Я знаю прекрасно, что это трудно, даже невозможно представить себѣ, какъ безграничный Богъ могъ принять на Себя ограниченную человѣческую природу. Но ты не можешь отрицать того, что личность Иисуса, какую она является намъ въ Библии, —лучше всего можетъ быть объяснена этимъ мнѣніемъ. Если Иисусъ не только человѣкъ, но и Богъ, тогда намъ понятна Его необыкновенная любовь, тогда естественна Его безграничность, тогда объяснимы тѣ изреченія, на которыя я раньше указывалъ, тогда тѣ многочисленныя чудеса, которыя Онъ совершалъ, по словамъ Евангелій, не представляютъ никакихъ затрудненій. Такую вѣру въ божественность можно найти въ наше время не только у немногихъ, не только у тѣхъ, кто не тронуть наукой,—нѣтъ, многіе миліоны исповѣдуютъ ее, и между ними много такихъ людей, которые стоятъ на вершинѣ современнаго образованія.

Эта вѣра въ божественность Иисуса Христа господствовала всегда среди христіанъ. Конечно это многократно оспаривалось. Иногда случается читать, будто Иисусъ выставляется въ Новомъ Завѣтѣ, какъ простой человѣкъ, и только на Никейскомъ соборѣ 325 года установлена была божественность Иисуса и именно для того, чтобы утвердить господство духовенства. Но люди, пишущіе о такомъ важномъ вопросѣ, должны были бы предварительно основательнѣе имъ заняться.

Я указывалъ раньше на цѣлый рядъ изреченій Иисуса, изъ которыхъ слѣдуетъ, что Онъ Самъ считалъ Себя болѣе, чѣмъ простымъ человѣкомъ. Не составляло бы труда значительно увеличить количество подобныхъ изреченій, почерпнувши ихъ изъ Іоаннова Евангелія. И развѣ тѣ люди никогда не читали первый стихъ Евангелія отъ Іоанна, гдѣ ясно и отчетливо говорится объ Иисусѣ: „Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ“? Развѣ имъ не знакомо то мѣсто, въ которомъ разсказывается, какъ Тома, увидѣвъ язвы Иисуса послѣ Его воскресенія, воскликнулъ: „Господь мой и Богъ мой“! и Иисусъ не препятствовалъ этому? Развѣ они не знаютъ изъ Дѣяній апостольскихъ и изъ посланій Павла, что первыя христіанскія общины, въ которыхъ іудеи составляли еще очень высокій процентъ, поклонялись Иисусу? А Іудеи никогда бы не согласились поклоняться тому, кого они считали бы за простое существо, а не за Бога. Итакъ это совершенно ложное мнѣніе, будто въ Новомъ Заветѣ и въ первыя времена христіанства въ Иисусѣ видѣли только человѣка.

Но, можетъ быть, ты скажешь: пусть первые христіане съ самага начала признавали божественность Христа, пусть такимъ образомъ лучше всего объясняется то, что говорить о Немъ Библия—все же я не могу согласиться съ такимъ пониманіемъ. Ибо я, въ концѣ концовъ, буду, пожалуй, принужденъ принять Тріединство Божіе. Но я не могу себѣ представить, чтобы Богъ былъ въ трехъ лицахъ; я этого не могу понять, что Богъ единъ и въ то же время троиченъ.

Въ такомъ случаѣ ты точно въ такомъ же положеніи, какъ и я.—Я также не могу себѣ представить Тріединство Божіе, я также не могу его понять. Но только я не говорю, какъ ты, что я не вѣрю тому, чего не понимаю. Я предполагаю, что въ другихъ областяхъ, а именно, въ области естествовѣдѣнія, ты также не всегда слѣдуешь этому правилу. Кто хоть немного занимался естественными науками, тотъ знаетъ, какое важное значеніе имѣютъ атомы, недѣлимые, мельчай-

шія частицы матеріи, изъ которыхъ состоитъ все въ природѣ. Но атомы представляютъ для нашего мышленія такія же затрудненія, какъ и Тріединство. Дюбуа-Реймонъ говоритъ объ этомъ въ своемъ сочиненіи „О границахъ естествознанія“ на стр. 25: „Если не дѣлимый далѣе, инертный, бездѣятельный въ себѣ субстратъ есть дѣйствительно въ наличности, то онъ долженъ заполнять нѣкоторое, хотя бы и очень маленькое, пространство. А если такъ, то нельзя понять, почему онъ недѣлимъ далѣе. Наоборотъ, если представлять себѣ субстратъ, вмѣстѣ съ динамистами, какъ геометрическое средоточіе центральныхъ силъ, то субстратъ пространства не заполняетъ. Ибо точка есть представленное въ пространствѣ отрицаніе пространства. Тогда нѣтъ ничего, изъ чего бы исходили центральныя силы, и что могло бы быть инертнымъ, однороднымъ съ матеріей“. Переведенное съ тяжеловѣснаго научнаго языка на общепринятый, это разсужденіе значитъ: мы не можемъ ни понять, что такое атомъ, ни представить его себѣ. Если онъ имѣетъ хотя бы даже самое малое пространственное протяженіе, то непонятно, почему же его нельзя дѣлить далѣе. Если же онъ не занимаетъ мѣста въ пространствѣ, то немислимо, чтобы атомы, какъ бы много ихъ ни собралось, заполнили собою пространство. Ибо изъ ничего не получится ничего. Итакъ для нашего мышленія понятіе атома есть противорѣчіе само въ себѣ. И все же естествовѣдѣніе убѣждено въ существованіи атомовъ. Оно не можетъ обойтись безъ понятія объ атомахъ. Оно не можетъ обойтись безъ понятія объ атомѣ. Причина, почему мы не можемъ вмѣстить понятія объ атомѣ, заключается въ несовершенствѣ нашего мышленія.

Если даже атома мы, люди, понять не можемъ, то должны ли мы удивляться, если мы не можемъ понять Бога? Я даже думаю, что Богъ, Котораго мы могли бы понять, былъ бы уже не Богъ. Вѣдь нашъ разумъ конеченъ и можетъ вмѣстить только конечное, а Богъ—безконеченъ. Поэтому я и не соблазняюсь тѣмъ, что Тріединство Божіе есть нѣчто,

чего мы не можемъ понять. Затрудненіе и здѣсь не большее, чѣмъ въ понятіи объ атомѣ.

Объ учителѣ церкви, бл. Августинѣ, одномъ изъ величайшихъ умовъ всѣхъ временъ, который много размышлялъ о Тріединствѣ Божіемъ, рассказываютъ, что однажды ночью ему приснилось, будто онъ гуляетъ по берегу моря, погруженный въ свои размышленія, стараясь проникнуть въ тайну Тріединства. Вдругъ онъ увидѣлъ мальчика, который раковиной черпалъ воду изъ моря въ маленькую ямку. Августинъ спросилъ его: „что ты здѣсь дѣлаешь?“, а мальчикъ отвѣтилъ: „Я хочу перелить море въ эту ямку“. Августинъ возразилъ усмѣхаясь: „Какъ можешь ты надѣяться перелить маленькой раковиной безконечное море въ эту малую ямку? Вѣдь это же невозможно“. Вдругъ мальчикъ превратился въ ангела и отвѣтилъ ему: „А какъ можешь ты надѣяться своимъ маленькимъ человѣческимъ разумомъ проникнуть въ тайну безконечнаго Бога? Развѣ это не тѣмъ болѣе невозможно?“

Но если мы не можемъ понять Тріединства Божія, все же существуетъ много сравненій, которыя показываютъ намъ, что одно можетъ быть одновременно тремя, а три можетъ быть одновременно однимъ. Такъ, напримѣръ, трехзвучный акордъ: онъ состоитъ изъ трехъ тоновъ, но эти три тона, взятые одновременно на роялѣ, образуютъ только одинъ тонъ. Еще ближе другое сравненіе. Библия говоритъ, что человѣкъ созданъ по образу и подобию Божію. Если это вѣрно, то можно предположить, что и въ человѣкѣ можно найти отображеніе божественнаго Тріединства. Такъ и есть въ дѣйствительности. Духъ человѣческой единъ, но онъ проявляетъ себя троякимъ образомъ: въ познаніи, чувствѣ и волѣ. Итакъ, мы видимъ, что и здѣсь мы встрѣчаемъ единство и троичность. Подобные примѣры не могутъ, правда, объяснить намъ тайну божественнаго Тріединства, но они могутъ все же приблизить ее къ нашему пониманію и показать намъ, что затрудненія, причиняемая ею нашему мышленію не такъ велики, какъ думаютъ многіе.

Переводъ *И. И. Селивановской.*

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Приняли монашество, не вступая въ бракъ, еще два нашихъ товарища,—Василій Медвѣдевъ и Сила Мацкевичъ, но не достигли высшихъ іерархическихъ степеней.

Василій Медвѣдевъ (изъ воронежцевъ), въ монашествѣ Варсоломей, былъ человѣкъ гигантскаго роста и крѣпкаго сложенія; во время студенческой жизни особенной релігіозности не заявлялъ, хотя въ поведеніи былъ исправенъ, и инспекція не замѣчала за нимъ никакихъ недостатковъ. Мы его товарищи, не ожидали, что изъ него выйдетъ монахъ. Кончилъ онъ довольно низко (подъ 43 №), и какой-либо блестящей карьеры себѣ не ожидалъ. Гдѣ первоначально служилъ онъ, и гдѣ принялъ монашество, я не знаю. Знаю только, что онъ скончался, будучи ректоромъ Томской духовной семинаріи, въ молодыхъ годахъ. Крѣпкое здоровье не предохранило его отъ преждевременной смерти.

Сила Мацкевичъ (изъ Волынской семинаріи), въ монашествѣ Софроній, былъ оригинальный субъектъ. Онъ какъ будто наложилъ на себя обѣтъ молчанія, и товарищи почти не слыхали отъ него звука голоса. Даже его сономеранты, все время проводившіе съ нимъ въ одной комнатѣ, говорили о немъ, что онъ не вступаетъ съ ними ни въ какія бесѣды, а все сидитъ, да молчитъ, или читаетъ какую-либо книгу. Только съ переходомъ нашимъ въ старшій курсъ произошла въ немъ нѣкоторая перемѣна. Поступилъ въ академію на младшій курсъ его землякъ Теодоровичъ, который оказался его ближайшимъ пріятелемъ. Мацкевичъ по цѣлымъ днямъ и часамъ ходилъ вмѣстѣ съ нимъ и, какъ говорили тогда товарищи, шушукался. У нихъ, какъ видно, были нескончаемые матеріалы для бесѣды. Сдерживая свое слово предъ

¹⁾ См. № 18-й за 1910 г.

другими товарищами, онъ, ходя или сидя съ Теодоровичемъ, предавался неудержимому словоизліянію. А о чемъ велись ихъ частыя и длинныя бесѣды, объ этомъ трудно было догадываться, потому что эти бесѣды, когда близъ ихъ былъ кто-либо, велись тихимъ, неслышнымъ для другихъ, голосомъ. По окончаніи академическаго курса Мацкевичъ поступилъ на службу въ родную Волынскую семинарію или въ Кременецкое духовное училище. Монашество принялъ онъ нескоро по вступленіи на службу, и виднаго хода на службѣ не имѣлъ, — скончался настоятелемъ одного изъ монастырей Волынской епархіи.

Перечисленные доселѣ товарищи приняли иночество, не испытавъ семейной жизни. Кромѣ нихъ еще три товарища поступили въ монахи послѣ того, какъ разрушено было ихъ семейное благополучіе, то-есть, во вдовствѣ.

Изъ нихъ прежде всѣхъ оказался въ положеніи вдовца Петръ Григоровичъ (изъ кievлянъ). Это былъ прекрасный и добрый товарищъ, пользовавшійся расположеніемъ ректора Антонія, который зналъ и цѣнилъ его, когда былъ ректоромъ Кіевской семинаріи. По окончаніи курса, онъ женился и поступилъ во священники, опредѣленный настоятелемъ Васильковскаго собора. Онъ счастливъ былъ въ семейной жизни; но не долго продолжалось его счастье. На второмъ году его супружества скончалась его жена. Ректоръ Антоній, расположенный къ нему, предложилъ ему поступить въ монахи, и онъ съ покорностію принялъ предложеніе своего бывшаго начальника-воспитателя. По принятіи монашества съ именемъ Ксенофонта, онъ назначенъ былъ смотрителемъ Кіево-Подольскаго духовнаго училища, на мѣсто Гавріила, уѣхавшаго въ Константинополь. Но и здѣсь не суждено было ему прослужить долго: онъ заболѣлъ тифозною горячкою, отъ которой и скончался, не успѣвъ прослужить и двухъ лѣтъ въ должности смотрителя училища.

Другой нашъ товарищъ, поступившій въ монашество изъ вдовцовъ, Макарій, бывшій епископъ калужскій, въ мірѣ

Макарій Трифоновъ Троицкій. Макарій Трифоновъ въ студенчествѣ отличался особеннымъ благочестивымъ настроеніемъ, и если отъ кого изъ товарищей мы ожидали, что онъ поступитъ въ монахи, то первѣе всего отъ Макарія Трифоновича, и онъ не скрывалъ отъ насъ, что онъ таитъ въ душѣ это намѣреніе, хотя не чуждался собраній того общества, которому Ѡ. Л. Доброленскій приписываетъ (совершенно напрасно) антимонашеское направленіе. Когда постригся въ монахи его ближайшій пріятель и землякъ Семеновъ—Мееодій, онъ радъ былъ этому, а о себѣ говорилъ: а я подожду; уже на должности, если Богъ благословитъ, послѣдую его примѣру. Доброты онъ былъ необычайной, и я, будучи довольно близокъ къ нему, никогда не замѣчалъ, чтобы онъ на кого-либо сердился, или кого-либо оскорблялъ словомъ. Когда приступали къ нему съ остротами, могущими задѣвать его самолюбіе, онъ отражалъ ихъ однимъ безобиднымъ словомъ: „экой шутъ!“ На службу поступилъ онъ въ родную Орловскую семинарію, и въ Орлѣ скоро, по поступленіи на должность, неожиданно для себя самого, сдѣлался священникомъ. Опростался одинъ приходъ въ Орлѣ, за смертію настоятеля приходскаго храма, и послѣ него осталась сирота невѣста. Родственники умершаго указали Смарагду, тогдашнему архіепископу орловскому, на Макарія Троицкаго, какъ на желаннаго преемника покойному священнику и жениха сиротѣ-невѣстѣ, указавъ при этомъ на его релігіозное настроеніе. Смарагдъ приглашаетъ Троицкаго къ себѣ и предлагаетъ ему занять священническое мѣсто въ Орлѣ, при чемъ указываетъ и на достойную невѣсту. Макарій Трифоновичъ отвѣчалъ архіерею: я все дѣлалъ мысль о монашествѣ, которое въ непродолжительномъ времени собирался принять; но не пренебрегаю и семейною жизнію, и на бракъ смотрю съ христіанской точки зрѣнія. Въ вашемъ предложеніи, для меня неожиданно, я вижу указаніе мнѣ воли Божіей, какой путь жизни мнѣ нужно избрать. Онъ послѣдовалъ приглашенію архіерея, сдѣлался священникомъ,

и былъ священникомъ благоговѣйнымъ и любимъ былъ прихожанами. Въ 1857 году, чрезъ два года по окончаніи курса, я былъ въ Орлѣ, заходилъ въ ту перковь, гдѣ служилъ Макарій Трифоновичъ, и видѣлъ его довольную семейную жизнь. Но недолго продолжалась его довольная семейная жизнь. Супруга его была особа слабаго здоровья; у ней появился серьезный и грозный недугъ, туберкулезъ легкихъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ прїѣзжалъ съ супругою въ Кіевъ для богомолья и для совѣта съ кіевскими докторами касательно укрѣпленія здоровья его супруги, у которой очень замѣтны стали признаки злобщей болѣзни. Доктора признали серьезное и опасное состояніе здоровья больной, искавшей у нихъ укрѣпленія, но помочь ей не могли. Она недолго жила, по возвращеніи изъ Кіева, и скончалась, оставивъ мужу двоихъ дѣтей,—сына и дочь. Потерявъ супругу, Макарій Трифоновичъ не сразу рѣшился привести въ исполненіе давнюю мысль о монашествѣ. Отъ поступленія въ монастырь его удерживали дѣти, съ которыми, при ихъ малолѣтствѣ, нельзя было разстаться, и которыя требовали родительскаго призора. Но когда возрасли они, онъ принялъ на себя подвигъ иночества, какой предносился ему, когда онъ былъ еще студентомъ. Къ ускоренію этого рѣшенія служили побужденіемъ для него нѣкоторыя служебныя непріятности, имъ испытанныя. Онъ былъ законоучителемъ въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, начальница котораго была лютеранскаго вѣроисповѣданія. Ревностный блюститель и хранитель православія, онъ вошелъ съ нею въ столкновеніе по религіознымъ мотивамъ, и она старалась освободиться отъ него, для чего дѣлала невыгодныя для него представленія начальству. Эти представленія не были приняты во вниманіе. Но онъ, видя нерасположеніе къ себѣ начальницы, самъ оставилъ то мѣсто, на которомъ не находилъ желаннаго для него мира, и принялъ иночество, оставивъ за собою прежнее имя Макарія. Послѣ принятія иночества, онъ сначала былъ настоятелемъ Московскаго Знаменскаго монастыря, потомъ епи-

скопомъ оренбургскимъ, и затѣмъ калужскимъ. Его доброта и снисходительность снискивали ему любовь его паствы; но она же была причиною многихъ непорядковъ, допущенныхъ имъ въ епархіальномъ управленіи. Вслѣдствіе ревизіи, произведенной въ его епархіи (въ Калугѣ), онъ былъ уволенъ на покой. На покой онъ жилъ сначала въ Кіевѣ въ Выдубецкомъ монастырѣ, а потомъ получилъ въ управленіе Бѣлевскій монастырь (въ Тульской губерніи), гдѣ скончался въ 1908 году.

Послѣдній представитель монашества изъ нашего курса, позже другихъ принявшій иночество, Никонъ, епископъ туркестанскій, въ мірѣ Филиппъ Егорычъ Богоявленскій (изъ тульскихъ). Это былъ студентъ, обладавшій видною наружностію, и съ этой стороны онъ былъ предметомъ вниманія внѣшней публики. Въ городѣ онъ имѣлъ не мало знакомствъ, и не было недостатка въ лицахъ, желавшихъ породниться съ нимъ. Но онъ ни съ кѣмъ, ни съ однимъ семействомъ не входилъ въ особенно близкія сношенія. На службу онъ поступилъ въ Тульскую семинарію, и въ Тулѣ изъ семинаріи перешелъ законоучителемъ въ низшіе классы кадетскаго корпуса, тогда существовавшаго въ Тулѣ, женившись на племянницѣ Дмитрія (Муретова), тогда епископа тульского. Въ 1857 году я посѣщаль его, и семейная жизнь его мнѣ показалась очень благоустроенною. Въѣстѣ съ нимъ я былъ у преосвященнаго Дмитрія, бывшаго ректора Кіевской Академіи, о которомъ въ Кіевѣ сохранялась самая добрая память, и котораго я очень желалъ видѣть, и у ректора семинаріи архимандрита Пикандра, впоследствии архіепископа тульского. Тотъ и другой приняли меня весьма благосклонно. По закрытіи низшихъ классовъ кадетскаго корпуса въ Тулѣ, Филиппъ Егорычъ Богоявленскій переведенъ былъ въ Петербургъ, тоже въ кадетскій корпусъ, и затѣмъ былъ священникомъ, кажется, въ церкви Спаса на Колтовской. Въ 1870 году я былъ въ Петербургѣ и навѣщаль своего товарища. Онъ былъ тогда уже вдовый, но намѣренія о по-

ступленіи въ монашество мнѣ не открывалъ. Это намѣреніе онъ осуществилъ, по устроеніи судьбы своей дочери. По принятіи монашества, онъ посланъ былъ въ Римъ, гдѣ былъ настоятелемъ церкви при русскомъ Императорскомъ посольствѣ. Но здѣсь открылся за нимъ большой недостатокъ: онъ по временамъ предавался невозддержанію, да такъ, что дѣло доходило иногда до публичнаго скандала. Не знаю, какимъ образомъ онъ подвергся такой слабости: въ студенческіе годы онъ велъ себя весьма исправно, и съ осужденіемъ относился къ тѣмъ изъ своихъ товарищей, которые позволяли себѣ выпивать лишнее. Митрополитъ Исидоръ весьма благоволилъ первоначально къ своему земляку, но когда узналъ о его слабости, лишилъ его своего благоволенія. Отозванный изъ Рима, Никонъ долгое время былъ безмѣстнымъ архимандритомъ, и не видя никакого просвѣта въ будущемъ, чувствовалъ себя очень тяжело. Въ этотъ періодъ своей опалы онъ прислалъ мнѣ длинное скорбное письмо, которое началъ словами: „Кому повѣмъ печаль мою? Кого призову ко рыданію?.. Въ этомъ письмѣ онъ изливалъ предъ своимъ товарищемъ свои горькія жалобы на то, что вотъ забыли его... другихъ, младшихъ его, и менѣе достойныхъ возвышаютъ, а онъ сидитъ въ опалѣ, безъ всякаго дѣла и безъ надежды на улучшеніе своего печальнаго положенія. Наконецъ, послѣ немаловременнаго испытанія, сжалились надъ нимъ, и вызвавъ его на чреду служенія, назначили его епископомъ туркестанскимъ, и въ Вѣрномъ, гдѣ было мѣсто-пребываніе туркестанскаго епископа, онъ и скончался. Какъ онъ жилъ тамъ, и какъ дѣйствовалъ, свѣдѣній о томъ по отдаленности того края, до насъ не доходило.

Проф. *Василій Пивницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 3-го мая 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Ц.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 20.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года мая 16-го дня.

Содержаніе: I. Пастырь, какъ постоянный учитель и руководитель своихъ прихожанъ. Кир. Тихомировъ.—II. Богословіе въ свѣтской средней школѣ. Законоучитель.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.

Пастырь, какъ постоянный учитель и руководи- тель своихъ прихожанъ.

Трудное время наступаетъ и наступило уже для нашего пастыря духовнаго. Долго спавшій народъ просынается, ищетъ выхода изъ мрака невѣжества, предрасудковъ, суевѣрій, ищетъ яснаго пониманія евангельскихъ истинъ и всего того, что творится въ этомъ Божьемъ мірѣ. И для священника, вмѣсто спокойнаго и мирнаго житія наступаетъ часъ подвига „добраго пастыря“ въ борьбѣ съ невѣріемъ и иновѣріемъ, пьянствомъ и другими пороками и заблужденіями,—часъ подвига въ великомъ дѣлѣ оглашенія прихожанъ истинами вѣры и благоустроенія жизни всѣхъ и cadaго изъ своихъ прихожанъ по духу вѣры Христовой. Наступаетъ время, когда за эту работу нужно браться немедленно и всѣми силами, ибо

врагъ, какъ говорятъ, стоять у дверей! Уже среди сѣрой массы нашего народа рыскаютъ цѣлыми десятками „проповѣдники“ пропагандисты, безпрепятственно сѣющіе сѣмена своихъ лжеученій, можно сказать, на удобную и не засѣянную почву. Поэтому въ наше время болѣе, чѣмъ во всякое другое, долгъ христіанскаго служенія налагаетъ на пастырей Церкви очень и очень многое. Не говоря уже о томъ, что, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, должна видоизмѣниться личная и общественная жизнь самого пастыря, ему, при существующихъ условіяхъ, необходимо соприкасаться въ религиозно-нравственной жизни съ прихожанами почти непрерывно и при томъ самымъ тѣснѣйшимъ образомъ. Ему необходимо слѣдить и руководствовать не только при обнаруженіи религиознаго сознанія прихожанъ вовнѣ въ многообразныхъ формахъ, но и внѣдрять и, такъ сказать, воспитывать религиозное сознаніе, а также слѣдить за цѣлостью и неповрежденностью его.—Спрашивается: достижимо ли все это при посредствѣ одного церковнаго проповѣдничества?

Нѣтъ, для такой миссіи далеко недостаточно ни проповѣди, хотя бы краснорѣчивой, ни бесѣды, хотя бы назидательной и задушевной. Здѣсь требуется не случайное соприкосновеніе пастыря съ прихожанами, а гораздо большее,—требуется сплошное неразрывное единеніе. Прихожане съ пастыремъ, какъ дѣти съ отцомъ, должны представлять собою въ строгомъ смыслѣ семью, въ которой отецъ священникъ долженъ знать всѣ туги жизненныя, всѣ скорби и радости своихъ прихожанъ дѣтей и такъ или иначе выражать съ своей стороны участіе въ ихъ душевной жизни. Поучая прихожанъ въ храмѣ, при общественномъ богослуженіи, пастырь долженъ *и внѣ храма* наставлять, и утверждать ихъ въ вѣрѣ и благочестіи, постоянно слѣдить за ихъ духовно-нравственною жизнію и, по требованію обстоятельствъ и частныхъ духовныхъ нуждъ прихожанъ, давать имъ совѣты, вразумленія, увѣщанія. Однимъ словомъ, кромѣ общественнаго, церковнаго проповѣдничества, на пастырѣ, по отношенію къ

прихожанамъ, лежитъ долгъ *частнаго учительства и руководительства.*

Эта важная, но, къ прискорбію, такъ часто забываемая обязанность пастырей Церкви, вытекаетъ изъ самаго понятія о пастырскомъ служеніи, изъ самой идеи пастырскаго званія. *Азъ на сіе родихся и на сіе придохъ*, говоритъ Пастыреначальникъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, *да свидѣтельствую истину* (Іоанн. 18, 37),—и вотъ мы видимъ, что Онъ, въ теченіе всей земной жизни, свидѣтельствовалъ истину, благовѣствовалъ евангеліе царствія Божія не предъ многочисленнымъ только собраніемъ народа, не во храмѣ только іерусалимскомъ и іудейскихъ синагогахъ, но и *въ частныхъ домахъ, въ полѣ, въ пустынь, вообще вездѣ*, гдѣ только находилъ слушателей, хотя бы число ихъ ограничивалось *однимъ или двумя* (Іоанн. гл. 3 и 4),—и всегда, какъ только представлялся къ тому *удобный случай*. Апостолы также священнѣйшею своею обязанностью считали *служеніе слова*, т. е. распространеніе истинъ Евангелія (Дѣян. 6. 1—4), и въ исполненіи этой обязанности видѣли не заслугу какую-либо, а *непремѣнный долгъ, нераздѣльно связанный съ ихъ званіемъ. Аще благовѣствую*, говоритъ одинъ изъ нихъ, *нѣсть ми похвалы; нужда бо ми надлежитъ. Горе же мнѣ есть, аще не благовѣствую* (1 Кор. 9, 16),—и вотъ мы видимъ, что апостолы *во вся дни*, не только *въ церкви*, но и *въ домахъ не престаху учаще и благовѣствующе Христа* (Дѣян. 5, 42), что они *возвѣщаютъ ученіе о царствіи Божіемъ отъ утра до вечера* (Дѣян. 28, 23); даже *простираютъ слово ученія до полночи* (Дѣян. 20, 7), учатъ не только *всѣхъ вообще, но и единого коюждо. Три лѣта день и ночь не престахъ уча со слезами единого коюждо васъ*, говоритъ о себѣ апостоль Павелъ пресвитерамъ ефесской церкви (Дѣян. 20, 31). Такъ дѣйствовали св. апостолы, святые отцы Церкви, заповѣдавшіе и всѣмъ другимъ пастырямъ Церкви такъ поступать.

Св. Игнатій Богоносець убѣждаетъ Поликарпа „умолять всѣхъ и каждаго, чтобы спаслись,—снисходить ко всѣмъ, по примѣру Господа, ко всѣмъ имѣть терпѣніе въ любви, бесѣдовать съ каждымъ поодиначкѣ, носить немощи всѣхъ, любить не только добрыхъ учениковъ, но и худшихъ покорять кротостью“¹⁾. Не говоря для краткости о другихъ отцахъ Церкви, укажемъ на св. Іоанна Златоустаго. Какъ всеобъемлюща была пастырская дѣятельность его, это можно видѣть изъ его собственныхъ словъ: „для меня нѣтъ другой жизни,—говоритъ онъ,—кромѣ заботы о васъ и вашемъ спасеніи. Въ томъ одномъ далъ я обѣтъ, чтобы желать вашего преуспѣянія. Въ томъ одномъ современую всѣмъ, что люблю и объеблю васъ, что вы для меня все—и отецъ, и мать, и братья, и дѣти“²⁾.

И не должно думать, что такая пастырская заботливость о благѣ пасомыхъ нужна была только въ древнія времена Церкви, по особеннымъ временнымъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ. Если пастыри древнихъ временъ, когда духъ вѣры и благочестія вообще былъ сильнѣе между христіанами, находили нужнымъ, сверхъ общественаго проповѣдничества, прилежать дѣлу частнаго учительства и руководительства, то тѣмъ болѣе это необходимо въ наше тревожное время.

Насколько серьезно и тревожно наше время, въ смыслѣ упадка духа вѣры и благочестія, можно видѣть изъ сообщеній хотя бы даже мѣстной печати, которая свидѣтельствуетъ, что сектантство и религіозный скептицизмъ во многихъ мѣстахъ нынѣ находятъ такую удобную почву въ народѣ, что рѣшительно приходится страшиться за будущее; что духъ невѣрія и безнравственности легко заражаетъ своимъ тлетворнымъ ядомъ сердца юныя, души молодыя, неокрѣпшія; что у нашей молодежи (а она въ будущемъ составитъ прихожанъ храма) нѣтъ интересовъ къ вопросамъ религіи и Церкви, и что она

¹⁾ См. посланіе его къ Поликарпу. еп. Смирнскому гл. 1 и 2.

²⁾ См. Вестд. къ антиох. народу, стр. 379.

вообще быстро распускается. А потому въ наше время надо употребить всё мѣры, чтобы юноши и дѣвицы были религіозно просвѣщены. Надо сдѣлать такъ, чтобы каждая православная семья и городская и сельская дорожила своимъ духовникомъ, чтобы онъ въ ней былъ желаннымъ гостемъ, а не чужимъ, постороннимъ человѣкомъ изъ другого, замѣнутаго, непонятнаго міра. Надо, чтобы въ нашей школѣ дѣти пріобрѣтали связи съ законоучителями и сохранили ихъ на всю жизнь. Достигнуть же всего этого пастырю путемъ одной церковной проповѣди—повторяемъ—невозможно.

Предположимъ самыя благоприятныя условія для успѣха церковной проповѣди: пусть пастырь проповѣдуетъ усердно и краснорѣчиво, пусть проповѣди его, при богатствѣ содержанія, будутъ очень назидательны, приспособлены къ понятіямъ и потребностямъ слушателей, ясны и вразумительны; пусть, далѣе, прихожане неопустительно посѣщаютъ храмъ Божій въ воскресные и праздничные дни и со вниманіемъ слушаютъ своего пастыря-проповѣдника. Говоримъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что и при такихъ условіяхъ пастырь только въ половину можетъ исполнить долгъ учительскаго своего званія. Въ послѣдовательномъ порядкѣ поученій онъ можетъ, положимъ, ознакомить своихъ прихожанъ со всѣми истинами вѣры и правилами нравственности христіанской: но внѣдрить эти истины и правила въ душѣ всѣхъ и cadaго, такъ чтобы онѣ сдѣлались руководящимъ началомъ всей дѣятельности, устроить всю жизнь пасомыхъ по духу вѣры Христовой—въ состояніи ли пастырь достигнуть этого одними церковными поученіями, произносимыми время отъ времени? Можетъ ли онъ имѣть твердую увѣренность, что поученія его оставляютъ въ душѣ прихожанъ впечатлѣніе прочное, неизгладимое, а не ограничиваются дѣйствіемъ мимолетнымъ, преходящимъ, которое тотчасъ же за порогомъ храма изглаживается шумомъ суеты житейской? Уже съ этой стороны открывается такимъ образомъ необходимость частнаго учительства: оно должно быть дополненіемъ и какъ бы продолженіемъ церков-

наго проповѣдничества. Для полнаго успѣха самой проповѣди необходимо, чтобы пастырь постоянно слѣдилъ за жизнью своихъ пасомыхъ, напоминалъ имъ, и какъ можно чаще, о томъ, что было преподано въ храмѣ, дабы слышанное не оставалось празднымъ знаніемъ ума, а переходило въ жизнь и дѣятельность.

Но упомянуть выше благопріятныя условія, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ церковнаго проповѣдничества, бываютъ не вездѣ и не всегда, или, правильнѣе сказать, встрѣчаются по нашимъ временамъ—крайне рѣдко. Для слушанія, напр., и разумѣнія церковныхъ поученій, какъ бы они ни были просты, нужно предварительное, хотя бы общее знакомство съ нѣкоторыми истинами христіанскаго ученія и событіями священной исторіи, которыя весьма часто предполагаются извѣстными въ проповѣди. Но мало ли между простыми, и даже интеллигентными людьми, встрѣчается такихъ, которые мало или совсѣмъ незнакомы съ самыми простыми и первоначальными истинами христіанскаго ученія, у которыхъ весь запасъ религіозныхъ свѣдѣній ограничивается перешедшимъ къ нимъ отъ отцовъ и дѣдовъ знаніемъ самыхъ обыкновенныхъ коротенькихъ молитвъ и нѣкоторыхъ священныхъ дѣйствій, относящихся къ обрядовой сторонѣ вѣры? Съ такими людьми нужно, какъ съ дѣтьми, начинать съ самаго начала, преподавать имъ самыя первоначальныя понятія о вѣрѣ, объяснить каждый терминъ, каждое слово, повторять, и не одинъ разъ, одно и то же,—однимъ словомъ, входить въ такія подробности и разъясненія, которыя неумѣстны и неудобны на церковной каедрѣ, и могутъ имѣть мѣсто только въ частныхъ собесѣдованіяхъ. Нужно ли говорить, далѣе, что въ каждомъ приходѣ найдутся люди невнимательные, разсѣянныя, которые уши имѣютъ и не слышатъ предлагаемаго въ церкви ученія,—найдутся такіе, которые, по превратному направленію ума и сердца, вовсе не хотятъ внимать урокамъ вѣры и благочестія и чуждаются храмовъ Божіихъ, въ которыхъ возвѣщаются глаголы живота вѣчнаго? Нужно ли напо-

минать, наконецъ, о томъ, что въ каждомъ приходѣ, во всякое почти время найдется немало такихъ лицъ, которыя и желали бы, но не могутъ присутствовать въ храмѣ Божиѣмъ и слушать церковныя поученія? Таковы, напр., люди больные, престарѣлые, убитые горемъ и нуждой, для которыхъ однакоже всего необходимѣе слово пастырскаго назиданія и утѣшенія. И мало ли вообще такихъ случаевъ и обстоятельствъ въ жизни прихожанъ, когда они имѣютъ нужду въ руководствѣ, въ совѣтѣ и наставленіи пастыря? Пастырь долженъ спѣшить къ нимъ на помощь, и стараться по возможности быть *встѣмъ вся*; долженъ, по слову пророка, *и изнемогшее подъять, и болящее уврачевать, и сокрушенное обязать, и заблудшее обратить и погибшее взыскать* (Иезек. 34, 4),—однимъ словомъ, помогать всякой духовной нуждѣ прихожанъ, не упускать ни одного случая и обстоятельства, гдѣ онъ можетъ быть полезнымъ для нихъ. А для того, чтобы ближе стоять къ прихожанамъ, пастырь долженъ какъ у себя на дому двери держать всегда радушно открытыми для каждаго изъ прихожанъ, нуждающагося въ поученіи, совѣтѣ, утѣшеніи, такъ равнымъ образомъ и самъ онъ долженъ быть въ средѣ прихожанъ всякій разъ, когда знаетъ, что его присутствіе тамъ можетъ быть полезно въ смыслѣ предотвращенія зарожденія какого-либо порочнаго и вообще непріятнаго въ семейной или общественной жизни явленія. При такихъ только обстоятельствахъ пастырь можетъ рассчитывать на то довѣріе къ себѣ прихожанъ, которымъ, главнымъ образомъ, и можетъ обусловиться его благотворное вліяніе на возрожденіе религіозно-нравственной жизни.

Но скажутъ намъ: возможно ли все это выполнить пастырю при его сложныхъ обязанностяхъ и при томъ многочисленствѣ въ приходѣ, съ которыми приходится считаться? Конечно, трудно выполнять столь сложную работу одному пастырю въ многолюдномъ приходѣ; но если признать, что, въ цѣляхъ достиженія дѣйствительнаго возрожденія приходской жизни, постоянное соприкосновеніе и единеніе пастыря съ

прихожанами важно и необходимо, то существующіе громадныя приходы слѣдуетъ уменьшить, раздробивъ ихъ такъ, чтобы на долю одного священника приходилось не болѣе тысячи душъ народонаселенія обоого пола. Тогда пастыри будутъ располагать свободнымъ временемъ, а отсюда получать возможность—богослуженія, священнодѣйствія и разнаго рода молитвословія совершать неспѣшно и съ соотвѣтствующимъ благолѣпіемъ, которое, если на кого, то на простолюдина особенно производитъ сильное впечатлѣніе. Тогда пастыри будутъ имѣть возможность съэкономить время и для производства поучительныхъ бесѣдъ, какъ церковныхъ, такъ и частныхъ—домашнихъ. Съ раздѣленіемъ приходовъ уменьшатся доходы? Да, матеріальный вопросъ—важный въ жизни духовенства, и мы не хотимъ такъ, съ плеча рѣшать его. Намъ хотѣлось бы сказать только, что въ жертву матеріальнымъ интересамъ справедливо ли приносить духовную жизнь и спасеніе прихода?

Резюмируя все сказанное, мы приходимъ къ такому заключенію: пастырь, какъ душа прихода,—пастырь, поставившій предъ собою идеаль истиннаго пастыря во всей его полнотѣ и обязательности,—пастырь, согрѣтый святымъ воодушевленіемъ, по мѣрѣ силъ, осуществить этотъ идеаль въ своей жизни, хотя бы и ждали его на избранномъ пути тернія и невзгоды,—только такой пастырь и будетъ истиннымъ учителемъ своего прихода. Христіанское смиреніе предъ великимъ дѣломъ водительства ко спасенію врученной ему паствы Христовой; всегдашнее желаніе и готовность христіански помочь меньшему брату, поддержать въ бѣдѣ, погоревать его горемъ; простое, всѣмъ доступное, этой пастырскою любовью согрѣтое слово, а главное, жизнь, согласная съ ученіемъ Христа и слово пастыря учителя оправдывающая,—вотъ что, вмѣстѣ взятое, можетъ создать истиннаго учителя проповѣдника на нивѣ Христовой.

Кир. Тихомировъ.

Богословіе въ свѣтской средней школѣ.

I.

Намъ всегда казалось, что главная причина малоплодности преподаванія Закона Божія въ школахъ зависитъ отъ внутренняго противорѣчія, скрывающагося въ самой постановкѣ этого предмета. Противорѣчіе заключается въ томъ, что Законъ Божій, съ одной стороны, вопреки его кореннымъ свойствамъ и цѣлямъ, превращенъ въ разсудочно-школьный предметъ обученія на ряду со всѣми другими предметами и, съ другой стороны, занимаетъ среди нихъ исключительное, изолированное положеніе. Въ то время, какъ всѣ предметы школьнаго обученія имѣютъ цѣлю обогащеніе ума учащихся положительными знаніями и расширяютъ кругозоръ воспитанника, Законъ Божій своимъ содержаніемъ не входитъ органически въ осуществленіе этой цѣли; знанія, даваемые имъ, всегда остаются какъ бы особнякомъ, не влетаясь въ общую сѣть образовательныхъ ассоціацій въ умѣ учащагося. Они сиротливо занимаютъ особенный уголокъ въ развивающемся интеллектѣ. Такъ обстоитъ дѣло въ низшей школѣ и почти во всей средней до послѣднихъ старшихъ классовъ.

Здѣсь, въ старшихъ классахъ, вопросъ уже коснется не только расширенія кругозора учащихся, но и первыхъ серьезныхъ попытокъ выработки міросозерцанія въ юныхъ умахъ. И вотъ опять приходится констатировать ту же изолированность, то же безучастное, бессильное, мало-вліятельное отношеніе и значеніе Закона Божія и въ этой самой серьезной, можно сказать, главной задачѣ средней школы. Какъ тамъ, при расширеніи умственнаго кругозора подростка юности путемъ изученія школьныхъ предметовъ, Законъ Божій оставался въ сторонѣ; такъ и въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній преподаваніе его при современной постановкѣ не можетъ оказать существеннаго, жизненнаго вліянія на слагающееся міровоззрѣніе

юношей старшаго возраста. И здѣсь всѣ знанія, сообщаемыя Закономъ Божиимъ, попрежнему, оказываются обособленными, изолированными отъ тѣхъ общихъ элементовъ, матеріаловъ, изъ которыхъ естественно выработывается міросозерцаніе молодого человѣка. И такое печальное положеніе дѣла оказывается неизбѣжнымъ, потому что при завершеніи курса Закона Божія въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній наши программы и планы стараются выдержать однообразіе и послѣдовательность, достойныя лучшаго дѣла.

Не желая измѣнить ошибочно установившемуся взгляду на Законъ Божій, какъ исключительно школьный предметъ обученія, и не обращая вниманія на отрицательныя послѣдствія его примѣненія, мы хотимъ и завершить, въ значительной степени явно ошибочную, систему школьнаго обученія Закону Божию, чуждыми жизни богословски-теоретическими обобщеніями того же религіознаго знанія, которое давалось учащимся ранѣе. Послѣ неоднократнаго повторенія на протяженіи длиннаго школьнаго этапа, начиная съ элементарной школы, излюбленной нами тетралогіи: священной исторіи, богослуженія, катихизиса, церковной исторіи съ постепеннымъ расширеніемъ ихъ содержанія, мы, истощившись какъ бы въ изобрѣтательности, предлагаемъ, наконецъ, выходящимъ уже въ жизнь молодымъ людямъ начальное ознакомленіе съ богословіемъ въ той или иной формѣ. Но кто же не знаетъ, что само по себѣ богословіе, какъ обширнѣйшая и, скажемъ, самая отвлеченная при настоящей постановкѣ отъ жизни наука, не можетъ еще „умудрить во спасеніе“, а тѣмъ болѣе прямо и непосредственно способствовать молодому уму проникнуться религіозностію, особенно при ознакомленіи съ нимъ, такъ-сказать, *à vol d'oiseau*. Какъ и всякая научная дисциплина, богословіе несомнѣнно отличается разсудочностію, и въ смыслѣ пробужденія религіозности, особенно въ схематическомъ изложеніи, мало полезно для тѣхъ, въ комъ ранѣе уже не пылаетъ яркій свѣточъ сердечной вѣры. Какъ на примѣръ малоплодности богословія

въ смыслѣ школьнаго средства оживленія религіозности, достаточно указать на наши духовныя школы—среднюю и даже высшую, воспитанники которыхъ не всегда являютъ образецъ живой религіозности. Если же тамъ, въ духовной школѣ, такъ сказать очагъ религіозности, само по себѣ богословіе не являетъ животворной силы, то не слѣдуетъ ли намъ, законоучителямъ свѣтской школы, умѣрить свои упованія на введеніе въ программу Закона Божія—начальныхъ основъ богословія? Несомнѣнно, слѣдуетъ. Когда намъ говорятъ: что вы можете еще добавить къ вашему предмету, кромѣ вашей тетралогіи, мы не можемъ успокоиться на самодовольнымъ отвѣтѣ: мы учимъ богословію. Этого мало. Не объ одномъ возглавленіи неудачно, безжизненно построеннаго зданія религіозныхъ знаній сообщеніемъ богословія въ сухой семинарской формѣ должно здѣсь заботиться, а объ исправленіи тѣхъ коренныхъ недочетовъ въ преподаваніи предмета, изъ-за которыхъ сообщаемыя на урокахъ Закона Божія знанія не оказывали вліянія при общемъ расширеніи кругозора учащихся, всегда оставаясь изолированными отъ другихъ предметовъ обученія.

Что было роковымъ образомъ опускаемо при обученіи Закону Божію на протяженіи предшествующаго курса обученія, то, по крайней мѣрѣ, должно быть возмѣщено съ нашей стороны при завершеніи средне-образовательнаго курса болѣе цѣлесообразной и жизненной постановкой предмета. Если вѣками утвердившаяся и такъ излюбленная нами тетралогія при обученіи Закону Божію остается безъ вліянія на расширеніе общаго кругозора учащагося юношества, то не слѣдуетъ ли, не должно ли намъ позаботиться хотя о томъ, чтобы при завершеніи курса превратить сообщенныя ранѣе и остающіяся пока мертвыми религіозныя знанія въ живую, созидательную силу, когда у оканчивающихъ среднюю школу слагается уже жизненное міросозерцаніе? Несомнѣнно, въ этомъ должна бы, по настоящему, заключаться главная цѣль преподаванія Закона Божія въ старшихъ вы-

пускныхъ классахъ средней школы. Вѣдь стоитъ только представить все наше счастье, все величіе и плодотворность результатовъ нашего законоучительства, если бы въ самомъ дѣлѣ мы могли явиться дѣятельными помощниками нашему юношеству при выходѣ ихъ изъ школы и при вступленіи въ жизнь, въ трудной и часто мучительной работѣ по созиданію жизненнаго міросозерцанія! Что, если бы удалось намъ въ самую критическую пору для молодого, созрѣвающего ума, когда онъ созидаетъ себѣ духовное зданіе собственнаго міровоззрѣнія, въ которомъ будетъ потомъ человѣкъ жить, изъ оконъ котораго будетъ созерцать міръ Божій,—что, если бы удалось намъ тогда придти къ нему на помощь и вложить въ строяемое имъ духовное зданіе краеугольные камни евангельскихъ истинъ, вѣчныя, животворныя основы религіозной вѣры! Тогда бы изъ духовно-воспитательныхъ рукъ законоучителя могъ выйти убѣжденный, твердо и крѣпко на всю жизнь вѣрующій христіанинъ, и развѣ этимъ не достигалась бы самая главная цѣль всей нашей законоучительской и пастырской работы.

И нужно ли говорить, что эта именно цѣль, эта задача должна быть святою мечтою каждаго законоучителя; но какъ всякая мечта, каждое идеальное намѣреніе человѣка, и указанная выше задача законоучительства не легка для осуществленія. Мы уже видѣли, что малоплодность преподаванія Закона Божія зависитъ отъ того, что сообщаемыя имъ знанія, вслѣдствіе школьно-предметной формы, не вылетаются въ самую жизнь учащихся, остаются какъ бы мертвымъ матеріаломъ на протяженіи всего учебнаго курса; теперь возникаетъ вопросъ, не останутся ли они (религіозныя знанія) и при богословскомъ ихъ освѣщеніи на старшихъ курсахъ таковыми же, и какъ, что слѣдуетъ сдѣлать намъ для превращенія ихъ въ живую силу, чтобы они сами собою, какъ существенный элементъ, какъ именно краеугольные камни, могли войти въ слагающееся міросозерцаніе уже покидающихъ среднюю школу зрѣлыхъ юношей. Здѣсь-то и глав-

ное затрудненіе въ рѣшеніи задачи, осуществленіе нашей святой законоучительской мечты. Возлагать здѣсь надежды на одно только богословское освѣщеніе религіозныхъ знаній, ранѣе приобрѣтенныхъ учащимися, по меньшей мѣрѣ не основательно. Практика введенія богословія (въ формѣ апологетики и въ другихъ общихъ элементарныхъ видахъ) въ старшіе классы нашей средней свѣтской школы ясно показываетъ малопродуктивность одной этой мѣры, не внося замѣтной жизненности и подъема въ преподаваніе Закона Божія. Какъ растеніе, пересаженное безъ предварительной акклиматизаціи и лишь со всѣхъ концовъ урѣзанное, богословіе, взятое изъ школы духовной, оказывается на новой почвѣ тощимъ и безжизненнымъ. Доказательствомъ этому служатъ не малочисленные руководства, которыя въ большинствѣ являются лишь систематизаціей школьныхъ религіозно-католическихъ знаній подъ рационально-богословскимъ угломъ зрѣнія и, не имѣя соприкосновенія съ жизненными сторонами человѣческаго современнаго міровоззрѣнія, служатъ только достойнымъ завершеніемъ всего курса Закона Божія средней свѣтской школы, ни мало не вводя его въ кругъ умственныхъ и нравственныхъ запросовъ живаго человѣка.

II.

Не имѣя ничего противъ цѣлесообразности и разумности завершенія курса Закона Божія въ средней школѣ преподаваніемъ богословія, мы вышеприведенными соображеніями хотѣли только показать, что для полученія плодотворныхъ результатовъ сообщеніе богословскихъ знаній въ свѣтской школѣ должно имѣть особенный характеръ и постановку. При ознакомленіи учащихся съ необъятнымъ богатствомъ богословскаго знанія слѣдуетъ имѣть въ виду главнымъ образомъ жизненно-практическія цѣли, хотя бы изъ-за того приходилось жертвовать систематичностью, логической стройностью и полнотою въ изложеніи богословскаго вѣдѣнія. Научно-богословское освѣщеніе христіанскаго богооткровеннаго ученія дол-

жно въ рукахъ законоучителя явиться могучимъ средствомъ для введенія религіозныхъ истинъ въ общій строй мышленія учащихся, какъ необходимыхъ, жизненныхъ элементовъ. Пусть законоучитель при сообщеніи научно-богословскихъ знаній сумѣетъ показать величайшее значеніе религіозной вѣры въ жизни человѣчества, необходимость откровеннаго рѣшенія самыхъ главныхъ и общихъ вопросовъ міросозерцанія и нравственности; однимъ словомъ, пусть пріучитъ своихъ слушателей смотрѣть на религію не какъ на нѣчто внѣ-жизненное, отвлеченное, а какъ на самый существенный, необходимый факторъ въ нашемъ разумно-нравственномъ существованіи. При завершеніи курса Закона Божія въ средней школѣ нашею главною заботою должно быть пробужденіе въ молодыхъ умахъ именно такого отношенія къ религіозной вѣрѣ и религіозному знанію. Если, въ самомъ дѣлѣ, удастся намъ въ эту пору внушить молодымъ людямъ глубокій интересъ и любовь къ религіозному знанію, заставить ихъ серьезно задуматься надъ истинами христіанства и чрезъ это пробудить въ нихъ самую вѣру, то, вѣдь, чрезъ это мы самымъ естественнымъ путемъ достигнемъ христіанизаци и прочнаго религіознаго характера слагающагося на всю жизнь міросозерцанія молодыхъ людей. Тогда они сами при таинственной и мучительной душевной работѣ по выясненіи своего міросозерцанія неизбѣжно будутъ искать рѣшенія главныхъ вопросовъ въ религіи, и намъ, какъ „воспріемникамъ ихъ юной творческой мысли“ останется на долю благодарный, плодотворный и радостный трудъ—помогать своими уроками по Закону Божію въ ихъ самостоятельной душевной дѣятельности. И намъ не кажется неосуществимой мечтой, что, при надлежащей и желательной постановкѣ и направленіи преподаванія Закона Божія въ старшихъ классахъ средней школы, изъ нея могли бы дѣйствительно выходить въ жизнь сознательныя, убѣжденные христіане, истинные члены Православной Церкви Божіей.

Наше свѣтлое упованіе тѣмъ болѣе основательно, что въ настоящее время болѣе и болѣе въ этомъ направленіи проясняется сознаніе руководителей законоучительскаго дѣла и все ближе и сподручнѣе становятся учебно-воспитательныя средства для осуществленія указанныхъ плодотворныхъ цѣлей. Какъ мы уже говорили, для осуществленія практическихъ жизненныхъ задачъ въ преподаваніи Закона Божія, недостаточно механической пересадки духовно-школьнаго богословія на почву свѣтской школы; и вотъ теперь въ устраненіе этого недостатка и на помощь законоучителямъ есть уже достаточно обильная богословская апологетическая литература, болѣе соотвѣтствующая нашимъ законоучительскимъ цѣлямъ. Явившись сначала на Западѣ въ формѣ живыхъ апологетическихъ чтеній (вспомнимъ Лютарда), рассчитанныхъ на широкую просвѣщенную публику, эта литература въ жизненныхъ формахъ за послѣднее время получила распространеніе и въ нашей духовной журналистикѣ. Вотъ ею-то, разумѣемъ мы, и могутъ успѣшно пользоваться законоучителя при своихъ урокахъ по преподаванію богословія въ свѣтской школѣ. Намъ всегда въ статьяхъ и трактатахъ богословско-апологетическаго содержанія, помѣщаемыхъ въ духовныхъ журналахъ, радовало именно это стремленіе отрѣшиться отъ сухого теоретическаго школьнаго богословствованія и сблизить религіозную богословскую мысль съ запросами живого современнаго человѣческаго ума и сердца. Здѣсь для насъ, законоучителей, обильный источникъ и пособіе къ оживленію преподаванія Закона Божія. Не слѣдуетъ только намъ самимъ быть слишкомъ предубѣжденными по отношенію къ нашимъ слушателямъ и отчаяваться въ чуткости и отзывчивости нашего родного русскаго юношества къ живому слову Божіей правды, Христовой истины.

Но чтобы не оказаться голословными съ нашими разсужденіями, и, такъ сказать, беспочвенными теоретиками, позволимъ себѣ привести здѣсь одинъ, близкій пишущему, хотя и несовершенный опытъ осуществленія намѣченныхъ

въ предлагаемой статьѣ цѣлей и средствъ къ оживленію и плодотворности преподаванія Закона Божія.

Пусть опытъ этотъ имѣетъ мѣсто въ специально-педагогическомъ среднемъ учебнымъ заведеніи (Учительскомъ Институтѣ), но для выясненія и оправданія высказанныхъ мнѣній это обстоятельство не имѣетъ значенія, и, сверхъ того, здѣсь намъ представится случай къ нѣкоторымъ выводамъ по вопросу о постановкѣ Закона Божія въ нашей школѣ болѣе широкаго и принципиальнаго значенія. Лицу, причастному къ помянутому опыту, при началѣ преподаванія въ такомъ заведеніи Закона Божія естественно представился трудный вопросъ: какъ поставить преподаваніе своего предмета, чтобы онъ не былъ лишь безплоднымъ завершеніемъ мало-плоднаго дѣла предшествующихъ ему тружениковъ въ той же сферѣ. Дѣло въ томъ, что его слушатели и по условіямъ поступленія въ учебное заведеніе, да и *de facto*, являлись освѣдомленными въ прагматическомъ курсѣ Закона Божія, т. е. изучившими нашу излюбленную тетралогію—священную исторію, уставъ-богослуженіе, катехизисъ и церковную исторію. Представлялась необходимость дать учащимся въ теченіи трехлѣтняго курса нѣчто, обобщающее прежнія ихъ знанія по Закону Божію, нѣчто увѣнчивающее и завершающее прежде созданное уже въ ихъ умахъ и сердцахъ духовно-религіозное зданіе. Но гдѣ оно, и есть ли хотя у большинства изъ слушателей прочный фундаментъ, основаніе этого зданія? Въ виду того, что выше говорилось объ исключительной изолированности и маложизненности преподаванія З. Б. въ низшей и въ первыхъ классахъ средней школы, отвѣтъ на вопросъ получался отрицательный. И при такомъ положеніи дѣла, простое ознакомленіе учащихся съ главными, общими положеніями богословской науки было бы мертвымъ концемъ неудачно начатаго и веденнаго религіознаго обученія.

Какъ быть? Въ подобномъ затрудненіи для участника приводимаго нами опыта представляется одинъ исходъ: пользуясь данными богословія, освѣщать ихъ передъ слушателями

главнымъ образомъ съ жизненной, а не теоретически-научной стороны, чтобы показать имъ всю цѣнность, весь глубокий смыслъ и неустрашимое значеніе въ жизни человѣчества какъ вообще религіозной вѣры, такъ, въ частности, христіанства и его нравственныхъ основъ. При этомъ имѣлось въ виду выяснить предъ слушателями тѣсную, органическую связь религіозной мысли человѣчества съ попытками ума человѣческаго рѣшить міровые вопросы, при чемъ религія всегда являлась здѣсь необходимымъ рѣшающимъ авторитетомъ, каковымъ, и теперь, и навсегда, должно признать библейско-христіанское откровеніе. Сообщение учащимся богословскихъ знаній въ такомъ именно освѣщеніи и направленіи казалось инициатору опыта единственно цѣлесообразнымъ и благотворнымъ: оно могло бы скорѣе всего оживить ранѣе пріобрѣтенный запасъ религіозныхъ свѣдѣній и ввести ихъ, какъ необходимые элементы, въ слагающееся міросозерцаніе молодыхъ умовъ, убѣжденныхъ и увѣровавшихъ теперь, чрезъ соотвѣтствующее ознакомленіе съ міромъ религіозныхъ идей, въ ихъ высшей, непреходящей цѣнности для разумно-сознательной жизни человѣка. Соотвѣтственно намѣченной цѣли, въ приводимомъ нами опытѣ преподаваніе З. Б. сложилось въ такой приблизительно схемѣ—программѣ.

Съ начала, въ первый годъ, выяснялось обще-жизненное значеніе религіозной вѣры чрезъ ознакомленіе слушателей съ внутренней, психологической стороной религіи, ея всеобщностью и неудовлетворительностью попытокъ объясненія происхожденія ея различными теоріями. Затѣмъ, изложеніе вѣроученія главныхъ, исторически извѣстныхъ религій языческаго міра должно было показать глубокое, коренное значеніе религіозной идеи въ историческомъ прогрессѣ человѣчества въ связи съ извращеніемъ и противорѣчивымъ ея истолкованіемъ въ естественныхъ религіяхъ. Наконецъ, изображеніе послѣдовательныхъ попытокъ ума человѣческаго въ формѣ философскихъ и естественно-богословскихъ ученій, оказавшихся безсильными рѣшить религіозныя проблемы и

удовлетворить религіознымъ запросамъ духа, должны были склонять мысль къ признанію необходимости Откровенія и одной истинной откровенной религіи.

Второй годъ, естественно, служилъ къ болѣе основательному развитію и раскрытію тѣхъ выводовъ, какіе далъ первый годъ. Общее ученіе объ Откровеніи и Откровенной религіи въ совершеннѣйшей формѣ православно-христіанскаго вѣроученія являлось теперь уже достаточно обоснованнымъ и разумно-пріемлемымъ для сознанія учащихъся. При этомъ и здѣсь имѣлось въ виду общечеловѣческое, міровое значеніе главнѣйшихъ идей и основъ христіанскаго вѣроученія, заключеннаго въ Евангеліи, указаніе на глубокое проникновеніе этими идеями современнаго міросозерцанія человѣчества. Въ этомъ направленіи и жизненномъ освѣщеніи преподанное въ теченіе втораго года православно-христіанское вѣроученіе, какъ именно совершеннѣйшее религіозное міросозерцаніе, восполняющее и возглавляющее естественно-научное, само собою должно было явиться и основой, руководственнымъ началомъ практической стороны жизни-нравственности.

Этическая, нравственная сторона христіанской религіозной вѣры, ея раскрытіе и обоснованіе являлось такимъ образомъ само собою предметомъ третьяго курса. Но и здѣсь преслѣдовалась, главнымъ образомъ, та же разумно-сознательная цѣль, достиженіе которой являлось уже въ данномъ случаѣ болѣе легкимъ, чѣмъ вначалѣ.

Если вообще практическая сторона жизни человѣка зависитъ отъ общихъ его теоретическихъ взглядовъ, отъ его міросозерцанія, то въ данномъ случаѣ, при предположительномъ утвержденіи религіозныхъ убѣжденій въ молодыхъ умахъ, было бы легко надѣяться на сочувствіе и даже полное добровольное подчиненіе ихъ религіозно-нравственнымъ евангелическимъ основамъ, принципамъ дѣятельности. Однако, въ виду соблюденія послѣдовательности и большаго разумаго оправданія евангельскаго нравоученія, принято было за лучшее изложить въ историческомъ освѣщеніи всѣ глав-

ныя попытки человѣческаго ума обосновать нравственность и оправдать жизнь естественнымъ путемъ, и только, показавъ всю несостоятельность подобныхъ попытокъ, привести умъ и сердце слушателей къ добровольному признанію всей несравненной высоты нравственнаго ученія Евангелія. И здѣсь, какъ намъ кажется, достигался опять-таки самый благотворный и жизненный результатъ естественнымъ путемъ, безъ насилія убѣжденій и безъ подавленія мысли учащихся.

Законоучитель.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Хотѣлось бы мнѣ поговорить и о другихъ своихъ товарищахъ, по окончаніи курса разсѣянныхъ по разнымъ угламъ нашего отечества. Четыре года прожили мы подъ одною кровлею, при одинаковыхъ условіяхъ, и жили дружною семьею. Между нами не было никакихъ партій, враждующихъ одна съ другою, и когда я слышу, какъ нынѣ живутъ студенты между собою, и какъ ссорятся, и какъ не съ любовію, а съ ненавистію студенты одной партіи относятся къ студентамъ другой партіи, я съ большимъ сожалѣніемъ смотрю на нынѣшнее студенческое товарищество, и долженъ сказать, что наши старыя времена въ этомъ отношеніи были гораздо лучше. Мы были истинными товарищами, членами одной семьи. Въ нашихъ отношеніяхъ не было и тѣни какой-либо враждебности. О всѣхъ моихъ товарищахъ, безъ исключенія, у меня сохраняется самая живая и добрая память. Всѣ они относились ко мнѣ съ любовію, а многіе изъ нихъ, жившіе вдали отъ Кіева, отзывались мнѣ

¹⁾ См. № 19-й за 1910 г.

сочувственнымъ словомъ. А когда случалось намъ видѣться между собою, мы переживали отрадные минуты, и съ облегченнымъ сердцемъ дѣлились между собою и старыми и новыми впечатлѣніями. Но я боюсь расплыться въ подробностяхъ, и у меня образовалась бы нескончаемая нить, если бы я сталъ о всѣхъ сообщать все, что хранится въ моей памяти. Скажу, по возможности кратко только о нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей,—во-первыхъ о тѣхъ, которые особенно близки ко мнѣ, во-вторыхъ о тѣхъ, въ жизни или судьбѣ которыхъ было что-либо замѣчательное.

Самымъ близкимъ мнѣ человѣкомъ изъ студентовъ товарищей былъ Мартирій Ѳедоровичъ Чамепа, изъ подолянъ. Узы дружбы, связывавшія насъ въ студенчествѣ, не расторгались и не ослабѣвали и въ послѣдующее время, когда служебное положеніе разъединило насъ, а какъ будто крѣпчали болѣе и болѣе. Не разъ, по окончаніи курса, мы видѣлись другъ съ другомъ, частію въ Одессѣ, гдѣ я былъ при погребеніи преосвященнаго архіепископа одесскаго Димитрія (Муретова), а большею частію въ Кіевѣ, гдѣ Мартирію Ѳедоровичу приходилось бывать нѣсколько разъ, и мы встрѣчались между собою, не какъ простые товарищи, бывшіе однокашники, а какъ близкіе родственники, и дни свиданій нашихъ были одними изъ пріятныхъ дней въ нашей жизни. А переписка, и самая оживленная, продолжалась у меня съ нимъ до послѣднихъ дней его жизни. Когда мы кончили курсъ, мнѣ некуда было ѣхать въ вакацію. Мартирій Ѳедорычъ пригласилъ меня поѣхать вмѣстѣ съ нимъ, и у его родныхъ провести вакаціальные дни. Я послѣдовалъ его приглашенію, хотя человѣкъ мало бывалый и застѣпчивый, и первоначально стѣснялся ѣхать въ незнакомый край и тамъ вращаться среди чуждаго мнѣ общества, къ которому, пожалуй, мнѣ трудно будетъ привыкнуть. Дорогой (мы ѣхали на жидовской балагулѣ) я высказывалъ своему другу-товарищу свои опасенія, но онъ ободрялъ меня и обѣщался быть моимъ заступникомъ и руководителемъ, если я, незнакомый

съ условіями новой для меня общественной жизни, буду встрѣчать какія-либо затрудненія.

Во время моего путешествія въ Подоліи произошло мое первое знакомство съ евреями, и въ частности съ ихъ мошенничествомъ: я нечаянно сдѣлался жертвою ихъ мошеннической эксплуатаціи. Дѣло было въ г. Васильковѣ, гдѣ мы останавливались на нѣсколько часовъ, пока покормятся и отдохнутъ лошади. (Въ Кіевѣ тогда евреи не имѣли права жительства). Въ гостиницу или, точнѣе, въ еврейскую корчму, гдѣ была наша остановка, является еврей и предлагаетъ намъ размѣнять крупныя бумажныя деньги на мелочь. Тогда, во время крымской войны, бумажныя деньги не охотно принимали и не всегда соглашались размѣнивать ихъ. А тутъ самъ еврей напрашивается съ размѣномъ бумажекъ на серебро. Въ дорогѣ же намъ мелочь очень нужна была. Я предложилъ ему дать мнѣ серебряныхъ денегъ на десять рублей. Онъ насчиталъ мнѣ десять рублей разнообразными мелкими монетами, — гривенниками, злотыми, двугривенными; потомъ попросилъ ихъ у меня вторично для провѣрки... и затѣмъ отдалъ ихъ мнѣ. Лишь только онъ ушелъ, я сталъ считать полученныя отъ него деньги: оказалось ихъ у меня всего восемь рублей. Онъ обсчиталъ меня на два рубля, то есть, два рубля заработалъ себѣ мошенническою махинаціею. Жалко мнѣ было этихъ двухъ рублей, мошеннически похищенныхъ у меня. Со мной была ограниченная сумма денегъ, рассчитанная на скромные дорожные расходы. Я тотчасъ же заявилъ о мошеннической продѣлкѣ жида хозяину гостиницы и другимъ лицамъ, бывшимъ въ гостиницѣ. Но жида мошенника и слѣдъ простылъ. Хозяинъ гостиницы заявилъ, что онъ не знаетъ его, хотя этому я не повѣрилъ. Но что дѣлать? Пришлось примириться съ исчезновеніемъ нужныхъ мнѣ двухъ рублей. Это не единственный случай въ моей жизни, когда я подвергался безсовѣстной эксплуатаціи жидовской, и я извѣрился въ честность евреевъ. Обмануть христіанина, взять съ него лишнее, подсунуть ему худой то-

варь вмѣсто хорошаго, обсчитать его,—это считается у нихъ доблестію, и кто больше въ этомъ успѣваетъ, тотъ считается лучшимъ торговцемъ.

Въ Подоліи я прожилъ около двухъ мѣсяцевъ—іюль и августъ,—сначала у брата Мартирія Ѳеодорыча, Антона Ѳеодорыча, отца нынѣшняго кіевскаго священника Климента Чемены, въ селѣ Петрикивцахъ Литинскаго уѣзда, а потомъ въ с. Широкой Греблѣ, отстоящей въ восемнадцати верстахъ отъ города Винницы, у отца его. Въ томъ и другомъ мѣстѣ я встрѣчалъ радушный пріемъ. Живя у отца и брата Мартирія Ѳеодорыча, я вмѣстѣ съ нимъ бывалъ въ гостяхъ у священниковъ сосѣднихъ селъ и у священниковъ г. Винницы. Вездѣ, куда мы ни являлись, насъ принимали очень любезно. Даже одинъ священникъ села Юзвина, сосѣдняго съ Широкою Греблею, услышавъ отъ Чемены о моемъ стѣсненномъ финансовомъ положеніи, когда мы были у него, позвалъ меня въ свой садъ и вручилъ мнѣ пять рублей на дорожные расходы. Я послѣ вознаградилъ его за это книгами: къ такой расплатѣ я обратился потому, что увидалъ у него порядочную бібліотеку, и видѣлъ, что онъ интересуется литературою.

Когда я жилъ въ Подоліи и наблюдалъ жизнь тамошняго духовенства, три обстоятельства обратили на себя мое вниманіе, и рѣзко отпечатлѣлись въ моей памяти, и о нихъ я не могу не занести въ свою хроніку.

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза при посѣщеніи домовъ подольскихъ священниковъ,—это сравнительно большая обеспеченность тамошняго духовенства. Подольскіе священники гораздо богаче, чѣмъ священники нашихъ сѣверныхъ губерній, и потому живутъ они въ большемъ довольствѣ, чѣмъ священники великороссійскихъ губерній. У нихъ хорошіе удобные церковные дома, чего не было и вѣроятно нѣтъ и до сихъ поръ у священниковъ великороссійскихъ селъ. Земля у нихъ обрабатывается при пособіи прихожанъ, которые, по инвертарнымъ правиламъ, обязательно должны были не-

сти эту повинность. У многихъ было хорошее хозяйство, — и нѣсколько лошадей и барскіе экипажи. Земля тамъ благодатная, и иные, какъ напримѣръ, юзвинскій священникъ Янковскій, продавалъ много хлѣба, и тѣмъ увеличивалъ свое благосостояніе. Иные не довольствовались узаконеннымъ количествомъ земли, состоящимъ во владѣніи причта, а покупали у частныхъ землевладѣльцевъ большее или меньшее количество десятинъ, для извлеченія изъ нихъ большаго дохода.

Другое обстоятельство изъ жизни подольскаго духовенства, бросившееся мнѣ, сѣверянину, въ глаза, — нѣсколько иное отношеніе между членами причта, чѣмъ какое установилось у насъ на сѣверѣ. У насъ, на сѣверѣ, низшіе члены причта, — дьячки и пономари, — при служебномъ подчиненіи священнику, въ житейскомъ отношеніи стояли почти на равной ногѣ съ ними. Священникъ на сѣверѣ не могъ заставить своего дьячка сдѣлать для него такую или другую работу, относящуюся къ домашнему обиходу, и не обращался къ нему съ подобными требованіями. А тамъ, на югѣ, дьякъ былъ вполнѣ подчиненное лицо священнику, не въ служебномъ только отношеніи, но и въ житейскомъ. Священникъ поручалъ дьяку сдѣлать для него то или другое, не имѣющее никакого отношенія къ служебной дѣятельности, и дьякъ не смѣлъ отказываться, хотя бы то для него было неудобно и затруднительно. Когда мы съ Чепеной, погостивъ нѣсколько дней у его брата, должны были отиравляться къ его отцу, въ село, отстоящее отъ его мѣстопробыванія верстъ на восемьдесятъ, братъ Чепены священникъ призываетъ къ себѣ дьячка и говоритъ ему: теперь твоя очередь; завтра утромъ ты поѣдешь и повезешь вотъ этихъ господъ въ Широкую Греблю, и тотъ безпрекословно изъявляетъ готовность исполнить распоряженіе своего священника, хотя въ то время была рабочая пора, и у него своего дѣла было довольно. Могъ ли священникъ на сѣверѣ такъ властно распоряжаться своимъ причетникомъ и возлагать на него работу, ему чуждую, отвлекая его отъ занятій по своему хозяйству?

Наконецъ третье обстоятельство, мною замѣченное въ семействахъ подольскихъ священниковъ, — значительное подчиненіе ихъ польскому вліянію. Польскій языкъ тогда въ Подоліи былъ языкомъ образованнаго общества, и въ семействахъ священниковъ говорили по-польски. Между женскимъ персоналомъ въ священническихъ семействахъ находилось не мало такихъ лицъ, которыя, владѣя въ совершенствѣ польскою рѣчью, затруднялись говорить по-русски, даже не все хорошо могли понимать, когда великороссъ обращался къ нимъ своимъ обычнымъ словомъ. Когда явился въ Подоліи я, не умѣющій говорить по-польски, это у многихъ тамошнихъ жителей, никуда не выѣзжавшихъ изъ своего края, возбуждало удивленіе, такъ какъ видѣли въ этомъ отсутствіе признака образованности. И мнѣ случалось не разъ быть въ затрудненіи при бесѣдахъ съ иными барынями — женами священниковъ, не привыкшими слышать русскую рѣчь, и говорившими только по-польски или по-малороссійски. Иногда отвѣчали онѣ мнѣ невпопадъ на мой вопросъ, очевидно не понявши его. Равно и я, вѣроятно, ошибался въ своихъ отвѣтахъ, когда ко мнѣ обращались съ польскою рѣчью. Конечно, теперь все это совершенно измѣнилось, и русское вліяніе вытѣснило польское вліяніе и въ женской половинѣ подольскихъ священническихъ семействъ, чему очень много способствовали епархіальныя женскія училища. Да и помимо этого, полонизму въ юго-западномъ краѣ нанесенъ былъ полный разгромъ послѣ возстанія 1863 года. Нельзя сказать, чтобы и до этого возстанія русскому элементу оказывали пренебреженіе. Напротивъ, русскій языкъ былъ въ особенной чести, хотя въ простомъ домашнемъ обиходѣ онъ мало былъ слышенъ. Это былъ языкъ власти, языкъ высшаго слоя общества. Польскій языкъ былъ языкъ средняго класса общества, а низшій классъ простой народъ говорилъ по-малорусски. И священники съ своими прихожанами, съ крестьянскимъ людомъ говорили по-малорусски, съ поляками, представителями средняго класса по-польски, а въ дѣловыхъ сношеніяхъ и въ обращеніи съ начальствующими лицами говорили по-русски.

Проф. *Василій Ивницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 10-го мая 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 21.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года 23 мая.

Содержаніе: I. Дѣла минувшихъ дней. Свящ. В. Пестряковъ.—II. Богосло-
віе въ свѣтской средней школѣ. (Окончаніе). Заковоучитель.—III.
Мои воспоминавія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.—IV. Забѣт-
ки: а) Чтеніе вечернихъ молитвъ въ храмѣ. б) Священникъ-врачъ.

Дѣла минувшихъ дней.

(Къ вопросу о борьбѣ съ вѣтковымъ русскимъ недугомъ).

Дѣло было давно—лѣтъ 25 тому назадъ.

Вспоминается мнѣ глухая деревня въ одной изъ южныхъ губерній, съ ветхой церковкой, съ дряхлымъ старикомъ священникомъ. Сколько было лѣтъ послѣднему, сказать точно не берусь,—думается не меньше семи десятковъ. Грузъ многихъ лѣтъ не мѣняль, впрочемъ, старику быть энергичнымъ работникомъ и по службѣ, и въ своемъ хозяйствѣ. Глядя на батюшку, крестьяне только радовались и просили Бога продлить старику лѣта. Имя у него было величественное и грозное—„Левъ“ и мало гармонировало оно съ небольшой сухонькой фигурой старика, розовымъ лицомъ, ласкающими, удивительно молодыми глазами. Наше духовное сословіе считается

крѣпкимъ и живучимъ, но старики, подобные о. Льву, какъ-то стали переводиться среди насъ, что-то мало ихъ видно. Пенсіонный уставъ развязалъ отчасти руки епархіальнымъ начальствамъ, и со стариками теперь въ иныхъ епархіяхъ не стѣсняются, удаляя немилосердно за штатъ. Да и жизнь, кажется, становится короче—мельчаютъ люди. А жаль; было у этихъ Божьихъ старцевъ что-то такое, что родило ихъ съ деревней, дѣлало своими, сливало съ крестьянствомъ въ одно цѣлое. Это нѣчто трудно опредѣляемо, а эта близость съ приходомъ—какъ рѣдко она дается намъ, молодымъ, даже съ лучшими порывами, съ возвышенными взглядами на паствы, съ немалою иногда княжной мудростью!..

Интересенъ былъ о. Левъ во многихъ отношеніяхъ; семьи своей онъ не имѣлъ: кого похоронилъ, кого давно пристроилъ, но за то многочисленная родня постоянно осаждала старую хатенку о Льва, жила въ ней по мѣсяцамъ и годамъ, требовала на свое содержаніе не малыхъ средствъ, какія не легкимъ трудомъ и добывалъ о. Левъ. Работникъ о. Левъ былъ рѣдкій: на полѣ, на сѣнокосѣ онъ былъ раньше крестьянъ; не стѣснялся и не лѣнился идти за плугомъ или бороной, поворожатъ тяжелыми вилами снопы и сѣно, или въ одной рубахѣ проѣхать наверху тяжело нагруженнаго воза. Любимымъ его занятіемъ было пчеловодство; оно же было и главнымъ источникомъ средствъ къ жизни. Жалованья о. Левъ не получалъ, за требы съ крестьянъ не бралъ; единственно, чѣмъ поддерживали его прихожане, это услугами по хозяйству.

— Люди добрые, говаривалъ о. Левъ крестьянамъ ранней весною, а мои работнички пчелки на волю просятся, за степью скучаютъ.—На другой день крестьяне охотно перевозили батюшкину пасѣку на степь. Не было случая, чтобы отказали.

Удивительно было вліяніе этого челоѣка на приходъ: онъ былъ въ деревнѣ и судьей, и администраторомъ, и вра-

чемъ; ни одного дѣла крестьяне не рѣшали міромъ, не посоветовавшись предварительно съ батюшкой.

— А что батюшка, спрашивали крестьяне, пора бы намъ уже старшину выбирать. Кого бы намъ?

-- А старый что же—негодится, не угодилъ чѣмъ міру?

— Нѣтъ, только срокъ ему вышелъ.

— Ну, это ничего, опять его можно выбрать,—пусть потрудится, человѣкъ онъ расторопный и добрый.

— Отказывается, батюшка,—говорить хозяйство разстраивается черезъ службу.

— И то вѣрно. И батюшка, немного подумавъ указывалъ лучшаго, по его мнѣнію, кандидата.

— Иванъ Кучерявый—не сгодится ли для этого дѣла? Мужикъ будто ничего, не пьющій и грамотный.

Ивана Кучеряваго выбирали старшиной. Былъ, помню, и такой случай. Ходила по людямъ тихая и прехорошенькая сиротка Марійка, послѣдній годъ служившая у зажиточнаго и гордаго мужика Рябченка. Случилась съ этой сироткой бѣда, и со стыда и обиды бросилась она въ прудъ. Къ счастью, добрые люди ее выратовали и, полуживую, принесли къ батюшкѣ. Что случилось съ бѣдняжкой, я тогда не зналъ, но помню, что въ исторіи, взволновавшей все село, часто упоминалось имя статнаго и веселаго Ивася единственнаго наслѣдника Рябченка. На другой день мы, ребята, выдѣлывая на дорогѣ изъ пыли паляницы, кренделя и пироги, были очевидцами рѣдкаго зрѣлища: торжественно шелъ по улицѣ батюшка. Колыхаясь съ одной стороны на другую, горѣлъ на груди у него золотой, какъ мы думали, „крымскій“ крестъ; на головѣ была надѣта новенькая камилавка, а въ рукахъ былъ длинный посохъ съ бѣлымъ набалдашникомъ, привезенный богомольной прихожанкой изъ Іерусалима. Въ такой славѣ батюшку мы видѣли рѣдко—два три раза въ годъ, по большимъ праздникамъ, съ той разницею, что теперь батюшка былъ задумчивъ и не веселъ; мимо насъ онъ прошелъ никого не приласкавъ, ничего не сказавъ, ни о

чемъ не спросилъ, что вовсе было не въ его правилахъ. Въ высокой степени заинтересованные, слѣдили мы за батюшкой и видѣли, что направился онъ къ Рябченку. Что тамъ происходило—неизвѣстно, но часа черезъ два, весь красный, скорой походкой вышелъ о. Левъ, вытирая широкимъ платкомъ слезы на глазахъ, а за нимъ безъ шапки шелъ старикъ Рябченко и о чемъ-то усиленно просилъ, отъ чего-то упрямо отказывался. Въ ближайшее воскресенье мы были не только удивлены, но и обрадованы: послѣ службы къ церкви подѣхалъ свадебный поѣздъ съ молодымъ Рябченкомъ и Марійкой, которыхъ батюшка и повѣнчалъ. Когда вечеромъ, сидя верхомъ на плетняхъ и наблюдая танцы и веселье въ хатѣ Рябченка, мы съ удивленіемъ спрашивали старшихъ, почему на свадьбѣ не видно свата съ шитымъ полотенцемъ черезъ плечо, и зачѣмъ есть батюшка, обычно не ходившій на свадьбы, намъ скаазали, что батюшка и есть свать.

Въ строгомъ смыслѣ о. Левъ не былъ трезвенникомъ: не отказывался старикъ отъ винца, любилъ дѣлать старинные крѣпкіе меды, составленные по праѣдовскихъ рецептамъ, но водки никогда не пилъ и въ домѣ ея не держалъ. На деревенскихъ торжествахъ, если не было для батюшки вина, онъ только послѣ долгихъ упрашиваній разрѣшалъ выпить варенухи, какой теперь уже въ деревняхъ и не дѣлаютъ. Никакихъ обществъ трезвости въ тѣ времена не было, но о. Левъ и тогда уже проводилъ свою собственную трезвость, довольно строгую, не лишенную оригинальности даже для настоящаго времени,—послѣ сотенъ проектовъ и горь бумаги, исписанный по вопросу объ уменьшеніи народнаго пьянства. Въ борьбѣ съ этимъ народнымъ недугомъ о. Левъ не былъ ригористомъ, но за то былъ большимъ практикомъ: борьба съ пьянствомъ была у него приспособлена къ церковнымъ днямъ и временамъ. Я помню, что въ его простыхъ незатѣйливыхъ и довольно рѣдкихъ поученіяхъ въ храмѣ, водка сравнивалась со скромнымъ—мясомъ, молокомъ, яйцами, и выходило изъ его рѣчи такъ, что въ посты одинаково боль-

шой грѣхъ какъ ѣсть скоромное, такъ и пить водку. Къ слову сказать, и теперь у трезвенниковъ существуютъ сроки на воздержаніе отъ вина, выдаются на это даже особыя обѣтныя грамоты, но эти сроки, обычно, ни съ чѣмъ не связаны, зависятъ лишь отъ воли обѣщающаго. Въ приходѣ о. Льва трезвость была связана съ постомъ, съ днями воздержанія и молитвы. Скажутъ, что эта — полумѣра, но благодаря ей, приходъ почти половину года (среды, пятницы, и всѣ посты) не бралъ вина въ ротъ и смотрѣлъ на свою трезвость не только какъ на матеріально и фізіологически полезное дѣло, но и считалъ ее нѣкоторымъ религіознымъ подвигомъ. Это вело и къ тому, что, отвыкнувъ за долгія филипповки и великій постъ отъ вина, народъ и въ остальное время года не чувствовалъ къ нему особаго влеченія.

При томъ вліяніи, какимъ пользовался о. Левъ, другой на его мѣстѣ, быть можетъ, сдѣлалъ бы и больше, но особенность его дѣятельности была та, что онъ никогда не приказывалъ, не требовалъ, не давилъ своимъ авторитетомъ. Свободно, безъ особаго принужденія, насаждалъ и прививалъ онъ народу то, что казалось ему посильнымъ и осуществимымъ въ данное время, при наличныхъ условіяхъ, а если крестьяне дѣлали что-нибудь и не по его вкусу и желанію, онъ мирился, стараясь новое явленіе приспособить къ благу прихода и обезвредить.

Разъ крестьяне обратились къ о. Льву съ такою рѣчью.

— Что мы, батюшка, хотѣли спросить тебя, да все не знаемъ, какъ начать.

— А что такое, люди добрые?

— На счетъ жида, батюшка; скучно намъ безъ него. Въ Сватовкѣ, въ Гончаринцахъ, Бабинцахъ вездѣ есть по жида, и людямъ добре: есть гдѣ купить, продать. Жидъ и всѣ новости въ пантофлѣ изъ города до мѣстечка привезетъ — не нужно и твоей газеты. Вотъ и намъ завести бы себѣ жида, хоть поганенькаго — пусть бы торговалъ, а то за сѣрниками (спички съ фосфорными головками) и то подчасъ

приходится за пять верстѣ въ Бабинцы гонять. Какъ оно, батюшка, по Святому Писанію, не грѣшно, чтобы жидѣ между православными христіанами жилѣ?

— А изѣ васѣ кто-нибудь не сумѣлъ бы заняться торговлей: дѣло не плохое и доходное.

— Куда намѣ, батюшка, какіе мы купцы—мы хлѣборобы; наши дѣды и прадѣды хлѣборобами были.

— Коли такѣ, то ищите себѣ жидка, разѣ вамѣ скучно безѣ крамницы (лавочка).

Черезъ нѣкоторое время въ деревнѣ водворился Мордко, типичный старозавѣтный еврей въ ермолкѣ, съ пейсами, съ грязнымъ платкомъ на шеѣ. Вспоминая этого безобиднаго смирнаго жидка и другихъ, какихъ приходилось видѣть въ тѣ времена, только диву даешься, откуда взялась та наглость, безцеремонность, какая характерна теперь для многихъ жидковъ въ отношеніи христіанъ? Одни ли тутѣ евреи виноваты или, быть можетѣ, и наше славянское добродушіе, податливость много придали духу этому племени, развили въ немѣ непомерные аппетиты ¹⁾).

Съ Мордкой мужики обѣхали батюшку такѣ, что онѣ только руками развелѣ: рядомѣ съ еврейской крамницей, подѣ одной крышей, скоро появилась самая настоящая корчма, гдѣ улег-

¹⁾ Въ послѣднее время евреи и еврейскія газеты заявили себя особо враждебностію въ отношеніи духовенства, выставляя его за правое (преобладающее) и умѣренное направленіе черносотенцами, жидоѣдами какими-то. Кто наблюдалѣ жизнь духовенства въ Юго-Западномѣ краѣ, тотѣ знаетѣ, сколько евреевъ, мелкихъ конечно, кормится возлѣ духовенства. У очень многихъ священниковъ этого края—неизмѣнно свой „придворный“ жидокъ. Ежедневно является онѣ къ священнику, что нужно купить, гдѣ нужно продать или найдетѣ покупателя. Семья такого священника и ея нужды состоятъ какѣ бы на оброгѣ у такого еврея, и уже другой еврей, по мѣстечковой еврейской этикѣ, не имѣетѣ права пересидѣть перваго и вмѣшиваться въ его „сферу“. Покупаетѣ духовенство силошь у евреевъ; а сколько духовенство на своемѣ вѣку, въ минуты жизни трудная, выплатило евреямѣ контрибуціи въ видѣ самыхъ безпощадныхъ процентовъ, это трудно учесть.

лись толстыя, высокія, съ мѣдными кранами бочки, до верху наполненныя водкой.

Могорычъ (угощеніе) старикамъ, разрѣшеніе отъ акциза и „барашекъ“ ближайшему начальству—все было сдѣлано чисто, какъ слѣдуетъ. Батюшка ничего тутъ подѣлать не могъ; но о. Левъ, гдѣ нужно, не любилъ уступать. Въ ближайшее воскресенье онъ хорошо отчиталъ крестьянъ въ церкви за то, что завели у себя въ деревнѣ богомерзкое капище, какого въ селѣ отъ вѣка не было, и при этомъ твердо добавилъ, что старый обычай о непитьѣ въ постные дни останется въ прежней силѣ.

Въ первую же среду батюшка весь день просидѣлъ въ крामницѣ; ласково бесѣдовалъ съ Мордкой, разспрашивалъ о торговлѣ и зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы Мордко не отлучался въ корчму. Приходили кое-кто изъ болѣе сомнительныхъ въ цитейномъ отношеніи мужиковъ, желали батюшкѣ добрый день, одни, болѣе находчивые, покупали что-нибудь на грошъ, другіе неловко топтались на мѣстѣ, но о водкѣ спрашивать при батюшкѣ стѣснялись. То же было и въ пятницу. А потомъ батюшка откровенно заговорилъ съ Мордкой.

— Слушай, Мордко, сидѣть мнѣ у тебя неохота—нѣтъ времени, и тебѣ я мѣшаю торговать, но и переспорить меня трудно. У насъ въ посты народъ никогда не пилъ, такъ я хочу, чтобы и всегда, пока я живъ, такъ было. Хочешь меня слушать — хорошо, а нѣтъ — смотри — лихо тебѣ будетъ, а случится лихо, то кто же тебя, кромѣ меня оборонитъ? И чтобы у насъ дѣло было честно, безъ обмана,—согласенъ?

Мордко волей-неволей согласился. И прибавила корчма заботы не одному батюшкѣ, но и церковному сторожу Петровичу, старому отставному солдату; къ ежедневной вечерней его обязанности прибавилась новая.

— Ну, что у тебя, Петровичъ, все въ порядкѣ, церковь вымелъ, двери хорошо заперъ, огня не забылъ ли?

— Все въ исправности, ваше прендобіе.

Этот ежедневный разговор батюшки со сторожем нѣсколько разнообразился наканунѣ постныхъ дней.

— Теперь пойдн ты, голубе, къ Мордкѣ, да запри на завтра корчму. Ключи мнѣ принеси.

И Петровичъ совмѣстно съ Мордкой, и вполнѣ дружески, запералъ заведеніе: еврей—на свои замки, а Петровичъ—на батюшкинѣ—американскій, такой, что, по отзыву многоопытнаго Мордки, въ Россіи и не дѣлають—нужно выписать изъ-за моря. Изрѣдка, по особымъ соображеніямъ, о. Левъ немного, кажется, хитрилъ и провѣрялъ Мордка; а, можетъ быть, то и случайно было: откуда знать, чего хочетъ и что думалъ старикъ? Какъ честный еврей, Мордко тайной продажей въ запретные дни батюшку не обманывалъ, (не торговалъ онъ вовсе и въ субботу, такъ какъ, не въ примѣръ нынѣшнимъ евреямъ, свято сохранялъ законы отцовъ).

Случалось изрѣдка и въ „дозволенные“ дни, что Мордко, явившись раннимъ утромъ къ батюшкѣ за ключами, получалъ отъ него горестное сообщеніе, что ключи отъ корчмы гдѣ-то запропались. Обыскивала прислуга батюшкину квартиру, тормошила и спрашивала по нѣсколько разъ Петровича, доставилъ ли онъ ключи батюшкѣ, но ключей не было—какъ въ воду канули. А тѣмъ временемъ, какъ нарочно, у батюшки собиралось не мало требъ—нѣсколько крещеній, парастасъ, погребеніе—событія, при которыхъ Мордко могъ бы не мало заработать. Сломать замокъ батюшки? Но такая дерзновенная мысль никому и въ голову не приходила, да и замокъ былъ такой, что, по общему убѣжденію, никакой ломъ не могъ его взять. Такъ и обходились торжества безъ вина. Черезъ нѣсколько дней ключи благополучно отыскивались либо въ многочисленныхъ карманахъ о. Льва, либо гдѣ-нибудь за шкафомъ или сундукомъ, вызывая справедливое удивленіе, какъ они туда попали?

Не помню другихъ мѣропріятій о. Льва по части трезвости, но отлично помню, что того безшабашнаго и дикаго разгула, какой теперь можно наблюдать, у него въ приходѣ

не было. Молодежь, на которую теперь такъ сильно жалуются за ея разнузданность и пьянство, вкуса водки не знала, и если бы какой нибудь хлопецъ вздумалъ въ тѣ времена напиться, набезобразить, а тѣмъ болѣе, пагубить старшимъ, ему прописали бы такое наставленіе, что помнилъ бы до новыхъ вѣнниковъ. Старики—тѣ пили, далеко не всѣ и при томъ степенно, въ мѣру и въ особо торжественныхъ случаяхъ. Отлично помню, что въ приходѣ о. Льва не было нищихъ, калѣкъ, идіотовъ и полоумныхъ, какими теперь кишмя кишатъ нѣкоторыя селенія матушки Руси.

Священникъ *В. Пестряковъ.*

Богословіе въ свѣтской средней школѣ.

(Окончаніе 1).

Несомнѣнно, въ представленной выше схемѣ преподаванія Закона Божія въ старшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній, взятой при томъ же изъ опыта спеціального заведенія, многіе не усмотрятъ чего-либо особеннаго, новаго, тѣмъ болѣе—оригинальнаго. Скажутъ: да это же и есть апологетика, или основное богословіе, которое и принято, какъ завершительный курсъ Закона Божія въ средней школѣ. Не будемъ спорить. Такъ оно и есть и должно быть: Христова истина вѣчна и не нова, но дѣло въ томъ, какъ успѣшнѣе и плодотворнѣе привить ее сознанію и сердцу слушателей. И апологетика апологетикѣ—разнь: поставленная сухо-разсудочно защита истины евангельской можетъ превратиться,—грѣшно сказать,—въ защиту какъ бы самого Господа Бога, и развѣ наши нѣкоторыя руководства не навѣваютъ такой мысли? Избави Богъ отъ такой апологетики, по существу бесполезной и, если что и выражающей, то развѣ только ги-

бельное гордое богословское дерзновение. И вотъ, во избѣжаніе именно такого апологетическаго грѣха, убивающаго всѣ благія намѣренія и жизненную дѣйственность учителей-богослововъ, предложенная выше схема преподаванія богословскихъ знаній имѣеть за себя вѣскія основанія и практическое оправданіе. Не Бога, не Христа съ Его вѣчной истиной оправдывать долженъ апологетъ, а въ данномъ случаѣ законоучитель, это—не человѣчески гордо, грѣшно и дерзновенно и, добавимъ, безцѣльно; нѣтъ, намъ должно оправдать вѣрующаго слабого человѣка противъ нападковъ на него невѣрующаго; нашъ долгъ—показать всю высшую разумность и цѣнность вѣры религіозной въ жизни человѣка по сравненію съ безрелигіознымъ, животно-матеріалистическимъ существованіемъ. Намъ нужно показать молодымъ, ищущимъ самоутвержденія въ жизни, умамъ всю широту, всеобъемлемость и прочность религіознаго рѣшенія жизненныхъ проблемъ по сравненію съ узкимъ, одностороннимъ безрелигіознымъ міропониманіемъ. И эта цѣль, думаемъ, можетъ быть достигнута лишь тогда, когда сумѣемъ мы заинтересовать, увлечь молодые умы изложеніемъ предъ ними въ широкихъ, захватывающихъ чувство и мысль образахъ, библейско-христіанское міросозерцаніе и міропониманіе. Дорого и безусловно необходимо для нашей цѣли привить слушателямъ сознаніе, что безъ элементовъ религіознаго опыта, безъ отвѣтовъ Откровенія на запросы духа, нѣтъ возможности человѣку выработать для себя дѣйствительное, твердое и положительное міросозерцаніе. Если же все это такъ, то предложенный выше опытъ и схематическое изложеніе программы Закона Божія могутъ имѣть за себя достаточныя основанія.

Скажемъ еще, что суть ихъ не въ новизнѣ или оригинальности, но въ томъ, что здѣсь законоучитель имѣеть въ виду одну опредѣленную жизненную идею и цѣль въ преподаваніи. Онъ будетъ имѣть возможность использовать готовый богословскій апологетическій матеріалъ сообразно духовнымъ нуждамъ, запросамъ своей аудиторіи, и его уроки въ по-

слѣднихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній будутъ поистинѣ, жизненнымъ завершеніемъ всего курса Закона Божія и даже исправленіемъ и заглаженіемъ тѣхъ недочетовъ, какіе были въ предшествующемъ преподаваніи и какіе обусловливались больше самими, существующими пока программами, чѣмъ зависѣли отъ его личнаго произволенія. Въ оправданіе настойчивости проводимой нами идеи скажемъ еще, что, вѣдь, главнымъ препятствіемъ изъ благотворному, жизненному воздѣйствію школьнаго Закона Божія на наше юношество служитъ ничуть не какое-нибудь сознательное, убѣжденное безбожіе современнаго нашего общества, а просто—наше роковое неумѣніе связать свое обученіе З. Божію съ самою жизнью, ея запросами. Стоитъ оно въ сторонѣ не только отъ жизни, но совершенно изолированно и отъ всѣхъ прочихъ предметовъ школьнаго обученія, какъ мы говорили уже выше. Въ этомъ главная бѣда, и чтобы преодолѣть, побѣдить ее, слѣдуетъ намъ уничтожить именно это средостѣніе, это, естественно наживаемое учащимся юношествомъ, равнодушіе къ религіозной области жизни, ея запросамъ. Не забудемъ, что на помощь враждебнымъ нашему дѣлу школьнымъ условіямъ является въ данномъ случаѣ и современная литература во главѣ съ популяризованной матеріалистической наукой. При отмѣченной обычной постановкѣ Закона Божія, лишающей его жизненнаго вліянія на юношество, достаточно для послѣдняго голосовъ этой литературы и популярнаго матеріализма, чтобы внушить безповоротное, безапелляціонное равнодушіе къ религіи и ея запросамъ. Вотъ это-то безапелляціонное равнодушіе, а ничуть не убѣжденное безбожіе, и слѣдуетъ намъ побѣждать въ молодыхъ умахъ и сердцахъ учащагося юношества, предлагая ему, по крайней мѣрѣ при завершеніи курса Закона Божія, жизненное освѣщеніе какъ вообще религіознаго факта въ историческомъ существованіи человѣчества, такъ, главнымъ образомъ, непреходящей, міровой, вѣчной цѣнности христіанства въ духовной жизни каждаго человѣка. И если законоучителю удастся препобѣдить

въ своихъ ученикахъ, при выходѣ ихъ изъ школы и при вступленіи въ жизнь, или при переходѣ ихъ въ высшую школу, случайно вкоренившееся раньше равнодушіе къ религіознымъ запросамъ, удастся ввести въ ихъ слагающееся міросозерцаіе религіозныя основы, какъ необходимые жизненные элементы,—то его цѣль, въ главномъ, будетъ достигнута. Достигенію именно этой существенной цѣли преподаванія Закона Божія въ средней школѣ, думается, и могло бы послужить преподаваніе его въ духѣ и направленіи приведеннаго выше „опыта“.

Не претендуя на какую-либо компетентность и особенную опытность въ законоучительскимъ дѣлѣ, мы не рѣшаемся останавливаться на подробномъ истолкованіи способовъ осуществленія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ проводимой нами идеи; съ нашей стороны достаточно сказать, что схематически изображенный выше опытъ преподаванія З. Б., раздѣленный на три года, въ виду примѣненія его въ спеціальному заведеніи, легко можетъ быть примѣненъ и къ общеобразовательной средней школѣ съ сокращеніемъ его на двухлѣтній. Но по отношенію къ тѣмъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, гдѣ „опытъ“ имѣлъ мѣсто, хотѣлось бы высказать отдѣльно нѣсколько, невольно напрашивающихся на мысль, пожеланій касающихся болѣе рачительной и жизненной постановки преподаванія въ нихъ Закона Божія.

Разумѣемъ мы здѣсь такую роковую ненормальность. Если еще въ учительскихъ семинаріяхъ даются методологическія свѣдѣнія по обученію З. Б., то въ учительскихъ институтахъ эта сторона предмета совершенно упущена, къ величайшему сожалѣнію. Повидимому, основаніемъ къ исключенію методики изъ предмета Закона Божія является недопущеніе свѣтскихъ учителей къ его преподаванію. Но, Боже мой, какъ же не подумать о практическихъ послѣдствіяхъ подобной мѣры! Вѣдь, прежде всего чрезъ это Законъ Божій долженъ уже являться въ глазахъ воспитанниковъ чѣмъ-то внѣжизненнымъ, не касающимся ихъ будущей дѣятель-

ности: во-вторыхъ, не ознакомленные съ научными приемами религіознаго обученія и воспитанія, какъ могутъ быть они религіозно-нравственными воспитателями и учителями въ своихъ школахъ. Нельзя же ихъ дѣятельность ограничивать однѣми учебными цѣлями; вѣдь они же будутъ и воспитателями, нравственными руководителями дѣтей; но какъ они исполнять эту обязанность безъ систематической подготовки, безъ солидарности съ дѣятельностію въ той же области законоучителя своей школы? Если даже согласиться съ существующимъ порядкомъ преподаванія Закона Божія исключительно духовными лицами, то и тогда необходимость знакомства свѣтскихъ учителей школы съ методами религіознаго обученія и воспитанія должны быть признаны безусловно и въ полной мѣрѣ. А то—подумать только: укоряють учителей, учительницъ въ безрелигіозности, недостаткѣ религіознаго вліянія на учащихся, а между тѣмъ сами же, монополизировавъ обученіе Закону Божию и даже не давая возможности теоретически ознакомиться съ методами его преподаванія, лишаютъ ихъ возможности умѣлаго, жизненнаго воздѣйствія на дѣтей въ этомъ отношеніи! Но бѣда не ограничивается лишь этимъ; при существующемъ порядкѣ вещей она можетъ сказаться глубже и пагубнѣе. Вѣдь учитель дѣтей необходимо является и нравственнымъ ихъ руководителемъ, воспитателемъ. И вотъ, лишенный подготовки быть таковымъ въ строго религіозномъ христіанскомъ смыслѣ, развѣ не можетъ онъ и въ направленіи и въ способахъ нравственно-религіознаго вліянія на дѣтей оказаться, иногда даже невольно, въ прямомъ противорѣчій и антагонизмѣ съ нарочитымъ, такъ сказать, учителемъ нравственности, школьнымъ батюшкой...

Однѣхъ уже высказанныхъ мыслей достаточно, чтобы признать всю настоятельную необходимость устранить изъ существующей школьной практики случайно укоренившуюся здѣсь изолированность въ преподаваніи Закона Божія и распространить знакомство съ приемами его преподаванія на

всѣхъ участниковъ школьно-просвѣтительнаго дѣла. Чрезъ это поднимутся только и жизненность и плодотворность обученія Закону Божію въ нашихъ школахъ, и создастся почва для болѣе согласнаго и единомышленнаго религіозно-нравственнаго воздѣйствія на учащихъ какъ учителей, такъ и законоучителей.

На этомъ, отчасти побочномъ, но жизненно-необходимомъ пожеланіи и покончимъ нашу статью, вызванную, оговоримся еще разъ, единственно сердечнымъ, искреннимъ желаніемъ принести посильную пользу святому дѣлу законоучительства.

Законоучитель.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Но я уклонился въ сторону, передавая впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ поѣздки съ Чеменой на его родину. У меня идетъ рѣчь о моихъ товарищахъ по академическому курсу, и я долженъ докончить начатое слово о ближайшемъ своемъ товарищѣ Мартиріи Теодоровичѣ Чеменѣ.

Это былъ человѣкъ съ большимъ умомъ и съ большимъ житейскимъ тактомъ. (Онъ кончилъ курсъ подъ 3 № въ разрядномъ спискѣ). Гдѣ бы онъ ни былъ поставленъ, куда бы ни занесла его служебная житейская волна, вездѣ онъ умѣлъ бы поставить себя на надлежащей высотѣ, и порученное ему дѣло велъ бы съ безупречною честностію и полнымъ успѣхомъ. Конференціею академіи онъ предназначенъ былъ на должность преподавателя въ Волынскую семинарію, но архіепископъ одесскій Иннокентій (Борисовъ), бывший въ Петербургѣ, когда насъ распредѣляли по мѣстамъ, просилъ, чтобы ему дали въ Одессу лучшихъ студентовъ, и Чемену отъ

¹⁾ См. № 20-й за 1910 г.

Волею онъ предвосхитилъ себѣ, и Одесса сдѣлалась мѣстомъ его службы до самаго конца его жизни. Служебная его дѣятельность продолжалась при многихъ архіереяхъ, смѣнявшихся въ Одессѣ,—при Иннокентіи Борисовѣ, Іоанникіи Горскомъ, Димитріи Муретовѣ, Леонтіи, Платонѣ, Никанорѣ, Сергіи, Іустинѣ. Его непосредственные начальники были люди съ разнообразными характерами и неодинаковыми требованіями къ подчиненнымъ. Но всѣмъ имъ онъ умѣлъ угодить, ко всѣмъ приноровиться, и всѣ безъ различія признавали его умнымъ и образцово-дѣловитымъ исполнителемъ своего долга. Въ Одессѣ сначала онъ былъ преподавателемъ семинаріи, потомъ скоро поступилъ въ священники, былъ законоучителемъ гимназій, а когда въ семинаріяхъ въ 1867 году введено было выборное начало, его выбрали въ ректора Одесской духовной семинаріи, и на этой должности онъ пробылъ болѣе двадцати пяти лѣтъ, заявивъ здѣсь свое примѣрное усердіе къ дѣлу и свой образцовый педагогическій и административный тактъ. Учебная машина, имъ заправляемая, дѣйствовала вполнѣ правильно и успѣшно, и никакихъ безпорядковъ при немъ не возникало. Его любили и чтили, и его слушались ученики, донинѣ сохраняющіе, остающіеся въ живыхъ, свѣтлую о немъ память. Авторитетъ его высоко стоялъ и у наставниковъ, и все духовенство одесское готово было признать въ немъ своего руководителя. Преосвященный Димитрій (Муретовъ), не сочувствовалъ выборному началу, введенному въ семинаріи, и какъ-то, бывши въ Кіевѣ, въ собраніи его почитателей, дѣлалъ рѣзкій отрицательный отзывъ о новыхъ порядкахъ, введенныхъ Уставомъ семинарій 1867 года, но при этомъ замѣтилъ: къ счастью, у меня въ Одессѣ, при выборѣ ректора, жребій выпалъ на достойнѣйшаго (именно М. Ѳ. Чемену). Такимъ *достоинѣйшимъ* ректоромъ онъ остался отъ начала до конца своей службы въ семинаріи.

Четвертымъ въ нашемъ курсѣ кончилъ Ѳеодоръ Самойловичъ Надеждинъ, родной братъ Нектарія, впоследствии

архієпископа харьковскаго. Поступилъ онъ въ академію изъ кievской семинаріи, въ которой тогда его братъ былъ ректоромъ. **Ө. С. Надеждинъ** не былъ популяренъ въ студенческой средѣ и велъ довольно замкнутую жизнь, не принималъ живаго участія въ товарищескихъ бесѣдахъ и собраніяхъ. Особенно даровитымъ товарищи его не признавали; за него только горой стоялъ профессоръ словесности **Василій Ивановичъ Трейеровъ**, товарищъ **Нектарія** по академіи, который хвалилъ его за то, что онъ гладко и чисто пишетъ, лучше другихъ излагаетъ свои мысли. У него открылась одна гибельная слабость, страсть къ запрещенному питію. Онъ пилъ не въ компаніи, а втихомолку и наединѣ. Когда кто-либо изъ студентовъ, по какому-либо случаю, напримѣръ, по случаю именинъ предлагалъ угощеніе братъи (что частенько было), онъ не являлся, или являлся очень рѣдко на эти поздравительныя товарищескія выпивки. У него въ шкафѣ стоялъ всегда графинчикъ, наполненный соблазнительною влагою, и онъ тянулъ изъ него, когда товарищи его уходили изъ номера: товарищи, по крайней мѣрѣ многіе, не подозрѣвали образовавшагося у него пристрастія къ алкоголю: такъ онъ умѣлъ скрывать свою слабость. Но разъ (это было въ **Борщаговкѣ**, на академической дачѣ, гдѣ студенты жили во время вакаціи) онъ слишкомъ много перепустилъ губительной влаги, и дошелъ до безчувственнаго состоянія, такъ что мы, увидавъ его въ такомъ состояніи, испугались, думая, не кончается ли онъ. Но дѣло скоро разъяснилось, и съ тѣхъ поръ для всѣхъ очевидна стала его слабость, которую онъ прежде старался скрывать. Слабость его извѣстна была и его брату **Нектарію**, и когда онъ поступилъ на службу, преосвященный **Нектарій** позаботился, чтобы его братъ скорѣе перемѣнилъ холостую уединенную жизнь на семейную, надѣясь, что семейная жизнь исправитъ его. Но надежды его мало оправдались. **Ө. С. Надеждинъ** двукратно былъ женатъ, но ни первая, ни вторая жена не предохранили и не излѣчили его отъ той болѣзни, зачатки которой проявились у него въ студен-

чествѣ. По слухамъ, доходившимъ до Кіева изъ Петербурга, гдѣ онъ служилъ въ послѣдніе годы своей жизни, эта болѣзнь была причиною его преждевременной смерти: въ припадкѣ бѣлой горячки онъ бросился изъ третьяго этажа дома своей квартиры и упалъ на балконъ нижняго этажа и разбился такъ, что скоро скончался.

По окончаніи курса, онъ опредѣленъ былъ на должность преподавателя въ Кременецъ, въ Волинскую семинарію. Оттуда, благодаря содѣйствію своего брата Пектарія, бывшаго ректоромъ Петербургской семинаріи, а потомъ викарнымъ епископомъ въ Петербургѣ, переведенъ былъ въ С.-Петербургскую академію, кажется, на кафедру гомилетики. Но профессоромъ былъ онъ не важнымъ, и хорошей репутаціи не заслужилъ ни у студентовъ, ни у наставниковъ. Объ немъ, какъ о бывшемъ сослуживцѣ-профессорѣ, едва помнятъ въ С.-Петербургской академіи.

Упомяну еще о нѣкоторыхъ товарищахъ, при имени которыхъ у меня оживаютъ нѣкоторыя характерныя частности, ихъ отличающія.

Первымъ принятъ въ нашемъ курсѣ, послѣ приемныхъ экзаменовъ, Михайль Томашевскій изъ Полтавской семинаріи. Онъ обладалъ счастливою памятію, что помогло ему бойко отвѣчать на всѣ вопросы на экзаменѣ. Но онъ не удержалъ за собою перваго мѣста. Въ наше время въ академіи не устные отвѣты, а сочиненія имѣли рѣшающее значеніе при оцѣнкѣ достоинства студентовъ; а въ этомъ дѣлѣ онъ былъ не особенно силенъ. Къ рождественскому экзамену наставники составляли свои списки, съ показаніемъ успѣховъ студентовъ; и на главныхъ спискахъ, по философіи и по словесности, онъ попалъ чуть не во второй разрядъ. На первомъ мѣстѣ онъ остался только въ списокѣ Андрея Демьяновича Граникова, профессора гражданской исторіи, которому въ первое полугодіе мы не писали сочиненій, и которому Томашевскій успѣлъ угодить своими отвѣтами на разные частныя вопросы, имъ задаваемые. Изъ Полтавской семина-

риі къ экзамену въ Академію въ 1851 году явились шесть человѣкъ, и изъ этихъ шести человѣкъ не Томашевскій считался самымъ способнымъ, и кончили курсъ въ академіи изъ полтавцевъ два выше его, — Кленачевскій шестымъ и Дмитрій Гуглинскій восьмымъ, а Томашевскій кончилъ курсъ пятнадцатымъ, послѣднимъ магистромъ. Какъ ни были сложны въ наше время пріемные экзамены въ академію, но по нимъ не всегда вѣрно оцѣнивались способности и достоинства студентовъ. Умный студентъ, но не бойкій, могъ оказаться ниже другихъ, хотя менѣе основательныхъ, но болѣе рѣчистыхъ. Извѣстный профессоръ и инспекторъ академіи, недавно скончавшійся, Митрофанъ Филиповичъ Ястребовъ, послѣ пріемныхъ экзаменовъ принять былъ въ Академію, условно, до усмотрѣнія его успѣховъ. А къ Рождеству, онъ занялъ въ спискахъ уже пятое мѣсто, и потомъ съ отличіемъ кончилъ курсъ академіи, и съ честію занималъ мѣсто профессора академіи.

Былъ у насъ въ курсѣ одинъ студентъ языковѣдъ, говорившій свободно по-французски, по-англійски и по-нѣмецки, Петръ Ильичъ Николаевичъ (изъ Херсонской семинаріи). Къ языкамъ онъ имѣлъ особенную способность, и скоро и хорошо научился имъ, когда былъ учителемъ дѣтей генерала Шабельскаго и жилъ въ его домѣ, гдѣ были гувернантки, — и француженки и англичанки. И когда былъ онъ въ Академіи, онъ старался залучить къ себѣ иностранцевъ, чтобы бесѣдовать съ ними на ихъ языкѣ, и чрезъ то практически усовершенствоваться въ разговорной иностранной рѣчи. Разъ, въ Братскомъ монастырѣ, гдѣ академія, гулялъ съ дѣтьми какой-то полковникъ аристократъ, и при дѣтяхъ гувернантки. Ведутъ они рѣчь по-французски, къ нимъ пристааетъ Николаевичъ, и объясняется съ ними по-французски. Тѣ начинаютъ говорить по-англійски, и Николаевичъ даетъ имъ объясненія на англійскомъ діалектѣ. Какіе образованные студенты (сказалъ по этому поводу полковникъ!) Но этотъ студентъ языковѣдъ кончилъ курсъ довольно низко (35-мъ) и имѣлъ печаль-

ную судьбу. На должность посланъ былъ онъ въ Варшавское духовное училище, и не могъ здѣсь хорошо устроиться. Былъ онъ небольшого роста и не имѣлъ внушительнаго вида, и хотя владѣлъ свѣтскими манерами, не успѣвалъ пріобрѣтать благорасположеніе прекраснаго пола. Два раза дѣлалъ онъ предложеніе достойнымъ, нравившимся ему, дѣвицамъ, и получилъ отказъ. Эта неудача такъ на него подѣйствовала, что онъ потерялъ равновѣсіе душевныхъ силъ и сошелъ съ ума. Заболѣвъ душевною болѣзнію, онъ прибылъ или присланъ былъ въ Кіевъ, и помѣщенъ былъ въ Кирилловское богоугодное заведеніе, и здѣсь скоро скончался. Но будучи въ больницѣ, и не владѣя душевными силами надлежащимъ образомъ, онъ однако интересовался научными вопросами, и хотѣлъ готовить къ печати свое кандидатское сочиненіе, которое онъ писалъ на тему: „Русскіе святые изъ княжескаго рода“.

Мы учились и кончили курсъ, когда была крымская война, и между нами было большое патріотическое одушевленіе. Насъ очень волновали и огорчали неудачи, какія испытывала наша армія на бранныхъ поляхъ. Иные изъ нашихъ товарищей заявляли желаніе поступить въ дѣйствующую армію или ополченіе, но эти заявленія были отклонены. А когда скончался Императоръ Николай Павловичъ, и мы позваны были въ церковь для принесенія присяги новому Государю, многіе изъ насъ плакали навзрыдъ. Газета въ то время не была такъ распространена, какъ нынѣ, и студентами и для студентовъ не выписывалось никакой газеты. Между тѣмъ мы нетерпѣливо томились желаніемъ скорѣе знать все, что дѣлается тамъ, гдѣ Россія выдерживала натискъ четырехъ державъ, безъ резонныхъ основаній напавшихъ на нее. Чтобы быть въ курсѣ дѣла и слѣдить за теченіемъ событій, всѣхъ интересовавшихъ, мы записались въ бібліотекѣ Должикова, находившейся на Александровской улицѣ, недалеко отъ Академіи, и изъ его бібліотеки ежедневно брали газеты для прочтенія. Главнымъ хлопотуномъ,

изъявившимъ желаніе доставать намъ газеты, былъ Николай Александровичъ Терлецкій (изъ курскихъ, бывший впослѣдствіи протоіереемъ въ Переяславѣ Полтавской губерніи и смотрителемъ Переяславскаго духовнаго училища). Это былъ избранный нами выразитель нашихъ патріотическихъ чувствъ, старавшійся по мѣрѣ возможности удовлетворять наше возбужденное любопытство. Каждый день, послѣ обѣда, онъ идетъ къ Должикову и несетъ отъ него газеты. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ и встрѣчаемъ его, и набрасываемся на принесенныя имъ газеты. И если случилось что-либо непріятное для нашего отечества, мы по его печальному лицу замѣчаемъ, что нехорошія вѣсти несетъ онъ намъ; и мы, еще не читая газетъ, узнаемъ суть того непріятнаго дѣла, о которомъ подробности прочитаемъ въ газетахъ.

Изъ пятидесяти двухъ студентовъ, кончившихъ курсъ въ Академіи вмѣстѣ со мною въ 1855 году, осталось въ живыхъ только четыре человѣка:—1) я, отмѣченный докторомъ человѣкомъ слабаго тѣлосложенія, менѣе другихъ товарищей подававшимъ надежду на долготѣіе, по его экспертизѣ, въ своемъ долготѣіи, при признанной докторомъ слабости моего здоровья, я не могу не видѣть особеннаго дара милости Божіей 2) упомянутый раньше Теофанъ Леонтьевичъ Доброленскій, бывший архимандритъ Кирилль, 3) Димитрій Степановичъ Гуглинскій, бывший вначалѣ смотрителемъ Кременецкаго духовнаго училища, а потомъ перешедшій на службу по Министерству народнаго просвѣщенія въ Привислинскій край, бывший тамъ начальникомъ учебной дирекціи, и нынѣ состоящій въ отставкѣ, и 4) Константинъ Евстаѣевичъ Истомино, сынъ полкового священника (изъ Волынской семинаріи, бывший долгое время инспекторомъ Харьковской духовной семинаріи, нынѣ уже оставившій службу, но состоящій редакторомъ журнала „Вѣра и разумъ“. К. Е. Истомина благословилъ Богъ многочадіемъ. Я былъ въ Харьковѣ въ 1877 году, принятый тамъ благосклонно своимъ землякомъ архіепископомъ Саввою. А бывши въ Харьковѣ, я не могъ

не посѣтитъ своего товарища. Видя у него много подростающаго поколѣнія, я спросилъ его, сколько у него дѣтей. Онъ сказалъ, четырнадцать. А маленькій мальчикъ, сидѣвшій около насъ, возразилъ ему: нѣтъ, папа, пятнадцать. Начался споръ между отцомъ и малолѣтнимъ сыномъ, который не былъ рѣшенъ въ моемъ присутствіи. Жена же онъ былъ на родной сестрѣ бывшаго Директора Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ, Андрея Григорьевича Ильинскаго, племянницѣ бывшаго экзарха Грузіи, архіепископа Евсевія, который, кажется, не оставлялъ многочаднаго племянника безъ помощи. Въ 1877 году его супруга, мать четырнадцати или пятнадцати дѣтей, выглядывала женщиною молодою и крѣпкою.

Оригинальна и печальна была судьба одного нашего товарища Григорія Вержеховскаго, поступившаго въ академію при Могилевской семинаріи. Онъ не окончилъ курса въ академіи, а пробылъ въ ней только два года. По окончаніи двухгодичнаго младшаго курса академіи, онъ долженъ былъ оставить ее по болѣзненному состоянію. У него открылись признаки ненормальнаго умственнаго состоянія,—явилась страсть давать всѣмъ, кому не слѣдуетъ, разные совѣты, казавшіеся ему очень мудрыми и полезными. Наиболѣе рѣзко проявилось его ненормальное душевное состояніе, въ виду академическаго начальства, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ Кіевѣ, въ 1853 году, была сильная холера, и отъ холеры скончался одинъ изъ наставниковъ академіи Алексѣй Лукьянычъ Минервинъ. Въ періодъ сильнаго развитія епидеміи къ ректору академіи Антонію пріѣзжаетъ одинъ изъ лучшихъ врачей Кіева, профессоръ университета Алферьевъ. Узнавши объ этомъ, Вержеховскій бѣжитъ въ комнаты ректора, чтобы преподать Алферьеву совѣтъ, какъ нужно лѣчить отъ холеры. Чуть ли не безъ доклада онъ входитъ въ ту комнату, гдѣ ректоръ сидѣлъ съ Алферьевымъ, и объявляетъ цѣль своего появленія. Вы, доктора (говоритъ онъ при этомъ), неумѣете лѣчить отъ холеры, а я знаю прекрасное, самое дѣйствитель-

ное средство противъ этой болѣзни, и пришелъ сюда, чтобы сообщить вамъ объ этомъ средствѣ. Я забылъ, въ чемъ состояло это средство, хотя онъ и намъ сообщалъ о немъ; но мы на его лѣкарственныя познанія не обращали никакого вниманія. Кажется, это была какая-то спиртовая настойка, отъ которой нельзя было ожидать никакой пользы. Алферьевъ поблагодарилъ его за совѣтъ, и сказалъ ему, что онъ воспользуется его лѣкарствомъ, и надѣется, съ помощію его, излѣчивать больныхъ холерою. А когда ушелъ онъ, Алферьевъ говоритъ ректору: очевидно, субъектъ ненормальный, что видѣлъ и самъ ректоръ. Тогда предложено было Вержеховскому, для поправленія здоровья, оставить академію и отправиться на родину, въ Могилевскую губернію. На родинѣ онъ должно быть поправился,—женился и поступилъ во священники. Но болѣзнь, чрезъ нѣсколько временн, снова открылась въ немъ, и епархіальное начальство вынуждено было лишить его мѣста приходскаго священника. Будучи безмѣстнымъ священникомъ, онъ ѣдетъ въ Петербургъ хлопотать предъ высшимъ начальствомъ о томъ, чтобы ему дали какое-либо мѣсто. Явившись въ столицу безъ денегъ, онъ проситъ, даже требуетъ отъ центральной духовной власти, чтобы ему дали даровое помѣщеніе и денегъ для временнаго прожитія въ Петербургѣ. Конечно такое требованіе осталось безъ удовлетворенія. Оставили безъ удовлетворенія и другую его просьбу, съ которою онъ ѣхалъ въ Петербургъ, чтобы дали ему какое-либо мѣсто. Когда ему объявили отказъ въ этой просьбѣ, онъ выбранилъ членовъ Синода нецензурными матерными словами. За такую продерзость его лишили сана, и послали не въ Могилевскую губернію, какъ предполагали прежде, а въ Суздальскій Спасо-Евѣиміевъ монастырь, гдѣ онъ прожилъ въ заточеніи довольно долгое время (сколько именно, не знаю).

Я совершенно упустилъ его изъ вида. Но въ послѣдней половинѣ восьмидесятихъ годовъ онъ явился въ Кіевѣ,—явился съ тѣмъ, чтобы исходатайствовать себѣ какое либо мѣсто или какое либо пособіе къ содержанію себя и своего

семейства. Митрополитъ Платонъ, къ которому онъ обратился съ своею просьбою, принялъ въ немъ участіе и обѣщаль сдѣлать для него все, что съ его стороны возможно, но, кажется, не могъ облегчить его тяжелаго положенія. Въ Кіевѣ встрѣтили его лучше, чѣмъ въ Петербургѣ. Въ Петербургѣ не дали ему дароваго помѣщенія, а въ Кіевѣ онъ нашель пріютъ и получаль содержаніе въ Выдубицкомъ монастырѣ, гдѣ прожилъ мѣсяца три, четыре. Здѣсь онъ былъ въ здоровомъ умѣ, и никакой ненормальности въ немъ не замѣчалось.

Живя въ Выдубицкомъ монастырѣ, онъ нерѣдко заходилъ ко мнѣ, и при этихъ визитахъ повѣдалъ мнѣ свою печальную исторію. Я спросилъ его, какъ жилось ему въ Суздальскомъ монастырѣ? Онъ сказалъ: недурно. Тамъ жили вмѣстѣ со мною два раскольническіе лже-архіерея. У нихъ всегда были дорогія вина, хорошая икра и рыба, какой хотите: имъ присылали щедрые дары ихъ почитатели изъ раскольниковъ. Они и меня горемычнаго (говорилъ онъ) пріобѣщали къ своей нескудной трапезѣ, и готовы были дѣлиться со мною тѣми дарами, какіе въ изобиліи получали отъ міра. У несчастнаго разстриженнаго священника была жена и дочь. Онѣ проживали въ Харьковѣ, когда онъ искалъ въ Кіевѣ возможнаго облегченія своей тяжелой судьбы, и добывали средства для содержанія себя не легкимъ трудомъ своимъ.

Разъ онъ пришелъ ко мнѣ, когда у меня было нѣсколько добрыхъ знакомыхъ, между прочимъ духовникъ Великой Княгини Александры Петровны, протоіерей Василій Иванычъ Лебедевъ. Очутившись въ собраніи людей, интересующихся научными и религіозными вопросами онъ принималъ участіе въ бесѣдѣ, и при этомъ высказываль сужденія очень здравыя. У него было написано сочиненіе, направленное къ обличенію и опроверженію римско-католическихъ уклоненій отъ истины вселенско-христіанской, и онъ передаваль содержаніе этого сочиненія, надъ которымъ онъ, какъ видно было изъ его бесѣды, много трудился. „Ахъ, какой умный человекъ, сказалъ протоіерей В. И. Лебедевъ, и какой несчастный!“

Проф. *Василій Пьвницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКИ.

а) Чтеніе вечернихъ молитвъ въ храмѣ.

Одинъ изъ священниковъ Волынской епархіи донесъ его высокопреосвященству, что имъ заведено для православнаго населенія своего мѣстечка ежедневно чтеніе въ храмѣ вечернихъ молитвъ „на сонъ грядущимъ“. Въ первый день молящихся было не менѣе 200 человѣкъ, а въ слѣдующіе— не менѣе 400 человѣкъ. Для поощренія такого усердія прихожанъ къ храму, онъ покорнѣйше проситъ его высокопреосвященство преподать имъ свое святительское благословеніе и предложить другимъ пастырямъ ввести у себя этотъ святой обычай. На этомъ донесеніи священника высокопреосвященнѣйшій владыка положилъ такую резолюцію. „Конечно, это бы хорошо совершать ежедневно вечеромъ малое поведеніе съ вечерними молитвами и давать цѣловать христіанамъ крестъ съ пѣніемъ стихиръ 6-го гласа (Октоихъ: пятокъ) „Иже крестомъ ограждаемы“... (Совр. лѣт.).

б) Врачъ-священникъ.

Изъ села Гуты, Ковельскаго уѣзда, сообщаютъ, что мѣстный священникъ, въ виду полнаго отсутствія медицинской помощи, занялся медициной, изучилъ ее и лѣчитъ крестьянъ. Лѣченіе идетъ успѣшно и крестьяне очень довольны своимъ батюшкой.

Лѣчитъ священникъ крестьянъ бесплатно и бесплатно же даетъ имъ лѣкарства (Совр. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 17-го мая 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редакціи
журнала, при Кіевской духовной
Семинаріи.

№№ 22 — 23.

1910-го года 30 мая—6 іюня.

Содержаніе: I. Кое-что о церковной продажѣ свѣчъ. Свящ. В. Пестряковъ. — II. Къ холмско-русскому вопросу. Кир. Тихомировъ. — III. Карманная апологетика. Перев. Н. П. Селивановской. — IV. Мои воспоминавія. (Продолженіе). Проф. В. Шѣвницкій. — V. Замѣтка. Правила для приходскихъ миссіонерскихъ кружковъ въ Рязанской епархіи.

Кое-что о церковной продажѣ свѣчъ.

Основной статьёй церковнаго дохода является выручка отъ продажи восковыхъ свѣчъ: не будь ея—многіе приходскіе храмы не имѣли бы возможности удовлетворить самыя насущныя свои нужды. Богатства и капиталы православныхъ церквей, о которыхъ такъ любятъ расписывать газеты извѣстнаго пошиба, къ сожалѣнію, существуютъ только въ воображеніи досужихъ газетныхъ писателей, да на бумагѣ, которая все терпитъ; большинство же приходскихъ храмовъ едва сводитъ концы съ концами, живя на счетъ тѣхъ скромныхъ средствъ, какія даетъ свѣчной ящичкѣ.

Важное значеніе свѣчной торговли для церковнаго бюджета, казалось, должно бы вызывать самое внимательное отношеніе духовенства къ этому почти единственному источнику содержанія храма; въ дѣлѣ свѣчной продажи естественно было бы ожидать полной точности и опредѣленности, но на дѣлѣ этого, къ сожалѣнію, мы и не видимъ. Если бы въ какомъ-либо собраніи пастырей, — на примѣръ, благочинническомъ, — предложенъ былъ вопросъ о томъ, сколько даетъ чистой прибыли нудъ восковыхъ свѣчъ, то едва ли на этотъ вопросъ получился бы скорый отвѣтъ, и даже послѣ справокъ въ церковныхъ приходо-расходныхъ книгахъ отвѣты получились бы разные. Спрошенный нами по этому вопросу благочинный градскихъ церквей какъ-то сказалъ, что точно высчитать чистую свѣчную прибыль невозможно, приблизительно же въ его благочиніи она колеблется отъ 15 до 60 рублей. Разница не малая!

Трудность опредѣленія чистой прибыли зависитъ отъ двухъ причинъ: первая состоитъ въ томъ, что въ приходо-расходныхъ книгахъ церквей не дѣлается никакихъ указаній на то, сколько свѣчъ и какихъ бываетъ въ остаткѣ отъ прошлаго отчетнаго года. Вторая причина — это отсутствіе какихъ-либо данныхъ о томъ, на какую сумму, въ теченіе года, расходуется въ храмахъ свѣчъ бесплатно. Препятствія эти къ точному опредѣленію чистой свѣчной прибыли во всякомъ случаѣ не являются непреодолимыми, и отъ энергіи церковнаго причта вполне зависитъ устранить ихъ. Могутъ при этомъ возникнуть нѣкоторыя пренія и не особенно пріятные разговоры съ церковнымъ старостой, но этимъ смущаться нечего: интересы храма во всякомъ случаѣ должны для священника быть выше личныхъ удобствъ и добрыхъ отношеній съ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ лицомъ; да и то сказать, что добрый и честный приставникъ церковнаго имущества противъ ясности и опредѣленности протестовать едва ли будетъ, а со злымъ и строптивымъ едва ли и нужно особенно деликатничать.

Для того, чтобы выяснитъ доходность свѣчной продажи въ каждой отдѣльной церкви, нѣтъ надобности въ какихъ-либо общихъ административныхъ мѣропріятіяхъ, (хотя и они имѣли бы свое значеніе); достаточно священнику завести особую вѣдомость, въ которой въ концѣ каждаго года отмѣчать вѣсь остатка свѣчь на новый годъ и записывать количество свѣчь, расходуемыхъ въ церкви бесплатно. Определить послѣдній расходъ не трудно, такъ какъ бесплатно свѣчи ставятся только въ паникадила.

Для полной точности возможно было бы записывать на приходъ и свѣчи, поступающія въ видѣ жертвы (при панихидахъ, постовыхъ поминовеніяхъ), но существеннаго значенія, по своей малости, эти поступления не имѣютъ.

Для опредѣленія чистой прибыли отъ свѣчь всего удобнѣе продавать въ храмѣ свѣчи по возможности однородныя; что значительно упрощаетъ дѣло.

Полученныя этимъ путемъ цифровыя матеріалы изъ каждой отдѣльной церкви могутъ быть предложены для обсужденія на благочинническихъ собраніяхъ; здѣсь вполнѣ выяснится, въ какихъ церквахъ благочинія свѣчная доходность стоитъ низко, и какія нужно принять мѣры къ ея повышенію.

Свящ. В. Пестряковъ.

Къ холмско-русскому вопросу.

Вопросъ о выдѣленіи Холмской Руси изъ состава Царства Польскаго, возбужденный уважаемымъ епископомъ Евлогіемъ, не сходитъ со страницъ повременной печати; интересъ къ нему растетъ и среди православныхъ, и среди перешедшихъ въ католицизмъ, и среди поляковъ. Да и какъ не интересоваться этимъ дѣломъ? Вѣдь въ Государ. Думѣ будетъ рѣшаться судьба нашего бѣднаго, всѣми забытаго, ископн православно-русскаго народа, который неизвѣстно для чего и зачѣмъ обреченъ былъ до сего времени на жизнь въ

польско-католической атмосферѣ,—лишенъ права и возможности жить своей природной—православно-русской жизнью. Будетъ рѣшаться вопросъ о томъ: быть ли Холмщинѣ органической частью Россіи, или она должна будетъ слиться навсегда съ Польшей путемъ окатоличенія и колонизаціи, если останется въ составѣ Царства Польскаго?

Вопросъ, очевидно, громадной важности: не только религіозный, но и политическій, даже болѣе того—не столько религіозный, сколько политическій; это вопросъ о будущей судьбѣ не только Холмщины, но и всей Западной Россіи.

Глубоко ошибаются тѣ (а ихъ не мало и въ Гос. Думѣ), которые усердно стараются провести грань между религіей и политикой, рѣшительно отвергаютъ политическое значеніе „вѣроисповѣднаго вопроса“ въ Западной Россіи. Но можно ли отвергать это предъ лицомъ исторіи, свидѣтельствующей, что Польша искони и всегда вела свой натискъ на Западную Русь, органическую часть которой составляетъ и Холмщина, стремилась захватить ее и приобщить къ своему тѣлу на почвѣ именно религіозной. Въ силу историческихъ причинъ и условій, религія въ Западной Россіи получила значеніе и характеръ фактора національно-политическаго; православіе стало „русской вѣрой“,—католицизмъ „польской“. Это національно-политическое опредѣленіе вѣроисповѣданія до сихъ поръ остается, и католицизмъ усердно насаждается у насъ поляками именно какъ „польская вѣра“, какъ орудіе колонизаціи русскаго края.

Съ принятіемъ католицизма русскіе крестьяне подпадаютъ совершенно подъ вліяніе польскаго костела и совсѣмъ втягиваются въ польскую атмосферу: передъ паномъ они уже не смѣютъ говорить по-русски, а передъ ксендзомъ и думать по-русски не смѣютъ. Такимъ образомъ изъ русскаго человѣка вытравляется постепенно его національное самосознаніе, и онъ быстро колонизируется. Въ каждомъ католическомъ прозелитѣ Польша отнимаетъ у Россіи ея сына, дѣлая его своимъ сыномъ. Теперь уже такихъ прозелитовъ

сотни тысячъ, но ихъ могутъ стать скоро милліоны, и несомнѣнно станутъ, если свобода дѣйствій ксендзовъ и пановъ, вмѣсто ограниченія, еще будетъ расширена принятіемъ Гос. Думой „вѣроисповѣдныхъ“ законопроектовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они ей преподносятся вѣроисповѣдной комиссіей. Указъ 17 апрѣля 1905 года развязалъ руки полякамъ, но далеко не совсѣмъ: имъ допущено только отпаденіе отъ православія, но не допущена пропаганда католицизма и совращенія въ него православныхъ. И этого оказалось достаточно для того, чтобы 150.000 православно-русскаго населенія въ одной Холмщинѣ „отпали“, или правильнѣе сказать, совращены насильственно, при помощи іезуитовъ (хлынувшихъ въ край изъ сосѣдней Галиціи), въ католицизмъ. Изготовленные же думской комиссіей „вѣроисповѣдные“ законопроекты идутъ дальше: ими католицизмъ совершенно уравнивается съ православіемъ, и ему предоставляется полная свобода пропаганды и совращенія въ свое ученіе путемъ не только убѣжденія, соблазна, обмана, но даже насилія (статьи уголовн. улож., карающія насильственное и всякое иное совращеніе отмѣняются). При такой „конституціонной свободѣ“ въ три—четыре года Польша можетъ усилиться на счетъ Россіи не на 150.000, а на 1½ милліона человѣкъ, а въ 15—20 лѣтъ всю Западную Русь обратить въ Польшу.

Недаромъ поляки ведутъ теперь ярую агитацію противъ проекта выдѣленія Холмской Руси, агитируютъ даже въ костелахъ; они отлично понимаютъ, что выдѣленіе это будетъ способствовать возрожденію самосознанія русскаго народа, его религіи, государственности. Потому-то польское „коло“ въ Гос. Думѣ всѣ усилія направляетъ къ тому, чтобы „отложить“, а и если возможно, то вовсе отклонить разрѣшеніе Гос. Думой Холмско-русскаго вопроса. Но отложить его значитъ совсѣмъ оставить, потому что чрезъ нѣсколько лѣтъ и разрѣшать уже будетъ нечего: Холмская Русь совсѣмъ превратится въ Холмскую Польшу.

Какъ извѣстно, законопроектъ о выдѣленіи Холмской губерніи внесенъ правительствомъ въ Гос. Думу еще весною прошлаго года. Что сдѣлано думской комиссіей за цѣлый истекшій годъ, мы не знаемъ. Но по отрывочнымъ газетнымъ свѣдѣніямъ (напр., „Нов. Вр.“), выясняется, что эта комиссія въ теченіе трехъ мѣсяцевъ (ноября, декабря, прошл. года и января с. г.) дебатировала вопросъ объ историческомъ происхожденіи Холмщины: или споры о томъ, чье достояніе составляетъ Холмскій край русскихъ или поляковъ; подъ чьимъ владычествомъ находилось населеніе края во времена Олега, когда онъ шелъ воевать съ Царьградомъ; русскіе или поляки жили въ Холмщинѣ при Владимірѣ Святѣ и т. д. Дальше Ярослава Мудраго комиссія въ своихъ ученыхъ изысканіяхъ, повидимому, не зашла. Обѣ стороны, т. е. русскіе и польскіе члены Холмской комиссіи, остались при своемъ первоначальномъ мнѣніи, а затѣмъ съ февраля с. г. комиссія перестала собираться вовсе. — Таковы печальные итоги занятій Холмской комиссіи.

Цѣлый годъ для русскаго дѣла въ Холмщинѣ потерянъ. Это—несомнѣнный успѣхъ поляковъ сумѣвшихъ завѣрить октябристовъ и націоналистовъ, что польскіе члены Холмской комиссіи занимаютъ не обструкціей, а самимъ что ни на есть важнымъ дѣломъ въ интересахъ справедливости и высшихъ государственныхъ соображеній. Между тѣмъ, пока поляки съ такимъ успѣхомъ затягиваютъ разрѣшеніе Холмскаго вопроса, Холмская Русь, изнывающая подъ гнетомъ экономической зависимости отъ поляковъ, долго ждать защиты отъ центра не въ силахъ.

Обидно и горько читать о томъ, что теперь происходитъ въ Холмскомъ краѣ, гдѣ насильственно окатоличенные, подъ давленіемъ экономической зависимости отъ польскихъ помѣщиковъ, безземельные батраки идутъ, крадучись темной ночью, къ православному священнику, чтобы исповѣдаться и приобщиться Св. Тайнъ по вѣрѣ своихъ отцовъ; гдѣ православнымъ лучше живется у евреевъ арендаторовъ, чѣмъ у

польскихъ пановъ. И это въ искони русскомъ краѣ, состоящемъ подъ владычествомъ не чуждаго государства, какъ австрійская Галиція, а подъ державой православной Россіи!

Рождается самъ собою вопросъ: что же дѣлали и дѣлаютъ въ Холмщинѣ, въ смыслѣ противодѣйствія польской пропагандѣ,—православные священники и русскія школы? Православная Церковь и русская школа имѣютъ въ данномъ случаѣ большое значеніе, и съ политической точки зрѣнія сила ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Но эта сила дѣйствуетъ медленно, а время мы едва ли можемъ считать своимъ союзникомъ. Все богатое, вліятельное, притягивающее въ Холмскомъ краѣ — помѣщики, ксендзы, торговые и денежные люди, всѣ мѣстныя общественныя силы противъ насъ. Вообразимъ себѣ, что на сосѣдномъ панскомъ дворѣ невѣстамъ католичкамъ даютъ приданное, а православнымъ нѣтъ; что на сосѣдней фабрикѣ или экономіи для работниковъ изъ русскихъ никогда нѣтъ свободныхъ мѣстъ, что на другой фабрикѣ или другой экономіи русскихъ хоть и принимаютъ, но на самую тяжелую, черную работу, гдѣ ни директоръ или экономъ, ни большинство рабочихъ не говорятъ по-русски, а за прогулъ въ православные праздничные дни установлены значительные штрафы; вообразимъ себѣ, что торгаши-евреи, съ которыми русскіе холмичане имѣютъ дѣло въ городѣ и которые рыщутъ по деревнямъ, не говорятъ иначе какъ по-польски; что по поводу всякой бѣды или неудачи въ домѣ бывшего уніата сосѣдка-католичка назидательно внушаетъ: „это тебѣ за то, что ты въ костель не ходишь, что отъ папы отрекся“; вообразимъ себѣ, наконецъ, что въ равномъ разстояніи отъ усадьбы крестьянина и маленькая православная церковь, и колоссальный, вѣка простоявшій костель, окруженный могилами десяти поколѣній, въ которомъ были крещены и вѣнчаны тоже десять поколѣній; прибавимъ къ этому, что изъ костела ежедневно льются чистые звуки органа, а въ праздничные дни къ нему валомъ валитъ пѣшій народъ и мчится „вельможное панство“ въ коляскахъ, тогда

какъ изъ православной церкви едва доносится по воскреснымъ днямъ до паперти часто одинокій голосъ псаломщика;—вообразимъ все это, и одновременно съ тѣмъ рѣшимъ: можетъ ли священникъ, хотя бы образованный (а гдѣ взять 300 образованныхъ священниковъ?), отстоять и соблюсти свою паству?

Слѣдуетъ ли послѣ этого удивляться, что съ опубликованіемъ въ 1905 г. Высочайшаго Манифеста о вѣротерпимости всѣ упорствующіе уніаты и не малое количество православныхъ холмчанъ устремилось въ католичество. Могъ ли холмскій народъ, духовно и матеріально разъединенный съ русскимъ центромъ, нищій и обезличенный, устоять противъ натиска католицизма и противъ усвоенія польскаго языка? Слѣдуетъ ли его винить въ томъ, что онъ постепенно сталъ забывать родную рѣчь и измѣнять вѣрѣ отцовъ? Гдѣ онъ могъ видѣть силу и мощь русскаго государства, величіе и благолѣпіе православнаго богослуженія, богатство русскаго языка, полетъ русской мысли, если единственными представителями Россіи, съ которыми входилъ въ соприкосновеніе холмскій народъ, были священники, учителя и чиновники; т. е. тѣ духовныя и свѣтскія власти, которыя сами едва могли удержаться на своихъ позиціяхъ въ борьбѣ съ своимъ противникомъ—латинскимъ духовенствомъ, занимающихъ несравненно болѣе выгодное положеніе въ теченіе цѣлыхъ долгихъ вѣковъ?

Нельзя не отмѣтить очень характернаго факта, что польско-ксендзовской „свободой совѣсти“, воцарившейся съ 1905 г. въ Западной Россіи, возмутились даже... поляки. Даже изъ среды нихъ въ послѣднее время, подъ вліяніемъ проекта выдѣленія Холмской Руси изъ состава Царства Польскаго, стали раздаваться голоса, обвиняющіе католическое духовенство въ чрезмѣрномъ политическомъ усердіи, что уже грозитъ Польшѣ утратой Холмщины, а въ дальнѣйшемъ можетъ и совсѣмъ испортить „работу“ „посполитовой sprawy“, ибо заставитъ „москалей“ принять мѣры противъ слишкомъ

поспѣшной и слишкомъ рьяной полонизаціи „Руси“ путемъ скатоличенія. Извѣстный—безусловно польскій писатель Александръ Свентоховскій сказалъ недавно въ собраніи прогрессивной партіи въ Варшавѣ рѣчь, въ которой раскрываетъ истинное положеніе католицизма среди русской народности. Вотъ какъ онъ освѣщаетъ Холмскій вопросъ: „Это—борьба не столько идеи польской государственности съ государственностью русской, это—борьба—поединокъ православія и католицизма. И что печальнѣе всего,—эту борьбу мы сами разожгли. Мы строили испоконъ вѣковъ всѣ наши расчеты польской государственности на католицизмъ и всячески старались помогать католическому духовенству въ борьбѣ его съ православіемъ и въ погонѣ за овечками. Что же удивительнаго, что наконецъ православное духовенство въ этой борьбѣ схватилось за спасительную идею отдѣленія Холмской Руси? Если бы пропаганда католицизма среди униатовъ была ведена людьми, глубоко вѣрующими, зилотами, то хотя и возможно было бы объ этомъ сожалѣть, но это было бы все же понятно, но вѣдь наши патріоты, которые шли туда, въ народъ, вовсе не были вѣрующими, а просто считали католицизмъ средствомъ, ведущимъ къ опредѣленнымъ цѣлямъ, и неудивительно, что они вызвали изъ летаргіи силу, съ которой теперь приходится считаться. Теперь дѣло идетъ уже о потерѣ для насъ цѣлой части страны (Холмщины)... Для пропаганды поддѣлывали даже учебники исторіи: изъ нихъ вычеркнули кровавыя религіозныя преслѣдованія, какія допускались въ Польшѣ въ отношеніи иновѣрцевъ“.

Болѣе яркую картину дѣятельности ксендзовъ даетъ другой польскій писатель того же прогрессивнаго лагара А. Немаевскій, который разоблачаетъ еще одну, новую сторону ксендзовской „свободы совѣсти“. „Наши миссіонеры превратились, говоритъ онъ, въ предпринимателей, а пропаганда католицизма въ выгодное дѣло. Ксендзы, почувствовавъ запахъ денегъ, стали до невозможности жадны; получая вначалѣ за каждаго, котораго вписывали въ католицизмъ, по нѣсколько

злотыхъ, постепенно повысили таксу до рубля и, наконецъ, до 10 руб. съ головы присоединяемыхъ къ католицизму... Я знаю, что нѣкоторые ксендзы сдѣлали на этой аферѣ огромныя состоянія¹⁾.

Очень характерно, что такое обвиненіе, печатно предъявленное къ католическому духовенству, не вызвало не только опроверженія, но и какого-либо возраженія. Между тѣмъ, оно вызвало новыя разоблаченія въ томъ же направленіи—въ Львовскомъ журналѣ „Нива“ (1909 г., № 4, статья „Поляки противъ уніи“) и въ „Галичанинѣ“ (1909 г., № 60). „Католическое духовенство, пишетъ послѣдній, всегда служило орудіемъ колонизаціи, но никогда не забывало и о личныхъ житейскихъ благахъ. Вотъ ксендзъ, нажившій тысячь тридцать обращеніемъ бывшихъ уніатовъ въ Холмщинѣ. А вотъ другой ксендзъ, нажившій цѣлое состояніе на „краковскихъ бракахъ и крещеніяхъ“ и т. д. Эта афера оказалась настолько выгодной, что за нее принялись было даже евреи. Извѣстенъ случай, когда судили еврея, переодѣвагося ксендзомъ, совершавшаго тайнства брака и крещенія въ избахъ и по лѣсамъ у темнаго, нафанатизированнаго ксендзами поселенія Холмщины и выдаваго метрики за подписью краковскихъ канониковъ. Все это извѣстно въ тысячахъ случаевъ и вариантовъ. А вотъ еще характерное происшествіе. Въ 1906—1907 гг. были допущены изъ-за границы члены іезуитскаго ордена „воскресенцевъ“ для пропаганды въ Привислинскій край, проникшіе затѣмъ и въ Западный и Юго-Западный край. Въ одномъ городѣ губернаторъ, получивъ поздно вечеромъ докладъ о возмутительной проповѣди „воскресенцевъ“, во время которой былъ произведенъ среди слушателей значительный сборъ въ чью-то пользу, потребовалъ немедленно къ себѣ этихъ благочестивыхъ проповѣдниковъ-миссіонеровъ. И вотъ появляются къ нему эти „миссіонеры“ совершенно пьяные. Оказалось, что они послѣ проповѣди, на

¹⁾ „Mysl Niepodlegla“ 1909 мартъ.

радостяхъ отъ большой жатвы, собранной съ темнаго народа, стали „поминать родителей.“

Относя всѣ эти разоблаченія къ домашнему дѣлу поляковъ, мы не намѣрены входить въ ихъ оцѣнку. Но дѣятельность католическихъ ксендзовъ и миссіонеровъ среди православно-русскаго населенія нашего Западнаго и Юго-Западнаго края вообще, а Холмичины въ особенности, это, конечно, не домашнее дѣло поляковъ и даже не наше домашнее дѣло, а государственное дѣло Россіи; оно естественно требуетъ къ себѣ огромнаго вниманія и Госуд. Думы, въ виду той остроты, въ какой оно предстаетъ въ данное время предъ нею. Между тѣмъ думскіе „вѣроисповѣдныя“ законопроекты сводятся не къ тому, чтобы сообразовать дѣятельность католическаго духовенства съ законами Россіи, а совершенно наоборотъ—чтобы законы Россіи сообразовать съ дѣятельностью католическаго духовенства и стремленіями польскихъ „одбурователей ойчизны“. Не ясно ли, къ чему это естественно должно привести? Должно привести къ тому, чего мы ни въ какомъ случаѣ допустить не должны и не можемъ.

Въ вопросѣ выдѣленія Холмской Руси, этой исконной русской области, не слѣдуетъ забывать одного очень важнаго пункта: манифестъ 17 апрѣля о свободѣ вѣры былъ понятъ здѣсь массаами, вслѣдствіе толкованія ксандзовъ, какъ актъ политическаго отдѣленія Польши. Отсюда для крестьянъ получился такой выводъ: вся земля переходитъ къ полякамъ, и русскимъ не дадутъ здѣсь жить. Религія явилась синонимомъ національности: православный—значить русскій, католикъ—значить полякъ. Требуется много труда, чтобы втолковать холмичанамъ настоящее положеніе дѣла.

Итакъ, выдѣленіе Холмской Руси—вопросъ давно назрѣвшій. Разрѣшенія его ждуть многія сотни тысячъ людей. Народъ понялъ, что нашлись люди, которые заботятся объ его участи, и что приближается время новой жизни. Выдѣленіе Холмичины необходимо теперь, когда особенно важно, чтобы въ сознаніе русскаго населенія прочно было ввѣдрено

убѣжденіе, что Холмскій край—Россія; а не Польша, чтобы даже тѣ русскіе люди, которые не устояли предъ натискомъ католицизма, не отождествляли въ своемъ понятіи католика съ полякомъ, ибо это можетъ имѣть тяжелыя послѣдствія, такъ какъ окатоличенныя мѣстности могутъ остаться за чертой Холмской губерніи. Еще важнѣе, чтобы съ Холмскимъ дѣломъ не тянули, а сдѣлали насколько возможно; потому что, пока думская-холмская комиссія, покончивъ съ исторіей края, соберется приступить къ опредѣленію племеннаго состава населенія гминъ и городовъ, можетъ оказаться, что большая часть русскаго люда уже насильственно окатоличена. Сохрани, Боже, отъ этого: тогда все русское населеніе Холмщины, охваченное паникой, неминуемо погибнетъ.

Кир. Тихомировъ.

Карманная апологетика въ вопросахъ и возраженіяхъ атеиста и въ отвѣтахъ христіанина. 1).

Вѣра и невѣріе находятся въ наше время въ рѣзкой противоположности. Невѣріе кажется даже на первый взглядъ значительно болѣе мощнымъ, чѣмъ вѣра. Поэтому побольше бодрости! Самъ Іисусъ долженъ былъ въ теченіе всей Своей жизни бороться съ невѣріемъ Своихъ современниковъ. А когда Его евангеліе все же одержало верхъ, сколько ненависти, поношеній, нападокъ и преслѣдованій должны были переносить первые христіане. Мы не должны поэтому страшиться,

1) Среди лучшихъ нѣмецкихъ апологетовъ настоящаго времени видное мѣсто занимаетъ редакторъ апологетическаго журнала *Der Geistes-kamps der Gegenwart* (бывшаго *Beweis des Glaubens*—съ 1909 года) Э. Пфеннигсдорфъ. Изъ болѣе крупныхъ сочиненій перу Пфеннигсдорфа принадлежатъ: *Christus im modernen Geistesleben*, „Fromm und Freil“ (Ein Führer im Glaubenskampf der Gegenwart), *Persönlichkeit*, *Christliche Lebensphilosophie für moderne Menschen*, *Moderner Mensch und Christ*. Изъ этихъ сочиненій первое переведено и на русскій языкъ. Изъ многочис-

если часть этихъ поношеній падеть и на насъ. „Если они Меня гнали“, говорить Господь, „то и васъ стануть гнать“. Мы должны считать для себя честью претерпѣть что-либо за Христа! Итакъ, пусть твое сердце будетъ исполнено мужества, взоръ—ясенъ, рѣчь—тверда и смѣла, когда невѣріе выступитъ тебѣ на встрѣчу со своими возраженіями.

1. Возраженія противъ вѣры вообще.

1. *Атеистъ*: Все дѣло въ томъ, какъ жить. Вѣра же въ этомъ случаѣ безразлична. Мое же правило таково: поступай справедливо и не страшись никого.

Христіанинъ: Вѣрно — все дѣло въ томъ, какъ жить! Но откуда же я возьму силу поступать хорошо, если я не вѣрю, что Богъ предназначилъ меня къ добру? Какъ могу я радостно и энергично содѣйствовать добру, истинѣ и справедливости, если я не вѣрю, что добро въ концѣ концовъ должно побѣдить, ибо такова воля Бога? Человѣкъ, ни во что не вѣрящій, теряетъ въ концѣ концовъ и вѣру въ побѣду добра.

левныхъ мелкихъ сочиненій Пфеннигсдорфа вниманіе иѣмцкой богословской печати обратила на себя книжка: *Der Christ und der Gottesleugner. Wehr und Waffen im Kampf um die Weltanschauung.* Dessau 1908, гдѣ въ формѣ діалога между атеистомъ и христіаниномъ дается иѣчто въ родѣ дѣльной малевькой карманной апологетики, обнимающей собою всѣ ходячія современныя возраженія противъ христіанства. Точный переводъ карманной апологетики Э. Пфеннигсдорфа и предлагается здѣсь лишь подъ измѣненнымъ нѣсколько заглавіемъ. Она предназначена авторомъ для чтенія рабочиыхъ въ противовѣсъ извѣстной „Карманной социаль-демократической библии“, но можетъ служить содручнымъ пособіемъ всѣмъ для отвѣта на ходячія возраженія противъ христіанской вѣры. Карманная апологетика Пфеннигсдорфа съ краткостью соединяетъ полноту и содержательность, съ популярностью изложенія — научную основательность, а потому вполне заслуживаетъ широкаго распространенія и вниманія и у насъ. Что касается перевода, то нѣкоторая шереховатость языка въ немъ по мѣстамъ объясняется похвальнымъ стремленіемъ переводчицы къ точности и сполна вознаграждается успѣхами въ этомъ отношеніи.

Ред. перев.

Онъ подвергается опасности дѣлать добро только лишь постольку, поскольку это ему выгодно. „Человѣкъ, по вѣрѣ своей ты живешь“. Поэтому-то всѣ тѣ люди, которымъ мы многимъ обязаны, были вѣрующими. Вспомни о герояхъ войны за независимость, вспомни объ императорѣ Вильгельмѣ I, о Мольтке, Бисмаркѣ, и др. Они поступали справедливо и не страшились никого, потому что боялись Одного только Бога. Страхъ Божій освобождаетъ отъ всякаго страха предъ людьми.

2. *Атеистъ*: Однако же существуетъ много такъ называемыхъ христіанъ, которые въ жизни жестоки, эгоистичны и несправедливы.

Христіанинъ: Такъ называемыхъ—конечно! Но у нихъ вѣра служить только вывѣской,—ибо истинная христіанская вѣра есть преданность всѣмъ сердцемъ Богу и живое упованіе на Спасителя, чрезъ Котораго мы достигаемъ мѣра съ Богомъ. Такая вѣра, наполняющая жизненной силой сердце человѣка, перерождаетъ этого человѣка и дѣлаетъ его чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе вѣрнымъ долгу, благонадежнымъ, правдивымъ, способнымъ на самопожертвованіе и хорошимъ товарищемъ. Христіанская вѣра—это величайшая жизненная сила.

3. *Атеистъ*: Однако же наука одержала верхъ надъ вѣрой. Просвѣщенный человѣкъ уже не можетъ быть вѣрующимъ христіаниномъ.

Христіанинъ: Вѣра и наука отнюдь не находятся во враждебной противоположности. Онѣ имѣютъ совершенно различныя области и совершенно различныя задачи.

Область науки—это внѣшній миръ, который мы видимъ, слышимъ, или вообще какъ-нибудь можемъ воспринимать нашими внѣшними чувствами. Область вѣры есть невидимый духовный міръ. Она касается какъ разъ того, что лежитъ за предѣлами научнаго познанія. Какъ же можетъ вѣра противорѣчить этому послѣднему?

Точно также и задачи какъ здѣсь, такъ и тамъ совершенно различны. Наука хочетъ объяснить видимый міръ пу-

темъ отыскиванія естественныхъ причинъ явленій и фактовъ, Вѣрующій человекъ интересуется прежде всего цѣлью всего происходящаго. Для чего я существую? Для чего существуетъ міръ? Для чего мы живемъ, страдаемъ и умираемъ? „Смыслъ“ и „цѣль“ однако вещи невидимыя. Поэтому наука не даетъ отвѣта на эти вопросы, честная наука сознаетъ и сама.

Иначе поступаетъ, конечно, безчестная, мнимая наука. Она отрицаетъ Бога, Провидѣніе, безсмертіе и т. п. Но все это не есть какіе-либо „научные“ результаты, какъ ею утверждается—это просто матеріалистическіе догматы. Итакъ, здѣсь противопоставляется не наука вѣрѣ, а вѣра—вѣрѣ, а именно, неразумное и безотрадное невѣріе—христіанской вѣрѣ въ Бога?

4. *Атеистъ*: Однако же я читалъ недавно объ извѣстномъ профессорѣ Х., что онъ былъ невѣрующій (атеистъ). Итакъ, наука, повидимому, не уживается съ вѣрой.

Христіанинъ: Безусловно, есть невѣрующіе ученые и профессора такъ же, какъ есть невѣрующіе портные, булочники, чиновники и рабочіе. Если бы всѣ ученые были благочестивыми людьми, то тогда ученость была бы, вѣдь, необходимымъ условіемъ вѣры и вѣчнаго блаженства. Тогда ученые имѣли бы передъ неучеными неизмѣримый перевѣсъ въ томъ, что касается царствія небснаго. Было ли бы это справедливо?

Тѣмъ не менѣе я сошлюсь здѣсь на нѣкоторыхъ ученыхъ, бывшихъ въ то же время благочестивыми людьми, при чемъ я ограничусь только лишь областью столь прославляемою въ наше время естествовѣдѣнія и приведу мнѣнія звѣздъ первой величины.

Великимъ христіаниномъ и ученымъ былъ *Коперникъ*, основатель нашей современной міровой системы.

Кеплеръ, открывшій законы движенія планетъ, заканчиваетъ свой значительнѣйшій трудъ о гармоніи міровъ слѣдующими прекрасными словами: „Благодарю Тебя, Творецъ и Господь, что Ты мнѣ даровалъ радость о Твоемъ твореніи и восхищеніе дѣломъ рукъ Твоихъ. Я повѣдалъ людямъ о

великолѣпнѣи дѣлъ Твоихъ, поскольку мой ограниченный духъ могъ постигнуть Твою безграничность. Если я гдѣ-нибудь сказалъ что-либо, недостойное Тебя или стремящееся къ собственному возвеличенію, то прости мнѣ это милостиво“. Геніальный *Ньютонъ* былъ усерднымъ и смиреннымъ читателемъ Библии; онъ никогда не упоминалъ имени Бога, не обнажая головы. *Линней*, одинъ изъ величайшихъ естествоиспытателей всѣхъ временъ, при открытіи листоположенія ¹⁾ воскликнулъ съ ликованіемъ: „Я видѣлъ въ природѣ слѣды Божіи!“ Вѣрующій въ Библию *Кювье*, основатель палеонтологіи, никогда не измѣнялъ своему строго-реформатскому благочестію. *В. Гершель*, конечно, самый геніальный изъ всѣхъ новѣйшихъ астрономовъ, говоритъ: „Чѣмъ больше расширяется поле науки, тѣмъ многочисленнѣе, неопровержимѣе дѣлаются доказательства вѣчнаго существованія творческой и всемогущей мудрости.“—*Лавуазье*, положившій основу химіи своимъ открытіемъ кислорода и окисленія, пишетъ: „Вмѣстѣ со свѣтомъ Богъ распространялъ также на землѣ принципъ органическаго ощущенія и мышленія“. *Либихъ*, „князь среди химиковъ-нѣмцевъ“, открыто и радостно исповѣдуетъ въ своихъ химичеекихъ письмахъ свою вѣру въ Бога. *Медлеръ* эпиграфомъ своей астрономіи избираетъ слова изъ псалмовъ: „Небеса повѣдаютъ славу Божію!“ и пишетъ: „Истинный естествоиспытатель не можетъ быть атеистомъ; законъ природы и Божескій законъ—это одно и то же“.—*Риттеръ*, основатель новой географической науки, пишетъ: „Міръ исполненъ повсемѣстно величіемъ Творца“. Прокладывающій дорогу электричеству *Фарадей* устраиваетъ занятія Библией въ своемъ домѣ. *Агассицъ* называетъ „безотрадной“ ту теорію, которая постоянно ссылается на законы матеріи и хочетъ дать намъ отчетъ безъ Бога во всѣхъ чудесахъ творенія. *Дарвинъ* занималъ по отношенію къ религіи неопредѣленное положеніе;

¹⁾ Положеніе зарождающагося листа въ почкѣ (терминъ, употребляемый въ ботаникѣ).

но все же и онъ говорилъ о себѣ: „я заслуживаю названія теиста (вѣрующаго въ Бога)“. Ромменсз, которому Дарвинъ завѣщалъ, умирая, свои рукописи, путемъ борьбы пришелъ отъ атеизма къ вѣрѣ въ Бога. Онъ говоритъ: „Только на человѣка, совершенно лишеннаго всякой духовной чувствительности, христіанство можетъ не произвести впечатлѣнія величественнѣйшаго изъ когда-либо появлявшихся на землѣ представленій о прекрасномъ, о возвышенномъ и о всемъ томъ, что обращается къ нашей духовной природѣ“. На сколь многихъ людей науки, которые были богобоязненными людьми и убѣжденными христіанами, можно было бы еще сослаться? Укажемъ въ заключеніе на Роберта Майера, открывшаго единство силы, что было величайшимъ научнымъ событіемъ 19-го вѣка; онъ воскликнулъ въ Инсбрукѣ, обращаясь къ естествоиспытателямъ: „я восклицаю отъ полноты сердца, что истинная философія не должна и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только пропедевтикой (подготовительной школой) для христіанской религіи!“ (Die Mechanik der Warme—I. P. Mayer, 2. Auf. 1873 S. 318).

Когда недавно одинъ изъ естествоиспытателей, д-ръ Деннертз, испытывалъ великихъ естествоиспытателей въ ихъ вѣрѣ, то выяснилось, что 92 процента, т. е. подавляющее большинство, были вѣрующими и только 2 процента были невѣрующими или атеистами. Въ виду такихъ фактовъ долженъ умолкнуть упрекъ въ томъ, что христіанскую вѣру нельзя согласовать съ научнымъ изслѣдованіемъ, или что наука предназначена къ тому, чтобы замѣнить вѣру.

Подобныя воззрѣнія основываются или на недостаткѣ образованія, или, что еще хуже, на злой волѣ. Естествоиспытатели перваго ранга были христіанами, а люди, стоящіе неизмѣримо ниже ихъ, мнятъ себя слишкомъ умными для того, чтобы быть христіанами! Съ полнымъ правомъ можно утверждать, что и у нихъ не доводы разсудка, а, можетъ быть, ими самими не признаваемые доводы сердца и воли есть то, что заставляеть ихъ отвергать христіанство.

II. Возраженія противъ Библіи

1. *Атеистъ*. Библія есть слово человѣческое, но не слово Божіе. Она написана людьми, знаніе которыхъ было ограничено и не можетъ поэтому имѣть для насъ болѣе никакой цѣны.

2. *Христіанинъ*. Конечно, Библія написана людьми. Богъ не могъ другимъ способомъ сдѣлать Себя понятнымъ для человѣчества, какъ обращаясь къ нимъ на человѣческомъ языкѣ чрезъ людей. Поэтому Библія носитъ въ себѣ вездѣ слѣды своего человѣческаго происхожденія. Библейскіе авторы въ дѣлѣ земного знанія стояли не выше своихъ современниковъ. Эту человѣческую сторону видитъ всякій, также и невѣрующій. Но божественная сторона Библіи ясна только тѣмъ, которые проникнуты искреннимъ желаніемъ исполнять волю Божию такъ, какъ она выясняется намъ въ Библіи. Какъ только мы пытаемся это дѣлать, мы тотчасъ замѣчаемъ, что это былъ дѣйствительно Святой Божій Духъ, Которымъ были исполнены великіе люди ветхаго и новаго завѣта. Ибо слова Писанія открываютъ, ни на что не обращая вниманія, грѣхи людей и указываютъ путь къ спасенію. Этого не въ состояніи сдѣлать никакая другая книга. Библія дѣлаетъ всякаго, который живетъ, слѣдуя ей, лучше, святѣе и благочестивѣе. Она поэтому можетъ быть только тѣми признана „Словомъ Божіимъ“, кто творитъ волю Божию. Исусъ Самъ говоритъ: „Кто хочетъ творитъ волю Его (Бога), тотъ узнаетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли оно, или Я Самъ отъ Себя говорю“.

2. *Атеистъ*. Однако же Библія содержитъ столько невѣроятныхъ исторій. Поэтому слѣдуетъ признать, что все въ ней представляетъ собою только лишь человѣческой вымыселъ.

Христіанинъ. Нѣтъ, слово, избличающее собственное сердце въ его грѣхѣ, вѣдь этимъ само свидѣтельствуетъ о своей божественной истинности. Богъ яснѣ всего показы-

ваетъ намъ могучую истинность Своихъ словъ тѣмъ, что Онъ будить ими нашу спящую совѣсть. Этою мощью обладаетъ прежде всего Иисусъ. Онъ привелъ безчисленное множество людей къ сознанию въ грѣхахъ. Онъ сдѣлалъ пьяницъ воздержными, воровъ—честными, лжецовъ и грязныхъ людей—праведными и чистыми. Онъ основалъ христіанскую Церковь и переродилъ при посредствѣ ея народы. Его Евангеліе распространяется по всей землѣ и есть радость и сила для сердецъ лучшихъ людей. Вымышленная личность не могла бы все это создать. Видя такіе могучіе признаки жизни, никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что Иисусъ жилъ и живетъ и теперь. Держись сначала только этого факта, потомъ ты приобрѣтешь истинную точку зрѣнія и по отношенію къ другимъ библейскимъ рассказамъ. Иисусъ говоритъ Самъ: „Изслѣдуйте Писанія, ибо они свидѣтельствуютъ о Мнѣ“. Итакъ, мы не должны принимать все безъ провѣрки, мы должны искать и обращать вниманіе въ Библии прежде всего на то, что захватываетъ наше сердце и совѣсть, что указываетъ намъ на Христа.—Всѣ попытки уронить Библию были напрасны. Она имѣетъ громадное вліяніе на человѣчество и распространилась въ настоящее время по землѣ болѣе, чѣмъ на 400 языкахъ. Всѣ народы, отвергающіе Библию, погибаютъ; принимающіе же ее возвышаются и развиваются. Неужели такая сила исходитъ изъ человѣческихъ вымысловъ?

III. *Возраженія противъ христіанской вѣры въ сотвореніе міра.*

1. *Атеистъ.* Библейская вѣра въ сотвореніе міра не можетъ въ наше время удержаться. Наука выяснила намъ, что вселенная образовалась сама собою изъ первоначальнаго вещества (матеріи).—Такъ говорятъ „матеріалисты“, называющіе себя также „монистами“.

Христіанинъ. Примемъ то положеніе, что міръ развился изъ первоначальнаго вещества. Все же остается откры-

тымъ вопросъ: откуда же явилось это первобытное вещество? Этому не можетъ рѣшить никакая наука. Если ты скажешь, что первобытное вещество вѣчно, не создано, то это и будетъ твоя вѣра. А теперь спроси самъ себя, будетъ ли эта вѣра дѣйствительно разумна. Возможно ли, чтобы домъ „самъ собою“ возникъ, безъ плана постройки и безъ архитектора, при наличности существованія только камней и строительнаго матеріала? И возникнетъ ли „само собою“ стихотвореніе, если я буду перебрасывать литеры типографской кассы? Неужели же я долженъ вѣрить тому, что вселенная, которая неизмѣримо величественнѣе и достойнѣе удивленія, чѣмъ стихотвореніе или домъ,—что она возникла „сама собою“ безъ дѣйствія Творца? Этому никто не можетъ вѣрить; это можно, правда, нѣкоторое время повторять себѣ и другимъ, но съ чистой совѣстью повѣрить этому нельзя. Безспорно, всѣ видимыя образованія, точно также и домъ, и часы, произошли благодаря естественнымъ причинамъ, механическимъ силамъ, но мы убѣждены въ томъ, что механическія причины только тогда приводятъ къ образованію произведенія искусства или организма, когда онѣ управляются разумной силой, которая ведетъ ихъ къ опредѣленной цѣли. Поэтъ говоритъ: „Гдѣ безсмысленно управляютъ грубыя силы, тамъ не можетъ образоваться никакой образъ“. И неужели я долженъ вѣрить тому, что вселенная со всѣми ея удивительными образованіями и съ ея все возрастающимъ развитіемъ возникла „сама собою“, благодаря слѣпому круговороту безчисленныхъ атомовъ? „Объяснять вселенную игрою случая такъ же нелѣпо, какъ и пытаться объяснить симфонію Бетховена случайнымъ появленіемъ точекъ на бумагѣ“—вотъ мнѣніе геніальнаго ботаника *Геера*. Что же разумнѣе: вѣрить ли вмѣстѣ съ Геккелемъ въ безсмысленную, или же вмѣстѣ съ христіанствомъ—въ разумную основу вселенной, говорить ли: „я вѣрю въ слѣпныя силы матеріи“, или же сказать: „я вѣрю въ Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли?“...

2. *Атеистъ*. Вы все же должны сознаться въ томъ, что библейское сказаніе о сотвореніи вселенной не выдерживаетъ критики. Вѣдь, не можетъ быть и рѣчи о томъ, что Богъ создалъ вселенную въ шесть дней. Земля не представляетъ собою также центра мірозданія; она только лишь маленькая планета въ неизмѣримомъ міровомъ пространствѣ.

Христіанинъ. совершенно вѣрно. Астрономическія воззрѣнія измѣнились. Но развѣ мы читаемъ Библію для того, чтобы научиться въ ней астрономіи, ботаникѣ или вообще какой-нибудь естественной наукѣ? Отнюдь нѣтъ! Мы читаемъ ее для того, чтобы найти черезъ нее дорогу къ Богу и разъяснить себѣ Его волю. Поэтому-то происходитъ то, что величайшіе изъ всѣхъ астрономовъ, какъ и указывалось выше, были вѣрующими въ Бога людьми и вѣрными читателями Библии. Одинъ изъ новѣйшихъ астрономовъ Медлеръ избралъ даже эпитафю для своей учебной книги по астрономіи слова: „Небеса повѣдаютъ славу Божию“. Итакъ, новѣйшая астрономія принуждаетъ насъ къ тому, чтобы еще выше ставить всемогущество Творца, еще болѣе цѣнить Его Самого. „Богъ есть Духъ“. Итакъ, Онъ не есть тѣлесное, видимое, единичное существо; Своею силою Онъ все проникаетъ и повелѣваетъ всѣмъ мірозданіемъ. Свою же любовь Вездѣсушій возвѣстилъ намъ въ Иисусѣ. Поэтому мы смѣло можемъ уповать на Него.

То, что земля, несмотря на свою малую величину, имѣетъ право присваивать себѣ совершенно особую цѣнность во вселенной, для меня очевидно, благодаря откровенію Бога во Христѣ. Новѣйшіе астрономы, какъ напримѣръ, англичанинъ *Уоллесъ*,—того мнѣнія, что условія для развитія органической духовной жизни, по нашимъ астрономическимъ свѣдѣніямъ, благопріятнѣе всего на землѣ. Населены ли другіе міры, мы, во всякомъ случаѣ, не знаемъ. Вселенная полна тайнъ. Только глупецъ полагаетъ, что онъ проникъ во все своимъ разумомъ.

IV. Возраженія противъ христіанской вѣры въ Провидѣніе.

1. *Атеистъ*. Хорошо; но если міръ такъ неизмѣримо великъ, то что же тогда представляетъ изъ себя человѣкъ? Какъ можетъ онъ вообразать себѣ, что божественное Провидѣніе руководить имъ?

Христіанинъ. Ты слишкомъ низко ставишь Бога и Его любовь. Господь именно хотѣлъ сказать намъ, пославши къ намъ Іисуса, что Онъ ищетъ единую человѣческую душу. Вспомни притчу о блудномъ сынѣ, о потерянной овцѣ и драхмѣ. Примѣромъ жизни, а въ особенности смерти Господа, я убѣждаюсь, что любовь Бога не меньше любви Іисуса. Итакъ, человѣкъ, несмотря на значительную величину своего тѣла, имѣетъ все же громадную цѣнность. Ибо онъ—носитель духа и способенъ воспринять любовь Божію. Поэтому Іисусъ говоритъ: „Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ?“

2. *Атеистъ*. Но вѣдь наука доказала же, что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны. Можетъ ли онъ имѣть при этомъ условіи такую большую цѣнность?

Христіанинъ. Это воззрѣніе, правда, очень распространено и ему особенно охотно вѣрятъ именно тѣ, кто не желаетъ думать о судѣ и вѣчномъ блаженствѣ. Мы не будемъ мѣшать тѣмъ, которые обязательно хотятъ происходить отъ обезьяны. Но наука этого не доказала. Это только безпочвенное предположеніе, для удостовѣренія котораго намъ прежде всего не хватаетъ многихъ свидѣтельствъ (какъ, напр., обоихъ великихъ антропологовъ—Вирхова и Ранке).

Въ общемъ же намъ безразличенъ вопросъ, чѣмъ былъ человѣкъ, прежде чѣмъ онъ сдѣлался человѣкомъ. Совершенно все равно, было ли то вещество, изъ котораго Богъ создалъ человѣка, кускомъ глины, обезьяной или какой-либо другой организованной матеріей. Чудо остается чудомъ. Развѣ какому-либо человѣку удалось хоть когда-нибудь создать изъ обезьяны человѣка? Спроси честную науку: какъ возникъ

человѣкъ?— отвѣтъ будетъ гласить: этого я не знаю. Вѣра же, нашедшая Бога живого во Христѣ, говоритъ: „Богъ создалъ человѣка по образу и подобію Своему“.

Наша вѣра въ Творца основывается еще и на нашей вѣрѣ во Христа, а не на одномъ библейскомъ повѣствованіи о сотвореніи міра. Только черезъ Него я учусь понимать это послѣднее. Библейское повѣствованіе имѣетъ цѣлью отнюдь не дать намъ естественно-научный докладъ о ходѣ сотворенія міра, она хочетъ только намъ сказать, Кто все это создалъ и для чего все существуетъ. Богъ сотворилъ вселенную, полную порядка и мудрости. Человѣкъ созданъ по образу и назначенъ быть владыкой всего міра. Грѣхъ происходитъ не отъ Бога; онъ возникъ изъ неповиновенія волѣ Божіей.

Эти вѣчныя религіозныя истины не могутъ оспариваться никакой наукой. Кто ихъ отрицаетъ, дѣлаетъ это не въ силу науки, а въ силу вѣры. И здѣсь опять-таки не наука противопоставляется вѣрѣ, а матеріалистическая вѣра въ вещество противопоставляется христіанской вѣрѣ въ Бога.

3. *Атеистъ*. Все во вселенной совершается по вѣчнымъ законамъ и можетъ быть объяснено естественными причинами и дѣйствіями. Нельзя вѣрить въ Провидѣніе и въ отеческое управление Бога, если убѣдиться, что все совершается закономерно.

Христіанинъ. Мы также признаемъ закономерность во всемъ земномъ бытіи, но мы видимъ въ ней проявленіе воли всемогущаго Бога. Законы природы также установлены или созданы Богомъ. Но законы эти сами по себѣ не могли бы производить никакого дѣйствія, если бы не стоящее за ними вѣчное могущество Бога, точно такъ же, какъ и законы государства, если бы никакая власть не слѣдила за ихъ исполненіемъ. Именно въ закономерномъ теченіи вселенной Богъ проявляетъ Свою великую доброту и вѣрность. Если бы были отмѣнены законы природы, ни одинъ человѣкъ не могъ бы

жить на землѣ. Отсюда ясно, насколько нелѣпо считать Бога излишнимъ, такъ какъ существуютъ-де законы природы.

Вѣрующій человѣкъ чтитъ поэтому вездѣ слѣды животворящаго Бога; въ движеніи свѣтилъ такъ же, какъ и въ полевои цвѣткѣ, познаетъ онъ Божіи попеченія. Представь себѣ, что ты стоишь передъ прекраснымъ готическимъ соборомъ и взираешь съ восхищеніемъ на стройную, стремящуюся къ небу башню. Глубокое благоговѣніе охватываетъ тебя передъ умомъ строителя, создавшаго это чудо искусства. Ты бы очень хотѣлъ знать его имя и вотъ ты спрашиваешь у неизвѣстнаго человѣка, стоящаго рядомъ съ тобой: „Кто выстроилъ этотъ соборъ?“ И если бы неизвѣстный отвѣтилъ тебѣ: „Его никто не строилъ! Соборъ возникъ „самъ собой“ законмѣрнымъ образомъ“—ты бы, навѣрно, подумалъ про себя: этотъ человѣкъ или помѣшанъ, или хочетъ тебя одурачить. Само собою понятно, что соборъ могъ возникнуть только при условіи соблюденія законовъ тяготѣнія, равновѣсія и другихъ; но точно также понятно, что онъ былъ выстроенъ по плану великаго мастера. Мастеръ попросту заставилъ законы природы служить своимъ цѣлямъ; иначе, можетъ быть, и возникла бы безпорядочная куча камней, но никогда не возникъ бы прекрасный соборъ. Если же люди могутъ управлять и повелѣвать законнымъ ходомъ вещей въ природѣ сообразно со своими намѣреніями, то по какому праву мы оспариваемъ это у Господа Бога?

4. *Атеистъ*. Чудо, во всякомъ случаѣ, невозможно, если все совершается законмѣрно. Чудо было бы логикой законовъ природы.

Христіанинъ. Вѣрующій человѣкъ переживаетъ чудеса ежедневно. Ибо все, что ему возвѣщаетъ доброта и величіе Божіе, есть чудо. То, что другому представляется понятнымъ и законмѣрнымъ, для него удивительно. Чудо для него и гора, и рѣка, и лугъ, и лѣсъ, и солнечный лучъ, чудо для него все, что съ нимъ случается, ибо во всемъ онъ прозрѣваетъ и чтитъ воспитательную, очищающую цѣль Божію:

какъ, напр., въ избавленіи отъ тяжелой бѣды, въ охраненіи отъ искушенія, въ счастливомъ исходѣ нашихъ намѣреній, въ смерти дорогихъ нашему сердцу. У кого откроются глаза на Промыслъ Божій, тотъ замѣтитъ въ своей жизни массу чудесъ. Кто же ничего не знаетъ о такихъ чудесахъ, съ тѣмъ вообще не стоитъ спорить о чудѣ. Ему недостаетъ еще христіанскаго опыта. Только вѣра видитъ чудеса, наука же не можетъ ни указывать на нихъ, ни отрицать ихъ, потому что она познаетъ всегда только внѣшнія причины и не проникаетъ къ первопринчнѣ всего бытія, къ Богу.

Я могу только тогда понять библейскія чудеса, если я самъ пережилъ чудеса. Онѣ суть откровеніе снисходящаго къ людямъ милостиваго Бога. Поэтому личность Іисуса Христа, нашего Спасителя, есть чудо изъ чудесъ. Самое важное то, что мы признаемъ Его за таковое и убѣждаемся въ Его чудодѣйственной силѣ.

5. *Атеистъ*. Если Богъ существуетъ, то Онъ, конечно, не есть Богъ справедливый и любящій. Противъ этого говорить страданія, борьба за существованіе, угнетеніе слабого сильнымъ, гибель столькихъ человѣческихъ жизней вслѣдствіе ужасныхъ случаевъ въ природѣ—наводненій, пожаровъ, землетрясеній, а также неравная и несправедливая жизненная участь: хорошіе люди часто живутъ въ нуждѣ и горестяхъ, а дурные въ избыткѣ.

Христіанинъ. Ты немного сгущаешь краски, милый другъ, потому что ты смотришь на міръ съ одной только стороны. Правда, на свѣтѣ существуетъ достаточно несчастья и несправедливости, но есть вѣдь и счастье, и справедливость, радость и благополучіе. Борьба за существованіе должна быть, ибо иначе люди погибли бы въ празности. Если въ настоящее время часто случается, что сильный притѣсняетъ слабого, то причина этого лежитъ не въ „установленномъ Богомъ міровомъ порядкѣ“, а въ грѣхахъ людей, злоупотребляющихъ своей силой, ибо они отпали отъ Бога

Изъ-за этого-то грѣха людей проклята наша прекрасная земля. Въ этомъ убѣждаетъ насъ прежде всего зрѣлище умирающаго Спасителя. Гдѣ же на землѣ грѣхъ, благодаря вліянію Господа, побѣждается, тамъ смягчаются и бѣдствія, тамъ облегчается и борьба за существованіе. Бѣдствія міра не даютъ намъ поводъ роптать на Бога, а наоборотъ, побуждаютъ начать рѣшительную борьбу съ страшной силою грѣха, ибо грѣхъ есть источникъ всѣхъ бѣдствій.

Если насъ самихъ постигнетъ страданіе, котораго мы не заслужили, то мы не должны смотрѣть на него, какъ на несчастье. Ибо, какъ насъ учатъ крестныя страданія Христа, Богъ посылаетъ намъ страданія затѣмъ, чтобы мы упражнялись въ вѣрѣ, въ молитвѣ, въ терпѣніи и смиреніи. Какъ разъ самые лучшіе и благочестивые люди должны были перенести много страданій, какъ напр., Іовъ и Павелъ (ср. 2 Кор. 11, 23 ст.), а прежде всѣхъ Самъ Іисусъ. Но они свидѣтельствовали, что именно въ страданіяхъ познали они утѣшеніе и силу Божію. Поэтому-то апостоль и говоритъ: „Кого любить Господь, того Онъ и наказываетъ“. Но если признать, что страданіе, надлежащимъ образомъ переносимое, превращается въ благодать, то упрекъ въ томъ, почему на свѣтѣ такъ много страданій, долженъ умолкнуть.

Какая польза была бы намъ отъ міра безъ бѣдствій и страданій? Ужасные случаи въ природѣ напоминаютъ намъ потрясающимъ образомъ о нашей брэнности и убѣдительно внушаютъ нашей душѣ, что человѣческое самопревозношеніе безумство. Многочисленныя бѣдствія и несовершенства на свѣтѣ пробуждаютъ въ насъ любовь къ ближнему и ставятъ намъ все новыя задачи, преодолевая которыя мы укрѣпляемъ нашу нравственную силу. Если бы въ мірѣ не было зла, то онъ былъ бы для насъ, грѣшныхъ людей, очень дурнымъ міромъ, потому что отпадалъ бы всякій поводъ возвышенія къ Богу и упражненія нашихъ благороднѣйшихъ силъ. Міръ безъ зла былъ бы міромъ для тунеядцевъ и лѣнтыевъ, но не для людей, стремящихся возвыситься отъ тьмы къ свѣту.

Будемъ поэтому остерегаться брюзжать вмѣстѣ съ современнымъ умствователемъ по поводу мірового устройства; будемъ вмѣсто этого благодарить Бога за то, что міръ таковъ, какъ онъ есть. Есть, правда, нѣсколько темныхъ загадокъ, которыя мы здѣсь на землѣ рѣшить не сможемъ. „Ибо кто позналъ духъ Господа, или кто былъ его совѣтникомъ?“ Взирая однако на Голгоескія страданія, мы учимся вѣрить, что и глубочайшій мракъ превращается въ концѣ концовъ въ свѣтъ. Въ концѣ концовъ добро все же восторжествуетъ надъ зломъ и мы познаемъ, что „тѣмъ, кого Богъ любитъ, все должно служить ко благу.

Перев. Н. И. Селивановской.
(Окончаніе слѣдуетъ).

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Внѣшняя обстановка жизни студентовъ.

Всѣ студенты въ нашемъ курсѣ были на казенномъ содержаніи и помѣщались въ зданія академическихъ, кромѣ студента грека іеромонаха Агаѳангела, который жилъ въ греческомъ Екатерининскомъ монастырѣ, находящемся близъ Братскаго монастыря.

Въ академіи было два корпуса: одинъ *старый* (такъ назывался онъ), нижній этажъ котораго построенъ былъ, по преданію, Мазепою, а верхній надстроенъ митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ, а другой *новый*, построенный при преобразованіи академіи въ 1819 году, состоящей изъ трехъ этажей, въ недавнее время (въ 1886 году) значительно расширенный и удлиненный. Кромѣ этихъ двухъ корпусовъ, отдѣльно отъ нихъ стоялъ небольшой одноэтажный

¹⁾ См. № 21-й за 1910 г.

флигель, въ одной половинѣ котораго помѣщалась больница, а въ другой жили маленькіе пѣвчіе, изъ учениковъ духовнаго училища, содержавшіеся на счетъ благотворительнаго капитала академіи; нынѣ на мѣстѣ этого флигеля, недавно сло- маннаго, въ 1905-6 году построено двухъэтажное зданіе, въ одномъ этажѣ котораго помѣщается канцелярія, а въ другомъ залъ засѣданій Совѣта и Правленія академіи. Въ приле- гающей къ нему подъ прямымъ угломъ пристройкѣ къ ста- рому корпусу устроено удобное помѣщеніе для больницы.

Въ старомъ корпусѣ въ нижнемъ этажѣ была столовая и жилыя комнаты для студентовъ, а въ верхнемъ конгрега- ціонная церковь (Благовѣщенская), конгрегаціонная зала, увѣ- шанная портретами прежнихъ дѣятелей, покровителей и бла- готворителей академіи, три аудиторіи, — одна для студентовъ старшаго курса на краю корпуса, выходящая окнами на пло- щадь, а двѣ для студентовъ младшаго курса, расположенныя въ срединѣ корпуса, между конгрегаціонною залою и цер- ковію. Двѣ аудиторіи для студентовъ младшаго курса было потому, что для слушанія лекцій по инымъ предметамъ студенты раздѣлялись на двѣ, не всегда равныя, половины, и у обѣ- ихъ половинъ въ одни и тѣ же часы параллельно шли заня- тія по разнымъ наукамъ. Прежде раздѣлялись историки и ма- тематики, такъ какъ изучавшіе исторію не слушали уроковъ по математикѣ, и наоборотъ. А въ наше время исторія и математика были предметами общеобязательными, которые должны были изучать всѣ студенты. Въ нашемъ курсѣ раздѣ- лялись студенты на двѣ части, у которыхъ въ одно время параллельно шли занятія, только для слушанія уроковъ по но- вымъ языкамъ: одни студенты избирали для изученія нѣмец- кій языкъ, а другіе французскій. Наставники, преподававшіе эти языки, въ одно время приходили въ классъ, по занима- лись со студентами въ двухъ стоящихъ рядомъ разныхъ ауди- торіяхъ. Главная, большая аудиторія, предоставлена была изучавшимъ нѣмецкій языкъ, а другая меньшая, изучавшимъ языкъ французскій, почему она называлась у насъ француз-

скою аудиторією. Кромѣ классовъ французскаго языка она оставалась совершенно свободною. Только открывалась она, когда совершалось богослуженіе въ церкви, чтобы открыть больше простора для молящихся, при большемъ стеченіи не могущихъ помѣститься въ храмѣ.

Предѣ аудиторіями и предѣ залю, во всю длину корпуса, простиралась широкая галлерей, украшенная колоннами, которыя придавала изящный видъ зданію. Эта галлерей представляла удобное и пріятное мѣсто для прогулокъ студентовъ предѣ лекціями и въ промежуткахъ между лекціями; въ хорошую погоду здѣсь, на свѣжемъ воздухѣ, студенты проводили время въ ожиданіи прихода наставника. Эта галлерей, доставлявшая такое удобство для студентовъ во время классныхъ занятій, въ половинѣ шестидесятихъ годовъ закрыта, задѣлана каменною стѣною и обращена въ помѣщеніе для библіотеки. Для той же цѣли использованы, то есть, обращены въ библіотечное помѣщеніе и аудиторіи. Съ тѣхъ поръ въ верхнемъ этажѣ стараго корпуса самое большое помѣщеніе отведено подѣ библіотеку, а съ прежнимъ назначеніемъ остались только конгрегаціонная зала и церковь. Конгрегаціонная зала прежде имѣла окна съ двухъ сторонъ: и на улицу и въ галлерей. А когда галлерей обращена была въ библіотечное помѣщеніе, окна съ одной стороны были закрыты и задѣланы, и на первыхъ порахъ, послѣ закрытія этихъ оконъ, намъ, привыкшимъ видѣть залу съ двухсторонними окнами, она казалась нѣсколько утратившею изъ прежняго своего свѣтлаго вида. Но потомъ мы присмотрѣлись къ новому виду залы. Свѣта въ ней довольно и при окнахъ съ одной стороны; вся стѣна, гдѣ прежде были большія окна, закрыты портретами архипастырей, памятныхъ для академіи, что служить не малымъ украшеніемъ залы.

Въ конгрегаціонномъ залѣ производились экзамены „когда на нихъ присутствовалъ митрополитъ, что непремѣнно было предѣ каждымъ окончаніемъ курса. Митрополитъ обыкновенно назначался ревизоромъ каждый разъ, когда курсъ

кончался. Но онъ бывалъ и на годичныхъ испытаніяхъ. Здѣсь же производились публичные экзамены, на которые приглашались любители просвѣщенія изъ горожанъ, не принадлежащихъ къ составу академіи. Зала была мѣстомъ для всѣхъ торжественныхъ собраній. И если сторонніе почетные посѣтители являлись въ академію, ихъ принимали и имъ представлялись въ конгрегаціонной залѣ.

Въ конгрегаціонной Благовѣщенской церкви богослуженіе совершалось рѣдко,—только въ нѣкоторые нарочитые дни,—въ храмовой праздникъ на Благовѣщенье, въ день святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова (8 мая и 26 сентября), въ пятокъ пасхальной недѣли и въ великій четвертокъ, когда причащались студенты. Зимой церковь не отапливалась, и потому въ субботу на первой недѣлѣ Великаго поста студенты причащались въ тепломъ храмѣ Братскаго монастыря. На Благовѣщенье и въ день св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова (26 сентября) часто совершалъ богослуженіе митрополить.

Жилыя комнаты нижняго этажа стараго корпуса, нынѣ отошедшія подъ помѣщеніе церковно-археологическаго музея, назначались для студентовъ старшаго курса. Онѣ, на мой взглядъ, представляли мало удобствъ,—были сыроваты, и свѣта въ нихъ было недостаточно. Но студенты, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, предпочитали ихъ номерамъ новаго корпуса. Здѣсь они жили подальше отъ инспекторскаго глаза и пользовались сравнительно большею свободою и самостоятельностью. Сознавало неудобство жизни тамъ студентамъ и академическое начальство. И ректоръ Антоній позаботился о томъ, чтобы всѣхъ студентовъ размѣстить въ комнатахъ одного новаго корпуса.

Когда я былъ въ младшемъ курсѣ, студенты старшаго курса жили въ старомъ корпусѣ. А когда мы перешли въ старшій курсъ, намъ всѣмъ предоставлено было помѣщеніе въ новомъ корпусѣ.

И студенческая столовая была въ старомъ корпусѣ только, когда мы были въ младшемъ курсѣ. Въ 1853 году построена была новая столовая, непосредственно соединенная съ новымъ корпусомъ, и это представляло намъ не малыя удобства. Большинство студентовъ жили въ новомъ корпусѣ, а старый корпусъ стоитъ на другой сторонѣ монастыря, на не близкомъ разстояніи отъ новаго корпуса. На обѣдъ и ужинъ нужно было ходить туда во всякую погоду. Въ особенности зимою чувствовалось при этомъ большое неудобство. Иногда была вьюга, или большой морозъ, и мы, закутавшись, бѣжали въ столовую. Благодареніе ректору Антонію, что онъ освободилъ насъ отъ этого, часто неприятнаго и неудобнаго, странствованія на обѣдъ и на ужинъ, построивъ новую столовую. Построена она была на экономическія суммы, то есть, на суммы, составившіяся изъ остатковъ бюджетовъ прежнихъ лѣтъ (тогда эти остатки не отсылались въ центральное управленіе, а оставались въ распоряженіи Правленія академіи). Новая столовая была подѣ бокомъ, и въ нее входили прямо изъ коридора нижняго этажа корпуса.

Главное помѣщеніе студентовъ, а со времени перехода нашего въ старшій курсъ (въ 1853 году) и исключительное, было въ новомъ трехъэтажномъ корпусѣ. Для жилья студентовъ назначены были комнаты верхняго этажа и, частію, нижняго. Въ среднемъ этажѣ центральное мѣсто занимала бібліотека (нынѣ обращенная въ студенческую залу). Библіотека была нижняя, и верхняя; нижнею бібліотекою завѣдывалъ бібліотекарь (профессоръ А. Д. Граниковъ), а нижнею его помощникъ (профессоръ И. П. Максимовичъ). Для верхней бібліотеки отведено было соотвѣтственное нижней мѣсто въ третьемъ этажѣ. Потолка, отдѣляющаго нижнюю бібліотеку отъ верхней, не было, а только кругомъ всей залы бібліотечной устроена была галерея, и у стѣнъ галереи поставлены были шкафы для книгъ. При отсутствіи потолка легко было стоящему въ нижней бібліотекѣ переговариваться со стоящими на галереѣ верхней бібліотеки, и наоборотъ.

Можно было и передавать книги въ корзины изъ одной библіотеки въ другую. При перенесеніи библіотеки въ старый корпусъ, устроенъ потолокъ надъ нижнею библіотекою, и тамъ, гдѣ была верхняя библіотека, теперь студенческая гардеробная.

На восточной, обращенной къ Днѣпру, сторонѣ средняго этажа корпуса, была квартира инспектора, а на противоположной западной сторонѣ физическій кабинетъ (уничтоженный въ академіи, послѣ закрытія въ ней каедръ физики и математики, по уставу 1869 года. Срединныя комнаты второго этажа предоставлялись для бесплатныхъ квартиръ наставниковъ академіи. Въ то время академія давала бесплатно помѣщеніе для молодыхъ неженатыхъ наставниковъ, что было для нихъ значительнымъ подспорьемъ въ ихъ содержаніи. Въдъ молодой бакалавръ получалъ жалованья всего 321 рубль. Такою бесплатною квартирою въ академическомъ корпусѣ я пользовался четыре года, до вступленія своего въ бракъ.

Въ нижнемъ этажѣ новаго корпуса помѣщалось Правленіе академіи и канцелярія, была квартира для эконома, а съ закрытіемъ стараго корпуса для студентовъ, одна квартира для наставника, столовая и комната для монашествующихъ, комнаты для студентовъ старшаго курса, и одна комната для письмоводителей: письмоводители тогда были изъ студентовъ академіи.

Комнаты, въ которыхъ жили студенты, были небольшія. Въ нихъ помѣщалось большею частію по пяти человекъ, въ нѣкоторыхъ шесть, а въ иныхъ только три и даже два. Въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ жили студенты младшаго курса, былъ непременно старшій изъ студентовъ старшаго курса. И у студентовъ старшаго курса, помѣщавшихся въ одной комнатѣ, одинъ изъ ихъ товарищей назначался старшимъ. Отдѣльныхъ спаленъ не было. Въ жилыхъ занятныхъ комнатахъ стояли кровати, на которыхъ студенты спали. У ректора Антонія было намѣреніе отдѣлить спальни отъ занятныхъ комнатъ. Но митрополитъ Филаретъ не одобрилъ этого намѣре-

нія. Онѣ находилъ, что для студентовъ гораздо лучше, когда кровати стоятъ тамъ, гдѣ они живутъ и занимаются. Устаетъ человекъ, или занеможетъ ему,—захочется ему прилечь и отдохнуть. Зачѣмъ лишать его такого удобства? Разъ, при посѣщеніи митрополитомъ академіи, члены Правленія, по его запросу, хотѣли показать ему, гдѣ они устроятъ спальни, и гдѣ занятныя комнаты. Посмотрѣвъ и послушавъ ихъ митрополитъ и покачалъ головою „У студентовъ (сказалъ онъ) будутъ отдѣльныя спальни, будутъ отдѣльныя комнаты. А гдѣ они жить будутъ (спросилъ онъ)? На этотъ вопросъ члены Правленія не дали удовлетворительнаго для него отвѣта. Задавая такой вопросъ, митрополитъ хотѣлъ дать понять замышлявшимъ нововведеніе въ академіи, что, по его мнѣнію, для студентовъ, если будутъ для нихъ отдѣльныя спальни и отдѣльныя классныя или занятныя комнаты, нужны еще отдѣльныя комнаты для жилья: иначе куда имъ дѣваться въ свободное отъ занятій время?.

Мысль объ отдѣленіи спаленъ отъ занятныхъ комнатъ приведена была въ исполненіи при ректорѣ Филаретѣ въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, когда были значительныя перестройки въ академіи. Тогда бібліотека перенесена была изъ новаго корпуса въ старый, и для студентовъ устроены были обширные дортуары или спальни, отдѣльныя отъ занятныхъ комнатъ.

Проф. *Василій Пѣвницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Правила для приходскихъ миссіонерскихъ кружковъ въ Рязанской епархіи.

Въ Рязанской епархіи выработаны особня „Правила для приходскихъ миссіонерскихъ кружковъ“, утвержденныя епархіальнымъ преосвященнымъ. По опредѣленію „Правилъ“, приходскій миссіонерскій кружокъ есть союзъ ревнителей православія, возглавляемый и руководимый приходскимъ пастыремъ, я своимъ посильнымъ содѣйствіемъ и сотрудничествомъ помогающій ему въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія прихода, огражденія православныхъ отъ зараженія расколосектантствомъ или невѣріемъ и вразумленія отпадныхъ отъ Православной Церкви, гдѣ таковыя есть. Миссіонерскіе кружки должны быть учреждены во всѣхъ приходсахъ Рязанской

епархіи. Учрежденіе приходскихъ миссіонерскихъ кружковъ составляетъ право и обязанность каждаго приходскаго пастыря, въ особенности же настоятелей прихода. Членомъ приходскаго миссіонерскаго кружка можетъ быть всякій православный христіанинъ, безъ различія пола, сочувствующій интересамъ православія и могущій чѣмъ-нибудь содѣйствовать усилѣнію кружка; члены причта, учителя церковно-приходскихъ школъ и церковные старосты состоятъ обязательными членами приходскихъ миссіонерскихъ кружковъ. Вступленіе въ кружокъ и добровольный выходъ изъ него обусловливаются простымъ заявленіемъ о томъ, со стороны желающаго сдѣлаться членомъ кружка или выйти изъ него, руководителю кружка приходскому священнику. Никакихъ обязательныхъ денежныя взносовъ для вступленія въ члены кружка не требуется. Цѣль учрежденія приходскихъ миссіонерскихъ кружковъ составляетъ религіозно-нравственное просвѣщеніе членовъ кружка въ духѣ Православной Церкви и братская христіанская взаимопомощь во всѣхъ отношеніяхъ, утвержденіе въ вѣрѣ и доброй нравственности православнаго населенія прихода, огражденіе православныхъ отъ вреднаго вліянія на нихъ со стороны невѣрія, инославія, раскола, сектантства и вообще всякаго рода лжеученій и заблужденій, привлеченіе въ лоно Православной Церкви отпадшихъ отъ нея, всякаго рода братски-христіанская (религіозно-нравственная, матеріальная и юридическая) помощь обращающимся въ Православную Церковь изъ раскола, сектантства, инославія, еврейства, магометанства и т. п. Средствами для достиженія этихъ цѣлей служатъ: религіозно-нравственныя бесѣды и чтенія, проведеніе христіанскихъ началъ въ собственную жизнь членовъ кружка и дѣйствіе добраго примѣра на другихъ, помощь приходскому священнику въ его пастырской дѣятельности, въ трудахъ и заботахъ о поддержаніи порядка и благочинія во время богослуженій, содѣйствіе ему въ открытіи церковно-приходскихъ школъ, религіозно-нравственныхъ бесѣдъ и вообще въ развитіи приходскихъ учрежденій, знакомство съ религіозно-нравственнымъ состояніемъ прихода, съ жизнью и ученіемъ отпадшихъ отъ Православной Церкви и т. п. (Совр. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 29-го мая 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Ц

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 24.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года 13 іюня.

Содержаніе: I. О какомъ „соединеніи всѣхъ“ молимся мы въ 3-мъ проше-
ніи великой ектеніи? Z.—II. Религіозные мотивы въ поэзіи Т. Г.
Шевченка и отношеніе къ нимъ современныхъ украинофиловъ.
Свящ. В. П. III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣв-
вицкій.—IV. Замѣтка. О взаимныхъ отношеніяхъ уѣздныхъ наблю-
дателей и благочинныхъ.

О какомъ „соединеніи всѣхъ“ молимся мы 3-мъ прошеніи великой ектеніи ¹⁾).

Третье прошеніе великой ектеніи послѣ молитвы „о мирѣ
всего міра“ и „благостояніи святыхъ Божіихъ церквей“ за-
ключаетъ еще молитву о „соединеніи всѣхъ“. Для этого по-
слѣдняго выраженія первымъ представляется такой смыслъ,

¹⁾ Мы не совсѣмъ раздѣляемъ оптимизмъ автора по вопросу о стремле-
ніи западнаго міра къ единенію между собою и съ Православною Церковію.
Послѣдняя энциклика папы и вызванное ей раздраженіе протестантовъ,
а также дѣятельность ксендзовъ въ нашемъ западномъ краѣ говорятъ
намъ о враждѣ западныхъ христіанъ между собою и съ Православною
Церковію. Печатаемъ статью въ цѣляхъ освѣщенія затронутого вопроса
и въ надеждѣ появленія новыхъ сужденій о немъ. *Ред.*

что здѣсь рѣчь о соединеніи или единеніи только что упомянутыхъ церквей. Такое пониманіе настоящаго выраженія можетъ поколебаться только послѣ знакомства съ греческимъ текстомъ его (τῆς τῶν πάντων ἐνώσεως), въ которомъ слово „всѣхъ“ стоитъ не въ женскомъ родѣ, а въ муж. или среднемъ, слѣд. не согласовано съ словомъ „церковь“. Однако, разрушая столь естественный смыслъ для настоящаго выраженія, греческій текстъ 3-го прошенія великой ектеніи не даетъ другаго, столь же естественнаго смысла для него: не видно, кто же разумѣется подѣ „всѣми“, если не церкви: всѣ ли люди, о мирѣ которыхъ мы молились въ началѣ прошенія, и которые скорѣе всего могли бы быть обозначены такимъ общимъ выраженіемъ, или же христіане, члены только что упомянутыхъ церквей. Если бы разумѣлись послѣдніе, то выраженіе было бы гораздо яснѣе въ такомъ видѣ: „о соединеніи нашемъ“ или „всѣхъ насъ“. Не намѣренная ли здѣсь неясность и неоконченность мысли?

Обратимся къ исторіи текста. Въ недавно открытомъ сирскомъ памятникѣ „Testamentum Domini nostri Iesu Christi“, (II—III в.) чинъ утрени и литургіи уже имѣетъ нѣчто соответствующее нашей великой ектеніи. Это такъ называемое тамъ „возглашеніе діакона“, состоящее изъ 23 прошеній, первая изъ которыхъ такія: „О мирѣ который съ неба, помолимся, чтобы Господь по милосердію Своему умиротворилъ насъ. О *вѣрѣ* нашей помолимся, чтобы даровалъ намъ Господь до конца истинно сохранить вѣру, которая въ насъ. О согласіи и *единомысліи* помолимся, чтобы Господь сохранилъ насъ во единомысліи духа“ ¹⁾. Въ „Постановленіяхъ апостольскихъ“ (IV—нач. V в.) эти прошенія имѣютъ такой видъ: „о *миръ* и благостояніи міра и *св. церквей* помолимся, да дастъ намъ Богъ всяческихъ непрестанный и неотъемлемый миръ Свой, да соблюдетъ насъ непрерывно въ полнотѣ добродѣтели по бла-

¹⁾ *Rahmani* I. Testamentum Domini nostri Iesu Christi, Moguntiae 1899, p. 85.

гочестию. О св. соборной и апостольской Церкви, которая отъ предѣловъ до предѣловъ, помолимся, да сохранить ее Господь непоколебимой и *неволимую* и соблюдетъ до скончанія основанной на камени“ 1). И въ томъ, и въ другомъ памятникѣ, какъ видимъ, уже есть зародышъ нынѣшняго прошенія о „соединеніи“ или „единеніи всѣхъ“: въ первомъ этому прошенію отвѣчаетъ молитва о вѣрѣ и единомысліи въ ней, а во второмъ о мирѣ церквей или между церквами и о неволимости ихъ, очевидно тоже въ вопросахъ вѣры. Аналогію къ этимъ прошеніямъ представляетъ прошеніе въ ектеніи (единственной тамъ) армянской литургіи, приписываемой св. Григорію Просвѣтителю: „Еще о *единствѣ* истинной и святой *вѣры* нашей Господу помолимся“ 2). Слѣд. 3-е прошеніе великой ектеніи просить именно единства вѣры. А это единство нужно не намъ, православнымъ христіанамъ, уже обладающимъ имъ (намъ для себя скорѣе слѣдовало бы просить глубины и сердечности вѣры), а отторгшимся отъ этого единства, нарушившимъ его. Это единство, которому наиболѣе мѣшаетъ *инославіе*. Итакъ мы просимъ здѣсь соединенія въ вѣрѣ всего христіанскаго міра 3).

И мы можемъ съ отрадой констатировать, какъ эта тысячелѣтняя и тысячеустая молитва все болѣе близится къ полному удовлетворенію. Три огромныхъ части христіанскаго міра тѣснѣе и тѣснѣе сближаются между собою. Прежняя ихъ фанатическая вражда другъ съ другомъ все уменьшается. И происходитъ это не отъ ослабленія религіозной вѣры въ душахъ христіанъ (эта вѣра останется всегда непоколебима, какъ сама церковь Христова), какъ кажется поверхностному наблюдателю исторіи, а отъ того, что отторгшіеся отъ вселенскаго единства

1) Апост. пост. VIII, 10.

2) *Ловягинъ Е. и Троицкій И.* Собраніе древнихъ литургій. Сиб. 1878, стр. 193.

3) Въ славянскихъ рукописяхъ: „о совокупленіи всѣхъ“. Проф.— прот. *Орловъ*. Литургія св. Василія Вел. Сиб. 1909 г. стр. 83.

церкви понемногу сознають свои заблужденія. Стоит познакомиться со взглядами лучших р.-католических богословов нашего времени, напр., на чистилище, чтобы убѣдиться, что отъ прежняго ученія римской церкви по этому вопросу почти ничего не осталось¹⁾. Или вотъ передъ нами „Христіанская догматика“ протестанта Мартенсена: допускается невидимая Церковь, признается болѣе двухъ таинствъ, — протестантизмъ автора почти ни въ чемъ не сказывается; а это самая распространенная догматика, выдержавшая до 10 изданій, переведенная на нѣсколько языковъ. Отъ многихъ пунктовъ разногласія между церквами остались только мертвыя формулы.

Такъ зрѣеть то соединеніе христ. вѣры, о которомъ мы молимся ежедневно. Конечно, едва ли оно совершится въ томъ видѣ, что когда-нибудь римскій папа всепародно принесетъ покаяніе въ своихъ заблужденіяхъ и будетъ просить о воссоединеніи его съ Православною Церковью по существующему у насъ чину. Но въ этомъ ли дѣло? Если естественное у человѣка чувство собственнаго достоинства²⁾ мѣшаетъ иногда ему прямо попросить прощенія у обиженнаго или примиренія съ врагомъ, а заставляетъ искать окольныхъ и постепенныхъ путей для заглаженія своей вины, можно ли его упрекнуть въ этомъ? При этомъ тѣмъ глубже бываетъ иногда чувство своей вины.

Западныя церкви не настолько заблудились отъ истины, чтобы не найти ее опять. Доказательство этому ихъ жизнеспособность. Въ то время, какъ ереси разныхъ временъ и видовъ, какъ нездоровыя болячки на тѣлѣ Церкви, раньше или позже исчезаютъ съ него, р.-католичество и протестантизмъ остаются существовать подлѣ православія, ожидая времени благодатна-

¹⁾ См., напр., въ *Commentarius in sacras scripturas* N. иезуита *Cornely* толкованіе 1 Кор. 3, 13.

²⁾ Мы лучше сказали бы: „грѣховное чувство самолюбія“. Иисусъ Христосъ не училъ о „чувствѣ собственнаго достоинства“. *Ред.*

го посѣщенія Божія 1). И Православная Церковь не даромъ не изрекла *соборнѣ* на нихъ, по кр. м. прямо, страшнаго слова „еретикъ“ 2). Прилагая къ нимъ высокія имена „церкви“, „христіанъ“, признавая дѣйствительность у нихъ таинствъ, она допускаетъ въ нихъ какъ бы нѣкоторую степень святости и богообщенія. Остановливаясь на вопросѣ о западныхъ исповѣданіяхъ, преосв. Теофанъ, хотя отказываетъ имъ въ наименованіи „церкви“, но замѣчаетъ: „Господь съ нами и Духъ Его въ церкви нашей обитаетъ... Сіе осязаемъ... и стало наша настоящая есть, съ неба сведенная и на землѣ водворенная церковь. А тѣ что? Про тѣхъ Господь знаетъ. Судовъ своихъ не открываетъ“ 3). Одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ обличителей р.-католичества прот. А. Лебедевъ говоритъ: „мы не судимъ и не смѣемъ судить папизмъ латинской церкви; но онъ уже осужденъ словомъ Божиимъ. Папизмъ, если подвести его подъ взглядъ ап. Павла на раздѣленіе горниоянъ, осуждается имъ какъ паденіе съ *высоты* 4) вѣры въ плотской образъ мыслей, ибо паписты, какъ *раздѣлившіеся* коринѳяне, говорятъ: *мы Петровы*“ 5)... Митрополитъ Кіевскій Платонъ, говорятъ, выражался, что перегородки между церквами не достигаютъ небесъ.

1) То же, можно сказать о монофизитствѣ, наиболее мягкой изъ христологическихъ ересей. „Сравниваю церковь коптовъ, говоритъ объ одной изъ монофизическихъ церквей еп. Порфирій Успенскій, съ масляною вѣтвью, отломившеюся отъ главнаго ствола своего и наклоненною долу, такъ, впрочемъ, что кора ея еще соединена съ корою древней масляны и всасываетъ ея соки. Одному Богу извѣстно, когда эта вѣтвь, срстется съ роднымъ стволомъ ея“ (Вѣрученіе, богослуженіе, чиноположеніе и правила церковнаго благочинія египетскихъ христіанъ (коптовъ) Спб. 1856, стр. 1—2).

2) См. службу препод. Іову Почаевскому архіеписк. Волынскаго Антонія; въ этой службѣ, разрѣшенной св. Синодомъ, католики названы еретиками. Ред.

3) Письма о христіанской жизни, стр. 15.

4) Курсивъ нашъ.

5) Разности православныхъ и папистовъ въ ученіи о Церкви, стр. 20.

Мы отмѣтили, какъ нѣкоторые изъ этихъ перегородокъ разрушаются съ теченіемъ времени,—безъ всякихъ уступокъ со стороны Православной Церкви своею истиною. Нельзя забывать только, что происходящій ощутительно на нашихъ глазахъ процессъ соединенія церквей, о которой лучшіе сыны Православной Церкви ежедневно молятся въ храмахъ (хотя м. б. грамматически и неправильно), тормозится одинаково какъ религіознымъ индифферентизмомъ, такъ и религіозною нетерпимостью ¹⁾. Z.

Религіозные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченко и отношеніе къ нимъ современныхъ украинофиловъ.

Послѣдніе освободительные годы выдвинули у насъ на поверхность жизни не мало вопросовъ; изъ нихъ одинъ изъ самыхъ важныхъ—о національномъ самоопредѣленіи народностей, входящихъ въ составъ Россіи. Оказало значительное вліяніе послѣднее время и на такъ называемое украинофильство, значительно раздвинувъ ея рамки, умноживъ работни-

¹⁾ Насколько сильно теперь во всемъ христіанскомъ мірѣ стремленіе къ единенію въ вѣрѣ, можно судить по слѣдующему сообщенію „Церковнаго Вѣстника“ (29 апр. 1910 г. № 17): „архіепископъ Кентерберійскій разослалъ всѣмъ епископамъ своей провинціи копи письма своего къ духовенству и мірянамъ Кентерберійскаго діоцеза относительно общей молитвы въ предстоящій день Пятидесятницы о единеніи всѣхъ христіанъ. Упомянувши о подобномъ же приглашеніи, выпущенномъ представителями разныхъ исповѣданій въ Англіи 4 года тому назадъ и не оставшемся безплоднымъ, архіепископъ указываетъ, что въ настоящемъ году имѣется особенно подходящій поводъ помолиться въ Пятидесятницу объ изліяніи Св. Духа и о тѣснѣйшемъ сближеніи всѣхъ христіанъ, а именно предстоящая въ іюнь въ Единбургѣ всемірная миссіонерская конференція. Конференція даетъ христіанству, по выраженію архіепископа, превосходный предметный урокъ, доказывая, что подъ раздѣляющими христіанъ разностями скрывается единство христіанской цѣли, преданности и усердія“ (стр. 515—516).

ковъ, литературу, выяснивъ политическую и соціальную фізіономію передовыхъ „діячивъ украинства“.

Въ настоящій разъ мы считаемъ своевременнымъ разобратъ нѣсколько въ тѣхъ религіозныхъ настроеніяхъ, идеалахъ и чаяніяхъ, какими живетъ въ настоящее время передовая, наиболѣе прогрессивная часть украинофильской интеллигенціи и какими она весьма охоча просвѣтитъ и простой украинскій народъ.

Для этого мы считаемъ необходимымъ остановиться нѣсколько вниманіемъ на твореніяхъ украинскаго поэта Т. Г. Шевченка. Только въ послѣднее время (1907 г.) появилось у насъ полное изданіе „Кобзаря“¹⁾, дающее возможность оцѣнить его произведенія съ религіозной точки зрѣнія, такъ какъ поэтическія творенія его помѣщены здѣсь безъ пропусковъ, измѣненій и сокращеній, какія дѣлались, по цензурнымъ условіямъ, въ прежнихъ изданіяхъ.

Хотя Шевченко умеръ уже болѣе сорока лѣтъ назадъ, но его „Кобзарь“ и теперь является настольною книгою каждаго завзятаго украинофила. Въ выработкѣ украинскаго міросозерцанія онъ являетсѣ своего рода великимъ учителемъ, а въ развитіи вкуса къ малорусскому языку и литературѣ его „Кобзарь“ дѣлаетъ гораздо больше, чѣмъ многочисленныя малорусскія изданія послѣдняго времени, особенно написанныя на малопонятномъ кованомъ, какъ его называютъ иные, галиційскомъ жаргонѣ.

Что „религіійні погляди“ Шевченко имѣютъ важное значеніе въ глазахъ современныхъ прогрессивныхъ украинофиловъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее откровенное и ясное признаніе одного изъ его почитателей и толкователей: „Разобрать, пишетъ онъ, религіозные взгляды Тараса намъ кажется очень нужнымъ не только для харттеристики его,

¹⁾ Кобзарь. Изданіе общества имени Т. Г. Шевченко для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга. СПб. 1907 года.

какъ писателя и какъ человѣка, который сохранилъ и воплотилъ въ себѣ взгляды всего украинскаго народа, но и съ той стороны, что тѣ взгляды, насколько видны они въ его твореніяхъ, рано или поздно передадутся народу и пригодятся на то, чтобы развиваться, ширить въ народѣ тѣ начатки раціонализма, какой теперь есть въ немъ, какой видно, на примѣръ. въ штундѣ. Мы думаемъ, что какъ иногда ни приходится для практическихъ цѣлей обходить, говоря съ народомъ, религію, все-таки въ ходѣ культурнаго развитія никогда ничего нельзя будетъ сдѣлать, не ставши на научной почвѣ позитивизма¹⁾.

Итакъ каковы же „религіині погляди“ Шевченка, которымъ придаютъ такое значеніе не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ его почитатели?

Преобладающая у Шевченко мысль о Богѣ—это отрицаніе имъ Промысла Божія—идея Ивана Карамазова у Достоевскаго, только выраженная въ стихахъ и гораздо слабѣе, чѣмъ у Достоевскаго. Наблюдая зло, царящее въ мірѣ, преступленія, насиліе сильнаго надъ слабымъ, Шевченко спрашиваетъ:

Чи Богъ бачить із-за хмары
 Наші сльозы, горе?
 Може й бачить, та помога
 Якъ и отті гори
 Предковічні, що политі
 Кровію людською. (170).

Въ другомъ мѣстѣ Шевченко утверждаетъ, что Богъ зло видитъ и Самъ его допускаетъ

А Богъ хоть бачить, та мовчить,
 Гріхамъ великимъ потурає (333).

¹⁾ Ф. Сірко. Тарас Шевченко і його думки про громадське життя. Львівъ 1906 г. стр. 35.

Поэтъ находить, что лучше было бы если бы Богъ и совсѣмъ не касался жизни міра;

Коли-жъ отпочити ляжешь, Боже,
Ї намъ даси жити?

кощунственно спрашиваетъ онъ Бога.

Впрочемъ, не одни только чужія страданія и людское горе приводятъ Шевченка къ невѣрію; своимъ личнымъ житейскимъ невзгодамъ и безталанню онъ также придаетъ не мало важное значеніе, и онѣ, несомнѣнно, оказали сильное вліяніе на его религіозное міросозерцаніе.

Шукаю Бога, а нахожу
Таке, що цуръ йому казать...
Отъ що зробили з мене годи
Та безталання (444).

Больше всего на свѣтѣ, больше самого себя и больше Бога любитъ Шевченко Украину; за нее приглашаетъ онъ своихъ друзей Господа молить и самъ готовъ отдать за нее душу

Я такъ її, я такъ люблю
Мою Україну убогу,
Що прокляну святого Бога,
За неї душу погублю. (443).

Возмущаясь неправдою жизни, страданіями народа, Шевченко далеко отъ прощенія, христіанскаго смиренія и любви, и въ произведеніяхъ его нерѣдко слышатся ноты вражды и ненависти

„Якъ понесе зъ України
У сине морее кровъ ворожу, —
Оттоді я все покыну и поляну
До самого Бога молитися (283)...

Есть въ новоизданномъ „Кобзарѣ“ мѣста, въ которыхъ Шевченко прямо утверждаетъ, „що немає Господа на небі“

(167). Иногда эту мысль онъ выражаетъ въ саркастической, и прямо кощунственной формѣ:

А ти всевѣдающее око!
 Чи ти дивилося звисока,
 Якъ сотнями въ кайданахъ гнали
 Въ Сибір невольниківъ святихъ?
 Якъ мурдували, розпинали
 Ї вішали? А ти не знало?
 Ї „ти дивилося на ніхъ
 Ї не осліпло?! Око, око,
 Не дуже бачишь ти глибоко,
 Ти спишь въ кіоті (544)...

Отрицая Бога и Его божественный промыселъ въ судьбахъ міра, Шевченко отрицалъ божественность Лица Господа Иисуса Христа. Это, съ очевидностію, доказываетъ его кощунственная внесенная въ послѣднее изданіе его „Кобзаря“ поэма „Марія“. Мы не будемъ приводить основной мысли этой богохульной и кощунственной поэмы; скажемъ лишь, что объясненіе происхожденія по человечеству Господа Иисуса Христа, какое даетъ Шевченко, весьма напоминаетъ по духу и характеру позднѣйшаго кощунника Нѣмоевскаго въ его „Легендахъ“. Изъ Евангелія для своей поэмы Шевченко взялъ лишь имена, а самое содержаніе сочинилъ отъ себя, пустивъ въ ходъ самую безудержную фантазію, не стѣсняясь святостію предмета, о которомъ онъ взялся говорить. Заканчиваетъ онъ свою поэму ложью о томъ, будто Богоматерь умерла отъ голода. Само собою понятно, что разъ Шевченко отрицалъ божественность лица Господа Христа, онъ не только отрицалъ, но и не понималъ искупительной Его жертвы. Христось не измѣнилъ людей; они не стали лучше и оттого, что и сами проливали свою кровь за вѣру Христову. Страданія Христа не только не принесли блага міру, но даже вредъ. По мнѣнію Шевченка, тихій прекрасный міръ Божій теперь

Багрянницямі укрито
І распятіємъ добито...

Мы далеко не исчерпали всѣхъ произведеній Шевченка; которыя такъ или иначе касаются вопросовъ вѣры и библейскихъ предметовъ: всѣ они по характеру и духу одинаковы. Закончимъ тѣмъ идеаломъ, какой предносился Шевченку въ дѣлахъ вѣры. Мечты его на сей предметъ—это уничтоженіе православной вѣры.

Будемъ, брате,
Зъ багрянницъ онучі драти,
Люльки зъ кадилъ закуряти,
„Явленімі“ шічь топити,
А кропыломъ будемъ, брате,
Нову хату вымітати“ (592).

На основаніи полного изданія „Кобзаря“ можно сдѣлать выводъ, что Шевченко былъ невѣрующій; духомъ невѣрія и кощунства проникнуты многія его произведенія. Правда, въ его твореніяхъ встрѣчаются обращенія къ Богу въ родѣ: „о, Боже мій милій“; „живе правда у Господа Бога“; но эти краткія обращенія доказываютъ лишь то, что религіозныя понятія и термины настолько вошли въ нашу жизнь и рѣчь, что даже лица невѣрующія не могутъ обойтись безъ нихъ и ими пользуются (хотя бы для рифмы). Есть у Шевченка переложеніе нѣсколькихъ псалмовъ Давида, но кощунство его надъ Давидомъ,—самое безудержное и беззащитное (въ стихотвореніи „Цари“),—говоритъ за то, что на эти псалмы Шевченко смотрѣлъ, какъ на поэтическія произведенія еврейскаго народа и не придавалъ имъ значенія религіознаго.

Антирелигіозныя произведенія Шевченко по своему характеру на уступаютъ по мѣстамъ кощунственнымъ произведеніямъ позднѣйшаго времени (напримѣръ, у Андреева).

Мы уже отмѣтили выше произволь Шевченка въ обращеніи съ библейскими лицами и священными событіями. Въ уста царя Давида, Богоматери, Господа Іисуса Христа онъ влагаеть такія рѣчи, которыя не имѣютъ для себя ни малѣйшаго основанія въ Библии.

Я, „царь“ надъ Божиимъ народомъ

І самъ я Богъ въ моей землі...

Я—все!

Такія, напр., рѣчи приписываетъ Давиду Шевченко, въ томъ же стихотвореніи „Цари“.

Элементы религіознаго вольнодумства встрѣчаются и у нѣкоторыхъ русскихъ поэтовъ (напр., у Пушкина), но вмѣстѣ съ тѣмъ у тѣхъ же поэтовъ мы находимъ произведенія, посвященныя событіямъ, лицамъ и предметамъ религіознаго значенія, проникнутыя неподдѣльнымъ религіознымъ восторгомъ и вдохновеніемъ. Въ творахъ Шевченко этого нѣтъ.

Такъ называемое религіозное вольнодумство всегда рѣзче обнаруживается у людей безрелигіозныхъ въ молодости; въ старости оно или смягчается, или и совсѣмъ проходитъ. Антирелигіозные элементы и отдѣльныя мѣста кощунственнаго характера встрѣчаются уже въ раннихъ произведеніяхъ Шевченка; но самыя безрелигіозныя его произведенія написаны имъ при концѣ жизни. Такія кощунственныя произведенія, какъ „гимнъ черничій“, „на смерть Григорія, митрополита Петербургскаго“, „Саулъ“ написаны за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти поэта. Здѣсь вѣроятнѣе всего сказалось вліяніе освободительнаго движенія и матеріализма начала шестидесятихъ годовъ (Шевченко умеръ 1861 года), достигшихъ своего развитія уже послѣ смерти Шевченка.

Для украинофиловъ „Кобзарь“ Шевченка—своего рода священная книга; самъ Шевченко для нихъ то же, что Гомеръ для грековъ, Данте—для итальянцевъ, Шекспиръ для англичанъ. Понятно поэтому ихъ желаніе распространять Кобзаря въ народѣ. Антирелигіозныя произведенія его встрѣчали и будутъ встрѣчать несочувствіе въ массѣ народа, по-

этому украинскіе писатели стараются смягчить и „разяснить“ эту сторону въ его произведеніяхъ.

Толкователи „религіозныхъ поглядивъ“ Шевченко пытаются доказать, что Шевченко не былъ атеистомъ, это-де сочинили про него попы—москово-филы; доказательства этого бываютъ довольно оригинальны „Я стою, пишеть одинъ изъ нихъ, на томъ, „що ніяка віра не впала зъ неба, лишъ виробили її самі люди и въ кожій вірі, або й безъ ніякої віри, чоловікъ може бути добримъ або злимъ. Хто ціле життя стоявъ въ обороні покривжденихъ,—зъ вірою чи безъ віри,—належитьса видъ насъ найбільша шана“¹⁾. Даже кощунственныя стихотворенія Шевченко этотъ авторъ обращаетъ въ доказательство его религіозности, такъ какъ тотъ, кто не вѣруеть въ Бога „той не стане Богові дорікати“²⁾.

Ближе къ истинѣ, по нашему мнѣнію, стоитъ другой украинскій біографъ Шевченка, утверждающій, что, „якъ представлявъ Шевченко своего Бога, дошукатеса, здаеться, не можно, тай самъ Шевченко мабуть ніколи не захожувався конкретизувати й за для себе свої релігійні погляди³⁾. Но вообще украинскіе толкователи Шевченко согласно утверждаютъ, что онъ не вѣрилъ въ догматичнаго Бога, что онъ былъ рационалистомъ. „До такихъ, навѣть, догмативъ, якъ непорочне зачате, божество Иисуса, його смерть і наука, Шевченко вмівъ обернутися совсімъ рационалістично⁴⁾: одни считаютъ его поэтому послѣдователемъ тюбенгенской школы, другіе называютъ деистомъ.

Такъ какъ передовая болѣе прогрессивная часть украинomanовъ усвоила идеалы нашихъ такъ называемыхъ лѣвыхъ пар-

¹⁾ Михайло Лозыньскій. Тарасъ Шевченко його жите і значинне Львовъ 1902 года стр. 58.

²⁾ Ibid 68.

³⁾ Ф. Сірко. Тарасъ Шевченко і його думки про громадське жите 35 стр.

⁴⁾ Ф. Сірко стр. 39.

тій, лишь передѣлывая ихъ на украинську мову, то понятно, что и на христіанство она смотритъ глазами этихъ партій и „эти взгляды усвояетъ Шевченку. На Иисуса Христа Шевченко будто бы смотрѣлъ, какъ на соціалиста агитатора“. Апостолы, на его взглядъ, были простые люди, которые прониклись соціалистическою проповѣдью Иисуса“. Въ поэмѣ „Неофиты“ Шевченко „хотивъ намалювати картину того, якъ апостоли новаго життя вмѣлы постояти за свои думки“ 1).

Выпады Шевченко противъ духовенства даютъ поводъ нѣкоторымъ его біографамъ, съ своей стороны, лягнуть духовенство и послать ему не мало упрековъ въ томъ, „що поны перекручують божіи слова на свою користь, що вони, замість просвічувати нарідъ, ще спыняють його просвіту“, поэтому и народъ они приглашаютъ идти „не за попівскою наукою, а за своимъ поэтомъ и за радикалами“ 2).

Православную вѣру, которой служатъ и которую проповѣдуютъ православные пастыри, радикальные украиноманы называютъ „казонною вірою, котра з'являється задурюваньемъ народу, служе за для умиснаго держаня людей у темноти“.

Изъ сказаннаго достаточно видно, что сочиненія Шевченка, по крайней мѣрѣ полное ихъ изданіе, въ религіозномъ отношеніи вредны, и сами украиноманы придаютъ имъ, какъ выше было отмѣчено, важное антирелигіозное значеніе, какъ сильному оружію въ дѣлѣ распространенія рационализма въ религіозныхъ вопросахъ. Что эта сторона въ твореніяхъ Шевченко будетъ особенно использована, доказывается, на примѣръ, слѣдующимъ обстоятельствомъ. По заявленію, сдѣланному нѣкоторыми священниками на Кіевскомъ епархіальномъ съѣздѣ 1909 г., среди сельскихъ малороссовъ теперь усердно распространяется въ рукописномъ видѣ самая кощунственная вещь, принадлежащая перу Шевченка: поэма „Марія“.

1) Ibid стр. 40.

2) Ibid 63.

Вообще, современное украинское движение заслуживает со стороны духовенства болѣе серьезнаго вниманія и отношенія, чѣмъ было доселѣ. Украинфильство (въ невинной разумѣется формѣ) существуетъ и среди южно-русскаго духовенства. Стоя близко къ народной жизни, будучи само частью народа, южно-русское духовенство говорить съ малороссами однимъ языкомъ и не можетъ не любить добродушнаго малорусскаго народа, его языка, пѣсни, обычаевъ.

Духовенство малорусскихъ губерній почти сплошь говорить по-малорусски. Не рѣдкость въ домѣ священника малорусская газета, книжка, и самый „Кобзарь“ (въ сокращенномъ изданіи). Особымъ путемъ вливается украинфильство въ духовно-учебныя заведенія, именно при посредствѣ малорусскаго театра. Обыденный разговоръ и пѣсня въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ—малорусскіе („Зозулю“ въ малорусскихъ семинаріяхъ поютъ такъ, что и заправская труппа можетъ позавидовать). Такъ какъ большинство семинаристовъ—по природѣ, такъ сказать, наследственные пѣвцы; такъ какъ въ малорусскомъ театрѣ пѣсенный элементъ—одинъ изъ главныхъ, то и неудивительно, что малорусскій театръ пользуется особой популярностію среди семинаристовъ, тѣмъ болѣе, что въ провинціальныхъ городахъ солидная опера или драма рѣдкость, а мѣстная любительская или заѣзжая украинская труппа всегда есть. При этомъ антрепренеры такихъ второ и третье-степенныхъ труппъ (иногда и просто хоровъ) нерѣдко и эксплуатируютъ семинаристовъ, набирая ихъ бесплатно въ хоръ, въ статисты, поручая иногда и мелкія роли. Это и для антрепренера выгодно, и для молодежи лестно пріобщиться къ театральному міру, хоть на мгновение стать „артистомъ“, отнести и къ себѣ часть того яда, который такъ захватываетъ челоѣка на сценѣ и выражается въ аплодисменахъ, цвѣтахъ, похвалахъ, вообще въ поклоненіи толпы. Во всемъ этомъ, пожалуй, не было бы ничего вреднаго: большинство этихъ хористовъ и артистовъ спокойно оканчиваютъ курсъ семинаріи, идутъ во священники и послѣ съ улыбкой вспоминаютъ свои артистическіе по-

двиги ¹⁾). Къ прискорбію, далеко не всѣ оказываются такими стойкими, и не мало есть на украинской сценѣ пѣвцовъ, хористовъ и даже танцоровъ—бывшихъ семинаристовъ, ушедшихъ до окончанія курса на тернистый театральный путь. (Въ аналахъ и воспоминаніяхъ нашихъ южно-русскихъ семинарій не мало можно было бы собрать матеріала по этому вопросу). Въ сферѣ идейной работы украинство также не мало обязано духовенству; достаточно посмотрѣть фамиліи украинскихъ писателей и газетныхъ сотрудниковъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Въ собраніи народныхъ пѣсенъ, преданій, въ изученіи исторіи и этнографіи Украины духовенство и вышедшія изъ нашего сословія лица потрудились не мало. Первый курсъ украинской литературы составленъ представителемъ академической богословской науки (Н. И. Петровъ). Въ послѣднее время стали появляться сборники проповѣдей на украинскомъ нарѣчій, принадлежащія перу лицъ духовныхъ ²⁾). Но, повторяемъ, что украинофильство, какое приходится наблюдать среди духовенства, имѣетъ невинный характеръ, чуждый всякихъ крайностей. Къ прискорбію, въ послѣднее время украинское движеніе стало идти совсѣмъ инымъ путемъ: здѣсь сказалось вліяніе лѣвыхъ партій, особенно изъ Галичины, и приняло радикальный и сеператистскій характеръ. Говоръ нашихъ малорусскихъ губерній уже не удовлетворяетъ прогрессивныхъ украинцевъ, и они настаиваютъ на распространеніи среди малорусовъ своего галиційскаго „кованаго“ жаргона, о которомъ сами украинцы отзываются, что та „мова вироблена переважно на ґрунті галицкіимъ, вироблена въ значній части на швидку і

¹⁾ Вспоминается намъ старичекъ инспекторъ X семинаріи, говорившій семинаристу, пожелавшему оставить ученіе ради подвиговъ на украинской сценѣ: „Увольненія мы вамъ, милостивый государь, безъ родителей не дадимъ-съ... Получите хотя маленькое образованіе, окончите курсъ, а тогда съ Богомъ хоть въ Тарасы Бульбы идите-съ!.. Изъ семинариста въ результатѣ вышелъ приличный сельскій пастырь.

²⁾ Напр., Проводі до малоруського народа на його рідні мові: уложивъ свящ. Ванькевичъ.

не завсіді вмiлими руками“ 1). Тiмъ не менiе этой галицiйскоi мовi они отдають предпочтенiе передъ провiнцiальними говорами малороссiйскихъ губернiй. „Не можемо замыкатися въ такі тiсні провiнцiальнi критерiї, бо неминучо розiбiємо сю велику українську землю на частки, а з тимъ стратимо всяку можливість широкого національного життя и розвитку, засудимо українство на ролю провiнціоналізма въ кождiй з тихъ провiнцiй, на якi розiбiється українська земля“ 2).

Хотя жителямъ нашихъ малорусскихъ губернiй русская рiчъ и русскiй літературный языкъ гораздо понятнiе сочинлаго галицiйского языка, но тiмъ не менiе украиноманы русскую рiчъ называютъ, неначе, какъ „чужою мовою“ и рекомендують „цураться“, т. е. избiгать ея.

Вiра православная была тою могучею силою, которая вдохновляла нiкогда казаковъ на борьбу съ невiрными и поляками; безъ православiя малорусская вiтвъ русского народа давно была бы поглощена и растворена польщиной, какъ растворились въ ней тi украинскiя фамилiї, предки которыхъ приняли католичество. Душу, центръ малорусской исторiї составляло православiе и въ торжествi его лучшiе сыны Украины видiли цiль и смыслъ своей жизни и своей борьбы съ врагами. Генiально понялъ это и выразилъ въ Тарасi Бульбi Гоголь. „Благодарю Бога, говоритъ у него умирающiй, на смерть израпелный поляками казакъ, что довелось мнi умереть при глазахъ вашихъ, товарищи! Пусть же послi насъ живутъ еще лучшiе, чiмъ мы, и красуется вiчно любимая Христомъ Русская земля“ 3). Не къ тому совсiмъ зовуть и не того желаютъ прогрессивные дiячи Украины; будущую самостiйну Украину найголовнищiй изъ нихъ—Грушевскiй „проектируетъ безъ попа, папа и хлопа“, и казацкiе потомки при-

1) Проф. Михайло Грушевскiй. Про українську мову й українську справу Киiв 1907 года 20 стр.

2) Ibid стр. 19.

3) Гоголь. Тарасъ Бульба (гл. IX).

зываются теперь „стояти осторонь видѣ всихъ такихъ, що кладуть справу віри на першімъ місці (се роблять найбільше попи) 1).

Изъ всего сказаннаго, полагаемъ, ясно, что украинское движеніе стоитъ въ настоящее время на ложномъ пути: оно старается внести рознь въ жизнь единого русскаго народа; оно старается привить малороссамъ такія мысли, чувства и настроенія, какихъ совсѣмъ нѣтъ въ малорусскомъ народѣ, оно не скрываетъ своей вражды къ православной вѣрѣ, въ которой видитъ лишь тормазъ для „культурнаго розвою українскаго народа“, а поэтому оно требуетъ со стороны духовенства внимательнаго къ себѣ отношенія и охраны народа отъ тѣхъ вредныхъ крайностей, которыя могутъ распространяться въ народѣ подъ видомъ толерантнаго и на первый взглядъ безвреднаго „просвічуваня народа на свой мові“...

Священникъ *В. П.*

Мои воспоминанія.

(Продолженіе 2).

Говоря о помѣщеніяхъ, какими пользовались студенты, въ наше время, не могу не упомянуть о Борщаговкѣ, нынѣ почти забытой и малоизвѣстной студентамъ. А намъ, студентамъ первой половины пятидесятихъ годовъ и раньшихъ, она очень памятна. Въ Борщаговкѣ, селѣ, отстоящемъ отъ Кіева верстахъ въ десяти, есть дача, принадлежащая Академіи, и въ прежнее время на этой дачѣ студенты проводили вакацію. Въ старые годы, когда не было такой легкости сообщенія, какую нынѣ даютъ желѣзныя дороги, на вакацію оставалось много студентовъ, гораздо больше, чѣмъ въ настоящее время, и всѣмъ

1) Михайло Лозинскій 31 стр.

2) См. №№ 22—23-й за 1910 г.

оставшимся студентамъ трудно было размѣститься въ Борщаговкѣ. Въ такомъ случаѣ студенты раздѣлялись на двѣ половины: одни жили въ Борщаговкѣ въ первыя недѣли вакаціального времени, а другіе являлись имъ на смѣну на послѣднія недѣли.

Академическая борщаговская дача прелестный уголокъ для лѣтняго мѣстопробыванія. Она довольно обширна, около шести десятинъ. Въ ней богатая растительность; въ прежнее время довольно было вишневыхъ деревьевъ, было много кустовъ крыжовника и смородины. По всему обширному пространству сада проведены были хорошо утрамбованныя дорожки, и одна изъ нихъ, самая большая, окаймлена была кустами крыжовника и частью смородины; а по сторонамъ другихъ росли большія деревья, липовыя и грабовыя. На дачѣ былъ прудъ довольно глубокій, съ холодною чистою водою, въ которомъ было много карасей. Въ этомъ прудѣ можно было кушаться, а желающіе могли ловить рыбу бреднемъ, который развернутый стоялъ на берегу пруда. На водѣ въ прудѣ стояла лодка, на которой можно было покататься. Весною и лѣтомъ здѣсь пѣли соловьи, а за прудомъ, на высокихъ деревьяхъ, къ концу сада, устроили гнѣзда аисты. При въѣздѣ на дачу, на дворѣ стоялъ небольшой домъ, изъ четырехъ или пяти комнатъ, называвшійся у жителей Борщаговки дворцомъ. Съ комнатами этого дома непосредственно черезъ сѣни соединяется кухня и помѣщеніе для служителя. Этотъ дворецъ стоитъ и донинѣ, и имѣетъ тотъ же видъ, какой имѣлъ и во время нашего студенчества, хотя не разъ подвергался ремонту. На берегу пруда, на небольшомъ возвышеніи стояла двухъ-этажная круглая бесѣдка, со множествомъ оконъ въ томъ и другомъ этажѣ. Изъ нижняго этажа въ верхній вела витая лѣстница. По преданію, эта бесѣдка построена была при Иннокентіи Борисовѣ, когда онъ былъ ректоромъ академіи, и по его плану. Нынѣ эта бесѣдка, свидѣтельствовавшая о художественно-поэтическомъ замыслѣ ея строителя, уже не существуетъ, о чемъ

приходится сожалѣть намъ, видѣвшимъ красу ея, и находившимъ въ ней пріятный пріютъ лѣтомъ.

Студенты, жившіе въ Борщаговкѣ, помѣщались, то есть спали частію въ домѣ, частію въ бесѣдкѣ; въ бесѣдкѣ спали и вверху и внизу. И въ домѣ и въ бесѣдкѣ съ удобствомъ могли размѣститься до шестнадцати человѣкъ. Когда студенты жили на дачѣ, для нихъ каждое утро привозили изъ города провизію, и обѣдъ готовила для нихъ жена служителя, оберегавшаго дачу и жившаго на ней круглый годъ.

Я провелъ на дачѣ въ Борщаговкѣ двѣ вакаціи, въ 1852, и 1853 году, и о времени, проведенномъ тамъ, вспоминаю съ большимъ удовольствіемъ. Да не я одинъ, а почти всѣ, пользовавшіеся борщаговскою академическою дачею, всегда отзывались о ней съ особеннымъ сочувствіемъ. Благораствореніе воздуха, тишина, отсутствіе стѣснительныхъ условій городской жизни, полная свобода въ распоряженіи временемъ, товарищескія бесѣды, то серіозныя, то—и чаще всего—игривыя и шутливыя, и при этомъ никакихъ обязательныхъ занятій,—отдохновеніе полное—все это дѣлало весьма пріятнымъ провозженіе вакаціи въ Борщаговкѣ. Прибавьте къ этому частое купанье въ прудѣ, что освѣжающимъ образомъ дѣствовало, особенно въ жаркіе дни. Кто хотѣлъ, катался на лодкѣ, которая всегда готова была къ нашимъ услугамъ. По временамъ охотники собирались ловить карасей, для чего, раздѣваясь, брались за бредень. Иные, расположившись на травѣ, подъ тѣнію деревъ, предавались мечтаніямъ, или читали какую либо книгу. Къ нашимъ услугамъ много было скамеекъ въ саду; на которыхъ можно было присѣсть для отдохновенія во время гулянья по аллеямъ или для бесѣды съ добрымъ товарищемъ. Въ особенности много было лавочекъ или скамеекъ на площадкѣ передъ домомъ. На этой площадкѣ, подъ открытымъ небомъ, мы обыкновенно пили чай и утромъ и вечеромъ, если не было дождя. Близъ Борщаговки былъ порядочный лѣсъ (теперь, кажется, уничтоженный). Туда иногда отправлялась

компанія студентовъ искать грибовъ или просто для новыхъ свѣжихъ впечатлѣній.

Особенно веселое оживленіе проявлялось у студентовъ на дачѣ къ вечеру почти каждаго дня. Послѣ вечерняго чая составлялись кружки, и среди нихъ велись игривые разговоры, слышались забавные рассказы, шутки, смѣхъ. Любители пѣсенъ составляли хоры, и пѣли съ одушевленіемъ, хотя, можетъ быть, безъ особеннаго искусства, народныя пѣсни: громкое эхо разносило студенческое пѣніе далеко, за предѣлы академической дачи. Къ числу любителей пѣнія принадлежалъ, между прочими, студентъ XVI курса Иванъ Александровичъ Спасскій, впоследствии Сергій, архіепископъ владимірскій. У него голосъ былъ не пѣвучій, но онъ не мастеръ былъ пѣть, а пѣть любилъ. И вотъ каждый почти вечеръ, ходя по аллеямъ, онъ громко распѣвалъ свои костромскія пѣсни. Пѣсенный репертуаръ его былъ небольшой. Въ этомъ отношеніи я далеко превосходилъ его. Узнавъ объ этомъ, онъ просилъ меня, чтобы я подѣлился съ нимъ своимъ знаніемъ, и я охотно шелъ на встрѣчу его желаніямъ. И вотъ мы съ нимъ были одни изъ главныхъ запѣвалъ въ студенческомъ кругу въ Борщаговкѣ: чуть не каждый вечеръ, ходя по аллеямъ сада, кричали и распѣвали костромскія, а больше владимірскія народныя пѣсни, которымъ Спасскій отъ меня научился. Къ нимъ присоединяли мы и малорусскія пѣсни, которымъ научились отъ студентовъ южно-русовъ. Будучи усерднымъ любителемъ, но не богатымъ знатокомъ народныхъ пѣсенъ, Спасскій удивлялся, откуда я познакомился съ такимъ обильнымъ репертуаромъ народныхъ пѣсенъ, и даже завидовалъ мнѣ въ этомъ отношеніи. Я дѣйствительно вывезъ изъ Владиміра богатый и очень разнообразный запасъ пѣсенъ, который самъ собою дался мнѣ, когда я жилъ въ бурсѣ, гдѣ пѣніе было въ ходу.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ прежнее время нѣкоторые приходили, а другіе пріѣзжали въ Борщаговку на богомолье. Вѣроятно, и нынѣ приходятъ туда на богомолье жители Кіева. Въ Борщаговкѣ есть цѣлебный

источникъ, или колодезь, надъ которымъ устроена каплица, или часовня. Къ этой каплицѣ притекають явившіеся для богомолья, выслушавъ напередъ литургію въ церкви. (Церковь и каплица стоятъ близъ самой академической дачи). Совершивъ богомолье, почетнѣйшіе изъ горожанъ, являются въ академическій дворецъ, и просятъ позволенія погулять въ саду и если возможно, выпить чаю. Студенты очень вѣжливо и съ радостію принимаютъ посѣтителей, а дачный служитель приготовляетъ для нихъ самоваръ. Иной разъ предлагаютъ гостямъ покататься въ прудѣ на лодкѣ, что посѣтителями принимается съ благодарностію. Между посѣтителями и посѣтительницами бывають и знакомые студентовъ: къ такимъ студенты относятся съ особеннымъ вниманіемъ, къ взаимному удовольствію хозяевъ-студентовъ и гостей. Когда въ мое время жили на дачѣ студенты, въ каждое воскресенье и въ каждый праздникъ мы ожидали гостей, и не напрасно. Гости являлись и вносили нѣкоторое разнообразіе въ нашу дачную жизнь, чрезъ это праздничные дни у насъ отличались отъ дней будничныхъ. Студенты въ праздники старались показаться предъ гостями въ болѣе приличномъ видѣ, избѣгали той деревенской простоты въ костюмѣ, какую дозволяли себѣ въ будніе дни.

Изрѣдка, разъ или два, въ вакацію пріѣзжалъ въ Борщаговку инспекторъ и проводилъ въ бесѣдѣ съ студентами часа три, четыре. Онъ привозилъ съ собою чаю и сахару, и угощалъ студентовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ привозилъ и булокъ. Не все, привезенное имъ, израсходывалось въ одинъ вечеръ. Что оставалось, то инспекторъ отдавалъ въ распоряженіе студентовъ, для употребленія въ другой день.

Этотъ прелестный уголокъ, состоящій во владѣніи академіи, уже давно закрытъ для студентовъ. Академія владѣетъ имъ, но мало пользуется имъ. И нужно замѣтить, что студенты сами виною того, что закрыта для нихъ борщаговская дача. Послѣдній разъ эта дача предоставлена была имъ въ 1854 году, и въ этотъ годъ они слишкомъ злоупотребляли свободою, имъ данною, и это злоупотребленіе свободою со

стороны студентовъ завершилось печальною катастрофою, которая послужила причиною того, что студентовъ перестали водворять въ вакацію въ Борщаговкѣ. Дѣло вотъ въ чемъ. Составилась компанія веселыхъ людей, которые слишкомъ усердно увлекались дарами Бахуса, не думая о послѣдствіяхъ этого увлеченія. Въ особенности весело проводилъ вакаціальныя дни и неразумно служилъ Бахусу одинъ изъ студентовъ младшаго XVIII курса Грановскій (изъ орловскихъ), и онъ этимъ накликалъ на себя большую бѣду. Послѣ сильнаго разгула, повторяемаго имъ чуть не ежедневно, онъ нашелъ себѣ смерть въ прудѣ, или (можетъ быть, точнѣе будетъ сказать) отравилъ себя алкоголемъ. Исторія его смерти темная, не разъясненная для товарищей, не жившихъ тогда въ Борщаговкѣ. Онъ отлично умѣлъ плавать, и потому трудно, казалось, утонуть ему въ прудѣ, хотя довольно глубокомъ, но не широкомъ. Между тѣмъ трупъ его извлекли изъ пруда, и онъ оказался не голый, а въ той одеждѣ, какую Грановскій носилъ на дачѣ; только одна нога была разута, а другая въ сапогѣ. Я въ эту вакацію (1854 года), не жилъ на дачѣ, и на все лѣто оставался въ академіи. Разъ пошелъ было туда, но засталъ тамъ такой шумный разгулъ, какого не было въ предыдущія вакаціи. Потому я побылъ на дачѣ не болѣе двухъ часовъ, поспѣшилъ возвратиться въ Кіевъ, не убоившись угрожающей тучи. Дождь разразился, когда я уже вступалъ въ ограду Братскаго монастыря.

Когда случилось несчастіе съ Грановскимъ, пришли съ дачи два студента (одинъ мой товарищъ Николай Акександровичъ Терлецкій, а фамилію другого забылъ) съ донесеніемъ объ этомъ печальномъ событіи исправлявшему тогда должность инспектора помощнику инспектора аухимандриту Іоанникію (впослѣдствіи митрополиту московскому и кіевскому). Инспекторъ Леонтій отправлялся въ этотъ годъ на ревизію въ Воронежскую семинарію, и послѣ ревизіи посѣщалъ родныя воронежскія мѣста. Пришедшіе съ дачи были въ большомъ смущеніи. Мы спросили ихъ: что случилось? Они сказали: боль-

шое несчастье. Но въ чемъ состояло это несчастье, они не хотѣли разяснить намъ, даже не хотѣли сказать, что умеръ студентъ. Когда же мы узнали подробности этого печальнаго событія, у насъ сложилось убѣжденіе, что именно отъ алко-голя погибъ утопленникъ.

Съ грустью занову въ свою хронику воспоминаніе объ этомъ печальномъ событіи. Такъ хорошо лѣтомъ жилось студентамъ въ Борщаговкѣ. Съ такимъ удовольствіемъ они всегда передавали рассказы о пріятной дачной жизни. И вдругъ конецъ. Дача,—такая прелестная академическая дача,—съ 1855 года закрыта для студентовъ. Академическое начальство закрыло дачу для студентовъ изъ опасенія, какъ бы снова не повторилось тамъ, въ случаѣ отпуска туда студентовъ, такое злоупотребленіе свободою, какое дозволили себѣ студенты въ 1854 году. И пустуетъ дача академическая. Правленіе Академіи готово отдавать ее стороннимъ людямъ за плату. Преосвященный Димитрій херсонскій (Ковальницкій), будучи ректоромъ Академіи, даже построилъ тамъ особый домикъ, въ которомъ могли бы помѣститься два семейства, для отдачи его на лѣто въ наймы. Но мало охотниковъ нанимать дачу въ Борщаговкѣ, по затруднительности пріобрѣтенія тамъ провизіи для стола. За провизіею нужно посылать въ городъ; а для этого нужно имѣть лошадь.

Въ прежнее время и для наставниковъ въ Борщаговкѣ устроилось нѣчто въ родѣ рекреации. Въ одинъ изъ майскихъ или іюньскихъ дней всѣ наставники, съ ректоромъ во главѣ, выѣзжали туда, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Тамъ для всѣхъ готовился обѣдъ, а послѣ обѣда предлагался чай и десертъ изъ ягодъ и фруктовъ. Присутствовали на дачѣ въ этотъ рекреационный день всѣ монахи, служившіе въ академіи, но не возбранялось свѣтскимъ наставникамъ, въ промежуткахъ между обѣдомъ и чаемъ и временемъ отбытія изъ Борщаговки, предаваться мірскимъ удовольствіямъ: составлялись партіи для игры въ преферансъ. Ректоръ желая, чтобы всѣ наставники приняли участіе въ загородномъ гуляньи, заботился о томъ,

чтобы для всѣхъ найдены и приготовлены были даровые экипажи. Такъ было при ректорѣ Антоніи, который, хотя былъ строгій монахъ, очень снисходительно относился къ благороднымъ развлеченіямъ. Онъ не отказывался, вмѣстѣ съ академическою братіею, посѣтить Борщаговку, когда, оставивъ мѣсто ректора академіи, былъ викаріемъ кievской митрополіи.

Проф. *Василій Пивницкій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

О взаимныхъ отношеніяхъ уѣздныхъ наблюдателей и благочинныхъ.

Съѣздъ церковно-школьныхъ дѣятелей въ Воронежѣ, между прочимъ, обсуждалъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ благочинныхъ и уѣздныхъ наблюдателей. Съѣздъ прежде всего удостовѣрился, что нѣкоторые благочинные при обзорѣннй церковей своего округа не посѣщаютъ церковно-приходскихъ школъ и просилъ духовную консисторію разослать для руководства благочиннымъ циркулярное распоряженіе объ этомъ Святѣйшаго Синода. Для установленія постоянного живого общенія между уѣздными наблюдателями и благочинными съѣздъ постановилъ принять за правило, чтобы благочинные, при обзорѣннй церковей, посѣщали также и церковныя школы и своими наблюденіями дѣлились съ уѣздными наблюдателями письменно или лично, а также и съ уѣздными отдѣленіями и въ болѣе важныхъ случаяхъ сообщали, независимо отъ этого, о результатахъ своихъ наблюденій епархіальному училищному совѣту. Наблюдатель же, обзорѣвая школы уѣзда, долженъ посѣщать благочинныхъ и, доводя до свѣдѣнія ихъ о замѣченныхъ имъ недостаткахъ въ постановкѣ церковно-школьнаго дѣла въ благочинническомъ округѣ и въ отношеніи священниковъ и діаконовъ—учителей къ шко-

лѣ, просить ихъ принять зависящія отъ нихъ мѣры къ устраненію этихъ недостатковъ, а о школахъ, обзрѣваемыхъ послѣ посѣщенія благочиннаго, сообщить ему съ этой цѣлью письменно. Признано необходимымъ участіе наблюдателей въ благочинническихъ совѣтахъ при разсмотрѣніи представленій духовныхъ лицъ къ наградамъ. Такое участіе должно выражаться въ округѣ, къ которому принадлежитъ уѣздный наблюдатель, въ приглашеніи его на благочиннической совѣтъ для разсмотрѣнія представленій къ наградамъ, а въ остальныхъ округахъ, если онъ туда не можетъ прибыть лично, въ представленіи наблюдателемъ списка усердныхъ и нердивыхъ въ школѣ священниковъ. Признано также необходимымъ участіе епархіальнаго наблюдателя, въ качествѣ представителя епархіальнаго училищнаго совѣта, при разсмотрѣніи духовною консисторіей наградныхъ списковъ (Совр. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 9-го іюня 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей

№ 25.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года іюня 20-го дня.

Содержаніе: I. Пастырь Церкви и современные общественныя организа-
ціи. Свящ. І. Артинскій.—II. Не начало ли религіознаго возрожде-
нія? Кир. Тихомировъ.—III. Карманная апологетика. (Окончаніе).
Перев. Н. П. Селивановской.—IV. Замѣтка. Общества трезвости.

Пастырь Церкви и современные общественныя организаціи.

Передъ нами отчетъ о дѣятельности „Союза братской помощи“, существующаго въ Петербургѣ официально съ 10-го декабря 1908 года, реально—со дня открытія, съ 12 января 1909 года. Какъ видно изъ отчета, „Союзъ“ утвержденъ свѣтскою властью (Министр. Внутр. Дѣлъ), получилъ благословеніе и отъ духовной власти, представителемъ которой былъ на открытіи Союза, отъ имени Высокопреосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго, епископъ Нарвскій, Преосвященный Никандръ. Организаторами „Союза братской помощи“ и главными дѣятелями въ немъ выступаютъ *свѣтскіе люди*, высоко-и невысокопоставленные міряне, мужчины и женщины; но, кажется, инициаторомъ и душою Союза является не

безызвѣстный Б. И. Гладковъ, когда-то атеистъ, а теперь глубоко вѣрующій человѣкъ, авторъ прекраснаго „Толковаго Евангелія“.

Какъ видно изъ отчета, главная цѣль Союза—христианизація современнаго интеллигентнаго по преимуществу общества, удовлетвореніе его религіозно-нравственной алчбы и жажды изъ вѣчно живого и неизсякаемаго источника—Христова ученія. Но такъ какъ на общемъ фонѣ жизни современной интеллигенціи особенно ярко выдѣляется учащаяся молодежь—студенты, курсистки и т. д., то Союзъ ставитъ своей задачей нести свѣтъ Христовъ и въ эту среду. Напоминая по своей цѣли петербургское же „Общество религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви“, „Союзъ братской помощи“ по второй своей задачѣ соприкасается съ московскимъ (кажется, есть и въ Петербургѣ уже) „Христианскимъ содружествомъ учащейся молодежи“. Для достиженія своей цѣли и задачи союзъ устраиваетъ и платныя и бесплатныя бесѣды, публичныя лекціи и въ общественныхъ мѣстахъ, залахъ, и въ частныхъ домахъ и квартирахъ. Свою миссіонерскую дѣятельность Союзъ переноситъ и въ школы разныхъ типовъ и разныхъ вѣдомствъ. Не ограничиваясь такою проповѣдью завѣтовъ Христа Спасителя (напр., темы: „борьба съ христианствомъ въ наукѣ“, „путь къ познанію Бога“, „исполнимы ли заповѣди Христа?“), совѣтъ Союза открылъ, кромѣ религіозныхъ бесѣдъ для учащейся молодежи и вообще интеллигентныхъ лицъ, интересующихся религіозными вопросами, — *евангельскіе курсы*, на которыхъ и при помощи которыхъ желающіе могли бы основательно ознакомиться съ Евангеліемъ въ послѣдовательномъ порядкѣ событій.

Такова въ общемъ дѣятельность „Союза братской помощи“ за одинъ годъ его существованія. Характерно, что инициатива учрежденія Союза принадлежитъ нашей свѣтской интеллигенціи. Также характерно и то, что петербургское духовенство отнеслось къ Союзу, за рѣдкими исключеніями, и холодно и равнодушно: въ отчетѣ это не одинъ разъ подчер-

живается. Такъ, узнаемъ, что на любезное предложеніе Гладковымъ своихъ услугъ для религіозно-нравственной бесѣды съ учащимися въ Солянскомъ Городкѣ, на просьбу его отвѣтить, если находятъ небезполезнымъ посѣщеніе учащимися старшаго возраста лекціи на тему „путь къ познанію Бога“, сколько билетовъ прислать,—изъ 40 законоучителей, къ которымъ обратился Гладковъ, откликнулись о.о. законоучители 1, 3, 7, 8 и 10 мужскихъ гимназій, гимназіи при Историко-филологическомъ институтѣ, училища св. Анны, земской учительской школы, 2 реального училища и училища Принца Ольденбургскаго, а также Васильеостровской и Екатеринбургской женскихъ гимназій. „Остальные же отцы законоучители не удостоили Б. И. Гладкова отвѣтомъ на его обращеніе къ нимъ“, хотя лекція была назначена „съ разрѣшенія владыки-митрополита и попечителя учебнаго округа“. Узнаемъ также, что духовенство такъ же отнеслось и къ просьбѣ принять на себя трудъ чтенія евангельскихъ курсовъ, а равно и къ просьбѣ содѣйствовать веденію религіозныхъ бесѣдъ съ учащейся молодежью. Между тѣмъ свѣтскіе представители интеллигентнаго нашего общества отнеслись къ дѣятельности Союза и съ довѣріемъ и съ сочувствіемъ, а Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ пожелалъ, чтобы Союзъ устроилъ нѣсколько лекцій въ кадетскихъ корпусахъ, и на одной изъ нихъ самъ присутствовалъ.

Прочитавши отчетъ, мы невольно призадумались. Еще въ дѣтствѣ, на школьной скамьѣ намъ внушали и внушили, что „Церковь есть богоустановленный союзъ (общество) людей, соединенныхъ между собою закономъ Божиимъ, священноначаліемъ и таинствами“; что въ Церкви есть пастыри и пасомые; что внѣ Церкви нѣтъ спасенія. Воспитанные такъ и укрѣпленные въ такомъ ученіи, мы держимся того убѣжденія, что Церковь Христова должна быть единымъ, нераздѣльнымъ, живымъ, духовно-нравственнымъ организмомъ, спаяннымъ вѣрою, окрыляемымъ любовію („не словомъ ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною“) пастырей къ пасомымъ и наоборотъ. Съ

этой общеизвѣстной точки зрѣнія въ Церкви Христовой не можетъ быть раздѣленія или обособленія ни пастырей отъ пасомыхъ, ни пасомыхъ отъ пастырей. Жизнь церковная должна представлять единство въ разнообразіи, или гармонію, дивный образъ которой данъ св. ап. Павломъ (1 Кор. 12 гл.). „И если духовенство отрицаетъ паству и вытѣсняетъ ее собою изъ Церкви, естественно тогда, что и паства отрицаетъ духовенство и уходитъ изъ Церкви въ расколъ и секты“.

Современная дѣйствительность представляетъ, къ сожалѣнію, много матеріалу, какъ бы подтверждающаго только что приведенныя слова. Петербургскій „Союзъ братской помощи“ не единственный на Руси разсадникъ религіозно-правственной жизни: теперь въ разныхъ концахъ и въ разныхъ мѣстахъ Русской Церкви много всякихъ союзовъ, кружковъ, братствъ, обществъ, ставящихъ себѣ христіанскія задачи, христіанскіе идеалы. Мы не хотимъ даже и предполагать въ Союзѣ какой-нибудь тенденціи къ религіозному сепаратизму или уклону къ какому-нибудь сектантству. Нѣтъ; какъ показываетъ отчетъ, „Союзъ братской помощи“ и хочетъ быть въ единеніи съ пастырями Церкви и, дѣйствительно, ищетъ этого единенія и пастырскаго благословенія. Первенствующій святитель Русской Церкви присылаетъ своего представителя на открытіе Союза. Чѣмъ же отвѣчаетъ столичное духовенство?..

Мы не обвиняемъ его и не осуждаемъ, а беремъ фактъ, какъ онъ есть, и продолжаемъ линіи до географическихъ предѣловъ Русской Церкви. Вездѣ ли и всѣ ли пастыри православные стоятъ въ бурномъ потокѣ современной жизни, съ ея тревогами, волненіями, запросами, недоумѣніями, страданіями, и руководственно направляютъ теченіе и жизни и мысли въ русло вселенной истины—Христовой, хранительницей и истолковательницей которой является Церковь, какъ богоустановленный союзъ людей? Не замѣчается ли, къ великой скорби, наоборотъ, что современная жизнь проходитъ какъ бы мимо насъ служителей Церкви и если захватываетъ, то какимъ-нибудь однимъ краемъ, отчего и мы—пастыри, при искреннемъ даже

желаніи быть служителями и строителями вселенскаго царства Божія, оказываемся нерѣдко въ печальной роли узкихъ, одно-стороннихъ дѣятелей?

Фактъ теперешней жизни тотъ, что всѣ запросы и потребности современнаго человѣка—и политическіе, и экономическіе, и научные—ищутъ своей опоры во всякаго рода союзахъ и общественныхъ организаціяхъ. Съ одной стороны, развитіе до крайности индивидуализма, съ другой—ярко выраженное стремленіе ко всякаго рода общественнымъ и общимъ ассоціаціямъ. Какъ ни непримиримы между собой индивидуализмъ и общественность, но фактъ на лицо, и съ нимъ приходится считаться. Отображеніемъ этого факта является, несомнѣнно, и религіозная жизнь современнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что религіозное чувство по самой своей природѣ социальное, общественно. Отсюда, параллельно всякаго рода партіямъ, союзамъ, синдикатамъ, обществамъ политико-экономическаго, напр., характера создаются и развиваются и религіозно-нравственные кружки и союзы. И особенно характерно то, что очень и очень часто эти союзы и кружки въ началѣ своего существованія и жизни стоятъ какъ бы въ оградѣ Церкви Христовой, но потомъ удаляются все дальше и дальше отъ своего первоисточника и, во-время не удержанные, не направленные или не управляемые, принимаютъ явный характеръ сектъ, рационалистическихъ или мистическихъ. Можно ли, положа руку на сердце, сказать рѣшительно, что мы—пастыри не повинны такъ или иначе въ отпаденіи и даже гибели людей, живущихъ интенсивною духовною жизнью, къ намъ обращающихся за совѣтомъ, руководствомъ и отъ насъ получающихъ въ отвѣтъ или молчаніе, или и того хуже?..

Намъ кажется, что теперь больше, чѣмъ когда-либо православному пастырю надлежитъ правильно и внимательно учесть современныя условія общественной жизни и обратить ихъ на пользу единой, святой, соборной, апостольской Церкви Христовой. Высокое дѣло лѣчить болѣзнь, когда она уже опредѣлилась, но не менѣе почетный и святой подвигъ предупре-

ждать самое появленіе болѣзни. Примѣръ медицинской и науки и практики въ этомъ случаѣ очень поучительный: тамъ, въ наукѣ, есть отдѣлъ профилактики и антисептики; въ практикѣ считаются безусловно важными всяческія мѣры предупрежденія появленія и развитія эпидеміи. Для насъ же пастырей ближе всего поучителенъ примѣръ пастырей древней Церкви. Они въ лицѣ *святыхъ* своихъ представителей оставили намъ богатѣйшее наслѣдство въ видѣ высочайшаго идеализма христіанскаго, глубочайшей беззавѣтной любви и преданности благу Церкви Христовой, съ рѣшительнымъ исключеніемъ даже тѣни своекорыстія, матеріалистическаго практицизма. Они сами были чисты въ своей вѣрѣ. — умѣли поддерживать чистоту вѣры и жизни и въ своихъ пасомыхъ. И что же? Въ построеніи церковной жизни они не удалялись ни отъ народной психологіи своего времени, ни отъ формъ тогдашняго государственнаго устройства. Видя вліяніе и того и другаго факторовъ на всю общественную жизнь, они не отклонили его и въ дѣлѣ развитія церковной организаціи, но использовали и народную психологію и государственное устройство, какъ формальное средство наиболѣе быстро выдѣренія въ современное имъ общество христіанской вѣры¹⁾. И церковная жизнь стояла на такой высотѣ, что не напрасно называется въ наукѣ „золотымъ вѣкомъ христіанской Церкви“.

Почему бы и современному пастырю не подражать въ этомъ случаѣ древнимъ пастырямъ? Въ противовѣсъ или параллельно всяческимъ общественнымъ организаціямъ создавать организаціи съ ярко выраженнымъ церковнымъ оттѣнкомъ. Условія жизни настолько измѣнились сравнительно даже съ недавнимъ прошлымъ нашей отечественной Церкви, что органичиться совершеніемъ богослуженія въ храмѣ Божіемъ, исправленіемъ разныхъ требъ ни въ какомъ случаѣ нельзя. Могу-

¹⁾ Сравни. „Отношеніе церковнаго устройства къ строю общественному и государственному въ древней Церкви“, проф. Мышцынъ. Богосл. Вѣсти. 1908, IX. X кн.

щественное орудіе въ рукахъ пастыря—проповѣдь—и та теперь нуждается для своей дѣйственности въ восполненіи ея фактическимъ участіемъ пастыря Церкви, именно какъ пастыря и только какъ пастыря, въ реальной текучести современной жизни. Иначе можетъ на нашу голову пасть обвиненіе, что мы—проповѣдники вѣры и любви Христовой—любимъ словомъ или языкомъ, но не дѣломъ и истиною. Конечно, и теперь есть „святые“ дѣятели между пастырями, вокругъ которыхъ группируются всякаго рода благотворительныя, просвѣтительныя организаціи. И посмотрите на жизнь такихъ приходо́въ: по-истинѣ это—*живая* церковь, гдѣ вѣра, надежда и любовь—не одни слова, не одни отвлеченныя, хотя и высокія понятія, но *сама жизнь*, являющая въ себѣ осуществленіе словъ Господнихъ: „да прійдетъ царствіе Твое; да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли“. Но мы имѣемъ въ виду не исключенія, которыя всегда были, есть и будутъ и какъ въ хорошую сторону, такъ и дурную. Мы разумѣмъ *сплоченную, цѣлесообразно направленную, единую въ своемъ разнообразіи, церковно-общественную дѣятельность, которую были бы захвачены все пастыри, Православной Церкви*. Такого рода дѣятельность возможна при одномъ условіи, если мы—пастыри будемъ представлять изъ себя „союзъ братской помощи“ въ высокомъ, трудномъ и многоскорбномъ священнослуженіи. Въ братской организаціи единенія прежде всего найдетъ себѣ противовѣсъ и противоядіе та разрозненность, разобщенность, которая доходитъ иногда до того, что не только на большомъ пространствѣ, но даже и на маленькомъ (въ одномъ приходѣ) каждый изъ пастырей идетъ своимъ путемъ къ своей цѣли, хотя бы и то и другое были противоположны путямъ и цѣлямъ другого и даже *истиннымъ* путямъ и цѣлямъ... Необходимость созданія живого *дружнаго, братскаго*, лишеннаго всякаго своекорыстія, подозрительности, недовѣрія, самолюбія,—единенія и взаимопомощи чувствуется съ особенной силой въ виду, напр., такого чреватаго по своимъ послѣдствіямъ факта, какъ объединеніе всѣхъ такъ назы-

ваемыхъ евангельскихъ христіанъ. Начало этому объединенію, какъ извѣстно, положено на всероссійскомъ съѣздѣ евангелическихъ представителей, бывшемъ годъ—два тому назадъ въ Петербургѣ.

Что мы—православные пастыри—противопоставимъ *теперь* этой надвигающейся грозной силѣ объединяющагося сектантства? Дѣятельность нашихъ миссіонеровъ? Но при всемъ ихъ усердіи, при всей ревности, неослабности ихъ работы она, по нашему мнѣнію, недостаточна: это дѣятельность „одного въ полѣ война“. Или дѣятельность миссіонерскихъ съѣздовъ? Не отрицаемъ ихъ значенія, важности, необходимости, пользы, и думаемъ, что, чѣмъ чаще они будутъ устраиваться, тѣмъ лучше. Но кто исполняетъ, проводитъ въ жизнь на мѣстахъ мѣропріятія этихъ съѣздовъ? Или „миссіонеры“? Или приходскіе пастыри? Но какъ послѣдніе, при отсутствіи живого братскаго единенія, могутъ имѣть успѣхъ въ своей работѣ миссіонерствованія на мѣстѣ? Работать на *свой* страхъ, на *свою* совѣсть? Но кто же станетъ отрицать, что „страхъ“ и „совѣсть“ бываютъ разные у различныхъ людей, разные даже до противоположности? И хотя совѣсть и разумъ являются исходнымъ источникомъ всякой дѣятельности, но и они нуждаются въ объективномъ коррективѣ, добромъ, живомъ, сердечномъ. каковымъ коррективомъ и является, по нашему мнѣнію, союзъ братской помощи. Въ этомъ союзѣ, въ этомъ братствѣ, въ этомъ пастырскомъ содружествѣ даже немоцный наберется силы, энергіи, мужества, проницательности. Имѣющій пять талантовъ принесъ бы сюда свои пять талантовъ, имѣющій два—подѣлился бы своими двумя талантами, наконецъ, имѣющій и одинъ талантъ „заразился“ бы, среди атмосферы братскаго содружества, и усердіемъ и трудоспособностью, почувствовалъ бы себя не одинокимъ, заброшеннымъ, забытымъ, а сильнымъ силою другихъ своихъ собратьевъ.

Мы не указываемъ техники осуществленія такого братскаго содружества: жизнь—великая учительница всѣхъ насъ—лучше всего указала бы и средства и способы такой органи-

зації, если бы во всѣхъ насъ—пастыряхъ заговорила съ силою необходимость объединенія въ видѣ ли „союза“ или „братства“ и заявила бы о себѣ громкимъ призывомъ къ такому объединенію во всѣхъ городахъ и весяхъ необъятной Русской Церкви. Мы настаиваемъ пока на одномъ—на принципиальной сторонѣ дѣла въ надеждѣ, что приходскіе пастыри, городскіе и особенно сельскіе, какъ ближе къ дѣйствительной жизни, своими совѣтами и указаніями много помогли бы практическому осуществленію принципа содружескаго, братскаго единенія и помощи.

При условіи живого единенія насъ—пастырей самихъ въ себѣ и между собою открывается широкій просторъ для созданія и организацій между прихожанами не только благотворительныхъ или просвѣтительныхъ, но и экономическихъ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Правда, повидимому, здѣсь скрывается опасность „обмирщенія“ пастырей, превращенія ихъ идейной, пастырской дѣятельности въ дѣятельность мірскихъ предпринимателей. Но намъ здѣсь припоминается одна изъ первыхъ „золотая“ страница древнѣйшей Церкви Христовой—апостольскаго вѣка. Заря христіанской жизни только занималась надъ челоуѣчествомъ. Вся Церковь Христова вмѣщалась въ предѣлахъ Іерусалима. Душу этой Церкви составляли св. Апостолы, съ перваго же дня своей вселенской миссіи выступавшіе „строителями и служителями тайнъ Божіихъ“. Хотя и всѣ первые христіане, обвѣянные благодатію возрожденія, были окрылены христіанскимъ идеализмомъ настолько, что имѣли „одно сердце и одну душу“, но все-таки не могли отстранить отъ себя матеріальныхъ потребностей, тѣлесныхъ нуждъ. Когда изъ-за послѣднихъ возникаетъ какъ бы нѣкая рознь между христіанами—іудеями палестинскими и іудеями разсѣянія, Апостолы, къ которымъ апеллируютъ христіане, предоставляютъ самимъ христіанамъ (теперешнимъ мірянамъ) устроить все возможно лучше, сами же какъ бы стаповятся въ сторонѣ, оставляя за собою служеніе Словомъ Божіимъ и Слову Божію. Избира-

ются діаконы (семь). Апостолы возлагають на нихъ руки и тѣмъ призываютъ на нихъ благословеніе Господне и признають въ ихъ лицѣ *своихъ сотрудниковъ-соратниковъ*. Въ жизни христіанской общины воцаряется любовь, водворяется единеніе духа, такъ что „всѣ вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее... Не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду“ (Дѣян. Апост. II и IV гл.).

Что же Апостолы? Они принимали самое живое участіе въ экономической организаціи жизни первыхъ христіанъ: къ ихъ ногамъ полагали цѣну проданнаго. Мало того. Когда Ананія и Сапфира, имѣвшіе только видъ любви и не имѣвшіе ея духа, утаили часть цѣны проданнаго, ап. Петръ со всей неумолимой строгостью обличаетъ ихъ лживость въ вещахъ и дѣлахъ земныхъ, тѣлесныхъ и даже наказываетъ смертью. Итакъ, изъ этого, какъ и изъ многихъ другихъ случаевъ жизни первенствующей Церкви, видно, что отношеніе Апостоловъ къ текущей дѣйствительности не было отрицательнымъ или безучастнымъ, съ одной стороны, и не влекло за собою ихъ обмірщенія, съ другой.

Конечно, то были Апостолы, мы же—пастыри только *преемники* Апостоловъ, и о насъ тѣмъ болѣе должно сказать, что когда-то Спаситель сказалъ и о самихъ Апостолахъ, что „ученикъ не больше учителя своего“.

Но въ организаціи братской помощи, братскаго содружества и единенія мы и будемъ имѣть неизсякаемо-богатую сокровищницу, откуда всякій разъ можемъ почерпнуть освѣженіе, восполненіе; обновленіе своего ослабѣвающаго или засоряющагося въ житейской суетѣ пастырско-христіанскаго идеализма. Стоя въ неразрывномъ единеніи другъ съ другомъ, взаимно поддерживая и поддерживаемые, мы легче и успѣшнѣе понесемъ свѣтъ христіанскій и въ промышленную, и въ торговую организацію и не сами уже будемъ стоять подъ влі-

яніемъ или давленіемъ экономическаго матеріализма, а его поставимъ подъ неотразимое вліяніе христіанской дѣятельной любви, которая въ прошломъ была сильна создать изъ множества вѣрующихъ одно сердце и одну душу, сильна—вѣримъ— и въ настоящемъ, будетъ сильна и въ будущемъ уничтожить пропасть между имущими и неимущими и создать христіанское братство душъ и сердець.

Пока не поздно, необходимо намъ пастырямъ сплотиться, объединиться между собою братскою помощью и поддержкой. Иначе, если между нами все останется попрежнему, то не возрастутъ ли плевелы, уже посѣянные, очевидно, „врагомъ“, въ мѣру такого возраста, когда и самая „пшеница“ подвергнется опасности погибнуть? Свящ. *І. Артинскій*.

Не начало ли религіознаго возрожденія?

Борьба римско-католической церкви съ государствомъ во Франціи принимаетъ вновь острую форму и теперь она всего сильнѣе обнаруживается на почвѣ народнаго просвѣщенія. Правительственная власть, какъ извѣстно, рѣшила ввести такъ называемую „нейтральную“ школу, съ удаленіемъ изъ нея религіознаго ученія и религіознаго воспитанія. Согласно этому рѣшенію, отнынѣ тѣ изъ родителей, которые, не опасаясь гнѣва правительства будутъ все-таки желать, чтобы ихъ дѣти учились Закону Божію и подчинялись церковной дисциплинѣ и практикѣ, обязаны вносить особую плату, по установленной заранѣе таксѣ, для найма преподавателей Закона Божія и священниковъ, исполняющихъ требы для ихъ дѣтей.

Эти мѣропріятія, а также конфискованіе церковныхъ имуществъ и капиталовъ, прекращеніе отпуска средствъ на содержаніе церкви и духовенства, которое прямо выброшено на улицу изъ церковныхъ жилищъ, привели въ движеніе весь католическій міръ во Франціи. Еще въ 1908 г. французское духовенство, въ лицѣ своихъ высшихъ іерарховъ, обратилось къ

французамъ католикама съ пастырскимъ воззваніемъ, въ котормъ не только высказывается осужденіе и протестъ противъ современной „безвѣрной“ школы во Франціи, но и предписывается родителямъ опредѣленный образъ дѣйствій для борьбы съ этой школой, вѣдряющей въ неокрѣпшіе умы подростяющихъ поколѣній если неполное безвѣріе, то въ лучшемъ случаѣ полнѣйшій религіозный индифферентизмъ. „Семья установлена Богомъ, говорить воззваніе: школа—продолженіе семьи. Поэтому родители имѣють абсолютное право и въ то же время обязаны избирать для дѣтей школу, согласную со своими вѣрованіями“. Родители христіане не должны отдавать своихъ дѣтей въ общественныя школы; если же они иначе поступить не могутъ, то они должны брать школу подъ свое строжайшее наблюденіе. „Пусть, говорится въ воззваніи, ничто изъ того, что дается вашимъ дѣтямъ, не ускользаетъ отъ вашей бдительности: книги, тетради, картинки—все должно подвергаться вашему контролю“. Это воззваніе не осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: вмѣстѣ съ французскимъ духовенствомъ въ этой пропагандѣ принимаетъ живое участіе и католическая пресса, которая все чаще и чаще выступаетъ съ безпощадной критикой всѣхъ вышеуказанныхъ правительственныхъ распоряженій. Всѣми сознается, что для католической церкви во Франціи наступилъ серьезный и опасный кризисъ. „Если государство заявляетъ, что дѣти принадлежать ему, говорятъ французы-католики, то церковь протестуетъ противъ такого заявленія и провозглашаетъ, что дѣти принадлежать Богу и ихъ родителямъ, и что семья возникла раньше государства, а потому и семейное начало должно разсматриваться какъ независимое и свободное отъ начала государственнаго.“

Книжный рынокъ переполненъ теперь разными католическими изданіями, поддерживающими религіозное дѣло во Франціи, и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія дѣятельность такъ называемаго „Дѣла доброй прессы? Это общество задалось цѣлью разоблачить интриги масоновъ, которые заставляютъ посредствомъ своей лиги образованія“ нынѣшнее

Французское правительство держаться антирелигіозной политики. Въ числѣ книгъ и брошюръ, изданныхъ „Домомъ доброй прессы,“ обращаютъ на себя особенное вниманіе слѣдующія двѣ книги: 1) „О положеніи священника въ церкви послѣ изданія закона объ отдѣленіи церкви отъ государства“,—сочиненіе, въ которомъ авторъ разъясняетъ политическое и юридическое положеніе духовенства и существующіе для него способы отстаивать свою независимость и свои права, и 2) „Двадцать лѣтъ преслѣдованія“; эта книга, на основаніи надежнаго матеріала и фактическихъ данныхъ, описываетъ прогрессивный ходъ преслѣдованія масонами католической церкви во Франціи.

За послѣднее время вообще французскіе прелаты и многіе міряне-католики ведутъ себя крайне воинственно и получается такое впечатлѣніе, будто церковь находитъ настоящую минуту подходящей для объявленія войны свѣтской власти. Такое настроеніе французской церкви—какъ нельзя лучше—иллюстрируетъ слѣдующій любопытный случай. Епископъ города Байоны, монсиньоръ Жіеръ, недавно предсталъ передъ судьей первой инстанціи, гдѣ онъ обвинялся въ томъ, что онъ позволилъ себѣ подстрекательство въ духовномъ посланіи къ своей паствѣ, въ которомъ говорилъ о захватѣ церковнаго имущества правительствомъ. Въ этомъ посланіи, читавшемся, между прочимъ, въ церквяхъ его епархіи, Жіеръ заявлялъ, что никто не можетъ примириться съ захватомъ церковныхъ имѣній, не грѣша противъ справедливости и догматовъ религіи; кромѣ того, онъ позволилъ себѣ провозгласить отреченіе отъ церкви членовъ различныхъ муниципалитетовъ, благотворительныхъ обществъ и другихъ корпорацій, оказавшихся владѣтельницами церковныхъ имуществъ въ результатъ политики правительства. На судѣ прокуроръ объяснилъ обвиняемому епископу Жіеру, что онъ преслѣдуется судомъ за нарушеніе статьи, касающейся отдѣленія церкви отъ государства, и что онъ находится подъ угрозой наказанія въ видѣ денежнаго штрафа и заключенія въ тюрьму отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ. А епи-

скопъ заявилъ, что онъ, по примѣру кардинала Адриэ, архіепископа бордосскаго, не признаетъ ни за какимъ человѣческимъ судомъ права цензуровать его ученіе, такъ какъ надъ нимъ стоитъ лишь папа и Богъ. Коль скоро государство противится вмѣшательству церкви въ гражданскія дѣла, то церковь имѣетъ съ своей стороны право противодѣйствовать вмѣшательству государственной власти въ церковныя дѣла. Весьма странно, продолжалъ прелатъ, что политическая корпорація, состоящая сплошь изъ франмасоновъ и свободомыслящихъ людей, приписываетъ себѣ право учить церковь и считаетъ для себя возможнымъ издавать законы, касающіеся церкви. Его заявленіе, что не слѣдуетъ подчиняться нѣкоторымъ законамъ, вполне основательно; коль скоро данный законъ находится въ противорѣчій съ Божественными законами, то онъ теряетъ свою силу. И никакія наказанія, хотя бы даже тюремное заключеніе, не заставятъ церковь уступить, и всѣ 80 французскихъ епископовъ, а съ ними и 50,000 аббатовъ будутъ попрежнему отвѣчать энергичнымъ „Non possumus“! Къ сожалѣнію, корреспондентъ, сообщившій въ газету „Poste“ объ этомъ случаѣ, ничего не говоритъ объ окончательномъ приговорѣ по этому интересному дѣлу, но добавляетъ, что когда епископъ вышелъ изъ зданія суда, ожидавшая его толпа встрѣтила его громкими криками одобренія.

Вслѣдствіе гоненій и преслѣдованій, воздвигнутыхъ властями противъ католическаго общества, въ средѣ его въ настоящее время все сильнѣе начинается потребность въ „активной“ самооборонѣ и самопомощи. Такая самооборона и самопомощь довольно успѣшно осуществляется на приходской почвѣ. Въ печати, въ листкахъ и брошюрахъ, въ рефератахъ и лекціяхъ настойчиво проводится мысль, что въ приходяхъ должно образоваться ядро крѣпко вѣрующихъ прихожанъ, способныхъ къ активной дѣятельности, которые, имѣя во главѣ священника, обязаны обсудить всѣ мѣры, направляемыя къ оживленію и поддержанію церковнаго дѣла въ странѣ. Далѣе, рекомендуется родителямъ въ каждомъ приходѣ

объединяться въ родительскіе союзы „Associations des pères de famille“, которые должны слѣдить и за школой и за учителями, не допуская антиторальной проповѣди среди учащихся. Кромѣ того духовенству внушается изгнать изъ обращенія такіе учебники по исторіи и морали, которые пропитаны тенденціями, сѣющими безвѣріе и безнравственность, при чемъ каждый епископъ можетъ указать учебныя пособія, которыя онъ запрещаетъ въ своей епархіи.

Такое выступленіе французскаго духовенства и общества своей рѣшительностью вызвало сильное волненіе среди лицъ, стоящихъ во главѣ правительства. Французскій премьеръ-министръ Брианъ, авторъ закона объ отдѣленіи церкви отъ государства, заявилъ, что онъ считаетъ вопросомъ личной чести завершить реформу и обуздать „бунтовщиковъ“, объявившихъ войну закону и государству. Въ такомъ же смыслѣ высказался и министръ народнаго просвѣщенія Думеръ, высокопарно заявившій, что онъ не позволитъ низвести Францію до степени маленькаго некультурнаго государства, зависящаго отъ усмотрѣнія духовенства. Выступила въ защиту „свободы совѣсти“ и французская печать извѣстнаго направленія, рекомендуя принять быстрыя и рѣшительныя мѣры по отношенію къ „возмутившемуся“ духовенству и къ тѣмъ мірянамъ, которые принимаютъ живое участіе въ религіозномъ движеніи.

Но изъ-за этихъ заявленій и требованій сквозитъ нескрываема тревога передъ явленіемъ, трудности борьбы съ которымъ не могутъ ускользнуть отъ сознанія тѣхъ, противъ кого направлено религіозное движеніе. Это не то, что борьба съ монашествующими конгрегаціями, которая можно было объявить дѣйствующими по иноземнымъ внушеніямъ и указкамъ и просто изгнать изъ государства, и кругъ вліянія которыхъ былъ ограниченъ опредѣленными формами. Совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ представляется вопросъ о борьбѣ съ мѣстнымъ духовенствомъ, которое связано тысячами нитей съ жизнью населенія, обладаетъ тысячами способовъ моральнаго и духовнаго воздѣйствія на это населеніе и имѣетъ въ ру-

какъ могучее орудіе въ видѣ недопущенія вѣрующихъ къ святымъ таинствамъ, представляющагося отнюдь не пустой угрозой въ глазахъ большинства французскаго населенія, которое, особенно въ своей женской части, осталось искренно вѣрующимъ, несмотря на всѣ усилія правящихъ сферъ культивировать религіозный индифферентизмъ и атеизмъ.

Можно напередъ предсказать, что въ начинающейся острой борьбѣ побѣда будетъ не на сторонѣ радикально-соціалистическаго правительства г.г. Бриана и К^о., и что упомянутое воззваніе французскаго духовенства и вообще католическое движеніе, можетъ быть, возвѣщаютъ зарю новаго религіознаго возрожденія Франціи. Запросы духа, выспремъ выраженіемъ которыхъ являются вопросы религіознаго сознанія, никогда не умираютъ въ душѣ какъ отдѣльныхъ человѣческихъ индивидуумовъ, такъ и цѣлаго народа. Ихъ можно временно подавить, заглушить, но истребить совершенно нельзя. Первая французская революція, начертанная на своемъ знамени, въ числѣ прочихъ девизовъ, также борьбу съ христіанствомъ и культъ атеизма, обладала болѣе могучимъ средствомъ—силою способности зажигать энтузіазмъ народныхъ массъ; но и съ этой силой она достигла только временныхъ, недолговѣчныхъ успѣховъ, отъ которыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ не осталось и слѣда. Тѣмъ менѣе можетъ разсчитывать на успѣхъ жиденькое „вольномысліе“ нынѣшнихъ французскихъ правителей соціалистической марки, лишенное даже слабаго подобія того фанатическаго энтузіазма, которымъ была проникнута дѣятельность ихъ предшественниковъ трагической эпохи конвента.

То, что происходитъ въ настоящее время во Франціи, можетъ оказаться глубоко поучительнымъ и для насъ, какъ наглядный примѣръ того, что дѣло религіознаго реформаторства требуетъ особой осторожности и должно считаться съ вѣковыми привычками и вѣками же слагавшимся религіознымъ міросозерцаніемъ народныхъ массъ, измѣнить которыя очень трудно, но очень легко оскорбить поспѣшными и недостаточно продуманными новшествами.

Кир. Тихомировъ.

Карманная апологетика въ вопросахъ и возраженіяхъ атеиста и въ отвѣтахъ христіанина. 1).

(Окончаніе 1).

V. Возраженіе противъ христіанства и Церкви.

1. *Атеистъ.* Христіанское познаніе было подвержено въ различныя времена разнымъ колебаніямъ и ошибкамъ. Кто же, собственно говоря, правъ—греческая или римско-католическая церкви, лютеране или реформаты, или какая-либо изъ безчисленныхъ сектъ? Истина можетъ находиться только на одной сторонѣ.

Христіанинъ. Вѣчно истинное и пребывающее во всѣхъ христіанскихъ общинахъ, поскольку онѣ этого имени заслуживаютъ, заключается въ увѣренности, что Богъ открылъ намъ Свою отеческую любовь въ распятомъ и воскресшемъ Иисусѣ Христѣ. Эта вѣра открывается всегда, какъ „Божья сила во спасеніе вѣрующему“. Различны только мысли людей по поводу этого опыта. Поэтому христіанское богопознаніе несовершенно и недостаточно, какъ и все вообще человѣческое познаніе. Мы видимъ въ настоящее время истину, какъ въ зеркалѣ, гадательно. Но наше познаніе дѣлается тѣмъ яснѣе, чѣмъ больше наше сердце проникается освящающими и спасительными силами Иисуса. Правда, масса вопросовъ остаются неразрѣшенными здѣсь, на землѣ. Но это сознаніе несовершеннаго знанія не смущаетъ нашей вѣры. Ибо то, что намъ необходимо знать для спасенія души, Богъ открылъ намъ въ Иисусѣ Христѣ. Та церковь лучше другихъ, которая ничего другого не желаетъ, какъ только привести души ко Христу.

2. *Атеистъ.* Христіанство принесло міру больше вреда, чѣмъ пользы. Сколько возникало войнъ изъ-за религіи! Какъ часто ненавидѣли, мучили и убивали иначе вѣрующихъ! Въ

¹⁾ См. № 22—23-й за 1910 г.

однихъ только процессахъ вѣдьмъ тысячи невинныхъ были приносимы въ жертву печальному заблужденію.

Христіанинъ. Кому ты, собственно говоря, дѣлаешь этотъ упрекъ? Спроси себя самъ: „развѣ эти ужасы совершались согласно съ волею Іисуса и въ Его духѣ?“ (Лук. 9, 54—56). Эти грубыя насилія показываютъ какъ разъ то, что эти люди не обладали духомъ Сына Человѣческаго. Такими поступками они не утверждали христіанство, а отрицали его. Какъ можемъ мы приписывать христіанству всѣ тѣ ужасы? Если ты хочешь быть справедливымъ, ты долженъ отличать христіанство отъ его защитниковъ? Христіанство—это новая божественная жизнь, явившаяся намъ во Христѣ; тѣ же, которые называютъ себя христіанами, и есть и были очень часто эгоистичными и жестокими людьми. Чѣмъ виноватъ Христосъ или христіанство, если его унижаютъ подобные люди? Вѣдь на землѣ Божьей нѣтъ ничего святаго и благороднаго, что бы люди не заставили служить ихъ низкимъ, эгоистическимъ побужденіямъ.

Если дѣлать христіанство отвѣтственнымъ за всѣ выступленія, совершаемыя отъ его имени, то можно смѣло отбросить и искусство, и нравственность, и политику и государственную жизнь, ибо исторія доказываетъ, что всѣ эти благородныя стремленія были употреблены во зло для служенія низменнымъ интересамъ. Развѣ, на примѣръ, во времена французской революціи, десятки тысячъ невинныхъ не были принесены въ жертву каррикатурѣ нравственности, во имя „свободы, равенства и братства?“ Кровавый фанатизмъ можно найти не только въ области религіи, но, какъ это доказываютъ анархисты, и въ области политики. Въ сферѣ, куда проникъ духъ любви Іисуса, не можетъ имѣть мѣста фанатизмъ, въ какой бы то ни было формѣ.

Намъ больно то, что духъ Іисуса не живетъ въ душахъ многихъ христіанъ. Они христіане только по имени. Кто возлагаетъ отвѣтственность за это на Церковь или на христіанство, тотъ забываетъ, что вина въ этомъ заключается въ са-

михъ же людяхъ. Стремленіе къ божественному и благородному незначительно у средняго человѣка, потому что онъ боится испугнуть свой покой возвышенными мыслями. А если еще дѣло касается того, чтобы наказать самого себя, принести покаяніе, исправиться, то кто къ этому способенъ и готовъ? Кто считаетъ своимъ долгомъ возмущаться такимъ мнимымъ христіанствомъ, тому можно только посовѣтовать позаботиться о томъ, чтобы самому сдѣлаться предварительно живымъ христіаниномъ. Вынь прежде бревно изъ глаза своего, а тогда смотри, чтобы вынуть сучокъ изъ глаза брата твоего!

3. *Атеистъ*. Но ты однако не можешь отрицать того, что есть невѣрующіе люди, которые гораздо благороднѣе и лучше, чѣмъ такъ называемые христіане. Это происходитъ только потому, что мы хороши.

Христіанинъ. Я долженъ еще разъ просить тебя дѣлать разницу между христіанствомъ и христіанами. Если христіане погружаются въ ошибки и пороки, то они этимъ какъ разъ доказываютъ то, что они еще не получили духа Іисусава и прощенія, потому что кровь Іисуса Христа очищаетъ отъ всѣхъ грѣховъ. Я отнюдь не хочу оспаривать, что и нехристіанскія личности совершаютъ такіе поступки, которые могутъ пристыдить многихъ христіанъ. Но подобные благородные поступки заставляютъ предполагать уже нѣкоторую вѣру. Кто поступаетъ по истинѣ нравственно, тотъ вѣритъ голосу своей совѣсти, тотъ чувствуетъ свою зависимость отъ какой-то духовной силы, которая находится за предѣлами его единичнаго существованія. Это уже религіозная вѣра! А дальше! Никто вѣдь не начинаетъ строить домъ, если онъ достовѣрно знаетъ, что никогда его не кончитъ. Итакъ, развѣ это разумно, стремиться къ добру, если ты по твоему убѣжденію никогда этой цѣли не достигнешь и умрешь не окончивши начатаго? Не все ли равно, жилъ ли человѣкъ хорошо или дурно, если со смертью наступаетъ конецъ всему? И развѣ человѣкъ будетъ вообще расположенъ творить добро, если онъ не то иное, какъ высшее животное? Есть ли въ

мірѣ нравственный порядокъ? Развѣ столь многія добрыя дѣла не остаются, повидимому, безъ цѣли и безъ успѣха? Развѣ самыя лучшіе и благородныя не остаются неощененными и не распинаются, въ то время, какъ низкія природы наслаждаются полнотою земныхъ благъ? Продумай искренно эти вопросы и спроси себя: можетъ ли совершенно невѣрующій человѣкъ быть истинно добрымъ и оставаться такимъ? не долженъ ли онъ непременно потерять всякую радость отъ нравственныхъ дѣйствій?

Христіанская же вѣра имѣетъ силу побѣждать всѣ эти сомнѣнія; да, она даже имѣетъ силу обращать ихъ въ стремленіе къ добру. И въ этомъ она выказываетъ себя поистинѣ божественной силой. Она говоритъ тебѣ, что ты созданъ, по образу и подобию Божію и призванъ поэтому къ святой жизни на вѣчныя времена. Она устраняетъ соблазны, повидимому, несправедливаго порядка вещей и заставляетъ насъ видѣть въ страданіяхъ и бѣдствіяхъ испытанія нашей нравственной воли, которыя, перенесенныя съ истиннымъ довѣріемъ къ Богу, воспитываютъ въ насъ добродѣтели: кротость, терпѣніе, любовь и самообладаніе, очищаютъ и укрѣпляютъ нашъ нравственный характеръ. Распятый учитъ насъ, что въ покорности есть побѣда, что добрый въ концѣ восторжествуетъ и послѣ страданій получить вѣнецъ. Поэтому-то насъ не угнетаетъ мысль о концѣ, а только научаетъ пользоваться временемъ и наполняетъ насъ самыми высокими надеждами. Земная жизнь есть ступень къ загробной, всякое доброе дѣло есть сѣмя, которое во вѣки вѣковъ не погибнетъ и принесетъ плодъ. Такимъ образомъ, всѣ эти потрясающіе вопросы совѣсти находятъ здѣсь рѣшеніе, которое постоянно пробуждаетъ благородныя стремленія и проникаетъ побѣдной радостью. Развѣ мы не должны съ полнымъ правомъ цѣнить эту вѣру, какъ высочайшую нравственную силу?

Если ты дѣйствительно желаешь стать хорошимъ, ты долженъ имѣть эту вѣру. И ты убѣдишься тогда, что мы, люди, для нравственной жизни нуждаемся въ чемъ-то боль-

шемъ, чѣмъ такъ называемый нравственный законъ или высокій нравственный примѣръ. Такой примѣръ или законъ доказываетъ намъ ничтожество тѣмъ больше, чѣмъ выше онъ самъ. Что поможетъ больному, если къ нему приведутъ вполне здороваго человѣка и скажутъ: „Ты долженъ быть такимъ“? Онъ чувствуетъ себя еще болѣе жалкимъ. Точно такъ же и высочайшій образецъ всего хорошаго, Христось, вызываетъ ближайшимъ образомъ въ насъ только сознаніе всей важности нашего нравственнаго ничтожества. Кто же закроетъ ошибки прошлаго, затѣмъ, чтобы онѣ не подымали болѣе своего обвиняющаго голоса и не похищали радость нравственной жизни? Кто дастъ мнѣ силу возненавидѣть и покинуть грѣхъ? Кто насадитъ духъ всепобѣждающей любви въ мое сердце?—Все это дѣлаетъ вѣра въ распятаго Спасителя грѣшниковъ! Изъ общенія съ нею такіе герои нравственности, какъ Аридтъ и Штейнъ, Франке и Вихернъ, Бисмаркъ и Гладстонъ и многіе другіе, согласно ихъ собственному признанію, почерпнули свои лучшія силы. А исторія достаточно ясно доказываетъ, что вмѣстѣ съ исчезновеніемъ вѣры безвозвратно исчезаетъ и нравственность. Вспомни израильскій народъ, греческое и римское государства или французскую революцію и нашу собственную исторію! Безъ страха Божія нравственная жизнь теряетъ свою строгость, свою силу и радость.

Для всякаго разумнаго человѣка это понятно. Убѣжденный атеистъ можетъ видѣть высшую цѣль жизни только въ неограниченномъ наслажденіи: „Хорошо то, что мнѣ полезно и пріятно! Будемъ же ѣсть и пить, ибо завтра мы умремъ“. Если же онъ тѣмъ не менѣе хочетъ дѣлать добро для своей совѣсти, то онъ поступаетъ противъ своего міровоззрѣнія, и долженъ, если онъ серьезно и честно стремится къ нравственному совершенствованію, прійти къ христіанской вѣрѣ, потому что Христось учитъ насъ: 1) понимать, что есть добро, 2) устраняетъ сомнѣнія и соблазны, ослабляющіе нравственныя стремленія и 3) даруетъ намъ черезъ прощеніе

любовь къ Богу, а вмѣстѣ съ этимъ и силу ко всему хорошему.

5. Атеистъ. Къ чему всѣ эти рѣчи? Загробной жизни вѣдь не существуетъ. Духъ есть только мозговой процессъ. Съ распаденіемъ тѣла послѣ смерти, исчезаетъ и душа. Это точка зрѣнія науки.

Христіанинъ. Я также знакомъ съ точкой зрѣнія науки. Она можетъ, какъ мы уже видѣли, изслѣдовать только вещи видимаго міра. Такъ, она констатируетъ наступленіе смерти на основаніи сопровождающихъ ее химическихъ и органическихъ явленій. Но что такое смерть, прекращеніе ли всей жизни, или отдѣленіе души отъ тѣла—на этотъ вопросъ она отвѣтитъ не можетъ. Почему? Потому что духовная жизнь есть нѣчто невидимое, что не можетъ быть наблюдаемо ни въ своемъ зарожденіи, ни въ своемъ исчезновеніи. Откуда же ты знаешь, что духъ есть всего лишь функція или дѣйствіе мозга? Мы знаемъ хорошо, что душа находится въ разнообразной зависимости отъ состояній тѣла. Духовная дѣятельность ослабляетъ тѣло. Средства, возбуждающія тѣло, какъ на примѣръ, алкоголь, затемняютъ духовную жизнь. Но мы знаемъ также рядъ фактовъ, удостовѣряющихъ вліяніе души на тѣло. Развѣ тѣло съ его движеніями не зависитъ отъ душевныхъ возбужденій и не подчинено побужденіямъ и велѣніямъ души? Каждый знаетъ, какъ сильно вліяетъ душевное настроеніе, называемое нами радостью и горемъ, на состояніе здоровья. Постоянное довольство способствуетъ здоровью, тогда какъ печаль и горе разстраиваютъ его. Внезапный испугъ и чрезмѣрная радость, могутъ даже причинить скоропостижную смерть. Ты говоришь: душа есть дѣйствіе тѣла. Я могъ бы съ такимъ же правомъ заключить: тѣло есть созданіе и слуга души, какъ говоритъ поэтъ: „Духъ строитъ себѣ тѣло!“

Наука можетъ твердо установить только слѣдующее: душа и тѣло находятся по отношенію другъ къ другу во взаимодѣйствіи и взаимно обуславливаютъ другъ друга. Какая

же между ними связь, и что дѣлается съ душой, когда тѣло перестаетъ существовать, этого мы не знаемъ (таково мнѣніе, на примѣръ, Дюбуа-Реймона, Тиндаля, Лотце и всѣхъ вышеупомянутыхъ). Отношенія между душой и тѣломъ выясняются лучше всего, если тѣло сравнить съ музыкальнымъ инструментомъ, а душу съ артистомъ, который на немъ играетъ. Піанистъ садится за инструментъ и играетъ тогда, когда хочетъ. Безъ инструмента онъ былъ бы не въ состояніи сдѣлать это; его игра зависитъ также отъ доброкачества инструмента. Душа есть также артистъ, который пользуется мозгомъ. Если мы хотимъ думать, то мы не ожидаемъ, пока произойдетъ, сообразное съ законами природы, измѣненіе мозговыхъ атомовъ, напротивъ, мы пользуемся мозгомъ, какъ инструментомъ, до тѣхъ поръ, пока онъ годенъ для пользованія, а часто даже больше, чѣмъ ему полезно. Теперь ни одинъ разумный человѣкъ не будетъ утверждать, будто инструментъ и артистъ это одно и то же, или будто артистъ есть только дѣйствіе инструмента. Такъ же нелѣпо было бы однако говорить, будто душа—ничто въ сравненіи съ тѣломъ, и есть только лишь дѣйствіе мозга. Считать артиста менѣе значущимъ, чѣмъ его инструментъ, можетъ только человѣкъ, не обладающій умомъ.

Безсмертіе души не можетъ быть ни доказано, ни опровергнуто наукой. Нѣтъ такого народа на землѣ, котораго бы не тревожилъ вопросъ о загробной жизни. Величайшіе и благороднѣйшіе умы между поэтами и мыслителями всѣхъ временъ вѣрили въ безсмертіе. *Сократъ*, мудрѣйшій человѣкъ древности, смотритъ въ глаза смерти съ надеждой на болѣе прекрасное существованіе и бодро выпиваетъ кубокъ съ ядомъ, къ которому его приговорили его сограждане. Подобно этому думали *Платонъ* и *Аристотель*, оба величайшіе философы древнихъ временъ. Величайшіе поэты Гете и Шиллеръ неоднократно выражали свою надежду на безсмертіе. *Гете* говоритъ:

„Ни одно существо не может обратиться въ ничто,
„Вѣчное продолжаетъ существовать во всемъ“.

Въ другой разъ онъ высказываетъ такое мнѣніе, обращаясь къ Эккерману: „Я твердо убѣжденъ въ томъ, что нашъ духъ есть существо по природѣ неразрушимое; оно продолжаетъ свое дѣйствіе во вѣки-вѣковъ; оно подобно солнцу, которое только нашимъ земнымъ глазамъ кажется заходящимъ, а, собственно говоря, никогда не заходитъ“.

Величайшій философъ новѣйшаго времени, *Кантъ*, требовалъ безсмертія во имя возвышенія добра. Было бы невозможно поддержать величіе нравственнаго закона, если бы добрый подвергался той же участи, что и злой. Кто прислушивается къ голосу своей совѣсти, тотъ долженъ вѣрить въ потустороннее продолженіе и воздаяніе. На этотъ внутренній голосъ указываетъ *Шиллеръ*, говоря: „Внутренній судъ, котораго вамъ никогда не подкупить скептическими доводами, вдругъ проснется и призоветъ васъ на судъ свой“...

Въ высшей степени достойно замѣчанія то, что очень часто люди, бывшіе при жизни атеистами, незадолго до смерти убѣждались въ существованіи потусторонней жизни. Такъ, напримѣръ, легкомысленный поэтъ Г. Гейне исповѣдалъ на смертномъ одрѣ свою вѣру въ Бога и въ безсмертіе, вѣру, которую онъ раньше высмѣивалъ. Точно также и столь чтимый многими вольнодумецъ Вольтеръ былъ охваченъ передъ кончиною предчувствіемъ безсмертія. Какъ ужасно, когда невѣрующій человѣкъ чувствуетъ себя вынужденнымъ въ послѣднія минуты осудить всѣ свои предшествовавшія мысли и рѣчи, какъ великую ложь, когда онъ принужденъ принять, какъ божественную истину, ту вѣру, которую онъ до этихъ поръ поносилъ! Не начало ли это суда? Напрасны старанія забыть наше вѣчное предначертаніе. Ибо человѣческое сердце стремится къ чистому и совершенному существованію. А убѣжденіе въ нашемъ вѣчномъ предначертаніи было живѣе всего именно въ лучшихъ и благороднѣйшихъ сердцахъ.

Это природное стремленіе и предчувствіе христіанство возвышаетъ до увѣренности. Оно и здѣсь выступаетъ, какъ „осуществленіе“, потому что оно подтверждаетъ неискоренимое влеченіе къ вѣчной жизни въ Богѣ и открываетъ чудесную перспективу благороднѣйшему стремленію человѣка. Только христіанинъ вполне увѣренъ въ вѣчной жизни. И эта увѣренность основывается не на холодныхъ доказательствахъ, а на глубокомъ внутреннемъ сердечномъ опытѣ — познаніи Спасителя и любви Бога. Христіанинъ не ждетъ только поусторонняго блаженства, о которомъ въ этой жизни полностью онъ не знаетъ и не узнаетъ, но онъ уже здѣсь испытываетъ блаженство настолько, насколько можетъ только выразить словами: „Ничто не разлучитъ меня отъ любви Божіей во Іисусѣ Христѣ“. Такой человѣкъ обладаетъ твердымъ, спокойнымъ и бодрымъ духомъ; онъ находится въ приносящихъ ему счастье сношеніяхъ со своимъ небеснымъ Отцомъ; онъ чувствуетъ себя освобожденнымъ отъ всѣхъ грѣховъ Его милосердіемъ; онъ знаетъ, что Его любовь путеводитъ и поддерживаетъ его всюду. Это „небо на землѣ“, поскольку оно на землѣ возможно. Кто же ищетъ „неба на землѣ“ для хвастуновъ и сластолюбцевъ, для лѣвтяевъ и пьяницъ, тотъ принужденъ будетъ очень скоро узнать въ такомъ „небѣ“ признакъ ада.

Безъ Іисуса уже и здѣсь не можетъ быть мира, а поэтому счастья и блаженства. Соединись съ твоимъ воскресшимъ Спасителемъ, посредствомъ твердой и искренней вѣры, входи чрезъ Него все тѣснѣе въ общеніе съ Богомъ, и ты будешь тогда вполне увѣренъ въ томъ, что Небесный Отецъ не покинетъ свое дитя даже и въ смертной бѣдѣ. Тогда ты освободишься отъ всякаго страха смерти и научишься радоваться побѣдному могучеству твоего Спасителя.

Можешь ли ты сосчитать всѣхъ страстотерпцевъ и мучениковъ, всѣхъ побѣдителей и героев вѣры за столѣтія, которые радостно и съ надеждой вручали въ руки Божіи свою главу для послѣдняго сна? Пусть выступаютъ только нѣкото-

рые образы изъ сонма побѣдителей смерти! Лицо *Стефана* свѣтитя въ смертный часъ подобно лицу ангела. *Иматій* восходитъ на костеръ для того, чтобы еще разъ въ пламени восхвалить Господа. *Златоустъ* среди страшныхъ мученій ссылки, испускаетъ духъ со словами: „Хвала Богу за все!“ Уважемъ и слѣдующихъ лицъ. *Лютеръ* вручаетъ себя Богу съ молитвеннымъ возгласомъ: „Отче, въ руки Твои предаю духъ мой, Ты спасъ меня, благій Богъ!“ *Яковъ Беме*, этотъ сапожникъ съ могучимъ умомъ, склоняетъ свое чело мыслителя съ радостной увѣренностью: „теперь я отправляюсь въ рай!“ *Императоръ Вильгельмъ I* умираетъ, какъ христіанскій патріархъ, среди чтенія Писанія и моленій своихъ близкихъ, съ признаніемъ Симеона на устахъ: „Очи мои видѣли Спасеніе Твое“. Поистинѣ правъ былъ изслѣдователь Африки *Левинстонъ*, когда однажды окруженный смертельными опасностями, онъ записалъ въ свой дневникъ: „Смерть—это славное событіе для того, кто идетъ къ Иисусу“.

Поэтому мы, христіане, основываемъ нашу надежду на вѣчную жизнь не на научныхъ доказательствахъ, а на опытѣ Божіей любви и на фактѣ воскресенія изъ мертвыхъ Иисуса Христа.

6. *Атеистъ*. Какъ разъ воскресеніе Христа очень сомнительно. Оно основывается просто на воображеніи необразованныхъ апостоловъ. Почему въ наше время никто болѣе не возстаетъ изъ мертвыхъ? Въ повѣствованіяхъ о воскресеніи есть также противорѣчія. Они не могутъ имѣть притязанія на историческую достовѣрность.

Христіанинъ. Итакъ, ты бы хотѣлъ имѣть удостовѣренный документъ о воскресеніи, чего добраго еще съ печатью и подписью Понтія Пилата? Подобный документъ казался бы мнѣ какъ разъ очень подозрительнымъ. Развѣ документы не поддѣлываются очень часто? Простыя свидѣтельства апостоловъ гораздо цѣннѣе для меня. Апостолы были простыми, серьезными людьми. Никто не можетъ сомнѣваться въ ихъ честности. Они, вѣдь, закрѣпили этотъ фактъ не только сло-

вами, но и кровію своей. Во всѣхъ ихъ словахъ и поступкахъ проявляется такая увѣренность: мы пережили воскресеніе Господа нашего. Что значать противъ этого потрясающаго свидѣтельства сопровождающія его обстоятельства? Они должны отступить передъ этимъ фактомъ. Мнѣ казалось бы подозрительнымъ, если бы апостолы попытались изложить это событіе на подобіе дѣловаго акта. Ихъ увѣренность была такъ тверда, такъ ликующа, что подобная мысль не могла имъ придти въ голову.

Безъ этого факта мы бы вѣдь не понимали ни апостоловъ, ни всей всемірной исторіи. Послѣ смерти Господа мы находимъ апостоловъ невѣрующими, потерявшими надежду, боязливыми. Они совершенно подавлены и ни на что не надѣются. Прошло немного времени, и ихъ печаль смѣнилась безпредѣльной радостью, ихъ робость—мужествомъ, не боящимся смерти. Эта перемѣна совершенно непонятна безъ факта воскресенія. Только оно одно сдѣлало изъ бѣдныхъ боязливыхъ рыбаковъ проповѣдниковъ и учителей вселенной. Апостоламъ никогда бы не пришло въ голову отправиться по свѣту, неся съ собою радостную вѣсть о воскресшемъ Спасителѣ, если бы Онъ имъ не далъ Самъ во всемъ величій полную увѣренность въ Его воскресеніи. Безъ этого событія они бы не могли ни свидѣтельствовать объ этомъ фактѣ, ни страдать и умирать за него. Весь Новый Завѣтъ свидѣтельствуеть намъ также, что апостолы оставались въ непрерывномъ общеніи съ ихъ вознесшимся Господомъ. Итакъ, безъ воскресенія Иисуса Христа у насъ не было бы христіанства, не было-бы христіанской культуры. Исторія приняла бы совершенно иное направленіе. Кто знаетъ, что сдѣлалось бы съ міромъ безъ благодатной силы Евангелія? Всякая церковь, всякая школа, всякая проповѣдь, всякая молитва, всѣ дѣла и страданія во имя Иисуса есть свидѣтельство о воскресеніи. Ни одинъ фактъ не запечатлѣлъ такъ глубоко своихъ слѣдовъ въ исторіи, какъ этотъ.

Какъ произошло воскресеніе,—это навсегда останется для насъ загадкой. Совершенно бесполезно ломать себѣ голову надъ возможностью или невозможностью тѣлеснаго воскресенія. Съ насъ достаточно одной великой увѣренности: „Иисусъ живъ“. Увѣренность эта есть источникъ новой жизни. Но я прихожу къ такой увѣренности не черезъ размышленія, подобныя тѣмъ, которыя мы только что привели. Лучшее всего будетъ тебѣ самому узнать жизнь Воскресшаго, склониться передъ Нимъ и позволить Ему утѣшить тебя и исполнить новой силой. Пусть Его любовь захватитъ тебя и пробудитъ къ новой жизни, сдѣлайся самъ живымъ черезъ Животворящаго; тогда только ты узнаешь совсѣмъ достоверно, что такая жизнь не исходитъ отъ мертвецовъ, а только отъ живыхъ: „Иисусъ, Онъ, мой Спаситель, живъ!“

7. *Атеистъ*. Ты всегда ссылаешься на внутренній опытъ. Почему же однако Богъ не явилъ Себя такъ ясно, чтобы Его всякій могъ узнать безъ труда? Такимъ образомъ, многіе впадаютъ въ сомнѣнія и лишаются блаженства. Какъ согласуется это съ любовью Бога?

Христіанинъ. Если бы существовало такое откровеніе, казого ты желаешь, тогда Богъ принуждалъ бы людей къ вѣрѣ. Тогда даже противъ воли и безъ раскаянія пришлось бы людямъ вѣрить. Они бы это дѣлали изъ страха передъ наказаніемъ Божиимъ, или еще хуже, единственно изъ-за выгоды. Такая вѣра однако не имѣла бы никакой цѣны; поэтому-то Богъ далъ людямъ удобный поводъ рѣшиться также и на невѣріе. Вѣра не должна быть чѣмъ-то вынужденнымъ; это свободное дѣйствіе нравственной личности. Вслѣдствіе этого истинность христіанской вѣры можно узнать только черезъ совѣсть.

Если невѣріе коренится, какъ и бываетъ большею частью, въ нераскаянномъ, высокоумѣнномъ сердцѣ, то оно неискоренимо. Такіе люди тайно бѣгутъ отъ Бога, для того, чтобы не признать Его требованій и не быть принужденными измѣнить свою жизнь. Они жадно хватаются за каждый научный

выводъ, которымъ, по ихъ мнѣнію, они могутъ оправдать свое невѣріе. Они не хотятъ признать Бога и поэтому безпрестанно придумываютъ основанія, почему они не могутъ этого сдѣлать. При продолжающейся нравственной лживости совѣсть, въ концѣ концовъ, настолько притупляется, что они, какъ нѣкогда Иродъ, уже не замѣчаютъ величія и святости Іисуса. Они сами считаютъ себя „просвѣщенными“ и „образованными“, тогда какъ къ нимъ примѣнимы слова апостола: „Такъ какъ они себя считали мудрыми, то они сдѣлались глупцами“. Бѣги отъ высококѣрнаго образованія и не отступай отъ словъ Іисуса: „Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ!“ Кто съ искренней совѣстью добивается чистоты сердца, тому это удастся.

Іисусъ говоритъ: „Кто отъ истины, тотъ услышитъ Мой голосъ“.

Перев. *Н. П. Селивановской.*

ЗАМѢТКА.

Общества трезвости.

Представляя постановленіе духовенства 1 окр. Пензенскаго уѣзда „объ открытіи общества трезвости въ приходахъ округа“, благочинный, въ рапортѣ своемъ на имя его преосвященства, писалъ слѣдующее: „На собраніи возникъ вопросъ: кого записывать въ списки общества трезвости. Одни изъ оо. говорили, что въ члены общества нужно заносить лишь желающихъ бросить винную привычку, записывать не трезвыхъ, для которыхъ не нужно никакихъ обществъ, а больныхъ, слабыхъ, коимъ нужны и благодатная помощь, и клятвенныя обѣщанія, и дружественная, задушевная бесѣда. Другіе (большинство) говорили, что въ члены общества трезвости слѣдуетъ писать всѣхъ желающихъ, пьющихъ и непьющихъ. Чѣмъ многочислѣнѣе общество, тѣмъ оно устойчивѣе. Непьющіе, ставъ въ ряды общества, великую услугу окажутъ приходу: они будутъ пропагандировать трезвость, сами, не употребляя спирт-

ныхъ напитковъ, не будутъ угощать ими и другихъ: наконецъ они могутъ помогать обществамъ трезвости своими матеріальными средствами“. На рапортъ этомъ резолюція его преосвященства послѣдовала такая: „Весьма желательно, конечно, чтобы въ составъ общества трезвости входили и тѣ, которые не страдаютъ пьянственнымъ недугомъ и даже вовсе неупотребляющіе спиртныхъ напитковъ. Такіе своимъ живымъ примѣромъ трезвости и опытнымъ совѣтомъ могутъ весьма благотворно вліять на давшихъ обѣтъ трезвости и на распространіе таковой среди прихожанъ. Само собою разумѣется, что священно - церковно - служители должны быть непремѣнными членами общества трезвости не формально только, но и по существу, а иначе пользы не будетъ. Неупотребляющіе спиртныхъ напитковъ и нестрадающіе пристрастіемъ къ онимъ могутъ по ихъ усмотрѣнію, и не подтверждать своего обѣта трезвости формальною клятвою“ (Совр. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 16-го іюня 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 26.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года 27 іюня.

Содержаніе: I. Жертва безвременья. С. А. Веселицкій.—II. Самоубійства,
какъ печальное явленіе нашего времени. Архим. Димитрій.—Мои
воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.

Жертва безвременья.

Разсказъ.

I.

— Куда это такъ спѣшите, Марья Ивановна?

— Ниночка Хіосова,—знаете?—сейчасъ отравилась, бѣгу
отваживаться. Звали прійти немедленно...

— Да неужели? Вотъ бѣда то! Такъ вы ужъ обратнo
заверните ко мнѣ: что и какъ—разскажете.

— Непремѣнно, неpremѣнно, матушка. Будьте въ наде-
ждѣ. Ахъ, застать бы хоть въ живыхъ бѣдную!..

Звонкіе голоса двухъ сосѣдокъ, ворвавшись въ кабинетъ
черезъ открытое окно, сразу оторвали меня отъ работы,—такъ
неожиданно было содержаніе отрывочнаго разговора и такъ
не гармонировало съ мирной тишиной майскаго вечера.

„Ниночка Хіосова отравилась, могла отравиться сейчасъ, въ эту чудную пору, когда все кругомъ въ природѣ зоветъ къ жизни, радости, ласково убаюкиваетъ. Какой ужасъ, противорѣчіе: что заставило эту жизнерадостную здоровую смуглянку—дѣвушку греческаго типа, гимназистку уже старшаго класса, такъ круто, рѣшительно порвать съ жизнію? Вѣдь она же любила ее, эту жизнь, и радовалась ей, какъ радуются мотыльки солнечному теплу и свѣту и пестрымъ цвѣтамъ. Совсѣмъ недавно, нѣсколько дней назадъ, видѣлъ я Нину вмѣстѣ съ подругами, веселую, безпечную, оживленную. Въ такой же вечеръ, какъ сегодня, долго гуляла она съ ними взадъ и впередъ предъ моими окнами: задорный молодой смѣхъ несся изъ оживленной группы дѣвушекъ, и какъ красива, мила была эта группа въ лучахъ низкаго уже солнца, въ рамкѣ южной весенней природы. Кто бы подумалъ, что вотъ эта самая, безпечно смѣющаяся, смуглянка чрезъ нѣсколько дней будетъ биться въ предсмертныхъ судорогахъ, сама, добровольно, рѣшивъ порвать съ жизнію“?.. И мнѣ ярко представлялась ужасная картина смерти этой дѣвушки, отчаяніе родныхъ—матери, отца, ихъ позднія, ненужныя теперь, выраженія родительской любви, заботливости. Къ чему? Все это нужно было бы проявить имъ раньше, а теперь—совершившагося печальнаго, рокового факта не измѣнить. А впрочемъ, кто знаетъ,—закрадывалась все же надежда:—можетъ быть еще удастся отводиться надъ бѣдной дѣвушкой, и все окончится благополучно. Дай-го Богъ! Въ ожиданіи счастливаго исхода, мысль стала работать спокойнѣе: хотѣлось выяснить, опредѣлить для себя причины этого, нечаянно поразившаго меня случая изъ нашей, полной подобныхъ неожиданностей, нравственно шаткой дѣйствительности.

II.

Семья Хіосовыхъ жила недалеко по той же улицѣ, и мнѣ были, въ общемъ, извѣстны условія существованія этого бѣднаго семейства.

Отець—обрусѣвшій давно грекъ полупролетарскаго, полунинтеллигентнаго типа, какими изобилуетъ нашъ благословенный Югъ. Служилъ Иванъ Ставрычъ гдѣ-то въ коммерческомъ учрежденіи бухгалтеромъ, можетъ быть и на хорошемъ жалованьѣ, но семьѣ давалъ мало. Жизнь кофеенъ, билльярдныхъ, бульваровъ съ неразлучной выпивкой нравилась ему больше домашняго очага и отнимала заработокъ. Жена, изъ русскихъ, несмотря на сравнительную молодость, выглядѣла испитой, вѣчно озабоченной чѣмъ-нибудь, совсѣмъ старой женщиной съ крикливымъ нервнымъ голосомъ. И не удивительно было, что она выглядѣла такой; на ней лежала забота о семьѣ, для поддержки которой приходилось заниматься шитьемъ на постороннихъ. Ниночка была старшей въ семьѣ, кромѣ нея были еще маленькіе братья и сестры и, сверхъ того, престарѣлая, беспомощная бабушка.

На глазахъ всей улицы шла жизнь Хіосовыхъ, всѣ осуждали безпечнаго Ставрыча, жалѣли жену и любили ихъ старшую дочь Ниночку за ея жизнерадостность, неунывающій нравъ, какой проявляла она, не взирая на мракъ семейной обстановки. Шла дѣвушка въ гимназіи хорошо до послѣдняго года и пользовалась бесплатнымъ обученіемъ; только за послѣднее время Ниночка по успѣхамъ нѣсколько опустилась, но и это не ставилъ ей въ вину судъ нашей улицы. Судите сами: гдѣ же тутъ успѣть, если сверхъ своего ученія бѣдной дѣвужкѣ приходится бѣгать по урокамъ, чтобы не быть въ тягость семьѣ, да еще, пожалуй, ей же помогать. А Нина, по настоянію матери, должна была понабрать грошовыхъ уроковъ, и я видѣлъ, какъ она каждый день пробѣгала на эти несчастные уроки мимо моихъ оконъ, едва отдохнувъ часъ послѣ прихода изъ гимназіи, и возвращалась съ нихъ уже вечеромъ. Бѣдная дѣвушка! Она уже зарабатывала, шутка ли?..

И зато съ какимъ самодовольствомъ похвалялась ея мать только-что минувшей Пасхой предъ сосѣдками, что вотъ ея Ниночка и себя обрядила, и всѣмъ купила на платья и рубашки къ празднику изъ своихъ денегъ. Вторя матери,

восхищались и одобряли Ниночку и сосѣдки. Но итоги учебнаго года и экзамены ясно обнаружили, чего стоили понахватанные уроки и потеря на нихъ дорогого времени, силъ для самой дѣвушки. Скоро стало извѣстно всей улицѣ, что Нинѣ грозятъ переэкзаменовки, а, пожалуй, оставленіе на повторительный курсъ. Говорили также, что теперь ей житья нѣтъ отъ разгнѣванной матери: грозитя не пускать даже на вечернія прогулки въ наказаніе за плохіе успѣхи. И въ самомъ дѣлѣ, за послѣдніе дни не приходилось видать по вечерамъ Нины, словно въ воду канула: а всего въ позапрошлый день, когда въ гимназіи былъ новый экзаменъ, узнали, что дѣвушка опять провалилась. Теперь ужъ безповоротно должна была она остаться въ томъ же классѣ.

Такъ вотъ она несложная причина совершившейся сегодня трагедіи—глупой, безцѣльной, бессмысленной и въ тоже время ужасной! Предо мной живо рисовалось мрачное, безрадостное, нравственно-сиротливое положеніе несчастной Нины, этого полуробенка, не знавшаго и раньше настоящаго тепла и свѣта въ родной семьѣ, а теперь оказавшагося совсѣмъ обезкураженной собственными неудачами и нападками близорукихъ родителей. Чего проще и легче въ такомъ положеніи рѣшиться на самоубійство: примѣровъ соблазнительныхъ много кругомъ, да и было бы чѣмъ дорожить? Развѣ кто научилъ ее раньше цѣнить высоко свою жизнь, и развѣ не видѣла она постоянно, и дома и всюду, какъ эта жизнь жалка и ничтожна и ставится часто ниже копѣйки? Могла бы удержать отъ рѣшительнаго шага живая вѣра, страхъ загробнаго воздаянія, но и она не пришла, вѣрно, несчастной на помощь въ послѣднюю минуту, а всѣ знали, что Нина любила молиться и ходила каждый праздникъ въ свою гимназическую церковь. Да и какъ было оказаться этой дѣтской вѣрѣ такой могучей силой въ рѣшительный мигъ, если, при общемъ ^{вѣ}къ ней равнодушіи въ семьѣ и школѣ, она не имѣла простора развиваться, прозябая въ дѣтскомъ сердцѣ, какъ тощій, тепличный цвѣтокъ.

Боже, какъ же, однако, незащищена, не застрахована отъ подобныхъ трагедій жизнь нашихъ дѣтей, — думалось въ заключеніе, — при нашей нравственной и религіозной расшатанности, при распадѣ семьи; дивиться еще надо, что не цѣлая половина дѣтей гибнетъ среди ужасовъ дѣйствительности. И снова искренняя, глубокая жалость къ несчастной погибшей дѣвушкѣ и къ ея близорукимъ бѣднымъ родителямъ давила смущенное сердце. Дай-то Господи, чтобы на этотъ хоть разъ ужасная и глупая трагедія разрѣшилась благополучно, хотя бы удалось какъ нибудь возвратить къ жизни Ниночку!

Но робкая надежда не осуществилась: въ тотъ же вечеръ весь городъ уже зналъ о самоубійствѣ гимназистки Хюсовой.

III.

Торжественны, трогательны были похороны юной самоубійцы. Къ часу выноса у бѣленькаго домика, гдѣ ютились Хюсовы, собралась несмѣтная толпа. Тутъ были на лицо почти всѣ воспитанники и воспитанницы городскихъ учебныхъ заведеній. Каждому и каждой хотѣлось проводить знакомую подругу, проститься съ ней навѣки. Гробъ, бѣлый, изящный, узкій колебался на неувѣренныхъ рукахъ юныхъ носильщиковъ, весь утопая въ цвѣтахъ и зелени, а въ немъ со спокойной улыбкой смерти, съ вѣнкомъ изъ серебристыхъ лилій и другихъ цвѣтовъ на черныхъ волосахъ видѣлась умершая. И всю эту оживленную, но въ тоже время печальную, съ поникшими головами, волну молодыхъ человѣческихъ существъ обливало растопленнымъ золотомъ съ безоблачнаго неба южное, горячее солнце, какъ бы принимая участіе въ горѣ людскомъ.

Въ соборѣ, переполненномъ народомъ и молодежью, во время отпѣванія проносились глубокіе вздохи, слышались нервныя всхлипыванія: и посторонніе люди были потрясены совершившимся среди нихъ неожиданнымъ, страшнымъ фактомъ. У самага гроба, въ головахъ умершей дочери стояли убитые горемъ родители. Отецъ не плакалъ, стоялъ неподвижно съ тем-

ной, свинцовой думой на застывшемъ, одеревенѣломъ лицѣ. Кто знаетъ, можетъ быть позднее раскаяніе и самообвиненіе мучило родительскую душу... Несчастливая мать плакала истерично и вслухъ обвиняла себя въ гибели любимаго дѣтища. „Это я погубила тебя, Ниночка моя дорогая, своими глупыми попреками, угрозами, а ты и повѣрила... Да развѣ бы я пообидѣла чѣмъ тебя, если бы знала, что ты со мной сдѣлаешь... Воротись къ намъ, Нина, проснись, слышишь ли мать твою?.. О... о, о!“ И тяжелые, крикливые стоны матери смѣнялись безумными причитаніями. Невыразимо мучительно было видѣть эти припадки неутѣшнаго материнскаго горя, слышать горькія, но справедливыя обвиненія себя въ ужасной смерти собственной дочери...

Отпѣваніе подходило къ концу. Предъ гробомъ выступилъ съ надгробной рѣчью соборный отецъ, славящійся умѣніемъ затрагивать въ проповѣдяхъ современные темы. Онъ говорилъ о религіозно-нравственныхъ причинахъ переживаемаго нами безвременья, о причинахъ, породившихъ равнодушіе къ жизни, массу самоубійствъ.

„... Не со вчерашняго дня,—говорилъ проповѣдникъ,—обрушилось на насъ это безвременье, это преступное попраніе и отрицаніе жизни, и мы сами его породили своимъ легкомысліемъ. Вспомнимъ, съ какимъ увлеченіемъ занялись у насъ всѣ „переоцѣнкой жизненныхъ, вѣковѣчныхъ цѣнностей“: и вѣры, и жизни, и нравственныхъ основъ. Одни переоцѣнивали, а другіе одобряли смѣлое дѣло. Что же? И переоцѣнили все, чѣмъ живъ человѣкъ, по новому, но жаль одного—слишкомъ дешево оцѣнили дорогія когда то сокровища. Вѣру святую свели къ простому, ненужному теперь суевѣрію; жизнь оказалась не дороже копѣйки, стыдъ и совѣсть поставили въ грошъ и, взамѣнъ, возвѣстили свободу низменной чувственности. И вотъ началась жизнь по новому масштабу, безъ страха Божія, безъ признанія нравственныхъ и семейныхъ основъ: пока давала жизнь наслажденія, удовольствія,—жили, а при неудачахъ, несчастіяхъ стоило ли дорожить такою дешевою вещію?

И ломали, уничтожали ее, не дрогнувъ, безъ сожалѣнія, какъ грошевую игрушку... Вотъ онъ—корень и причина распространенія въ современномъ обществѣ самоубійствъ по самымъ ничтожнымъ мелочнымъ поводамъ!¹“

... „Да и самая то жизнь многихъ и многихъ изъ насъ чѣмъ лучше мертвого состоянія: распатанная нравственно, жалкая и безцѣльная, часто преступная—не распространяетъ ли она мертвую заразу и тлетворный духъ? И что удивительнаго, если дѣти наши, не вынося этого духа, подобно взрослымъ, съ мукой отчаянія разбиваютъ свои молодые жизни... Грозный ужасающій примѣръ такого расчета съ жизнью предъ нами: и неужели мы еще не откроемъ глазъ, не позаботимся возстановить отвергнутыя вѣковѣчныя цѣнности—устой жизни разумно-человѣческой?..“

Рѣчь была сильна, убѣдительна; но когда возвращался я съ отпѣванія, брало раздумье: подѣйствуетъ ли она? И одно томительное желаніе наполняло душу,—скорѣе, скорѣе проходила бы эта мрачная пора безвременья, нависшая надъ родимой страной!

С. А. Веселицкій.

Самоубійства, какъ печальное явленіе нашего времени.

Однимъ изъ тяжкихъ золъ нашего времени является изумительное недовольство жизнью и бѣгство отъ нея. Стремленіе къ самоубійству все болѣе и болѣе увеличивается какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границей, угрожая разростись въ цѣлую эпидемію¹).

¹) Въ Западной Европѣ число самоубійствъ доходитъ до 50,000 въ годъ. („О самоубійствѣ“ Н. Н. Невзоровъ). О сравнительномъ ростѣ самоубійствъ у насъ за послѣднее время можно судить по статистическимъ даннымъ, собраннымъ врачомъ Жбанковымъ. За время съ 1-го іюня 1905-го года до ноября 1908 года Жбанковымъ выбрано изъ газетной хроники 5557 случаевъ самоубійствъ. Изъ нихъ 3940 приходится на Петер-

Борьба съ этимъ зломъ настоятельно необходима, и только тотъ, въ комъ очерствѣло сердце, угасла всякая любовь къ людямъ, кто замкнулся въ кругъ своихъ личныхъ эгоистическихъ интересовъ, можетъ спокойно взирать на это печальное явленіе, оставаясь къ нему равнодушнымъ.

Но какъ же бороться съ самоубійствами? И прежде всего, что это за явленіе, какія причины его вызываютъ?

Въ опредѣленіи самоубійства, какъ душевнаго явленія представители психіатрической медицины расходятся: одни утверждаютъ, что самоубійство только и совершается людьми умопомѣшанными, т. е. больными¹⁾. „Самоубійства, говорятъ, продуктъ душевной болѣзни²⁾. Другіе, наоборотъ, разграничивая самоубійства, совершаемыя здоровыми и душевно-больными, доказываютъ, что между самоубійствами и душевными болѣзнями существуетъ рѣзкая разница, что они неотносятся одно къ другому, какъ причина къ слѣдствію, но существуютъ самостоятельно независимо“³⁾. „Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ проф. Сикорскій, что нѣкоторая часть самоубійствъ зависитъ отъ душевныхъ болѣзней. Эта часть неодинакова для различныхъ странъ:

бургъ, Москву и Одессу, 1012 на другіе большіе города и 605 на малые города, мѣстечки и деревни. По годамъ эти данныя располагаются такъ: за вторую половину 1905 года—85 случаевъ самоубійствъ, въ 1906 году—557 въ, въ 1907 году—1803 и за десять мѣсяцевъ 1908 года—3112. За вышеозначенное время каждый послѣдующій мѣсяць давалъ все большее и большее число самоубійствъ. Такъ, въ январѣ 1906 года было всего лишь 27 случаевъ самоубійствъ, а въ декабрѣ тогоже года уже—66; январь 1907 года далъ 93 самоубійства, о декабрь—216; наконецъ, 1908 годъ, начавшись съ 224 самоубійствъ въ январѣ, далъ 328 въ октябрѣ (Д. Жбанковъ. „О самоубійствахъ въ послѣдніе годы“. Статист. очеркъ. „Русское Богатство“ 1909 г. № 4). За послѣдній годъ, судя по газетной хроникѣ, ростъ самоубійствъ не только не приостановился, но пошелъ еще быстрѣе. Были случаи, когда въ одномъ только Петербургѣ въ теченіе дня насчитывалось до 20 покушеній на самоубійство („Новое Время“. Февраль 1910 г.).

¹⁾ Гвоздевъ. „О самоубійствѣ съ соціальной и медицинской точекъ зрѣнія“. Казань 1889 г. стр. 45.

²⁾ Врачъ. „О самоубійствѣ“. Киевскія Вѣсти 1909 г. № 333.

³⁾ Сикорскій И. А. проф. „Состояніе духа предъ самоубійствомъ“ изъ Сборн. научно-литературн. статей. Киевъ. 1899 г. стр. 134—135. Это

приблизительно четверть или треть общего числа самоубийствъ зависятъ отъ душевныхъ болѣзней; въ нѣкоторыхъ странахъ эта пропорція больше, въ другихъ меньше. Другіе же случаи самоубийствъ, т. е. большая часть ихъ, приходится на долю людей психически здоровыхъ. Этотъ выводъ подтверждается многочисленными статистическими данными всѣхъ образованныхъ странъ Европы¹⁾.

проф. Сикорскій доказываетъ, ссылаясь на тотъ фактъ, что „пропорція, съ которой нарастаютъ съ теченіемъ времени самоубійства и душевныя болѣзни, весьма неодинакова. Въ то время какъ помѣшательство въ теченіе полустолѣтія увеличилось на нѣсколько процентовъ, самоубійства въ большей части государствъ Европы увеличились на нѣсколько сотъ процентовъ“. Другое рѣзкое различіе состоитъ въ томъ, что количество самоубійствъ у обоихъ половъ весьма неодинаково: самоубійць—мужчинъ повсюду въ четыре или пять разъ болѣе, нежели самоубійць—женщинъ. Между тѣмъ въ отношеніи помѣшательства такого неодинаковаго заболѣванія половъ не существуетъ: психически больныхъ женщинъ почти такое-же число, какъ и мужчинъ. Дальнѣйшую разницу между самоубійствомъ и помѣшательствомъ проф. Сикорскій видитъ „въ весьма неодинаковомъ отношеніи къ тому и другому различныхъ народностей, тогда какъ въ отношеніи помѣшательства вовсе не существуетъ столь рѣзкой разницы“.

¹⁾ Ibid стр. 136.

Такой же взглядъ на самоубійство высказываетъ и извѣстный изслѣдователь вопроса о дѣтскихъ самоубійствахъ В. К. Хорошко. Отрицая внутреннюю связь между самоубійствомъ вообще и душевной болѣзнью, Хорошко говоритъ: „какъ-бы то ни было, но мы рѣшаемся утверждать, что какъ самоубійцы-взрослые, такъ и самоубійцы-дѣти могутъ вербоваться и при томъ въ большомъ числѣ изъ рядовъ здоровыхъ существъ въ широкомъ смыслѣ слова. Конечно, лица, кончающія самоубійствомъ, какъ и очень многіе изъ насъ, еще не кончившихъ и не намѣреющихся вовсе покончить съ собой, могутъ представлять тѣ или нныя отклоненія отъ идеальной, нормальной психической дѣятельности, но во всякомъ случаѣ, не въ столь значительной степени, чтобы записывать ихъ въ ряды психически больныхъ“ („О самоубійствѣ дѣтей“. Москва 1909 г. стр. 14). Въ недавно появившемся „очеркѣ психологін самоубійства“ проф. Н. И. Мухина самоубійства раздѣляются на двѣ группы: „чувственные и разсудочныя“. „Самоубійства первой группы совершаются исключительно людьми больными,—причиной ихъ не только главной, но и единственной нужно считать болѣзненное вырожденіе; въ составъ второй группы входятъ отчасти также самоубійства больныхъ людей, но къ ней относятся

Подтверждается онъ и тѣми данными, собираніемъ которыхъ еще не занималась статистика, но которая имѣютъ большую цѣнность. Имѣемъ въ виду чистосердечныя признанія покушавшихся на самоубійство и ихъ искреннее раскаяніе, свидѣтельствующее о сознательности ихъ поступка; а также—откровенныя бесѣды „на духу“ тѣхъ, кто готовъ уже былъ покончить съ собой и воздержался только благодаря вразумленію со стороны духовнаго наставника. Такимъ образомъ, „самоубійство, какъ говоритъ проф. Сикорскій, ближе стоитъ къ преступленію, чѣмъ къ помѣшательству, и потому подобно преступленію въ значительной степени обусловлено волей человѣка“¹⁾.

Что же касается причинъ самоубійства, то на изысканіе ихъ за послѣднее время обращено особенное вниманіе философовъ, теологовъ, социологовъ и психіатровъ. Исслѣдователи этого явленія указываютъ множество причинъ и самыхъ разнообразныхъ. Мы упомянемъ лишь важнѣйшія изъ нихъ, составляющія какъ-бы цѣлыя группы однородныхъ причинъ.

Первую и самую большую по числу жертвъ группу причинъ самоубійства составляютъ: бѣдность, лишенія, разореніе и прочія матеріальныя нужды²⁾. Угнетающее вліяніе нужды и безработицы непрерывно и быстро возрастаетъ и съ каждымъ годомъ все большее и большее число жертвъ увлекаетъ въ могилу. Къ этой группѣ причинъ нужно отнести и разнаго рода торгово-промышленныя кризисы и финансовыя крахи, являющіеся результатомъ все увеличивающейся

главнымъ образомъ самоубійства людей здоровыхъ“ („Вѣст. Душев. Болѣзней“. 1904 г. 1-го мая).

¹⁾ Ibid. стр. 135.

²⁾ Хотя, по даннымъ статистики, наибольшее число самоубійствъ даетъ пьянство, но „алкоголизмъ оказываетъ, повидимому, только косвенное вліяніе на общее число самоубійствъ, увеличивая ряды душевно-больныхъ и неврастениковъ, среди которыхъ случаи самоубійства сравнительно часты“. Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона. 56 стр. 235. М. Губскій).

неустойчивости экономической жизни культурных народов. Вторую группу причинъ самоубійства составляютъ такъ называемыя нравственныя причины. Сюда относятся: горе и обиды разнаго рода, стыдъ и страхъ наказанія, семейныя неурядицы, неудачная любовь, ревность, обманъ и проч. Не рѣдко причиною самоубійствъ являются физическія страданія при разнаго рода болѣзняхъ, въ особенности хроническихъ и неизлечимыхъ ¹⁾. Всѣ эти причины—и „бѣдность, и болѣзни, и нравственныя условія, своей силой или продолжительностью, могутъ довести человѣка до утомленія, когда самый инстинктъ самосохраненія утомленъ“ ²⁾. „У многихъ самоубійць, говоритъ проф. Сикорскій, мы находимъ въ ихъ послѣднихъ запискахъ ссылку на это душевное настроеніе; иногда утомленіе жизнью выставляется, какъ единственное побужденіе къ самоубійству“. „Это состояніе носить различныя наименованія: утомленіе жизнью, скука, отвращеніе отъ жизни; его называютъ также утратой жизнерадости или жизнерадостнаго настроенія въ противоположность живому чувству жизни; иногда, наконецъ, называютъ его разочарованіемъ“ ³⁾. Въ такомъ душевномъ состояніи человѣкъ не дорожитъ жизнью, она противна ему, и онъ спѣшитъ уйти отъ нея.

Для того, чтобы спасти несчастную жертву отъ рокового шага, необходимо одно изъ двухъ: или совершенно устранить внѣшнія причины, толкающія на самоубійство, или парализовать ихъ пагубное вліяніе на духъ человѣка, укрѣпивъ его внутреннія силы. Относительно перваго условія нужно сказать, что оно едвали осуществимо въ полной мѣрѣ. Можно говорить о нѣкоторомъ лишь ослабленіи тѣхъ жизненныхъ ти-

¹⁾ Процентъ самоубійствъ отъ этой именно причины всегда бываетъ довольно большой, хотя въ Россіи онъ меньше, чѣмъ въ другихъ государствахъ, въ особенности во Франціи (Проф. Н. А. Оболонскій. „Современное положеніе вопроса о причинахъ самоубійства“. Петербургъ, 1902 г. стр. 7).

²⁾ Проф. Сикорскій. *ibid.* 136.

³⁾ *ibid.* 148 стр.

сковъ, въ которые попадаютъ несчастныя жертвы, но не о совершенномъ ихъ уничтоженіи. Съ бѣдностью людскою, на-примѣръ, еще возможно бороться. Здѣсь братская любовь можетъ многое сдѣлать къ облегченію участи голодныхъ, но совершенно устранить нужду, при современной культурной жизни, невозможно. А къ тому-же нужно замѣтить, что бѣдность и сопряженныя съ нею невзгоды, порождая недовольство жизнью, сами по себѣ еще не приводятъ неизбежно къ самоубійству, какъ равно и матеріальное благосостояніе народа не застрахо-вываетъ его отъ увеличенія роста самоубійствъ. Исторія народовъ даетъ намъ въ этомъ отношеніи много поучительныхъ примѣровъ. „Ирландія, напр., можетъ быть, самая бѣдная и угнетенная страна въ Европѣ, даетъ наименьшій процентъ самоубійствъ“¹⁾. „Въ Пруссіи же съ увеличеніемъ богатства, благодаря страшной контрибуціи, взятой съ Франціи, послѣ франко-прусской войны 1870 года, съ богатствомъ возросло и число самоубійствъ“²⁾. Тоже самое замѣчаемъ мы и въ Италіи. „Объединеніе Италіи и завоеваніе Рима Викторомъ Эммануиломъ въ 1870 году послужило толчкомъ къ возрожденію страны и дало Италіи значеніе великой державы; промышленность и вообще производительность страны сразу достигли необыкновенныхъ размѣровъ, матеріальное положеніе рабочихъ улучшилось, соотвѣтственно увеличенію благосостоянія страны, уменьшились цѣны на хлѣбъ и проч., а между тѣмъ число самоубійствъ не только не уменьшилось, но, напротивъ, увеличилось“³⁾.

Тоже нужно сказать и объ отдѣльныхъ личностяхъ: иной умираетъ съ голоду, а къ самоубійству не прибѣгаетъ, другой спѣшитъ покончить съ собой при сравнительной матеріальной обеспеченности⁴⁾.

¹⁾ Проф. Н. А. Оболонскій. *ibid.* стр. 8.

²⁾ *ibid.* стр. 12.

³⁾ *ibid.* стр. 12.

⁴⁾ Въ Лондонѣ, напр., ежегодно умираетъ съ голоду по нѣсколько бѣдняковъ, а между тѣмъ Лондонъ, по сравненію съ другими столицами, даетъ самый ничтожный процентъ самоубійствъ.

Но если въ борьбѣ съ нуждой людской мы можемъ оказаться безсильными, то что сказать о нашей борьбѣ съ другими причинами самоубійствъ? Какъ вы, напр., уничтожите болѣзни и всякаго рода физическіе недостатки, причиняющіе намъ разнообразныя страданія, отъ которыхъ теперь многіе избавляются только самоубійствомъ? Самый лучший социальный рай на землѣ, какой только предносился когда либо пылкой фантазіи социальнаго мечтателя, не свободенъ отъ этихъ страданій.

Нѣтъ совершенно также никакой возможности избавить людей и отъ нравственныхъ причинъ самоубійства. Потери друзей, родныхъ и близкихъ нашему сердцу всегда были и будутъ; обиды, оскорбленія, неудачная любовь, изъ-за которой такъ много бываетъ самоубійствъ, и все прочее, что только можетъ ущемлять наше сердце, также неразлучные спутники человѣческаго рода въ его земномъ странствованіи.

Но если внѣшнія причины, вызывающія самоубійства, и не устранимы совершенно, то все же борьба съ этимъ зломъ еще возможна. Дѣло въ томъ, что всѣ вышеуказанныя причины самоубійства, собственно говоря, не могутъ считаться прямыми и непосредственными причинами,—онѣ лишь поводы къ самоубійству, а главная и основная причина коренится въ нашемъ духѣ, его слабости, безсиліи и неприспособленности къ жизни; вотъ почему въ борьбѣ съ самоубійствами прежде всего нужно обратить вниманіе на укрѣпленіе этой именно, силы внутренней нашей сопротивляемости жизненнымъ невгодамъ, т. е. нужно позаботиться о томъ, чтобы сдѣлать себя болѣе выносливыми, болѣе приспособленными къ жизни; тогда никакія неудачи не нарушатъ нашего душевнаго равновѣсія и не убьютъ интереса къ жизни. Когда же человѣкъ чѣмъ-нибудь интересуется, то какъ бы ни была тяжела его жизнь, онъ все же продолжаетъ жить и только съ потерей всякаго интереса прибѣгаетъ къ самоубійству. Жизненная мудрость въ томъ и состоитъ, чтобы всегда чѣмъ-нибудь интересоваться¹⁾.

¹⁾ „Величайшее счастье, говоритъ Гете, заключается въ постоянномъ къ чему-нибудь стремленіи“.

Такое умѣнье жить дается лишь отчасти самой природой, наградившей насъ инстинктомъ самосохраненія, но больше пріобрѣтается воспитаніемъ, понимаемымъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Если въ настоящее время отовсюду слышатся жалобы на неприспособленность къ жизни, если художественная литература, изображающая современную жизнь, даетъ самыя мрачныя типы людей слабовольныхъ, безхарактерныхъ, капризно-недовольныхъ жизнью и робко-малодушныхъ, то это вѣрный признакъ того, что воспитаніе у насъ идетъ неправильно, и съ этимъ зломъ прежде всего нужно бороться. Здѣсь виноваты отчасти—и школа, и семья, и само общество, и вся вообще современная культура, невоспитывающія сильныхъ характеровъ, недающія жизнерадостнаго настроенія, но, напротивъ, вселяющія духъ недовольства и разочарованности жизнью. Мы не будемъ входить въ подробную оцѣнку недостатковъ современнаго воспитанія, понимаемаго въ смыслѣ подготовки къ жизни, а ограничимся лишь указаніемъ на одну изъ причинъ, болѣе всего способствующую розслабленію нашего духа и дѣлающую его неприспособленнымъ къ жизни, именно—на упадокъ религіозной вѣры. Только отсутствіемъ религіозной вѣры можно объяснить робость и замѣшательство людей предъ жизнью и постыдное бѣгство отъ нея. Тогда какъ, наоборотъ, наличность религіозной вѣры дѣлаетъ человѣка духовно крѣпкимъ и сильнымъ въ жизненной борьбѣ. Только религіозная вѣра помогаетъ именно тамъ, гдѣ всякія другія средства совершенно бессильны. Она—послѣднее убѣжище всѣхъ неудачниковъ въ жизни, такъ какъ открываетъ для нихъ за предѣлами этой временной жизни необъятный просторъ жизни будущей, безконечной и при томъ говорить о Богѣ-Промыслителѣ, Владыкѣ жизни, Который одинъ только можетъ распоряжаться и нашею жизнью.

Безъ вѣры въ Бога и будущую жизнь, дѣйствительно, трудно бороться среди житейскихъ невгодъ. Въ самомъ дѣлѣ чѣмъ вы ободрите невѣрующаго страдальца, когда жизнь для него

дѣлается тягостной и невыносимой? Вы посоветуете ему терпѣть? Но во имя чего терпѣть? Какой смыслъ въ страданіяхъ никому ненужныхъ? Вѣдь если кромѣ земной жизни не существуетъ другой, то зачѣмъ страдать и не лучше-ли прекратить жизнь, когда она такъ тягостна? Самоубійство — логическій выводъ безрелигіозно мыслящаго неудачника въ жизни. Терпѣть безсмысленно онъ не хочетъ, а разумно — не можетъ, слѣдовательно, лучше покончить съ жизнью. Такъ онъ и поступаетъ. И сколько мы видимъ примѣровъ подобнаго отношенія къ жизни. Вотъ, напр., докторъ одинъ, покончившій самоубійствомъ, оставляетъ такую записку: „сегодня я узналъ, что болѣзнь моя неизлѣчима. Предпочитаю смерть безсмысленнымъ страданіямъ“. Очевидно, несчастный страдалецъ ничего не видѣлъ за предѣлами этой жизни и потому не могъ осмыслить своихъ страданій. Но дайте ему вѣру въ загробную жизнь, въ Бога-Промыслителя, и онъ примирится съ жизнью. Онъ взглянетъ на нее съ высоты потусторонняго идеала будущей жизни съ безконечно нравственнымъ развитіемъ и найдетъ въ ней глубокій смыслъ и интересъ.

Она не будетъ представляться ему храмомъ счастья, удовольствій и наслажденій, а, наоборотъ, временемъ испытанія и приготовленія къ высшей духовно-нравственной жизни въ загробномъ мірѣ, поэтому и самыя страданія теряютъ для него свою остроту. Этимъ и объясняется то, почему люди искренно вѣрующіе отличаются изумительнымъ мужествомъ и терпѣніемъ и даже нѣкоторымъ благодушіемъ въ перенесеніи самыхъ тяжелыхъ условій и обстоятельствъ жизни. Въ одномъ изъ рассказовъ Тургенева „Живыя мощи“ представленъ чудный примѣръ подобнаго отношенія къ жизни. Сюжетъ взятъ съ натуры. Въ героинѣ рассказа — Лукерья предъ нами выступаетъ типъ вѣрующаго страдальца, какихъ не мало среди простаго русскаго народа.

Посмотрите, съ какимъ изумительнымъ терпѣніемъ и кротостью, съ какой глубокой покорностью промыслу Божію Лукерья переноситъ тяжелую и неизлѣчимую болѣзнь. Вотъ она

лежитъ неподвижно уже семь лѣтъ на нарахъ вся изсохшая, съ потухшимъ взоромъ, съ упавшимъ голосомъ и едва только можетъ шевелить пальцами правой руки. А вѣдь это была первая красавица въ деревнѣ, полная силъ и здоровья, умница, веселая, жизнерадостная, имѣвшая большой успѣхъ. Наканунѣ своей свадьбы неосторожно оступилась съ крылечка, заслушавшись соловья, упала, разбилась и теперь умираетъ медленной смертью изо дня въ день, изъ года въ годъ, превращаясь въ какую-то мумію, при полномъ сознаниі разсудка, при живомъ чувствѣ сердца. Казалось бы, одно лишь отчаяніе и злобу могла испытывать эта несчастная неудачница, видя, какъ счастье ея рассыпалось въ прахъ, а жажда счастья осталась. Кругомъ жизнь кипитъ веселая, привольная, словно смѣется надъ ней, прикованной къ смертному одру. Какъ тутъ не зародиться мысли о самоубійствѣ, какъ наилучшемъ средствѣ избавиться отъ нестерпимыхъ мукъ? И сколько бы нашлось такихъ, которые бы оправдали ея самоубійство! Но не такъ разсуждаетъ сама Лукерья. „Безъ оховъ и вздоховъ, несколько не жалуясь и не напрашиваясь на участіе“, она передаетъ о своемъ несчастіи, находя, что „инымъ еще ихъ же бываетъ“. „А у иного. говоритъ она, и пристанища нѣтъ. А иной—слѣпой, или глухой. А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Кротъ подъ землею роется—я и то слышу. И запахъ всякій я чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха въ полѣ зацвѣтетъ, или липа въ саду—мнѣ и сказывать не надо: я первая сейчасъ слышу. Лишь бы вѣтромъ оттуда потянуло. Нѣтъ, что Бога гнѣвить?—Многимъ хуже моего бываетъ. Хоть бы то взяты: иной здоровый человѣкъ очень много согрѣшить можетъ, а отъ меня самъ грѣхъ отошелъ“. Лѣтомъ Лукерья, когда спать не можетъ отъ ноющей боли въ костяхъ, любитъ, какъ птички порхаютъ и щебечутъ надъ ней, какъ летаютъ бабочки, жужжать пчелы и ей это „очень пріятно“. А зимой, когда еще темно, при глубокой тишинѣ ночи, любить она размышлять и молиться. Она не томится одиночествомъ и никому не жалуется, хотя и любить, когда ее навѣщаютъ.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 27.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года іюля 4-го дня.

Содержаніе: I. Къ столѣтію отечественной войны. Прот. В. Л-ій.—II. Вла-
дыка перемѣнился. Свящ. В. Пестряковъ.—III. Мои воспоминаія
(продолженіе). Проф. В. Шѣвницкій.—IV. Забѣтка. О христіанской
прислугѣ у евреевъ.

Къ столѣтію отечественной войны (1812—1912 г.).

Черезъ два года исполнится сто лѣтъ со времени одного
изъ самыхъ знаменательныхъ моментовъ въ исторіи Русскаго
государства —нашествія французовъ и избавленія отъ нихъ
Россіи.

Въ знаменательный 1812-й годъ совершилось наиболѣе
полное единеніе русскаго народа съ правительствомъ въ дѣлѣ
защиты Россіи отъ наступающихъ враговъ. Представители го-
сударственной власти даже заговорили тогда языкомъ престопа-
роднымъ (московскій губернаторъ Ростопчинъ), призывая весь
народъ встать на защиту и освобожденіе русской земли отъ
дерзко вторгшагося въ нее врага. И народъ русскій во мно-
жествѣ откликнулся на призывъ правительства: составлялись
вольныя дружины, народныя ополченія, борьба съ французами
приняла народный, глубоко національный характеръ. И еди-

нодушными усилями Царя и народа, при явной помощи Божіей, въ день величайшаго христіанскаго праздника—Рождества Христова, французы были изгнаны изъ Москвы. Позоръ униженія Россіи и сожженія Москвы смѣнился для Русскаго государства торжествомъ всемірнаго величія, превознесенія Россіи и ея Государя надъ всѣми царствами и народами.

Въ это же знаменательное время, какъ и вообще во всѣ времена народныхъ бѣдствій на Руси, наиболѣе тѣсно соединились между собою государство и Церковь Русская. Церковь вмѣстѣ съ государствомъ и народомъ русскимъ страдала отъ нашествія Галловъ. Когда ими опустошались города и села, тогда вмѣстѣ грабились и разрушались и храмы и монастыри. Вмѣстѣ съ государствомъ Церковь свѣтло торжествовала и избавленіе Россіи въ праздникъ Рождества Христова отъ враговъ, и за Государемъ—побѣдителемъ французовъ—утвердила наименованіе „благословеннаго“. Это единеніе Церкви и государства Русскаго въ знаменательную минуту бѣдствій и торжества 1812 года запечатлѣно въ умильномъ молебномъ пѣніи, *пѣваемомъ ко Господу Богу въ день Рождества еже по плоти Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминанія избавленія Церкви и державы Россійскія отъ нашествія галловъ и съ ними двадцати языкъ.*

Но вотъ уже истекаетъ сто лѣтъ со времени 1812 года—избавленія Россіи отъ нашествія французовъ. За это время много, слишкомъ много, пережито и сознано русскимъ народомъ. „Чуждыя наставленія“ съ Запада, тогда лишь только пробывавшіяся въ Россію, приобрѣли у насъ уже прочное и безповоротное гражданство. Россія именно вслѣдствіе событій 1812 года вошла въ семью европейскихъ государствъ и постепенно заняла среди нихъ преобладающее значеніе. Преніе враги наши „буи и звѣронравные“ обратились въ друзей и союзниковъ. Самый фактъ нашествія французовъ за истекшее столѣтіе потерялъ для насъ характеръ острой обиды, и намъ теперь всѣ событія 1812 года представляются лишь героическими, славными въ нашей исторіи. Передъ ореоломъ вели-

чія, на которое вошла Россія вслѣдствіе 1812 года, блекнуть въ нашемъ сознаніи страданія и жертвы нашихъ предковъ для достиженія этого величія...

По поводу наступающаго знаменательнаго юбилея 1812 года, конечно, много будетъ оживлено въ памяти воспоминаній о славныхъ событіяхъ, въ этотъ годъ совершившихся, много будетъ чувствъ, мыслей по поводу этихъ событій сказано. Съ высоты столѣтія будутъ оцѣниваться и, быть можетъ, во многомъ переоцѣниваться всѣ причины и слѣдствія, всѣ происшествія 1812 года,—и во всякомъ случаѣ все то, что въ тѣ времена возбуждало чувства ужаса, обиды, оскорбленія, чувства умиленія, восторга, въ настоящее время будетъ подвергнуто лишь снокойному, хладнокровному обсужденію его *историческаго* значенія, а многое неизбежно будетъ предано и забвенію...

Къ этому же времени—къ столѣтію 1812 года—быть можетъ, слѣдовало бы пересмотрѣть и нѣсколько измѣнить и то молебное пѣніе, которое совершается послѣ литургіи въ день Рождества Христова въ память избавленія Россіи отъ нашествія галловъ. Это весьма трогательное молебное пѣніе составлено подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совершившихся въ 1812 году событій, дышетъ чувствомъ острой боли отъ незажившихъ еще ранъ и страданій Церкви и отечества, и вмѣстѣ съ тѣмъ—чувствомъ восторженнаго умиленія предъ Господомъ объ избавленіи отъ этихъ страданій. Въ этомъ его великое достоинство, но въ этомъ его и слабость, или—лучше сказать—его временное значеніе,—значеніе, такъ сказать, историческаго момента. Этотъ временный характеръ сего молебнаго пѣнія еще болѣе чувствуется оттого, что совершается оно въ одинъ изъ величайшихъ всемірныхъ и вѣчныхъ праздниковъ христіанства—въ день Рождества Христова. Чувствуется, что въ этотъ праздникъ мира и благоволенія Божія въ человѣцѣхъ, быть можетъ, слѣдовало бы уже не помянуть о давно прошедшихъ озлобленіяхъ, брани, возстаніяхъ и враждѣ между

народами, о бывшемъ униженіи и возвеличеніи нашего отечества.

Намъ кажется, что тотъ, хотя и знаменательный, но все таки лишь частный и временный фактъ изъ исторіи нашего отечества, который послужилъ поводомъ для молебствія въ праздникъ Рождества Христова и легъ въ его основу—избавленіе Россіи отъ нашествія галловъ въ 1812 году, не слѣдовало бы навсегда оставлять основой этого молебствія, ибо этотъ фактъ, очевидно, существеннаго отношенія къ всемірному празднику Рождества Христова не имѣеть. Не слѣдовало бы къ факту вѣчнаго значенія для всего міра оставить навсегда приставленнымъ фактъ временный и мѣстный. Въ основу молебнаго пѣнія въ день Рождества Христова, конечно, лучше положить то, что составляетъ сущность праздника, напр. ангельскую пѣснь „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе“. Прославленіе Рожденнаго въ мірѣ Сына Божія, миръ на землѣ, милость Божія къ людемъ, явленная въ судьбахъ царствъ и народовъ, а особенно въ судьбахъ Церкви Божіей и нашего отечества, умиленное моленіе къ Рожденному Спасителю, чтобы миръ на землѣ и особенно въ Церквахъ Божіихъ возрасталъ и утверждался, чтобы благоволеніе Божіе осѣняло всѣ народы, всѣхъ вѣрующихъ и нашу церковь и отечество—вотъ вѣчно живыя и всемірныя и вмѣстѣ съ тѣмъ для нашей церкви и отечества всегда благопотребныя основы молебнаго пѣнія въ праздникъ Рождества Христова!

Въ общемъ, конечно, и съ точки зрѣнія этихъ идей праздника молебное пѣніе въ день Рождества Христова, совершаемое теперь, весьма соотвѣтствуетъ этимъ существеннымъ идеямъ. Поэтому слѣдовало бы лишь немного измѣнить это молебное пѣніе только въ тѣхъ частяхъ, которыя имѣють временный, непосредственно относящійся къ событіямъ 1812 года, характеръ. Всѣ тогдашнія бѣдствія церкви и отечества, коварство и буйство враговъ, озлобленіе противъ нихъ, послѣ столѣтняго періода должны быть по христіанскому братолою-

бію уже покриты ідеей мира, примиренія, забвенія земныхъ страданій, радостію всемірнаго избавленія и спасенія рождествомъ Христовымъ. И уоминаніе о частныхъ случаяхъ нашего земного избавленія и спасенія, быть можетъ, не совсѣмъ умѣстны во всенародномъ, разъ на всегда установленіи моленіи и благодареніи о наступленіи царства небеснаго. Правда, христіанское богослуженіе включило въ себя нѣкоторыя частныя чудесныя событія изъ исторіи Ветхаго Завѣта, напр., переходъ евреевъ черезъ Черное море, трехдневное пребываніе Іоны во чревѣ китовѣ, чудо трехъ отроковъ въ печи вавилонской и др., по всѣ эти событія въ христіанскомъ сознаніи, такъ сказать, утратили свой временный и мѣстный характеръ и сдѣлались символами всемірнаго значенія, образами Новаго Завѣта. До такого всемірнаго и вѣчнаго значенія намъ трудно, а, можетъ быть, и не совсѣмъ умѣстно возводить временныя и мѣстныя событія изъ нашей отечественной исторіи. И мы видимъ, что такія событія, какъ крещеніе Руси, освобожденіе Руси отъ татарскаго ига, избавленіе отъ поляковъ и смутнаго времени, не увѣковѣчены у насъ, какъ церковныя праздники, и не запечатлѣны въ нашемъ богослуженіи. И относительно событій 1812 года, по прекрасному выраженію „молебнаго пѣнія“, согласяѣе христіанскому смиренію въ день Рождества Христа Бога нашего возвести отъ временныхъ благъ къ вѣчнымъ „души наша во спасеніе Господне исчезающія“.

Мы, конечно, не считаемъ себя въ правѣ и въ компетенціи указывать, что и какъ въ молебномъ пѣніи, нынѣ совершаемомъ въ день Рождества Христова, могло быть сокращено, что восполнено или измѣнено. Если будетъ на то благословеніе Святѣйшаго Синода, это совершать болѣе насъ опытные и авторитетные наши пастыри и учителя. Сдѣлаемъ только нѣкоторыя общія замѣчанія по этому вопросу.

Начало „молебнаго пѣнія, пѣваемаго въ день Рождества еже по плоти Господа нашего Іисуса Христа“, намъ кажется, вполне приложимо къ празднику: „Съ нами Богъ“ со сти-

хами пророчества Исаіи о пришествіи въ міръ Спасителя. Въ день воспоминанія рожденія Христа, Опъ—Спаситель нашъ—именно „Съ нами Богъ“. Въ слѣдующей затѣмъ великой ектеніи, въ прошеніяхъ 12, 13 и 14, слова о „дѣи печали“, о „побѣдныхъ вѣнцахъ“ и другія примѣнительныя непосредственно къ событіямъ 1812 года выраженія слѣдовало бы замѣнить болѣе общими прошеніями объ избавленіи насъ отъ скорбей, обстояній, вражды и проч., о дарованіи мира, благостоянія и пресіянія во всемъ добромъ Церкви и отечеству нашему и всему міру. Тропари на „Богъ Господь“ „Слава въ вышнихъ Богу“ такъ же вполне соотвѣтствуютъ празднику. Только во 2-мъ тропарѣ, въ словахъ: „се бо агнецъ виодемскъ льва и змія нами поправъ“, „намп“, быть можетъ, слѣдовало бы исключить. Подъ львомъ и зміемъ тогда можно было бы разумѣть врага всего рода человѣческаго—дѣвола. Слѣдующій послѣ тропарей догматикъ „Всемирную славу“ и затѣмъ паремію изъ пророка Исаіи о гибели царя вавилонскаго, кажется, можно было бы опустить. Они не имѣютъ прямого отношенія къ торжеству праздника, в кромѣ того въ уставѣ обычныхъ молебныхъ пѣній догматика и пареміи не положено. Апостолъ (изъ посланія къ евреямъ о силѣ вѣры) вполне приличествуетъ празднику; евангеліе же, читаемое теперь (о войнахъ, возстаніяхъ и бѣдствіяхъ при кончинѣ міра), лучше бы замѣнить праздничнымъ (Матѳея зач. 2-е или Луки зач. 5-е). Въ слѣдующей послѣ евангелія сугубой ектеніи три послѣднія умиленныя прошенія, тоже непосредственно относящіяся къ событіямъ 1812 года, слѣдовало бы замѣнить болѣе общими, въ томъ-же возвышенно умиленномъ духѣ. Молитва съ колѣнопреклоненіемъ къ Рожденному Спасителю, слѣдующая послѣ сугубой ектеніи, тоже какъ нельзя болѣе приличествуетъ празднику, когда языческіе волхвы, „вошедши въ домъ, увидѣли Младенца съ Марією Матерію Его и падши поклонились Ему, и принесли Ему дары: золото, ладанъ и смирну“ (Мо. 2, 11). Примѣнительно къ этому событію—поклоненію волхвовъ и пастырей и принесенію даровъ—слѣдовало бы измѣ-

пить начало нынѣшней молитвы, при всей своей умилительности и возвышенности, ярко проникнутой духомъ негодовація на враговъ, боли отъ претерѣнныхъ бѣдствій и вообще имѣющей чисто вромепный характеръ. Конецъ же молитвы („Утверди благословеніе Твое на Благочестивѣйшемъ Государѣ нашемъ“ и т. д. „Подаждь во благочестивой Его державѣ пастыремъ святыню, правителемъ судъ и правду“ и т. д. до конца съ цѣніемъ великаго славословія) прекрасенъ и навсегда можетъ увѣичать собою высокое торжественное настроеніе праздника. Отпустъ молебна лучше бы оставить праздничный („иже въ вертецѣ родившійся и во яслехъ возлегій нашего ради спасенія“...). Наконецъ, помѣщенное послѣ многолѣтія Государю и Царствующему Дому возглашеніе вѣчной памяти, ради торжества праздника, лучше бы опустить.

Милости Божіи, явленныя нашему отечеству, конечно велики и неизреченны. За нихъ мы должны всегда усердно благодарить Бога. Но Господь нашъ Иисусъ Христосъ родился на землѣ не для дарованія намъ земныхъ успѣховъ и побѣдъ, а для спасенія нашихъ душъ, для возведенія насъ отъ земли къ небу даже путемъ страданій и крестопошенія. Поэтому, какъ въ праздникъ Воскресенія Христова къ общему ликовацію христіанъ о побѣдѣ надъ смертію обыкновенно не прибавляется въ богослуженіи Св. Пасхи никакихъ частныхъ моленій изъ бытія человѣческаго, такъ и праздникъ Рождества Христова слѣдовало бы посвятить только на прославленіе рожденнаго Спасителя.

Прот. В. Л—кій.

Владыка перемѣнился.

Владыка Виталій своей епархіей былъ доволенъ. Удаленная отъ большихъ столичныхъ центровъ, населенная почти сплошь земледѣльцами, она даже въ горячую пору освободительнаго движенія сохранила спокойствіе и не знала тѣхъ ужасовъ и эксцессовъ, какими была полна жизнь нѣкоторыхъ

сосѣднихъ епархій. Былъ доволенъ владыка и подначальнымъ ему духовенствомъ. Попадали на владычній судъ мелкія ссоры духовенства съ прихожанами и между собою; не ладили кое-гдѣ сельскіе священники съ помѣщиками, но все это общей картины не составляло и улаживалось мирно и безъ шума. Но за то не было со стороны прихожанъ тѣхъ рѣзкихъ выпадовъ въ отношеніи духовенства, о какихъ сообщали газеты изъ другихъ епархій; не дала епархія ни одного рясофорнаго „освободителя“, такъ сильно подорвавшихъ авторитетъ духовенства. И когда одна изъ быстро взошедшихъ въ тѣ дни и также быстро закатившихся петербургскихъ звѣздъ, забѣжавъ, по дорогѣ на югъ, и въ мирный Мховъ, испытующе спрашивала Виталія, какъ живетъ его епархія, тотъ съ достоинствомъ и полнымъ спокойствіемъ отвѣтилъ: „спасается“.

Когда были произведены выборы въ Государственную Думу, губернія безъ особой агитаціи, довольно значительную часть голосовъ отдала духовенству, правда,—выбрала депутатовъ простыхъ и незатѣйливыхъ, не ораторовъ и не политическихъ трибуновъ.

— „У меня епархія смиренная и людей выбираетъ смиренныхъ“, говаривалъ владыка въ бесѣдахъ о выборахъ.

Духовенство было довольно своимъ епископомъ за его доброту, доступность и особенно славилло его за особое отношеніе къ лицамъ подсуднымъ.

Судебному столу,—самому страшному для духовенства,—въ консисторіи всѣ завидовали. „Судейцы“ приходили въ консисторію позже другихъ, пили чай, курили, мирно бесѣдовали и, повертѣвшись часъ-другой, за отсутствіемъ дѣла, уходили домой.

— За что вы деньги получаете?—спрашивали ихъ сосѣди сослуживцы.

— Какъ за что? за трудъ...

— Кто же у васъ что нибудь дѣлаетъ?

— Э, милые, за насъ владыка трудится, дай ему Богъ здоровья, отвѣчалъ столоначальникъ. Вотъ и сегодня по нѣ-

сколькимъ жалобамъ пришла резолюція: „вызвать обвиняемаго ко мнѣ, а если можно, то и жалобщиковъ“. Покричитъ, погромыхаетъ, помирить, гдѣ нужно, а насъ не беспокоить. Для дѣла такъ то лучше—все равно 99% всѣхъ нашихъ формальныхъ слѣдствій да судовъ ничѣмъ оканчивается,—только трата времени, да переводъ казенной бумаги.

Такъ то тихо жилось въ епархіи Виталія. Но ничто въ мірѣ не вѣчно, и не такъ-то, какъ кажется, прочно.

Пришлось и владыкѣ пережить за послѣдній годъ не мало тяжелыхъ минутъ. Въ одной изъ ходкихъ столичныхъ газетъ напечатана была хлесткая статья о епархіальномъ управленіи Мхова, гдѣ на голову старика епископа, между прочимъ, сыпались тяжелыя обвиненія, клевета и всякіе вымыслы. Не такъ огорчала епископа въ этой корреспонденці ложь, сколько правда, ложно понятая, неправильно истолкованная. Жаловался псевдонимъ на то, что епископъ Виталій грубъ съ духовенствомъ, кричитъ на него, всѣмъ говоритъ „ты“.

— Что жъ, отчасти это правда, думалъ Виталій. Но развѣ въ этомъ „ты“ я хотѣлъ показать пренебреженіе къ людямъ, обидѣть кого-нибудь? Нѣтъ. Проще себя чувствую, ближе, роднѣе, когда собесѣднику, какъ сыну, говорю „ты“. А не покричатъ на иного озорника какъ же можно? Иначе меня слушать и бояться не будутъ тѣ, для кого страхъ нуженъ: такъ не трудно распустить подчиненныхъ, потомъ сладу не будешь имѣть.

Жаловался корреспондентъ и на то, что архіерей отъ народа держитъ себя отчужденно, мирволицъ духовенству, не обращаетъ никакого вниманія на жалобы прихожанъ, какъ бы ни было зазорно поведеніе тѣхъ, на кого жалуются. И тутъ была доля правды,—сознавался епископъ,—и ему вспоминались сотни анонимныхъ писемъ, доносовъ, какіе опъ съ спокойнымъ сердцемъ, бросалъ въ свой неугасающій каминъ.

Способъ сношенія съ начальствомъ посредствомъ анонимныхъ писемъ, довольно развитой въ мѣстной первобытной

жизни, крайне огорчалъ владыку и до глубины души возмущалъ его прямую натуру.

— Не доволенъ на своего пастыря—приди скажи прямо и честно, а не изъ-за угла, какъ разбойникъ или тать въ пощи. Какое я имѣю право разстраивать человѣка, нарушать его личный и семейный покой по какому то доносу, не зная обвинителя?

Особенно грѣшили этимъ городскіе обыватели; чтобы вывести это зло, владыка принялъ за правило—письма, присланныя по городской почтѣ, не читая бросать въ каминь.

— Навѣрно доносъ, приговаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ. Кому нужно пусть потрудится посѣтить владыку и по-разказать о дѣлѣ лично.

Изъ этого выходило не мало курьезовъ и неприятностей: такъ, на епископа прогнѣвались и посчитали его гордымъ нѣкоторыя дамы патронессы (особенно докучливый народъ), не получивъ отвѣта на свои письма по благотворительнымъ и рекомендательно-протекціоннымъ вопросамъ.

Къ иногороднимъ письмамъ архіерей относился по иному—ихъ нельзя было не читать. Не мало у духовенства и паствы есть нужды и вопросовъ, которыхъ не расскажешь въ официальной бумагѣ, прошеніи или рапортѣ. Не отказывался владыка отвѣчать и на вопросы о духовной жизни, о предметахъ вѣры, съ какими обращались къ нему иные изъ духовныхъ чадъ. Но разъ поступало что нибудь подозрительное, безъ подписи, или съ вымышленной фамиліей, иногороднее письмо отправлялось все въ тотъ же каминь.

— Правъ ли я былъ,—раздумывалъ епископъ надъ судьбою такихъ писемъ. Порою, быть можетъ, была въ этихъ письмахъ сама истина, ревность о правдѣ Божіей; только робость, свойственная инымъ, быть можетъ помѣшала человѣку назваться по имени. Охъ, Виталій, не было ли тутъ и твоей лѣни, неохоты вникнуть въ дѣло, разобраться?

— „Кричать на подчиненное духовенство, на убѣжденныхъ сѣдинами старцевъ, на почтенныхъ представителей го-

родского духовенства, употреблять при этомъ даже ругательства—это у нашего епископа обычное явленіе“—живописаль корреспондентъ.

Это мѣсто статьи заставило епископа перебрать весь свой бранчивый лексиконъ и вспомнить главнѣйшія „крѣпкія“ слова. Поговорка: „съѣшь те комаръ“ была однимъ изъ употребительныхъ выраженій какъ гнѣва, такъ и восторга владычняго. Отъ милаго дѣтства, отъ повгородскихъ трясинъ привязался этотъ комаръ къ бурсаку Васѣ и, цѣпляясь за сюртукъ семинарскій, за фракъ учительскій, за монашескую рясу, мирно доползъ онъ и до архіерейской каюды.

— Ахъ, съѣшь те комаръ—какъ хорошо, не удержался владыка отъ восторга, сидя съ избранной городской знатью въ первомъ электрическомъ вагонѣ, прорѣзавшемъ тихія улицы Мхова.

— Что же ты, благочинный, забодай тебя комаръ, пропустилъ въ списокъ сироту? Знаешь ты, что Господь скажетъ тѣмъ, что сиротъ обижаютъ?—Сирота понадала въ списокъ попечительства и получала пособіе.

Maximum, до котораго поднимался термометръ архіерейскаго гнѣва, былъ „разбойникъ“, не часто, впрочемъ, употребляемый.

— Да я тебя, разбойника, въ деревню пошлю, если еще вздумаешь мнѣ по улицамъ полунощничать—такой угрозой разразился епископъ на своего любимца протодьякона за сущіе пустяки—за кашель. Извѣстно, что протодіаконъ—надъ всѣми діаконами діаконъ: всѣ діаконы относятся къ нему съ почтеніемъ и всѣмъ онъ либо кумъ, либо свать, либо просто пріятель и всегда желанный гость. Возвращаясь отъ кума діакона съ пирушки, о. протодіаконъ кашлянулъ на улицѣ по протодіаконски:—для оживленія ландшафта—оправдывался онъ передъ епископомъ; съ хмѣлю—какъ былъ увѣренъ архіерей. Громоносный кашель разбудилъ соннаго городского, поднялъ на ноги дворниковъ, напуганныхъ разговорами объ экспроприаторахъ. Испугавшись произведеннаго имъ „вселен-

скаго“ шума, протодіаконъ пустился было бѣжать и достигъ уже до границы—калитки соборнаго дома, но тутъ вспомнилъ, что по дорогѣ потерялъ стараго пріятеля—просто діакона изъ того же собора—человѣка стараго и на именинахъ достаточно изнемогшаго, и вернулся назадъ. Вокругъ діакона собралось уже цѣлое вѣче изъ городскихъ, дворниковъ, извозчиковъ, съѣхавшихся на исторію. Исторія не стоила выѣденнаго яйца, но вѣсть о діаконскомъ кашлѣ, съ надлежащими прикрасами, дошла и до архіерейскихъ покоевъ и вызвала гнѣвъ высшей марки. Но насколько гнѣвъ мучилъ потомъ владыку, настолько же успокоилъ самого протодіакона, увѣреннаго, что святительскій гнѣвъ, дойдя до высшей точки, въ дальнѣйшемъ ему ничѣмъ не грозитъ.

Размышляя надъ всѣмъ происшедшимъ, владыка постепенно успокоился, придя къ тому выводу, что во всемъ происшедшемъ онъ самъ виноватъ, сталъ даже раздумывать надъ тѣмъ, не пора ли ему старику, уступить мѣсто другому, болѣе молодому, который лучше сумѣетъ приспособиться къ новымъ требованіямъ.

— Пора и старымъ костямъ отдохнуть. Отъ вороховъ дѣловыхъ бумагъ, отъ суеты губернскаго города, съ парадами, торжествами, обязательными визитами, отъ всѣхъ бозпокойствъ труднаго и отвѣтственнаго дѣла переносилась мысль владыки туда, на югъ, въ Бирюковъ монастырь, облюбованный имъ, какъ мѣсто послѣдняго старческаго отдыха и послѣдняго упокоенія. Хорошо тамъ! Далеко отъ шума людскаго упрятались бѣлыя церковки монастыря, съ золотыми главами, за морщины горнаго кряжа. Внизу—у ногъ монастыря—то мирно шепчетъ, то шумитъ вѣчно живое, хлопотливое море: оно то заиграетъ чистой зыбью, то рванется высокою волною къ монастырю, то вдругъ, съ порывомъ вѣтра, зашумитъ и зарокочетъ волнами, разнося задумчивую мелодію, рассказывая непонятную и чудную сказку. А въ зимніе вечера, когда нахмурится море, слившись съ почернѣвшимъ небомъ, и суровымъ холодомъ обдастъ монастырскія стѣны, не разъ вспомнятся владыкѣ суровыя новгородскія зимы, на берегу рѣки Волхова, гдѣ такъ

радостно и счастливо протекало дѣтство Васи, въ бѣдной дячковской семьѣ. Туда бы поскорѣе на отдыхъ; тамъ отдаться Богу, суровому подвигу и молитвѣ, вмѣсто того, чтобы проводить жизнь въ суетѣ, просиживать долгіе вечера за бумагами, сухими и скучными, до полной усталости, до слѣпоты старческихъ глазъ.

Неумолимая дѣйствительность разсѣвала сладкія мечты владыки объ отдыхѣ: въ епархіи было начато нѣсколько полезныхъ и давно нужныхъ дѣлъ: реорганизовывался свѣчной заводъ, строилось новое зданіе для семинаріи, собирались средства на богадѣльню. Какъ все это бросить, оставить! Напортятъ; пожалуй, растащатъ, исказятъ дѣло, на которое истрачено было не мало и любви и труда.

Какъ ни раздумывалъ епископъ, какъ ни сладки казались мечты о тихой келліи въ тихомъ Бирюковомъ монастырѣ, нужно было отнять всякій поводъ къ дальнѣйшимъ нареканіямъ, газетнымъ обличеніямъ. Перемѣниться надо—рѣшилъ владыка, измѣниться въ обращеніи съ людьми: измѣниться къ лучшему и на старости лѣтъ не стыдно,—и епископъ сталъ понемногу измѣняться.

Владыка по прежнему былъ ласковъ и добръ, но все же въ немъ появилось что-то новое, чего прежде не было. Говорилъ онъ теперь всѣмъ „вы“, но говорилъ меньше, чѣмъ прежде, и рѣчь стала медленною—владыка слѣдилъ за собою чтобы не сказать чегонибудь суроваго и строгаго, не сказать „ты“ собесѣднику, не споткнуться о комара или разбойника. Перемѣна въ епископѣ не осталась незамѣченной, породивъ слухи, толки, разговоры; причинъ этой перемѣны указывалось много, но оцѣнка у всѣхъ была одна: суровъ и недоступенъ становился владыка: не знаешь, какъ и говорить теперь съ нимъ. Когда набѣдокурившій священникъ, одно изъ тѣхъ лицъ, которыя хотя не создаютъ исторіи, но непременно участвуетъ въ какойнибудь исторіи, хорошо знакомый съ тономъ и обращеніемъ епископа, предсталъ предъ владычніи очи и выслушалъ отъ него спокойный и холодный выговоръ,

съ обращеніемъ на „вы“, онъ рѣшилъ, что дѣло плохо, что владычней милости конецъ и не обойдется дѣло безъ участія консисторіа.

На литературномъ вечерѣ, устроенномъ семинаристами, владыка особаго удовольствія не проявилъ; даже любимая архіерейская пѣсня—„два гренадера“, съ искусствомъ исполненная лучшимъ семинарскимъ баритономъ,—мало разстрогала его. Какъ ни придвигался къ епископу ректоръ, надѣясь услышать выраженіе полнаго удовольствія—„комара“ не было,—и недоумѣвающе переглядывался о. архимандритъ съ инспекторомъ, пугливо разыскивая, гдѣ же причина владычняго неудовольствія.

Не обошлось безъ неловкости въ женскомъ духовномъ училищѣ, гдѣ прежде владыка былъ особенно ласковъ и привѣтливъ съ дѣтьми. Молчаливо посѣтилъ онъ нѣсколько классовъ; въ младшемъ обратился къ одной дѣвочкѣ съ вопросомъ: „а вы, барышня, сумѣете рассказать урокъ“ и этимъ вызвалъ среди дѣтей веселый, но совсѣмъ неумѣстный смѣхъ. „Вы“ было самое маленькое въ классѣ, было общей любимицей и, неувѣренное въ такомъ торжественномъ обращеніи къ себѣ епископа, лишь пугливо, какъ звѣрекъ, озиралось по сторонамъ, недоумѣвая,—меня или другого кого желаютъ спросить.

Измѣнилъ владыка и свое отношеніе къ анонимной корреспонденціи: какъ ни противно было его душѣ, онъ сталъ прочитывать такую корреспонденцію до конца, стараясь уловить и запомнить въ ней не столько дѣйствующихъ лицъ, на которыхъ валялись всякія небылицы, сколько общій тонъ, картину. Однако божь лицъ не обошлось; особенно запечатлѣлось въ памяти епископа имя о. Павла Богдавлевскаго. Въ отдаленномъ глухомъ уѣздѣ, вдали отъ архіерейскаго и консисторскаго надзора, жилъ о. Павелъ въ глухой деревушкѣ. Одни корреспонденты рисовали его торгашемъ и эксплуататоромъ, который широко раскинулъ сѣть паука и высасывалъ соки изъ цѣлой округи; другіе рисовали его, какъ отъявленнаго рево-

люціонера, возбуждавшаго народъ противъ помѣщиковъ, толкавшаго его на забастовки и неповиновеніе.

Послѣдняя жалоба на Богоявленскаго не была анонимной: горячо и открыто жаловался на о. Павла сосѣдній помѣщикъ, что онъ портитъ отношенія его съ крестьянами, вооружаетъ противъ него рабочихъ и наноситъ ему существенный матеріальный вредъ.

Дѣло было не шуточное, грозило вмѣшательствомъ свѣтскихъ властей, почему епископъ и сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ вызовѣ къ себѣ Богоявленскаго.

Когда о. Павелъ, измученный долгою дорогою и растревоженный неожиданнымъ вниманіемъ къ нему епископа, стоялъ у него въ пріемной, Виталій принялъ его внѣ очереди.

— Зови Богоявленскаго, сказалъ онъ келейнику; посмотримъ, что за Соловей-разбойникъ завелся у насъ въ епархіи.

Передъ епископомъ стоялъ заурядный сельскій священникъ; въ складкѣ губъ его сказывался сплыный, твердый характеръ, но онъ смягчался выраженіемъ глазъ, ласково и открыто глядѣвшихъ на епископа.

— На разбойника какъ будто и не похожъ, а можетъ быть хитрить, и епископъ повелъ дѣло издалека, желая вызвать самого Богоявленскаго на откровенность.

— Какъ живете, батюшка, что хорошаго у васъ?— спросилъ онъ священника, испытующимъ взоромъ разсматривая его фигуру.

— Живу, слава Богу, молитвами вашими; тружусь.

— А какъ, батюшка съ прихожанами? Нѣтъ ли недоразумѣній, непріятностей, ссоръ?

— Благодареніе Господу—живемъ мирно; дай Богъ того же и впередъ.

— Вражды ни съ кѣмъ не имѣете?

— Кажется нѣтъ.

— Какъ такъ—кажется?

— Повидимому, нѣтъ. Въ душу людскую не всегда заглянешь и узнаешь, что тамъ дѣлается. Быть можетъ, кто нибудь и недоволенъ, какъ узнать, всѣмъ ли угодилъ?

— А чѣмъ вы занимаетесь, батюшка?

— Какъ чѣмъ? Приходскимъ дѣломъ; веду небольшое хозяйство.

— А вотъ, отецъ, жалуются, что вы лавку завели, занимаетесь торговлей; матушку за приказчицу усадили, да и сами частенько въ лавку заходите. Правда-ли?

— Правда, владыко.

— Помилуйте, развѣ это занятіе для священника? Что васъ въ семинаріи развѣ не учили, что священнику, по канонамъ, за скверные прибытки и мірскія занятія полагается?

— Лавка не моя, владыко.

— А чья-же—матушки? Деньги то и мысль навѣрно ваши. Штука не хитрая, да бѣлыми витками она спята. Деньги даетъ батюшка, документы сдѣланы на жену, а барыши-то вмѣстѣ дѣлите? Первый случай въ моей жизни, чтобы священникъ на такія дѣла пускался. Позоръ для епархіи; въ газеты попадете—сраму на всю Россію надѣлаете. Вы объ этомъ думали? Нѣтъ, вы лавку оставьте, если хотите священствовать.

— Не могу, владыко.

— Какъ не могу—разъ я вамъ приказываю? Неужели вы не понимаете, что это занятіе конфузитъ и васъ и жену, что чрезъ него вы теряете уваженіе народа и къ себѣ и къ женѣ.

— Ни мало, владыко. Лавка-то—не моя и не жена, и барышей мы оттуда не получаемъ—лавка потребительская.

— По-тре бительская? Такъ вы такъ и сказали-бы. Но вы-то причемъ тутъ, и почему матушка должна сидѣть въ этой лавкѣ? Тутъ я чего-то не понимаю.

— Лавка эта принадлежитъ, владыко, крестьянамъ. Грамотныхъ людей у насъ въ селѣ мало, и не довѣряютъ крестьяне другъ другу; вотъ и пришлось матушкѣ сѣсть за

кассиру, а меня председателемъ выбрали,—не мало я повожился съ крестьянами, пока они согласились лавку открыть, не мало всякихъ непріятностей вынесъ отъ мірскихъ захребетниковъ и кулаковъ, пока втолковалъ крестьянамъ пользу такой лавки. Какъ же мнѣ теперь оставить дѣло?.. Доброе это дѣло, владыко, и напрасно злые люди хогять опорочить меня и удалить отъ него. Крестьяне—что дѣти,—нмѣ во всякомъ дѣлѣ помощь и опека нужны. Наладится дѣло—тогда мнѣ можно будетъ и въ сторонку отойти—самъ понимаю, что это не мое дѣло.

— Говоришь—дѣло хорошее—совсѣмъ инымъ тономъ заговорилъ епископъ. Да ты, отецъ, садись, да расскажи основательно о своей торговлѣ—это любопытная штука. Вотъ въ праздники у васъ тоже матушка за прилавкомъ сидитъ, когда въ храмъ служба то Божья идетъ?

— Въ праздникъ у насъ и совсѣмъ торговли нѣтъ—лавка закрыта. Конкуренты наши за годъ лавочки закрыли, осталась одна наша, вотъ мы и постановили въ праздникъ лавкѣ быть закрытой.

— А,—вотъ это хорошо! Да ты, о. Павелъ—добрый человекъ, а на тебя всякія небылицы взводятъ, торгошаемъ называютъ, ты даже и въ торговлѣ свою пастырскую линію ведешь. Одобряю, одобряю. Пасквили и доносы на тебя, вѣроятно, отъ конкурентовъ вашей потребительской лавки идутъ.

— Думаю отъ нихъ, владыко. Больно сердиты они на меня—вотъ и стараются сорвать гнѣвъ свой на доносахъ.

— Ахъ, ѣшь ихъ комаръ, думаютъ, что владыка до правды не доберется, всякой кляузѣ да доносу повѣрить.

— А позвольте, батюшка,—епископъ снова заговорилъ сухимъ, официальнымъ тономъ, отъ котораго жутко стало на душѣ у Богоявленскаго,—вотъ на васъ жалуется помѣщикъ, что вы ему забастовку устроили: тутъ выдумки навѣрно нѣтъ—вотъ смотрите подписано, человекъ-то видно не зря писалъ. Всюду вы должны вносить миръ, утишать страсти, а вы

крестьянъ на помѣщиковъ травите. Свѣтскія власти вмѣшались—знаете, чѣмъ все это пахнетъ для васъ и крестьянъ? Что у васъ съ помѣщикомъ вышло?

— Помѣщикъ у насъ, владыка, не живетъ и жалуется на меня со словъ управителя. Имѣніемъ правилъ нѣмецъ, а подручный у него Власенко—крестьянинъ, изъ тѣхъ, что понавши въ панство, забываютъ братство. Много зла онъ дѣлаетъ своему же брату—мужику, а особенно плохо приходится бабамъ. Давая работу, онъ думаетъ, что въ правѣ распоряжаться и душой, и тѣломъ рабочихъ. Кто изъ бабъ поупрямѣй, оказывается—надъ тѣмъ табельщикъ или приказчикъ во время работы съ арапникомъ стоитъ, да за малѣйшую оплошность арапникомъ по спинѣ прогуливается. Не человекъ, а звѣрь какой-то!

— А вы, батюшка, куда же смотрѣли, отчего не рассказали помѣщику о томъ, что у васъ дѣлается?

— Смотрѣлъ, ваше преосвященство; просилъ управляющаго; писалъ помѣщику—тотъ отѣтилъ, что я не въ свое дѣло вмѣшаюсь. И не одобровать бы этому приказчику—мужики глухо роптали и собирались съ Власенкой по своему расправиться, да случай такой выпалъ, что по иному все дѣло обернулось. Урожай въ прошломъ году былъ хорошій, рабочія руки дороги, и между помѣщиками большая конкуренція была, другъ передъ другомъ цѣну набивали. Разъ въ воскресенье, въ самый разгаръ полевыхъ работъ прибыли къ намъ посланные отъ нѣмца съ музыкой, подводами забирать рабочихъ въ поле. Старикамъ водки поставили, молодежи поларки стали раздавать, да музыкой забавлять,—такъ у насъ въ горячихъ случаяхъ на работу народъ закликаютъ. И рѣшилъ я тутъ воспользоваться случаемъ, съ мужиками потолковать. Приказалъ сторожу къ вечернѣ звонить, народъ собрать. Пожурилъ я мужиковъ за водку, что съ такою предупредительностію экономія привезла, напомнилъ обиды, какія чинилъ Власенко, и согласились мужики на работу къ помѣщику не идти, пока тамъ служатъ Власенко. Такъ ни съ чѣмъ и отѣхала отъ

насъ музыка, и водку пришлось везти въ сосѣднія села. На этотъ разъ мужики перехитрили приказчика: пока они собирались, пока толковали, верховые скакали уже по сосѣднимъ дѣревнямъ, и присоединились къ нашему рѣшенію всѣ ближайшіе сосѣди. Дѣло грозило помѣщику большими убытками, пришлось нѣмцу уважить нашу просьбу—уволить Власенко.

— Туда ему и дорога, заговорилъ епископъ. Какія вещи творятся на бѣломъ свѣтѣ! Во время крѣпостного права такія безобразія рѣдко случались—ужь на что лихое время было!

— Вотъ и вся забастовка, ваше преосвященство. Какъ умѣлъ, я старался зацѣпить моихъ духовныхъ дѣтей—за это меня Богъ не осудитъ.

— И я тебя не сужу. Только боюсь, какъ-бы злые люди твоего дѣла не перевернули, да въ ложномъ свѣтѣ не представили. Ну, да Милостивъ Богъ,-- все кончится по хорошему, только смотри—будь остороженъ. Ну иди съ Богомъ! Да матушкѣ отъ меня—коммерсантшѣ поклонись и благословеніе передай. Епископъ поднялся, показывая, что пріемъ окончился.

— Пстой, подожди, степъ, окликнулъ епископъ о. Павла, переступившаго уже порогъ пріемной. Вотъ тебѣ и мой пай на потребительскую лавку—запишешь за самымъ бѣднымъ мужикомъ. Какъ нибудь доберусь я до васъ, тогда посмотрю, какъ вы живете и какъ ты, отецъ, Божье дѣло правишь.

Ожидавшая съ нетерпѣніемъ мужа во дворѣ архіерейскаго дома жена засыпала о. Павла вопросами, хотя по лицу мужа узнала, что все обстоитъ благополучно.

— Зачѣмъ вызывалъ владыка? Нѣтъ ли непріятностей? Не сердится ли—говорятъ онъ теперь перемѣнился?

— Какое перемѣнился! началъ было сухо и официально, да не выдержалъ, по отечески заговорилъ и тебѣ кланялся. Душевный человекъ нашъ владыка, дай ему Богъ здоровья!

Свящ. В. Пестряковъ.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе¹⁾).

Третій предметъ, относящійся къ устроению внѣшней стороны жизни студентовъ, послѣ помѣщенія и стола,—одежда.

Одеждою мы снабжены были въ достаточномъ количествѣ, и одежда у насъ была очень приличная.

На первоначальную экипировку для студентовъ, присланныхъ на казенный счетъ, Правленія семинарій высылали въ Правленіе академіи опредѣленную сумму (—34 р. 28¹/₂ коп.) на каждаго. Такую же сумму должны были вносить въ Правленіе академіи и волонтеры, принятые въ число студентовъ, для сооруженія имъ такихъ же костюмовъ, какіе, при поступленіи въ академію, шили для казенныхъ студентовъ. Правленія семинарій должны бы дома, на мѣстѣ, шить приличные костюмы для тѣхъ студентовъ, которыхъ отправляли въ академію. Такъ и было въ прежніе годы, за нѣсколько курсовъ до нашего времени. Но выходило при этомъ большое разнообразіе въ костюмахъ: иначе и не могло быть, когда шьютъ въ разныхъ мѣстахъ и когда не было одной установленной формы для студентовъ. Чтобы не было этого разнообразія въ костюмахъ студентовъ, пріѣзжающихъ изъ разныхъ мѣстъ въ академію, и постановлено было, чтобы семинарскія Правленія не сами устроили костюмы для отправляемыхъ въ академію, а высылали въ Правленіе академіи деньги, на которыя академическое Правленіе шило одежду, для всѣхъ одинаковую.

Намъ шили и выдавали шинели съ капюшонами, изъ хорошаго свѣтлосѣраго сукна, съ фланелевою подкладкою. Такія шинели нынѣ извѣстны подъ именемъ николаевскихъ, и рѣдко на комъ можно встрѣтить нынѣ такую шинель, развѣ только у военныхъ. Эта шинель служила намъ четыре года и не изнашивалась. Иные изъ кончившихъ курсъ въ академіи

¹⁾ См. № 26-й за 1910-й г.

въ этой шинели являлись и на службу, будучи не въ состояніи соорудить себѣ новую, при опредѣленіи на должность.

Суконной сюртучной пары, въ теченіе четырехъ лѣтъ, мы получали двѣ смѣны,—одну въ началѣ перваго учебнаго года, другую—по переходѣ въ старшій курсъ. А въ послѣдній годъ, предъ окончаніемъ курса, намъ шили форменные фраки изъ темно-зеленаго сукна, въ которыхъ мы потомъ являлись на службу. Въ новоизготовленныхъ фракахъ мы выступали въ церковь на послѣдній молебенъ, по окончаніи учебныхъ занятій: такое приличіе предписывалось намъ преданіемъ прежнихъ лѣтъ.

Матерія на сюртуки и брюки пріобрѣталась доброкачественная, но невысокаго сорта; подкладка къ нимъ была плюстриновая. Желавшіе имѣть сюртуки лучшаго сорта входили въ сдѣлку съ портнымъ, и онъ соглашался устроить имъ сюртуки изъ лучшаго сукна и съ шелковою подкладкою, конечно, за плату, не безвыгодную для себя. По распоряженію Правленія, сюртуки должны были быть ниже колѣна, по крайней мѣрѣ на три вершка. Но многимъ не нравились такіе длиннополые сюртуки, и такіе просили портного шить для нихъ сюртуки болѣе короткіе. Портной съ охотою соглашался на такое требованіе, такъ какъ при этомъ ему оставался излишекъ матеріала, даннаго ему на длинный сюртукъ, и если сошьетъ онъ нѣсколько такихъ укороченныхъ сюртуковъ, то у него составитя порядочное количество не израсходованнаго матеріала. Изготовленные костюмы подвергались освидѣтельствуванію въ Правленіи. Если у кого немного укороченъ сюртукъ противъ указанной мѣры, начальство академическое не обращало на это вниманія. Если же у кого оказывался сюртукъ ужъ очень короткій, такого ректоръ могъ пожурить, и порядкомъ. Чтобы избѣжать строгаго выговора за нарушеніе формы въ одеждѣ, заказавшіе себѣ короткіе сюртуки являлись въ Правленіе для освидѣтельствванія сшитыхъ имъ костюмовъ въ чужихъ длинныхъ сюртукахъ, взявши ихъ у кого-либо изъ товарищей, и все сходило благополучно.

Для домашняго употребленія и для лѣта шилась одежда изъ легкаго сѣраго трико. Изъ этой легкой полуперстяной матеріи иные студенты заказывали шить себѣ лѣтніе сюртуки, а другіе длинные пальто безъ таліи. Короткіе нынѣшніе пиджаки тогда не были въ употребленіи. Въ такой одеждѣ они сидѣли въ номерахъ; такую одеждою пользовались, когда жили на дачѣ. Но ни въ городѣ, ни въ классъ въ ней не ходили.

Въ городѣ, въ церковь и въ классъ мы всегда ходили въ суконной сюртучной парѣ. Особеннаго верхняго платья для лѣта не выдавалось. Но иные изъ студентовъ на свой счетъ шили себѣ легкія накидки. Большею частью эти накидки были чернаго цвѣта; а иные студенты устроили себѣ накидки палевыя чесучевыя, и въ нихъ щеголяли по городу.

Намъ выдавали хорошія постельныя принадлежности,—байковое шерстяное одѣяло желтоватаго цвѣта, тюфякъ и двѣ подушки. Эти вещи, нами принятыя, дѣлались нашею собственностію, а когда по окончаніи курса мы уходили изъ академіи, мы могли брать ихъ съ собою. Когда я поступилъ на должность въ Кіевѣ, въ академіи же, въ первые годы эти постельныя принадлежности были у меня въ употребленіи, и я довольствовался ими.

Бѣлья и разныхъ мелкихъ принадлежностей туалета мы не получали натурою. На удовлетвореніе потребности этого рода намъ выдавали деньги, которыя тогда назывались контрактовыми, какое названіе удержалось за ними въ академіи и донынѣ. Такъ назывались онѣ потому, что выдавались предъ открытіемъ или по открытіи контрактной ярмарки, которая въ прежнее время начиналась послѣ 15 января и продолжалась около мѣсяца, а въ недавніе года перенесена на мѣсяць февраль. Открываясь нынѣ 1-го февраля, она по просьбѣ торговцевъ продолжается долѣе послѣднихъ чиселъ февраля, до 8-го или 10-го марта. Контрактowychъ денегъ намъ выдавали немного болѣе десяти рублей, но не каждый годъ одинаковую сумму. Предъ выдачею ихъ экономя представлялъ въ Правленіе академіи записку, въ которой показывалъ, сколько стоитъ

приобрѣтеніе намъ бѣлья и другихъ мелкихъ вещей, необходимыхъ для нашего домашняго обихода. Въ запискѣ его, кромѣ бѣлья, значились шляпа, галстукъ, карпетки, посовой платокъ, подтяжки, даже перчатки. Цѣны имъ показывались если не самыя минимальныя, то все-таки не очень щедрыя. Правленіе намъ выдавало на эту потребность столько денегъ, сколько, по расчету эконома, стоило бы ему приобрести всѣхъ указанныхъ вещей, если бы ему поручено было купить ихъ. Выдавъ намъ деньги, Правленіе не требовало отчета въ ихъ израсходованіи, то есть, не требовало, чтобы на такъ называемыя контрактковыя деньги покупали именно тѣ вещи, на какія онѣ ассигнованы. Оно предоставляло деньги въ наше полное распоряженіе: мы могли покупать на нихъ, что хотѣли, могли тратить ихъ на удовлетвореніе такихъ потребностей, о какихъ не упоминалось въ запискѣ эконома. Тѣ, которые не получали денегъ отъ родныхъ, на эти деньги покупали чай и сахаръ. Начальство академическое знало, что у каждаго студента есть свои личныя нужды, о какихъ не заявлялось Правленію, и вотъ оно выдачею контрактowychъ денегъ на руки студентамъ давало имъ возможность удовлетворять свои личныя нужды. Въ прежніе курсы, говорили намъ, выдача бѣлья и другихъ мелкихъ принадлежностей домашняго обихода производилась натурою, но студенты часто недовольны были приобретенными для нихъ экономомъ вещами. Они просили, чтобы вмѣсто вещей давали имъ деньги, а они сами купятъ то, что для нихъ нужно, и Правленіе охотно согласилось на это желаніе студентовъ, къ выгодѣ своей и къ выгодѣ студентовъ.

И обувью мы хорошо были удовлетворены,—всего не изнашивали, что намъ давали. Когда я поступилъ на службу, въ первый годъ не шилъ сапоговъ, а носилъ казенныя, полученные мною въ студенчествѣ. Только калошъ намъ не покупала. Кто хотѣлъ имѣть ихъ, тотъ долженъ былъ покупать ихъ на свои деньги.

Проф. *Василій Пьвницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

О христіанской прислугѣ у евреевъ.

Полтавскій епархіальный сѣздъ разсматривалъ вопросъ о воспрещеніи евреямъ нанимать въ услуженіе христіанъ, такъ какъ христіанская прислуга въ еврейскомъ домѣ по необходимости должна пренебрегать требованіями православнаго церковнаго устава. Депутатами сообщены были печальные случаи такого положенія православныхъ, состоящихъ въ услуженіи у евреевъ, когда они не могли попасть въ храмъ даже въ пасхальную ночь. Сѣздъ отнесся съ полнымъ вниманіемъ къ тяжелому положенію христіанъ въ центрахъ еврейства, но, не считая себя въ правѣ ходатайствовать объ опредѣленномъ законѣ, запрещающемъ евреямъ панимать христіанскую прислугу, сдѣлалъ постановленіе въ томъ смыслѣ, что пастырямъ необходимо приложить особливую заботливость къ убѣжденію родителей избѣгать найма своихъ дѣтей въ услуженіе къ евреямъ; кромѣ того, проситъ епархіальнаго преосвященнаго обратить вниманіе и приложить свой архипастырскій авторитетъ для огражденія религіозныхъ интересовъ христіанъ отъ крайней безцеремонности евреевъ (Совр. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Киевъ, 3-го іюля 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Киевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Ц.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 28.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года 11 іюля.

Содержаніе: I. Неотложная нужда. В. П.—II. Вступленіе маріавитовъ въ союзъ съ старо-католиками и посвященіе перваго маріавитскаго епископа. П. Петрушевскій.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.—IV. Забѣтка. Чего у васъ нѣтъ?

Неотложная нужда.

Значительный ростъ грамотности и просвѣщенія на Руси, какой мы видимъ въ послѣдніе годы, естественно порождаетъ на книжномъ и печатномъ рынкѣ умноженіе всевозможныхъ печатныхъ изданій—книгъ, журналовъ и газетъ, особенно послѣднихъ. На газетномъ рынкѣ, какъ грибы послѣ дождя, появились въ послѣдніе годы сотни газетъ самаго разнообразнаго направленія, на разную цѣну, съ разными цѣлями (прежде всего съ цѣлью наживы). Многія изъ нихъ зачахли и захирѣли, отцвѣли, не успѣвъ расцвѣсти, другія—прихлопнула администрація за вредное направленіе, наконецъ, третьи—оказались живучими, пришли по душѣ читателю. Въ этой послѣдней категоріи нарочитаго вниманія заслуживаютъ копеечные бульварные листки подъ различными наименованіями:

„Газета Копейка“, „Послѣднія Новости“ и др. На югѣ такіе листки, какъ и вообще большинство газетъ, издаются евреями. Направленіе этихъ листовъ—опредѣленное: въ религіозномъ отношеніи—отрицательное, въ политическомъ—ярко освободительное, въ нравственномъ—нечистоплотное и распущенное. Рубрикъ или главныхъ отдѣловъ въ такихъ газетахъ три: редакціонныя статейки по текущимъ вопросамъ и явленіямъ жизни, гдѣ кратко изложена квинтъ-эссенція по тѣмъ-же вопросамъ большихъ освободительныхъ газетъ, упрощенная для „народа“; телеграммы, тенденціозно подобранныя, и наконецъ,—романъ или повѣсть во вкусѣ Пинкертонна, съ развратомъ, продажною и убійствами, съ явной тенденціей угодить дурнымъ инстинктамъ и вкусамъ толпы. Одинъ опытный газетчикъ,—стрѣлянный воробей—на газетное дѣло потратившій многіе годы, объ этихъ копеечныхъ листкахъ высказывалъ намъ такое мнѣніе, что во главѣ ихъ стоитъ компанія лицъ, жертвующая ежегодно изъ собственнаго кошелька извѣстную сумму для достиженія опредѣленной цѣли: систематическаго „просвѣщенія“, въ освободительномъ духѣ, широкихъ народныхъ массъ. Безъ такой солидной денежной поддержки копеечныя изданія будто-бы не могли-бы существовать. Отъ другого литературнаго работника, безусаго юнца, дѣятельнаго сотрудника копеечной газетки, мнѣ пришлось однажды слышать, что въ этой газеткѣ платятъ за трудъ столько-же, сколько и въ большихъ ходкихъ газетахъ. Едва-ли поэтому можно думать, что такія газетки живутъ исключительно только на благотворительный счетъ; очевидно, что дѣла ихъ вообще идутъ недурно и копейками „Копейки“ составляютъ изрядныя суммы. Живя въ пригородномъ селѣ, гдѣ преобладающій элементъ въ просвѣтительномъ отношеніи—всего только простые грамотѣи, я наблюдаю, какимъ огромнымъ успѣхомъ пользуются среди простаго люда эти бульварные листки. „Копейку“ или „Послѣднія Новости“ можно встрѣтить чуть не въ каждомъ дворѣ, въ каждой лавченкѣ, подъ возомъ въ рукахъ у дремлющаго хохла, въ рукахъ золоторотцевъ, у богомольцевъ, везущихъ га-

зетку домой въ качествѣ самыхъ свѣжихъ міровыхъ общегосударственныхъ новостей. Знаю и такихъ читателей, которые отъ солидныхъ газетъ перешли на чтеніе бульварныхъ листковъ, благодаря ихъ дешевизнѣ. Успѣхъ такихъ изданій понятенъ. Грамотность въ народѣ дѣлаетъ большіе успѣхи, жажда на печатное слово—огромная, интересъ къ газетнымъ сообщеніямъ, благодаря войнѣ, смутѣ и Государственной Думѣ, отъ которой народъ ожидаетъ разныхъ льготъ и перемѣнъ, развился въ значительной степени. Между тѣмъ большія газеты не всякому по карману, да и пишутъ онѣ невразумительно и для полуграмотнаго читателя непонятно. А тутъ такое раздолье—всего за копѣйку цѣлый листъ самаго забористаго и сногсшибательнаго чтенія.

Попытку дать дешевое чтеніе въ видѣ газеты мы видѣли не только со стороны евреевъ и ихъ единомышленниковъ—лѣвыхъ. Принимались за это дѣло правыя организаціи, но, по свойственной русскому человѣку коммерческой неумѣлости, розни, а также травлѣ слѣва, такія газеты скоро прекращаютъ свое существованіе. Почаевская Лавра издаетъ „Почаевскій листокъ“, но онъ конкурировать съ бульварными листками не можетъ, такъ какъ предназначается для простыхъ читателей, имѣетъ въ виду спеціальныя мѣстныя нужды юго-западнаго края и имѣетъ характеръ не газеты, а скорѣе журнала, гдѣ ежедневнымъ текущимъ событіямъ жизни совсѣмъ мало удѣляется вниманія. Наконецъ, въ Кіевѣ, въ самый разгаръ освободительнаго движенія, началась было изданіемъ газета „Церковь и народъ“, но неумѣло и неопытно поведенная она скоро прекратила свое существованіе.

Успѣхъ, какимъ пользуются въ настоящее время дешевые бульварные листки, естественно долженъ бы наводить духовенство на мысль о томъ, чтобы воспользоваться этой формой печатныхъ изданій для того, чтобы давать народу здоровую духовную пищу религіозно-пресвѣтительнаго характера. Смущаться возможнымъ неудачами, намъ думается, нѣтъ основанія: сотрудники въ такомъ органѣ будутъ стоять дешевле,

чѣмъ въ свѣтскихъ изданіяхъ, такъ какъ сотрудники-пастыри не будутъ смотрѣть на это дѣло какъ на *исключительный* источникъ заработка, многіе даже бесплатно будутъ трудиться для полезнаго дѣла.

Не смотря на всѣ, самыя неблагопріятныя условія, духовенство массу труда вкладываетъ въ дѣло народнаго образованія; благодаря церковно-приходскимъ школамъ, десятки тысячъ дѣтей ежегодно получаютъ грамотность, чѣмъ открывается доступъ къ книгѣ, газетѣ. Не лежитъ-ли на насъ прямой долгъ продолжать свою просвѣтительную дѣятельность и за стѣнами школы—дать въ руки обученныхъ нами читателей надлежащій печатный матеріалъ, особенно если мы видимъ, въ какую вредную сторону направляются мысли и чувства малокультурныхъ читателей современными газетами.

В. П.

Вступленіе маріавитовъ въ союзъ съ старо-католиками и посвященіе перваго маріавитскаго епископа.

I.

Въ прошломъ 1909 году совершилось крупное событіе въ жизни маріавитовъ, именно—они вступили въ союзъ съ старо-католиками и для нихъ посвященъ былъ свой, маріавитскій епископъ. Интересно ближе познакомиться съ этимъ событіемъ: оно вводитъ насъ во внутреннюю жизнь маріавитства и даетъ понятіе о характерѣ этого движенія. Правда, корреспондентъ-маріавитъ, сообщающій объ этомъ событіи, даетъ слишкомъ восторженный отзывъ о старо-католикахъ, но подобные отзывы и характеризуютъ вождей маріавитства.

До избранія епископа и союза со старо-католиками маріавитское движеніе развивалось собственными силами. Яростно преслѣдуемое, осмѣиваемое и поносимое „правовѣрными“ католиками, оно однако безостановочно росло количественно и

укрѣплялось духовно. Какъ ни изощрялась „правовѣрная“ католическая печать, какъ ни усердствовали слѣпые рабы папы римскаго въ инсинуаціяхъ на вождей и исповѣдниковъ маріавитства, послѣднее однако находило себѣ все больше сочувствія въ самомъ польскомъ обществѣ ¹⁾. Горячее религиозное одушевленіе маріавитовъ, ихъ стремленіе къ устройству жизни на началахъ строго евангельскихъ и вмѣстѣ первобытнаго вселенскаго православія и къ отрѣшенію отъ позднѣйшихъ наслоеній воинствующаго римскаго католицизма не могли не вызвать себѣ сочувствія и въ средѣ нашего православнаго русскаго народа, не могли не привлечь къ себѣ благосклоннаго вниманія и одобренія со стороны нашей высшей іерархіи. Тѣмъ, кто слѣдилъ за развитіемъ маріавитскаго движенія, бросался въ глаза одинъ недостатокъ, который не могъ не отражаться даже нынѣ весьма неблагопріятно на судьбѣ этого движенія, а въ будущемъ могъ еще болѣе затруднить его развитіе и пожалуй—дать другое ему направленіе: это неизмѣнне своего епископата. Сами маріавиты считаютъ епископаты въ Церкви необходимымъ. Интереснымъ было то, откуда они достанутъ его. Теперь сама жизнь рѣшила этотъ вопросъ. Маріавиты вступили въ союзъ съ старо-католиками и получили епископа, рукоположеннаго Утрехтскимъ архіепископомъ, отъ предшественника котораго получила начало и вся іерархія старо-католиковъ.

Чтобы судить о тѣхъ внутреннихъ основаніяхъ, которыя привели маріавитское движеніе въ русло старо-католицизма, а равно и о томъ характерѣ, который приметъ маріавитство въ будущемъ, мы сообщимъ здѣсь о международномъ Вѣнскомъ конгрессѣ 1909-го года и о рукоположеніи кс. Яна Коваль-

¹⁾ Въ Варшавѣ, Варшавской, Петроковской, Кѣлецкой, Ломжинской, Сѣдлецкой и др. губервіяхъ Польши появились въ значительномъ числѣ маріавитскія организаціи. Случайныя извѣстія показываютъ успѣхъ маріавитскихъ идей и во всемъ юго-и западно-русскомъ краѣ.

скаго въ санъ епископа, основываясь на извѣстіяхъ изданія „Wiadomos'ci Maryawickie“.

Въ концѣ августа 1909 г. генеральный администраторъ союза маріавитовъ кс. Янъ Ковальскій получилъ приглашеніе отъ о. Аманда Чеха, бискупа—номинатъ Австрійскихъ старо-католиковъ на международный старо-католическій конгрессъ въ Вѣнѣ. Ксендзъ Янъ Ковальскій рѣшилъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ, и совмѣстно съ двумя священниками маріавитами, кс. Романомъ Прохнѣвскимъ и кс. Леономъ Голембювскимъ, отправился въ 1-хъ числа сентября въ Вѣну, чтобы тамъ присмотрѣться ближе къ тому движенію, которое нынѣ обнимаетъ почти всѣ края Германіи и Австрія, и даже Швейцаріи, Голландіи, а отчасти Франціи, Англіи и Сѣв. Америки.

О старо-католикахъ, говоритъ авторъ сообщеній, мы имѣли дотолѣ свѣдѣнія изъ источниковъ римско-католическихъ. Въ этихъ источникахъ говорилось много о гордости и заносчивости старо-католическихъ вожаковъ, объ ихъ невѣрїи, индифферентизмѣ и склонности къ протестантизму; объ отдачѣ себя подъ покровительство правительствамъ, о преслѣдованіи ими церкви римско-католической и т. п. Прошедши сами черезъ огонь клеветы и преслѣдованія со стороны папы, іерархіи и католическаго народа, мы не могли повѣрить, чтобы упреки, дѣланые старо-католикамъ, были справедливы, тѣмъ болѣе, что поводъ къ ихъ отпаденію, которымъ было провозглашеніе догмата папской непогрѣшимости, достаточно свидѣтельствовало о благородствѣ ихъ цѣлей и стремленій. Мы однако рѣшили изучить это движеніе на мѣстѣ, къ чему совѣщанія конгресса и присутствіе на нихъ старокатолическихъ епископовъ давали прекрасный случай. Теперь мы должны удостовѣрить, что то, что мы видѣли, превзошло всякія наши ожиданія.

Первое, что должно было поразить каждаго посторонняго чловѣка на этомъ конгрессѣ, была любовь всѣхъ его участниковъ къ Спасителю. Всѣ рѣчи, всѣ пренія и разсужденія запечатлѣны были любовью Христовою. Въ преніяхъ какъ епископовъ, такъ и ксендзовъ и свѣтскихъ лицъ золотой

нیتیю вилась любовь ко Христу и сердечнос, стпхійное къ Нему стремленіе.

Ужь это одно было выразительнымъ доказательствомъ, что эти люди связаны со Христомъ и что Христосъ живетъ въ нихъ и среди нихъ, по обѣтованію Самого Спасителя: „гдѣ два или три собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ“.

Но этого мало. Участники старо-католическаго конгресса проявляли на каждомъ шагѣ необычайную любовь къ ближнему, —этотъ вѣрный признакъ истинныхъ учениковъ Спасителя. „Чрезъ то познають люди, что вы ученики Мои, если вы любовь будете имѣть между собою“. Любовь эта запечатлѣваетъ всѣхъ ихъ. Ею одушевляются епископы во взаимныхъ отношеніяхъ между собою, съ духовенствомъ и вѣрными; ею руководствуются священники (карлани), ею управляются вѣрные.

А изъ этой любви, продолжаетъ наблюдатель маріавитъ, рождается дивная простота и сердечность въ обращеніи. Въ епископахъ ты не найдешь той заносчивости и важности, какая характеризуетъ епископовъ римско-католическихъ, этихъ цановъ и князей земныхъ, одѣтыхъ въ бархатъ и порфиру и привыкшихъ повелѣвать. Старо-католическіе епископы—это искренніе и сердечные друзья, которые какъ бы забыли о томъ, что они—сановники, соединяются съ капланами и народомъ на публичныхъ бесѣдахъ и собраніяхъ, ведутъ оживленныя разсужденія, а тактомъ, ученостію и разсудительностію своею отлично способствуютъ истинному торжеству Евангелія въ сердцахъ своихъ пасомыхъ (овечекъ), которые безъ всякаго принужденія, добровольно и съ убѣжденіемъ принимаютъ ихъ руководство и совѣты.

Подобныя же качества, по наблюденіямъ автора, отмѣчаютъ каплановъ и народъ. На каждомъ шагѣ видны высокая культура, уваженіе достоинства другого, простота и прямодушіе во взаимномъ обращеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ искренность и важность въ преніяхъ, которыя исчерпываютъ предметъ до

дна, не оставляя ни одного спорнаго вопроса не разрѣшеннымъ и не обсужденнымъ.

Смотря на эти свѣтлыя и улыбающіяся лица, брызжущія счастьемъ и внутреннимъ миромъ, ты долженъ будешь признать, что это—истинные исповѣдники Христовы, которыхъ Спаситель исполнилъ истиннымъ счастьемъ и душевнымъ покоемъ, какого міръ дать не можетъ.

Все это исполнило насъ, говорить мариавить, радостью. Обрѣли мы истинныхъ христіанъ, любящихъ Христа и ищущихъ путей къ большому единенію съ Нимъ. Увидѣли мы истинныхъ пастырей, которые снисходятъ до понятія способностей своихъ вѣрныхъ и, не возносясь надъ ними, стали „образомъ стаду“. Нашли мы, наконецъ людей интеллигентныхъ и культурныхъ, въ полномъ смыслѣ этого слова,—людей, для которыхъ не чужды никакія, хотя бы самыя высокія и самыя новыя приобрѣтенія науки и культуры.

Доказательствомъ этого служить тотъ фактъ, что всѣ рефераты, читанные на конгрессѣ, были ведены въ тонѣ строго-научномъ и серьезномъ,—и нужно удивляться, съ какимъ вниманіемъ и усердіемъ слушатели, къ числу которыхъ принадлежало и значительное количество женщинъ, по нѣсколькимъ часамъ слушали эти серьезные, научныя изложенія и разсужденія.

Конгрессъ длился 3 дня: 7, 8 и 9 сентября. Въ теченіе этихъ трехъ дней было прочитано и обсуждено 10 религіозно-научныхъ рефератовъ, произнесено множество рѣчей, устроено нѣсколько прогулокъ и общихъ собраній—и все это съ образцовымъ спокойствіемъ и согласіемъ, подобныхъ которымъ нельзя встрѣтить въ нашей Польшѣ (*pols'kiej ziemi*).

Главный предметъ и существо конгресса составляли *рефераты*. Ихъ произносили: бискупъ, нѣсколько каплановъ и свѣтскихъ лицъ. Въ разсужденіяхъ, происходившихъ по поводу этихъ рефератовъ, принимали участіе выдающіеся члены съѣзда—духовные и свѣтскіе,—доказательство того, какъ тамъ

всѣ интересуются религіозными предметами и какъ эти предметы живо ихъ занимаютъ.

Самый первый ораторъ—ихъ епископъ *Эдвардъ Герцогъ* изъ Берна, въ Швейцаріи, проф. старо-католическаго богословскаго факультета при Бернскомъ университетѣ, защищалъ тезисъ, что духовныя римско-католическія лица, которыя принимаютъ старо-католицизмъ, не могутъ быть допущены ни до какихъ, ни учительскихъ ни пастырскихъ обязанностей въ старо-католической церкви, пока прежде они не пройдутъ обученія въ старо-католическомъ институтѣ. Ораторъ съ большою ясностью и ораторскою непринужденностью показалъ, что казуистика, къ какой пріучается римско-католическая молодежь въ духовныхъ школахъ, и сверхъ того принципъ абсолютизма и папской непогрѣшимости совершенно вытравливаютъ въ ней мысль и здравое сужденіе о вещахъ, а потому необходимо дать этимъ людямъ новое воспитаніе и образованіе, начиная съ основъ, чтобы они могли быть полезными учителями истины и руководителями народа. Краткая рѣчь, по своей ясности, точности и изящной формѣ—выдѣлялась среди другихъ, поэтому была награждена обильными аплодисментами и принята безъ всякихъ споровъ.

Другой ораторъ, кс. *Готфридъ Рейнкенсъ*, пробощъ (probst) изъ Пассау, на основаніи Св. Писанія и Преданія Церкви, доказывалъ, что всякая церковь, которая приписываетъ себѣ христіанское имя, не должна заниматься политикою, ни также стремиться къ значенію политическому или мірскому на землѣ. Единственной цѣлью христіанской церкви должно быть посредничество между человѣкомъ и Христомъ, способствованіе людямъ въ ихъ спасеніи, ихъ моральномъ подъемѣ и совершенствованіи при помощи Евангелія. И этотъ рефератъ, показывающій, какое высокое понятіе имѣютъ старо-католики о задачахъ христіанской Церкви, принята безъ споровъ.

Слѣдующій ораторъ, кс. *Вильгельмъ Ширмеръ*, пробощъ (probst) Констанцскій, произнесъ рефератъ, въ которомъ весь-

ма логично и фактически доказывалъ, что христіанство, какъ чистое и возвышенное ученіе Христово, не можетъ быть считаемо за устарѣлое учрежденіе или доктрину, не отвѣчающую духу времени,—такъ какъ христіанство не подавляетъ прогресса человѣчества, не задерживаетъ научныхъ изслѣдованій и не противникъ выводамъ свободной и основанной на фактѣ науки.

Въ ряду другихъ рефератовъ выдѣляются своимъ содержаніемъ два. Первый изъ нихъ въ простой и ясной рѣчи доказывалъ необходимость отдѣленія Церкви отъ государства. Такъ какъ свободный и независимый христіанизмъ легче и вѣрнѣе достигаетъ своихъ религіозныхъ и моральныхъ цѣлей, нежели христіанизмъ зависимый и со связанными руками, то поэтому нельзя отвергать принципъ отдѣленія Церкви отъ государства. Объ этомъ предметѣ завязался длинный споръ. Разные ораторы высказывали мнѣнія относительно условій, въ которыхъ Церковь находится въ ихъ краяхъ. Однако при послѣднемъ голосованіи принятъ большинствомъ голосовъ принципъ раздѣленія Церкви и государства. Ораторы, здѣсь по словамъ наблюдателя маріавита, со всею горячностью отстаивали раздѣленіе Церкви и государства, не боясь голода или недостатка, не заботясь о значеніи въ мірѣ, лишь бы только имѣть свободу познанія и распространенія св. Евангелія и устройства жизни по его указаніямъ.

Другой ораторъ доказывалъ, что Церковь христіанская призвана не только ко спасенію душъ, но и къ заботамъ о временномъ счастьѣ своихъ вѣрныхъ; поэтому она должна прежде всего имѣть заботу объ убогихъ и прилагать всякія усилія для христіанскаго разрѣшенія вопроса соціальнаго.

Уже изъ этого бѣлаго содержанія рефератовъ, говоритъ корреспондентъ „Wiadom. Mariawickie“, видимъ, какіе важные вопросы занимаютъ этихъ людей, какою жизнью живутъ ихъ церкви, какъ всѣ они въ этой жизни принимаютъ дѣятельное участіе.

Кромѣ научныхъ рефератовъ, въ программу дѣятельности конгресса входили богослуженія, проповѣди и бесѣды въ храмѣ.

Ежедневно съ утра совершалась св. месса вмѣстѣ съ личнымъ поученіемъ. Св. месса, какъ и инныя службы общественнаго богослуженія, совершаются на народномъ языкѣ. Одни только старокатолики въ Голландіи — за немногимъ исключеніемъ — отправляютъ св. мессу по латынѣ. Но и они въ ближайшемъ будущемъ введутъ въ литургіи языкъ народный, какъ это уже у нихъ практикуется при совершеніи всѣхъ другихъ богослуженій и св. таинствъ.

Насколько мы, продолжаетъ корреспондентъ-маріавитъ, въ публичныхъ собраніяхъ, въ прочитанныхъ съ кафедры трактатахъ замѣтили въ участникахъ конгресса глубокую ученость, истинную европейскую культуру и великую любовь къ ближнему, — настолько же въ храмѣ мы могли наблюдать ихъ вѣру и искреннюю набожность. Трудно было удержаться отъ душевнаго волненія, когда приходилось видѣть, съ какимъ смиреніемъ и горячей вѣрой эти состарѣвшіеся въ служеніи Богу капланы отправляли св. мессу, призывали въ ней благодать Св. Духа, или бесѣдовали съ собравшимися.

Церковка Вѣнскихъ старо-католиковъ маленькая, съ входомъ со двора, скопленіе въ ней народа и важность на лицахъ, тишина, которая прерывается громкими словами молитвъ, произносимыхъ капланомъ при алтарѣ, общее унисонное пѣніе, которое по временамъ прерывается тишиной, — все это живо напоминало первые вѣка христіанства. Получалось впечатлѣніе, что къ этимъ алчущимъ милости и любви Божіей сердцамъ — эта милость нисходитъ преизобильно, чтобы потомъ сопровождать ихъ не только въ конгрессовыхъ совѣщаніяхъ, но и во всей жизни.

Поэтому, по словамъ автора, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что люди, которые такъ молятся и съ такою вѣрою совершаютъ св. мессу, — ничего не берутъ за духовныя требы. Извѣстно, что церковь старо-католическая въ Австріи не поль-

зуются никакимъ покровительствомъ правительства. Однако же—лишенные правъ церкви, родной для австрійцевъ, высмѣиваемые и признаваемые за еретиковъ у господствующаго во владѣніяхъ Габсбурговъ римскаго католицизма, не имѣя никакихъ постоянныхъ доходовъ—старо-католическіе капланы въ Австріи исполняютъ повелѣніе Христа: „даромъ получили, даромъ давайте“. Уже этого одного достаточно, чтобы уважать ихъ, какъ истинныхъ учениковъ Христовыхъ, а церковь ихъ, какъ истинную овчарню Божія Пастыря.

Кромѣ общихъ засѣданій, на конгрессѣ происходили особыя засѣданія нѣкоторыхъ корпорацій, какъ, напр., *товарищество старо-католической молодежи*, или *уніи Австрійскихъ старо-католиковъ*. На засѣданіи этой послѣдней присутствовали и мы. Задачей уніи служить распространеніе старо-католицизма въ Австріи. Унія закладываетъ новые посты миссіи, поддерживаетъ ихъ своими жертвами, помогаетъ сооруженію новыхъ храмовъ и т. п. На собраніи давались отчеты о приходахъ и расходахъ и обсуждались иные вопросы, касающіеся задачи товарищества. Руководилъ этими совѣщаніями епископъ о. Амандъ Чехъ. Мы удивлялись свѣтлости его лица, такту, кротости и терпѣливости, съ какими онъ руководилъ разсужденіями, исчерпывая каждый вопросъ, каждый самый мелкій пунктъ до дна, чтобы удовлетворить требованіямъ всѣхъ связанныхъ узами товарищества и всѣмъ дать возможность высказать свое мнѣніе.

Какая огромная разница, говоритъ корреспондентъ маріавитскаго органа, между этимъ скромнымъ, полнымъ простоты начальникомъ и нашими бискупами... Этотъ нисходитъ до своихъ подчиненныхъ, позволяетъ имъ высказать свое мнѣніе, выразить свое страстное желаніе, хочетъ сообщая съ ними составить постановленія, касающіяся общаго всѣмъ блага, а тѣ, напротивъ, убѣжденные въ своей непогрѣшимости въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ, на подобіе папы во всей церкви, не выносятъ сужденія, не согласнаго съ ихъ мнѣніемъ, не любятъ сообщаться съ низшимъ духовенствомъ, окружаютъ

себя только кликой льстецовъ, которыхъ льстивыя рѣчи замѣняютъ для нихъ все.

Старо-католическіе конгрессы имѣютъ ту особенность, что одновременно съ ними собираются епископы на *конференціи* (соборы): хотя старо-католицизмъ, слѣдуя древнѣйшему преданію, признаетъ полную свободу и автономію отдѣльныхъ церквей, однако между бискупами тѣхъ церквей существуетъ такое единство и любовь, что они не предпринимаютъ ничего болѣе важнаго безъ согласія съ другими. Такимъ образомъ, на своихъ конференціяхъ бискупы совѣщаются о дѣлахъ своихъ церквей и бесѣдуютъ о разныхъ вопросахъ, касающихся всей Церкви.

Епископскія конференціи не относятся къ программѣ конгрессовъ и совершаются отдѣльно. Они гораздо важнѣе конгрессовыхъ преній и имѣютъ въ нѣкоторомъ родѣ характеръ соборовъ (*synodow*).

Прибытіе делегатовъ *церкви мариавитской* на конгрессъ было событіемъ первостепенной важности, и, конечно, нужно было ожидать, что епископы пожелаютъ услышать отъ нихъ, мариавитовъ, подробныя свѣдѣнія объ этомъ молодомъ, но уже столь громкомъ движеніи въ Церкви вселенской.

Дѣйствительно, мы въ первый же день по прибытіи въ Вѣну получили приглашеніе на конференцію.

Три раза собирались епископы съ нами и въ продолжительныхъ бесѣдахъ спрашивали о подробностяхъ, касающихся началъ нашего движенія, принциповъ нашей жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ организаціи, развитія и распространенія цѣлаго союза.

Въ этихъ разговорахъ имѣли мы случай удостовѣриться, что старо-католическія церкви вѣрно держатся принципа св. Викентія Леринскаго, который гласитъ: „что всегда, что всюду, что всѣми было принято, это только и есть истинно католическое“¹⁾.

¹⁾ „Quod semper, quod ubique, quod ab omnibus creditum est, id vere catholicum esse“.

На основаніи этого принципа, старо-католическія церкви касательно вѣры наблюдаютъ, чтобы всѣ искренно принимали и исповѣдывали тѣ истины вѣры, которыя были опредѣлены на первыхъ семи вселенскихъ соборахъ, когда Церковь христіанская еще не была разорвана расколомъ. Всѣ позднѣйшія опредѣленія и догматы, установленныя не въ цѣлой вселенской Церкви, но болѣе или менѣе въ отдѣльныхъ церквахъ, уважаются какъ миѣнія или богословскія положенія, но никакъ не догматы, которые бы должны быть исповѣдуемы подъ опасеніемъ потери спасенія и всеобщаго единства.

Это положеніе хорошо объясняетъ другой принципъ, всюду принятый въ Церкви: „въ предметахъ необходимыхъ единство, въ сомнительныхъ—свобода, а во всѣхъ—любовь“ ¹⁾. Этого принципа вѣрно держаться старо-католическія церкви.

Также, что касается церковной дисциплины, то у нихъ принимаются за основанія, съ одной стороны, преданіе апостоловъ и первыхъ вѣковъ Церкви, а съ другой—свобода каждой церковной провинціи или каждой отдѣльной церкви, которая устанавливаетъ себѣ такіе или иные законы, сообразно мѣстнымъ условіямъ и свойствамъ народа.

Такъ, напр., выходя изъ этихъ данныхъ, старо-католическія церкви имѣютъ свой особенный взглядъ на *целибатъ или безженство духовныхъ*. Они не отвергаютъ целибата, напротивъ, нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., церковь Утрехтская въ Голландіи и польская народная церковь въ Америкѣ, целибатъ принимаютъ. Однакожъ они не навязываютъ его всѣмъ безусловно. Въ этомъ отношеніи они оставляютъ другимъ свободу, разумно утверждая, что далеко лучше будетъ, когда духовные будутъ жить прилично въ состояніи брачномъ, нежели, какъ это есть въ римско-католической церкви, они будутъ проводить жизнь извращенно и соблазнительно, ибо ничто не можетъ быть прекраснѣе въ жизни христіанской, какъ вѣрно сохраняемая чистота, и наоборотъ, ничего нѣтъ позорнѣе, какъ

¹⁾ In necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus claritas.

безиравственностъ и распущенностъ, особенно въ капла-
нахъ.

Конференція съ бискупами, участіе въ совѣщаніяхъ кон-
гресса, соблюденіе взаимнаго уваженія и взаимной связи ино-
странныхъ особъ, наконецъ, внимательное чтеніе катехизиса
старо-католическаго убѣдило насъ, что старо-католическая цер-
ковь сохранила неискаженную, истинную вѣру католическую.
Такимъ образомъ оказалось, что взгляды и стремленія наши
сошлись со стремленіями старо-католическими, и что мы прак-
тически, не условливаясь напередъ, дошли въ большихъ ве-
щахъ до тѣхъ самыхъ слѣдствій, до которыхъ и они дошли.
Это было для насъ доказательствомъ того, что Христось, какъ
истинный Пастырь Своей Церкви, невидимо управляетъ Своей
паствой, разсѣянной по всему свѣту.

Послѣ всего этого намъ ничего болѣе не оставалось,
какъ только заключить унію съ церковью старо-католической.
Унія эт. уже фактически существовала; завязалъ и стянулъ
се Высочайшій Пастырь душъ людскихъ Христось, приведши
обѣ церкви къ тѣсному единству въ Богѣ. Теперь пужно было
этому внутреннему сродству дать внѣшнее выраженіе, чтобы
единеніе, высказанное и подтвержденное вовнѣ, укрѣпило ряды
вѣрныхъ исповѣдниковъ Христовыхъ.

И вотъ въ жизни нашей Церкви совершился фактъ вы-
дающійся. Маріавитскіе епископы, какъ представители цѣлой
церкви—съ одной стороны, а епископатъ старо-католическій—
съ другой—*заключили взаимную унію*, соединились въ Богѣ
для осуществленія общими силами спасенія и осчастливленія
людей.

Плодомъ этого согласія было единогласное постановленіе
старо-католическаго епископата—дать епископское посвященіе
избранному капланами и народомъ въ этотъ санъ кс. Яну
Ковальскому, Генеральному Администратору Союза Маріави-
товъ.

Опредѣленіе это состоялось въ концѣ совѣщаній кон-
гресса. Послѣ этого кс. Янъ Ковальскій произнесъ къ со-

бравнымъ на конгрессѣ рѣчь, въ которой онъ напиралъ на твердость нашего соединенія со старо-католической церковью.

„Мы, администраторы (ministrowie) маріавитской церкви,—говорилъ ораторъ,—пріѣхавъ на этотъ конгрессъ и внимательно наблюдая всѣ дѣйствія, пришли къ убѣжденію, что вы, достойнѣйшіе епископы, истинные пастыри Христовой Церкви, а вы, достойные уваженія слушатели, истинныя овцы стада Христова.

„Убѣдила насъ въ этомъ та взаимная любовь, которую мы видѣли въ достопочтенномъ епископатѣ и всѣхъ собравшихся и которая есть непогрѣшимый признакъ Духа Св. Убѣдила насъ особенно та любовь, съ какою вы приняли насъ, маріавитовъ, безъ какихъ-либо съ нашей стороны объясненій, насъ, оклеветанныхъ римско-католической церковію въ нашемъ собственномъ отечествѣ и по всему свѣту и считаемыхъ какъ бы выкидышами общества.

„Поэтому мы заявляемъ, что мы съ вами соединены любовью, которой ничто разорвать не можетъ, ибо одна только есть вещь, которая могла бы разорвать это единство, — это — отступленіе отъ Христа. Но мы уповаемъ, что это никогда не случится: если насъ не могли оторвать отъ Христа ни преслѣдованія по всему свѣту іерархіи римско-католической, ни кровавыя нападенія, учинявшіяся противъ насъ, такъ что народъ маріавитскій во многихъ мѣстностяхъ долженъ былъ долгое время укрываться въ лѣсахъ и трущобахъ, ни все наше отечество, усиливавшееся оторвать насъ всякими способами отъ служенія Христу, то мы имѣемъ надежду, что уже ничто не въ состояніи оторвать насъ отъ любви Господа Нашего Христа, а вмѣстѣ съ тѣмъ надѣемся, что мы останемся съ вами навсегда въ единеніи.

„Церковь римско-католическая хочетъ соединить всѣхъ въ папѣ. Но есть только Одинъ, Котораго Отецъ Небесный постановилъ краеугольнымъ камнемъ и основаніемъ Своей Церкви,—Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій. Въ Немъ угодно было Отцу соединить все, Онъ Самъ есть постановленный

Господомъ и Царемъ всего круга земного, Ему весь міръ имѣеть воздать надлежащее поклоненіе.

„А посему просимъ васъ, высокопочтеннѣйшіе отцы епископы и достоуважаемые слушатели, молить за насъ, чтобы мы пребывали въ любви Христовой, равно какъ и мы молимся и доселѣ молились за всѣхъ и будемъ молиться, чтобы восторжествовалъ на землѣ Христосъ, Которому честь и слава во вѣки“.

Эта рѣчь была принята бурными аплодисментами и горячими изъявленіями доброжелательства со стороны всей аудиторіи безъ изъятія. Она была и заключеніемъ совѣщаній конгресса, окончаніемъ, которое всѣхъ участниковъ зажгло еще болѣе живыми чувствами согласія и единства.

И. Петрушевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Жизнь студентовъ.

Приступая къ рѣчи о жизни и поведеніи студентовъ нашего времени, я прежде всего долженъ отмѣтить, что мы живо чувствовали себя воспитанниками высшаго *духовнаго* заведенія и соотвѣтственно этому старались вести себя. Этимъ я не похвалу хочу сказать своимъ товарищамъ; въ этомъ я вижу не заслугу съ ихъ стороны, а ихъ прямой долгъ; а исполненіе долга особенной заслуги не составляетъ. Но считаю не излишнимъ выставить то, что мы въ свое время отъ этого долга не уклонялись, въ виду измѣненія въ настроеніи послѣдующихъ поколѣній, не рѣдко навлекавшихъ на себя нареканія

¹⁾ См. № 27-й за 1910 г.

за то, что они не хранятъ въ цѣлости своего духовнаго характера.

Религіозное чувство не было заглушено въ насъ, и священныя христіанскія обязанности у насъ стояли, можно сказать, на первомъ планѣ. Людей невѣрующихъ, людей неуважительно относящихся къ тѣмъ или инымъ установленіямъ Церкви, сколько я помню, между нами не было, и мы жили или хотѣли жить по христіански, хотя по слабости человеческой были допускаемы нарушенія церковнаго Устава, нами признаваемаго непререкаемымъ.

Вотъ какъ протекала наша церковно-религіозная жизнь. Утромъ и вечеромъ непремѣнно читалась молитва, отъ которой никто не позволялъ себѣ уклоняться. Общей залы, для слушанія молитвы, не было. Читалась молитва въ номерахъ, но не въ каждомъ номерѣ отдѣльно; а живущіе въ двухъ, въ трехъ, въ четырехъ номерахъ, по звонку, собирались въ одной, наиболѣе просторной, комнатѣ, напередъ указанной инспекціею, для исполненія долга молитвы. Такимъ образомъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ одно и то же время студентами и для студентовъ читались молитвы. Инспекторъ и его помощникъ весьма рѣдко являлись на молитву студентовъ, читаемую въ томъ или другомъ номерѣ. Да и не было въ томъ нужды. Студенты сами, безъ надзора инспекторскаго, по внутреннему побужденію, усердно являлись на молитву. Нѣкоторые изъ студентовъ не довольствовались одною общею студенческою молитвою. Иные изъ нихъ, по прочтеніи или по выслушаніи молитвы въ номерѣ, каждый день ходили утромъ въ церковь приложиться къ иконѣ Братской Божіей Матери, чтимой въ Кіевѣ, и помолиться предъ нею. Послѣ этого возвращались въ номеръ и пили чай. Равнымъ образомъ и вечеромъ также, послѣ общей молитвы, которая читалась въ десять часовъ, намѣреваясь лечь на ложе, многіе совершали свою особую тайную молитву. Въ собраніи студентовъ нѣсколькихъ номеровъ читалась молитва истово, безъ пропусковъ. Чтецами выступали студенты не по очереди, а по усердію: въ каждомъ

собраніи было два, три, четыре чтеца, которые брали на себя чтение утреннихъ и вечернихъ молитвъ предъ товарищами. Брали на себя этотъ долгъ тѣ, которые отличались выразительнымъ чтеніемъ.

Въ церковь на богослуженіе, въ воскресные и праздничные дни, мы ходили очень исправно. Въ этомъ отношеніи не нужно было для насъ никакихъ понужденій со стороны начальства къ исполненію христіанскаго долга. Главное побужденіе къ этому мы находили въ своей христіанской совѣсти. Если кто по небрежности или по какимъ-либо другимъ обстоятельствамъ пропускалъ праздничное богослуженіе, напримѣръ, просыпалъ утреню въ великую субботу, или опускалъ все-нощную въ какой-либо великій праздникъ, тотъ подвергался взысканію не со стороны своего начальства, но на того нападали и того стыдили сами товарищи.

Держались и соблюдались въ наше время нѣкоторые порядки, касающіеся посѣщенія церкви въ воскресные и праздничные дни, — нынѣ исчезнувшіе. Мы не прямо шли въ церковь на богослуженіе, по звону колокола, а напередъ, по академическому звонку, собирались въ столовой и тамъ ждали инспектора. Вечеромъ предъ всеюнощною непременно являлся инспекторъ, и держалъ студентамъ небольшую назидательную рѣчь. Инспекторъ Даніиль былъ очень находчивъ въ этомъ случаѣ: онъ умѣлъ находить интересную матерію для бесѣды съ студентами, собиравшимися идти въ церковь на молитву. Матерію онъ заимствовалъ или изъ смысла богослужебнаго дня, или изъ текущихъ событій нашей студенческой и общерусской жизни. Преемникъ его Леонтій не обладалъ такою находчивостію, какъ Даніиль, но все таки хотѣлъ держаться стараго обычая бесѣдовать съ студентами предъ богослуженіемъ, хотя видимо тяготился имъ. Бесѣда его иногда плохо клеилась, но онъ считалъ неудобнымъ отпускать студентовъ въ церковь безъ слова назиданія. Выслушавъ короткое слово инспектора, студенты всѣ изъ столовой, вслѣдъ за инспекторомъ, уходили въ церковь, — шли не рядами, а въ разсыпную,

шли всё безъ исключенія. Предъ обѣднею въ праздничные дни студенты тоже собирались въ столовой, но на этотъ разъ вмѣсто инспектора къ нимъ являлся помощникъ инспектора, и приглашалъ ихъ идти въ церковь. Инспекторъ въ воскресенье и праздничные дни служилъ литургію раннюю или позднюю въ Братскомъ монастырѣ, а иногда въ Лаврѣ съ митрополитомъ, и потому не могъ являться къ студентамъ и приглашать ихъ идти въ церковь. Предъ обѣднею студенты приходили въ столовую не въ полномъ сборѣ, и это не потому, что знали, что не будетъ при сборѣ инспектора. Многие, съ разрѣшенія начальства, наканунѣ записывались въ книгѣ и заявляли, что на обѣдню завтра отправятся въ Лавру, или въ Михайловскій монастырь или въ Софійскій соборъ. Путешествіе на богомолье въ Лавру не только дозволялось, но и поощрялось начальствомъ.

Для студентовъ въ церкви Братскаго монастыря отведено было особое привилегированное мѣсто у праваго клироса, отгороженное рѣшеткою. Мы очень дорожили этимъ мѣстомъ. Стоя на немъ, мы свободны были отъ тѣсноты и давки, какая была при большомъ стеченіи богомольцевъ въ храмѣ. У посѣтителей и посѣдительницъ Братскаго храма это мѣсто считалось самымъ почетнымъ, и многие считали бы себѣ за особенную честь, если бы имъ дозволено было проникнуть туда и тамъ стоять во время богослуженія. У дверей рѣшетки, отдѣляющей студенческое мѣсто, стоялъ служитель, который не пропускалъ чужихъ лишнихъ людей въ привилегированное мѣсто. Доступъ въ это мѣсто имѣли только почетнѣйшія лица, извѣстныя студентамъ, и только предъ такими обычными посѣтителями Братскаго храма, по указанія студентовъ, отворялась дверь рѣшетки.

Студенты участвовали въ совершеніи богослуженія чтеніемъ и пѣніемъ. Въ воскресные и праздничные дни монастырскіе послушники уже не являлись на клиросъ: все чтеніе и пѣніе, положенное по Уставу, исполняемо было студентами. Изъ студентовъ выступали, не по назначенію, а по усердію,

избранные чтецы, любившие дѣло церковнаго служенія. Такими являлись люди, владѣвшіе громкимъ голосомъ и въ большей или меньшей мѣрѣ искусствомъ выразительнаго чтенія.

Въ пѣнія участвовало гораздо большее число лицъ, чѣмъ въ чтеніи. Изъ пѣвчихъ студентовъ образовано было два хора, — одинъ правый, настоящій полный хоръ, въ которомъ были и маленькіе пѣвчіе, и лѣвый, выполнявшій простое пѣніе. Желающихъ пѣть на лѣвомъ клиросѣ было очень много, и они пѣли, если безъ искусства, то всегда съ одушевленіемъ и отъ души. Усердія у нихъ было много. Помню, разучивали они почти цѣлый постъ партесное пѣніе пасхальнаго капона, думая отличиться предъ ректоромъ, предъ товарищами и предъ посѣтителеми Братскаго храма. Но лишь только прошѣли первый ирмосъ, ректоръ Антоній присылаетъ на клиросъ послушника, которому поручилъ сказать, чтобы студенты оставили партесное пѣніе, а пѣли по-просту. Такимъ образомъ усердіе не увѣнчалось успѣхомъ и пропало даромъ.

Правый академическій хоръ былъ замѣчательный хоръ. Кіевскій академическій хоръ всегда славился. Но въ періодъ моего студенчества онъ достигъ высшей степени своей славы. Составъ академическаго хора постоянно измѣнялся. Съ перемѣною курсовъ уходили изъ академіи и изъ хора прежніе, старые пѣвцы, и являлись новые. Случалось, что въ двухъ курсахъ, совмѣстно живущихъ, чувствовался недостатокъ хорошихъ голосовъ. Но и при этомъ не выгодномъ условіи цѣнили осмысленное и одухотворенное пѣніе академическаго хора, и репутація его никогда окончательно не падала. Здѣсь образовалось и дѣйствовало непрерывающееся преданіе, благодаря которому вкусъ и навыки въ пѣніи переходили отъ одного смѣняющагося поколѣнія къ другому, и новое поколѣніе старалось не утрачивать того, что было хорошаго у ихъ предшественниковъ. Связью въ этомъ случаѣ былъ курсъ младшій, остающійся въ академіи, съ переходомъ въ старшее отдѣленіе, когда являлись новые студенты для составленія новаго младшаго курса.

Я сказалъ, что академическій хоръ достигъ высшей степени своей славы въ періодъ моего студенчества. Въ этотъ періодъ, благодаря счастливой случайности, въ студенческомъ кругу образовался такой подборъ сильныхъ голосовъ, какимъ академія не могла похвалиться въ послѣдующее время. Я помню академическій хоръ за шестьдесятъ лѣтъ его существованія, и сравнивая хоры разныхъ курсовъ, нахожу, что лучше хора 1853—1857 годовъ не было. Тогда академическій хоръ первенствовалъ предъ всѣми хорами кievскими, не исключая хора митрополичьяго. Собственно процвѣтаніе хора академическаго началось со времени моего перехода въ старшій курсъ, съ 1853 года. Когда я былъ въ младшемъ курсѣ, хоръ въ академіи былъ сравнительно слабый; не было въ немъ ни одного выдающагося голоса. А въ 1853 году между новопоступившими студентами оказались два пѣвца съ рѣдкими, необыкновенно сильными голосами,—Василій Чумачевскій, до поступленія въ академію состоявшій въ кившипевскомъ архіерейскомъ хорѣ и бывшій въ немъ помощникомъ регента, и Теодоръ Покровскій изъ пѣвчихъ екатеринославскаго архіерейскаго хора. Чумачевскій обладалъ такимъ теноромъ, подобнаго которому по силѣ и пріятности я не встрѣчалъ ни въ одномъ церковномъ хорѣ. Своимъ голосомъ онъ пріобрѣлъ большую популярность въ городѣ, и чрезъ это у него образовались большія знакомства въ кievскомъ обществѣ. Постоянно онъ бывалъ на званныхъ вечерахъ, а когда былъ дома, часто пѣлъ что нибудь, отнюдь не жалѣя своего могучаго голоса. Когда, по окончаніи курса, онъ явился въ Петербургъ, услышавшіе его голосъ непременно хотѣли завербовать его для сцены, и думали послать его для усовершенствованія въ пѣніи въ Италію. Онъ сначала соглашался было съ желавшими устроить ему карьеру опернаго пѣвца, но потомъ разошелся съ ними, и поступилъ на гражданскую службу, не оставляя однако пѣнія. Когда я въ 1882 году былъ въ Петербургѣ, состоя членомъ комитета по преобразованію академій, Чумачевскій пѣлъ въ Шереметевскомъ хорѣ, состоявшемъ подъ управ-

леніемъ Ламакина. Въ то время любители пѣнія по воскресеньямъ вечеромъ собирались въ залѣ городской думы для исполненія избранныхъ пѣснопѣній, и здѣсь Чумачевскій держалъ главныя теноровыя партіи, а когда не приходилъ онъ, теноровыя партіи не могли исполняться надлежащимъ образомъ. Живя въ Петербургѣ, я не разъ, по его приглашенію, былъ и въ храмѣ Шереметевскаго дома, и въ думской залѣ на вечерахъ любителей пѣнія, и находилъ, что голосъ Чумачевскаго былъ такимъ же свѣжимъ, чистымъ и сильнымъ, какимъ былъ въ годы его молодости. Впослѣдствіи времени онъ пѣлъ въ хорѣ церкви государственнаго контроля, гдѣ онъ и служилъ, и кажется, управлялъ этимъ хоромъ, и до самой кончины не оставлялъ пѣнія. Скончался онъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ 1898 году. Въ академическомъ хорѣ его смѣнилъ Илья Тихонычъ Экземплярскій, впослѣдствіи архіепископъ варшавскій Іеронимъ, тоже обладавшій большимъ голосомъ. Пѣніемъ его восхищались кіевляне; но знавшіе и слышавшіе Чумачевскаго не могли не признать, что голосъ Экземплярскаго далеко уступалъ въ силѣ голосу Чумачевскаго. Когда въ академическомъ хорѣ былъ въ лицѣ Чумачевскаго такой теноръ, какой могъ бы составить красу какого угодно, самаго лучшаго, хора, для басовой партіи былъ другой замѣчательный пѣвецъ—О. Покровскій, подобныя которому были рѣдкостью въ академическихъ курсахъ. Не будь Чумачевскаго, на немъ бы сосредоточивалось вниманіе любителей пѣнія, посѣщавшихъ Братскій монастырь. Но Чумачевскій затмилъ его славу. Его хвалили, но онъ не былъ столько популяренъ, сколько его сотрудникъ по хору, пѣвшій теноромъ. По окончаніи курса онъ служилъ въ Екатеринославской губерніи и былъ протоіереемъ въ Ростовѣ на Дону. Къ этимъ двумъ славнымъ пѣвцамъ, твердымъ основамъ сильнаго хора, присталъ третій полусторонній любитель пѣнія и тоже славный пѣвецъ—Викторъ Ипатьевичъ Аскогенскій, впослѣдствіи извѣстный издатель Домашней Бесѣд. Аскогенскій, по окончаніи курса академіи въ 1839 году, нѣкоторое время былъ бакалавромъ въ

академіи, потомъ былъ предсѣдателемъ гражданской палаты въ Житомирѣ и совѣстнымъ судьей въ Каменцѣ-Подольскомъ, но по своему неуживчивому и рѣзкому характеру онъ вошелъ въ непріятныя отношенія съ мѣстнымъ обществомъ и въ Житомирѣ и въ Каменцѣ, вслѣдствіе чего и вынужденъ былъ оставить службу, несмотря на покровительство, оказываемое ему Генераль-Губернаторомъ Бибиковымъ. Въ періодъ моего студенчества онъ проживалъ въ Кіевѣ безъ должности, и проживалъ у своихъ товарищей и на счетъ своихъ товарищей, изъ которыхъ первый былъ ректоръ Антоній. Онъ былъ сынъ воронежскаго протодіакона и имѣлъ сильный протодіаконскій голосъ, къ тому же очень обработанный для пѣнія. Владѣлъ онъ своимъ голосомъ очень искусно. Увидя хорошій составъ академическаго хора, онъ не могъ удержаться, чтобы не принять въ немъ участія. И вотъ мы весьма часто видѣли Аскогенскаго раздѣляющимъ труды академическаго хора. Онъ являлся каждый разъ, когда предполагалось пѣть что нибудь трудное и сложное, требующее сильныхъ голосовъ, на примѣръ, Веделевскіе концерты. Сила хора, и безъ того весьма значительная, при немъ еще болѣе увеличивалась. Когда онъ приходилъ на хоры, онъ бралъ на себя управленіе хоромъ, и былъ большой мастеръ этого дѣла. Когда онъ принималъ на себя регентуру хора, тотчасъ же хоръ получалъ болѣе твердый и строгій тонъ, чѣмъ какой былъ въ хорѣ при другомъ регентѣ. По счастливой случайности, а, можетъ быть, по внимательности и искусству регента, и низшіе голоса, — мальчики училищные, пѣвшіе въ хорѣ, подобрапы были замѣчательные. Весь составъ хора былъ такой, что лучшаго и желать было нельзя.

При такихъ обстоятельствахъ, хоръ академическій скоро снискалъ самую широкую извѣстность, какъ хоръ чрезвычайный. Слава о немъ распространялась по всему Кіеву и даже за предѣлами Кіева. Не жители только Подола, но и изъ отдаленныхъ окраинъ города многіе приходили въ Братскій монастырь, чтобы послушать пѣніе необыкновеннаго хора. Приходили, умилялись и восхищались. Особенный эффектъ про-

изводило пѣніе, когда исполняли что либо trio,—Чумачевскій, Цокровскій и кто-либо третій. Пынь пѣніе привлекаетъ въ Софійскій соборъ толпы народа, когда во время всенощной хоръ Калишевскаго исполняетъ композицію Веделя въ церковной пѣсни: *Покаянія отверзи ми двери...* Впечатлѣніе отъ этой пѣсни въ композиціи Веделя было гораздо сильнѣе, когда эта пѣснь пѣлась не цѣлымъ хоромъ, а тремя славными солистами академическаго хора, обладавшими необыкновеннымъ даромъ голосовыхъ органовъ. Пришелъ разъ въ церковь Братскаго монастыря профессоръ университета Селингъ, привлеченный въ нее молвою о необыкновенной силѣ и красотѣ академическаго хора. Запѣли trio „Разбойника благоразумнаго“. (Пѣли на клиросѣ). Селингъ изъ толпы народа выступилъ на солею, и сложивъ руки на груди, съ выраженіемъ умиленія и восхищенія на лицѣ, вперилъ свой взоръ на пѣвцовъ, стоявшихъ на клиросѣ, и когда кончили они пѣніе, онъ низко поклонился имъ и сошелъ съ солен на прежнее мѣсто, на которомъ прежде стоялъ.

Проф. *Василій Пьвтицкій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Чего у насъ нѣтъ?

Нельзя не признать нѣкоторой доли правды въ характеристикѣ современнаго русскаго общества, дѣлаемой авторомъ статьи „Чего у насъ нѣтъ?“ въ „Сиб. В.“.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ русское общество кричитъ и топчется на одномъ мѣстѣ, но не берется за дѣло строительства новой жизни. Нужды страны всѣми сознаются, о нихъ много говорятъ, но взятыя за ихъ устроеніе ни у кого нѣтъ желанія. Всѣ удивляются, возмущаются, но проходятъ мимо. И это поразительное равнодушіе давить всю жизнь, превращая ее въ тяжелое бремя.

Всякій, кто хоть сколько-нибудь наблюдалъ общественную жизнь, не могъ не видѣть того поразительнаго равнодушія къ интересамъ общества, которымъ проникнуты російскіе

граждано всѣхъ ранговъ и положеній. Но особенно наглядно оно видно въ крестьянскихъ обществахъ. Если сравнить отношеніе крестьянина къ его личной собственности съ отношеніемъ къ собственности общества, то разница получится громадная. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ касается его личной собственности, онъ бываетъ очень экономепъ и расчетливъ, наоборотъ, гдѣ замѣшаны интересы общества, онъ расточителенъ, какъ игрокъ, послѣ удачной ставки.

Онъ за 30—50 верстъ пошлетъ десятокъ яицъ на базаръ, чтобы получить лишнія 2—3 коп., но, не задумываясь, сдать въ аренду 100 десятинъ общественной земли за половинную цѣну. Всѣмъ и каждому онъ жалуется на тяжесть податного обложенія, но, не разсуждая, за ведро водки согласится увеличить жалованье волостному старшинѣ или сельскому старостѣ на 100—200 рублей.

Въ интеллигентномъ русскомъ обществѣ, въ такъ называемъ третьемъ элементѣ, установился своеобразный взглядъ на общественное дѣло. Оно гуманнымъ и отзывчивымъ бываетъ до тѣхъ поръ, пока стоитъ вдалькѣ отъ этого дѣла, а какъ только подойдетъ ближе, то, за очень малымъ исключеніемъ, дѣлается тѣмъ же чиновничествомъ.

Пока будущій общественный дѣятель сидитъ на ученической скамьѣ, онъ—самый честный работникъ, но какъ только получитъ дипломъ, то спѣшитъ пристроиться...

Такія идейныя организаціи, каковыми являются политическія партіи, должны бы быть съ самой развитой общественной порядочностью, такъ какъ туда вступаютъ люди не по принужденію и не изъ-за куска хлѣба, а естественно по доброй волѣ, съ цѣлью служить безвозмездно на пользу общества. Но стоитъ лишь припомнить тѣ партійные скандалы изъ-за растраты и хищеній, которые выплыли за послѣдніе годы, чтобы убѣдиться въ томъ, что и здѣсь тѣ же хищные чиновники.

Всѣ наши невзгоды и тяжесть жизни—не отъ ограниченности права, не отъ устарѣлости нашихъ законовъ, а отъ того, что въ русскомъ обществѣ нѣтъ чувства общественности, признанія долга, обязанностей, нѣтъ даже простой порядочности и чистоплотности.

Редакторъ, Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Киевъ, 10-го іюля 1910 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Киевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 29.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года іюля 18-го дня.

Содержаніе: I. Слово „мертвое“ и слово „живое“. Свящ. Аѳ. Веселицкій.—
II. Вступленіе маріавитовъ въ союзъ съ старокатоликами и посвя-
щеніе перваго маріавитскаго епископа. (Окончаніе). П. Петрушев-
скій.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.—
IV. Замѣтка. Трезвая страна.

Слово „мертвое“ и слово „живое“.

(Къ вопросу о современномъ проповѣдничествѣ).

Въ нашей живой обиходной рѣчи, въ сужденіяхъ, раздающихся въ обществѣ о выраженіи мыслей публичныхъ ораторовъ, въ мнѣніяхъ о церковныхъ проповѣдникахъ, даже въ оцѣнкѣ представителей литературы, весьма часто приходится встрѣчаться съ терминами „живое или мертвое“ слово, какъ показателями цѣнности, главнымъ образомъ нравственной, мыслей, думъ, иногда цѣлаго направленія того или другого представителя интеллигентнаго міра.

Когда говорятъ, напримѣръ, про рѣчь общественнаго оратора, про слово, поученіе церковнаго проповѣдника, что ими произносились только „мертвыя“ слова, то этимъ прямо про-

износится, такъ сказать, смертный приговоръ надъ какою-либо жизненной и особенно нравственной цѣнностію ихъ словесныхъ упражненій. И намъ кажется, что такой критерій съ точки зрѣнія жизненности и мертвенности воздѣйствія словеснаго обмѣна своими душевными состояніями имѣеть за себя самую глубокую психологическую основу и особенно имѣеть непререкаемое значеніе въ религіозной области нашего церковнаго проповѣдничества—учительства.

Положимъ, могутъ быть въ области литературы такіе писатели, которые холодно и безучастно изображаютъ жизнь въ ея многоразличныхъ проявленіяхъ, но все же умѣютъ своимъ словомъ представить ея красоту; положимъ, публичный (познѣйшему хотя бы думскій) ораторъ безъ сердечнаго увлеченія защищаетъ интересъ своей партіи: это все еще допустимо и можетъ дать положительный результатъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Но что будетъ, если проповѣдникъ интимнѣйшихъ, глубочайшихъ религіозныхъ истинъ, имѣющихъ „исходящемъ“ своимъ сердце человѣка, удовольствуется, возвѣщая ихъ, одними доводами разсудка, если самъ, говоря объ этихъ драгоценныхъ для сердца человѣческаго истинахъ, не будетъ переживать ихъ въ своей душѣ, своемъ сердцѣ? Будетъ то, что онъ не найдетъ доступа своимъ словамъ и къ сердцамъ слушателей. Это—неизбѣжно.

Оттого то нигдѣ, какъ въ библейско-евангельскомъ ученіи, не раскрыта съ такою глубиной и ясностію вся гибельность и бесплодность мертвыхъ словъ и не выяснена съ такою очевидностію плодородность слова живаго, исходящаго не только изъ устъ, но и изъ сердца человѣческаго. Поистинѣ, Слово Божіе, начиная съ пророческихъ писаній и кончая вѣчными глаголами „Слова жизни“—Христа, глубже всего являетъ предъ нами и вѣчную цѣну „слова живаго“ и бесплодность полную „мертвыхъ“ разсудочныхъ, не проникнутыхъ чувствомъ сердца словъ человѣческихъ. Но если такъ, то какъ же должны быть безотвѣтны мы, глашатаи „слова жизни“ и предъ судомъ общественнаго суда человѣческаго, и, тѣмъ болѣе,

предъ судомъ правды Божіей. Когда судъ человѣческой такъ строго относится нынѣ къ мертвымъ словамъ, которыя высказываются только разсудочно, лицемѣрно о дѣлахъ житейскихъ, требуя „живаго слова“ отъ представителей общественно-политической мысли и литературы, то намъ ли избѣжать осужденія за наши „мертвые слова“, которыя, не будемъ скрывать, часто предлагаются нами жаждающимъ воды живой. Въ этомъ безответность и трагизмъ нашего пастырскаго положенія.

Трагизмъ положенія обнаруживается особенно въ томъ, что внѣшне, благодаря настоятельнымъ требованіямъ современности, наше пастырство обязательно вынуждено проявлять свою энергичную дѣятельность въ области учительства, и, въ то же время, вынужденное къ этому, оно оказывается безсильнымъ явить себя на высотѣ призванія—сильнымъ въ словѣ благовѣстія. Горько сознаться, но слѣдуетъ согласиться съ общественнымъ мнѣніемъ о нашемъ современномъ церковномъ учительствѣ, что въ немъ не замѣчается не только жизненнаго подъема, а, напротивъ, съ расширеніемъ въ количественномъ отношеніи проповѣдничества, распространяется господство „мертваго слова“, поддѣлки и фальсификаціи истинно-церковной евангельской проповѣди.

Чтобы не оказаться голословными въ высказанномъ мнѣніи, приведемъ, какъ иллюстрацію къ нашему мнѣнію, сѣтованія знакомаго намъ сослуживца, близко связаннаго съ проповѣдническимъ дѣломъ.

Нашъ знакомый, какъ членъ епархіальнаго комитета по разсмотрѣнію и цензурѣ проповѣдей, за время прохожденія этой служебной обязанности имѣлъ возможность присмотрѣться внимательно къ состоянію проповѣдничества и, при своей личной расположенности къ дѣлу и нѣкоторой личной опытности въ немъ, могъ составить объ немъ, болѣе или менѣе вѣрное, общее понятіе. И вотъ, оказывается, служебный опытъ нашего друга цензора привелъ его къ выводамъ не особенно утѣшительнымъ и къ взглядамъ на современное состояніе церковнаго учительства не особенно оптимистическимъ.— „Не повѣ-

рите, какое это тяжелое и мучительно-безрадостное дѣло—заниматься просмотромъ и оцѣнкой всеможныхъ поученій, бесѣдъ и рѣчей, представляемыхъ въ нашъ комитетъ духовенствомъ“,—часто со вздохомъ жалуется нашъ знакомый, когда разговоръ заходитъ объ его цензорскихъ обязанностяхъ. „Тяготятся, положимъ, и господа педагоги просмотромъ письменныхъ работъ своихъ учениковъ, скажемъ, хотя бы по словесности; но вѣдь они, при несовершенствѣ и шаблонности ихъ, все же знаютъ, что всѣ эти работы не болѣе, какъ только упражненія, а не настоящій, серьезный, всамдѣлешный трудъ, и—въ этомъ для педагоговъ успокоеніе. Не то въ нашемъ дѣлѣ, когда читаешь не простыя упражненія или опыты въ учительствѣ, но дѣйствительные образцы настоящаго церковнаго учительства и съ горечью убѣждаешься въ ихъ несовершенствахъ, не скажу—литературныхъ, художественныхъ,—а болѣе существенныхъ, именно—въ ихъ безжизненности, однообразіи, формализмѣ, казенщинѣ. Тутъ невольно одолѣваетъ безрадостная дума о томъ, что вотъ эти неудачныя своего рода пастырскія упражненія, камни, а не хлѣбъ духовный, предлагались только что сотнямъ, а, можетъ, и тысячамъ душъ вѣрующихъ простецовъ, жаждущихъ „воды живой“. И досадно, и горько, и обидно станеть на душъ за наше пастырство, за нашу маломощность, за себя самага, и до слезъ бываетъ жаль бѣдный нашъ народъ, осужденный пробавляться слушаніемъ такихъ упражненій“.

На обычныя попытки съ нашей стороны разубѣдить суроваго пессимиста въ его мрачныхъ взглядахъ на современное церковное учительство нашъ неумолимо-строгий другъ-цензоръ отвѣчаетъ всегда упорнымъ отстаиваньемъ правоты своихъ мнѣній.—„Хорошо вамъ предаваться оптимизму, глядя на дѣло со стороны, и обвинять нашего брата въ нажитой профессионально излишней строгости и придирчивости. Ничего подобнаго нѣтъ, а озлобляетъ и огорчаетъ самая реальная жалкая, безотрадная дѣйствительность. Желалъ бы nobyть вамъ въ моемъ положеніи и остаться оптимистомъ. Представьте: предъ вами

десятки, чуть не сотни, однимъ словомъ цѣлыя горы проповѣдей, бесѣдъ, которыя только что предлагались народу, какъ „хлѣбъ жизни“: сначала вы радуетесь, что въ такомъ обиліи дается онъ нынѣ алчущимъ отъ руки добрыхъ пастырей, и съ нетерпѣніемъ углубляетесь въ чтеніе. Но скоро и неизбежно ждетъ васъ печальное разочарованіе: читаете проповѣдь за проповѣдью, бесѣду за бесѣдой, и сиротливое, жуткое чувство начинаетъ овладѣвать вами. Словно все дальше и дальше уходите вы куда то въ безлюдную пустыню, гдѣ нѣтъ дыханія жизни, не слышно бѣшенія человѣческаго сердца, а что то холодное, леденящее чувства, чуждое и землѣ и небу, охватываетъ васъ со всѣхъ сторонъ. Не нашли бы въ этой „грудѣ тлѣющихъ костей“, которая казалась вамъ вначалѣ обильнымъ кладомъ высшаго духовнаго богатства, того великаго сокровища, что именуется „словомъ живымъ“.

„И замѣчательна устойчивость и послѣдовательность въ формахъ этого „современнаго проповѣдническаго декаденства“, которыя при чтеніи проповѣдническихъ упражненій выясняются сами собою предъ ихъ подневольнымъ читателемъ“.—Такъ продолжаетъ развивать и обосновывать свой пессимизмъ нашъ другъ-цензоръ.—„При чтеніи поученій юныхъ пастырей непрѣменно встрѣчается неотразимое вліяніе требованій школьнаго проповѣдничества, отъ котораго, какъ отъ незримыхъ оковъ, никакъ не можетъ отрѣшиться авторъ, часто въ ущербъ дѣйствительному достоинству слова. Но за то,—скажу вамъ,—если на чемъ, то на этихъ твореніяхъ юныхъ пастырей отдыхаетъ, хотя не часто, душа. Нѣтъ нѣтъ,—встрѣтишь среди нихъ проблескъ живой мысли, теплоту неподдѣльнаго чувства, явное стремленіе передать свое святое настроеніе слушателю, раздѣлить свою душу и сердце съ нимъ; тогда искупаются и забываются всѣ прежнія страданія и мученія неудовлетворенности отъ чтенія обычныхъ упражненій въ проповѣдническомъ искусствѣ. Радуетесь и думаешь: вотъ загорается новый свѣтильникъ, и пишешь восторженный отзывъ, въ ободреніе вдохновенному проповѣднику. Однако,—знаете, чѣмъ кончается

преждевременная радостная надежда? Чаще всего полнымъ разочарованіемъ. Тебѣ же дають на просмотръ поученія того же автора чрезъ годъ: дивишься и неудомѣваешь, что случилось съ прежнимъ вдохновенимъ проповѣдникомъ. Прежніе, отмѣченныя въ отзывѣ достоинства, превратились въ новыхъ трудахъ автора въ какія то рѣзко выдающіяся разсудочно и насильно вогнанныя въ проповѣдь, особенности. И вотъ, приходится писать, скрѣпя сердце, о новой серіи поученій автора отзывъ, совершенно противоположный первому, а въ результатѣ получаешь отъ избивеннаго проповѣдника письмо, полное упрековъ и укоризнъ въ несправедливости и пристрастіи... Что тутъ дѣлать бѣдному цензору, чѣмъ оправдаться: не отвѣтить же, что виною былъ излишній оптимизмъ, признавшій кратковременный, неустойчивый подъемъ проповѣдническаго вдохновенія юнаго автора за постоянное свойство его проповѣдническаго и пастырскаго духовнаго дарованія. И приходится въ подобныхъ случаяхъ молча терпѣть и выносить незаслуженное озлобленіе противъ себя безъ возможности оправданія.

„Имѣють свои особенныя черты проповѣди нашихъ современныхъ писателей средняго и преклоннаго возраста, и тоже черты устойчивыя, постоянныя, еще въ большей степени не радующія сердце всякаго, кто искренне желаетъ подъема и расцвѣта у насъ религіозной жизни“.—Развиваетъ далѣе нашъ знакомый свои взгляды на проповѣдничество. „Поученія испущенныхъ жизненнымъ опытомъ проповѣдниковъ отъ произведеній ихъ юныхъ собратій всегда можно отличить безошибочно. Даже съ внѣшней стороны: по тщательности письма, обязательнаго подчеркиванія текстовъ, ихъ цитатъ и умѣнію сшивать написанныя тетрадки—легко узнать молодыхъ или пожилыхъ батюшекъ проповѣди. Съ годами аккуратность, техника письма, выдержка во внѣшности возрастають и какъ разъ обратно пропорціонально жизненности и одухотворенности содержанія, словно дѣйствуетъ тутъ какой-то роковой законъ. Если все-таки нерѣдко въ проповѣдяхъ юныхъ пастырей встрѣчается, хотя бы и со случайнымъ, но все-таки живымъ чувствомъ,

со свѣжей, бодрой мыслию, способною разшевелить слушателя, пробудить его совѣсть, то въ поученіяхъ отживающаго поколѣнія пастырей съ подобными явленіями встрѣчу можно считать такой же почти неожиданностію, какъ найти землянику въ январѣ за столомъ.

„Особенно поразительны въ данпомъ отношеніи бывають представляемыя въ нашъ комитетъ поученія старцевъ-проповѣдниковъ. Когда съ почтеніемъ приступаю я къ просмотру такихъ твореній, мнѣ почему то сразу, по прочтеніи десяти-двадцати строкъ, начинается представляться быстрая, знакомая съ дѣтства рѣченка, дво которой усьяно круглыми, гладкими, обточенными теченіемъ камушками. Эти камушки точь-въ-точь похожими кажутся на подобныя поученія: кругомъ они обточены, сглажены, но примешься читать, какъ все равно возмешь изъ рѣчки камушокъ, и они становятся безцвѣтны, сухи и безжизненны—неувлекательны. Отчего? да отъ-того же, что и рѣчные камушки: ихъ исторія одинакова. Какъ тѣ обтачивались теченіемъ рѣки, оставаясь по существу косны и инертны; такъ и эти поученія, еще зачавшись въ молодомъ умѣ мертворожденными, продолжали только шлифоваться и видоизмѣняться совнѣ въ теченіе жизни проповѣдниковъ. Не ищите въ нихъ „слова живаго“: напрасный трудъ!..

— „Теперь, думаю, понятна для всякаго тягота нашего подневольнаго положенія члена енархіальнаго комитета по цензурѣ проповѣдей, особенно, если этотъ несчастный членъ искренне, сердечно преданъ порученному ему дѣлу, радуется съ радующимся и плачетъ съ плачущими объ успѣхахъ или нелостаткахъ нашего церковнаго проповѣдничества. Пусть не думаютъ и не говорятъ въ свое оправданіе и въ наше осужденіе: всѣ эти комитеты—учрежденія официальные, формальные, имъ недоступно близкое и дѣйствительное постиженіе явленій жизни. Скажу, напротивъ,—оттого они и являются въ дѣйствительности формальными, безжизненными, что приходится вѣдать имъ такія проявленія церковно-религіозной жизни, которыя у насъ, къ великому прискорбію, не взирая на ихъ глу-

бокое жизненное значеніе, сводятся въ дѣйствительности къ мертвому формализму. Такова именно наша церковная проповѣдь, пастырское учительство: это же самый жизненный нервъ церковно-религіозной жизни, и кто же виновать, если и здѣсь замѣчается такая мертвенность, инертность, маломощность со стороны призванныхъ на ниву Господню дѣлателей? Нѣтъ наши комитеты въ данномъ случаѣ являются просто показателями формальнаго и мало соотвѣтствующаго запросамъ времени нашего проповѣдничества. Оживится наша проповѣдническая дѣятельность, проявятъ къ ней должное отношеніе и существующія на этотъ предметъ епархіальныя учрежденія. Да что наши учрежденія: они, по существу, и не нужны будутъ вовсе, если дѣло учительства церковнаго оживотворится, если большинство пастырей изъ сердець своихъ будутъ износить „слова жизни“ и оставлять „суетныя препрательныя слова“!..

Таковы, оказываются, мнѣнія о состояніи нашего современнаго церковнаго учительства одного изъ близко стоящихъ къ этой сторонѣ церковной жизни дѣятелей. Совершенно не раздѣляя крайности подобныхъ взглядовъ, мы рѣшились все-таки познакомить съ ними читателя, представляя каждому опредѣлить долю заключающейся въ нихъ правды и отдѣлить отъ случайныхъ преувеличеній. Какъ бы ни было, но намъ самимъ кажется, что въ современномъ состояніи церковнаго проповѣдничества у насъ не все благополучно. Кто не согласится, что духъ и направленіе строго-церковнаго учительства, обоснованнаго крѣпко на словѣ Божіемъ и свято-отеческихъ мнѣніяхъ, болѣе и болѣе ослабѣваетъ и смѣняется другими, чуждыми православно-церковному духу вѣніями. Мы подразумеваемъ печатные образцы проповѣди, въ изобиліи даваемые современной духовной журналистикой. Видимо,—съ одной стороны,—въ этой журналистикѣ за послѣднее время яснѣе, чѣмъ когда-либо сознается недостатокъ жизненности и дѣйственности проповѣдническаго слова; но,—съ другой стороны,—таже журналистика наша, въ лицѣ нѣкоторыхъ изданій пытается замѣнить истинную жизненность и „помазаніе“ поученія цер-

ковною поддѣлкою подѣ живой, фельетонный слогъ своего проповѣдническаго матеріала. У насъ появились проповѣдники (даже проповѣдницы) а la Дорошевичъ, излагающіе на каждый день христіанскія истины въ отрывочныхъ фразахъ съ заимствованіемъ нравственныхъ примѣровъ изъ жизни пасторовъ, аббатовъ и даже просто добрыхъ атеистовъ. И при этомъ редакціи подсобныхъ изданій ставятъ себя въ примѣръ другимъ болѣе стойкимъ въ церковномъ,—скажемъ прямо обязательномъ,—консерватизмѣ издаваній, выставя себя борцами противъ безжизненности и схоластики въ нашей современной проповѣди. Не будемъ называть здѣсь подобныхъ изданій,—не для суетной полемики пишется статья, и, кромѣ того, читатель самъ знаетъ такіе изданія,—но скажемъ одно про ихъ усилія. Ихъ заслуга въ томъ, что они ясно и безъ оговорокъ признали существенный недостатокъ въ современномъ проповѣдничествѣ: отсутствіе жизненности, вдохновенія; но коренная ошибка и самообольщеніе ихъ въ томъ, что они думаютъ оживить проповѣдь внѣшней формою, сообщивъ ей стиль и пошибъ языка бойкихъ фельетонистовъ, вродѣ г. Дорошевича. И въ этомъ—ихъ роковая, пагубная ошибка: не въ стилѣ, не въ формѣ жизнь проповѣди христіанской, а „въ явленіи духа и силы“. Давно это сказано, еще ап. Павломъ, и намъ, современнымъ пастырямъ, нельзя забывать этой вѣчной истины.

Если часто нынѣ съ устъ нашихъ слышатся „слова мертвыя“ вмѣсто „словъ живыхъ“, то въ этомъ виноваты не недостатки формы рѣчи или слога, а единственно и существенно—„исходище живота“—сердце пастыря, наша душа, мало способная, косная къ высшему религіозному подъему, къ „духовному горѣнію“.

Въ пламенномъ подъемѣ религіозной вѣры, въ любви Христовой—вотъ въ чемъ единственно заключается залогъ оживленія нашего церковнаго учительства, замѣны словъ мертвыхъ словами живыми!

Свящ. *Анастасій Веселичій*.

Вступленіє маріавитовъ въ союзъ съ старо-католиками и посвященіє перваго маріавитскаго епископа.

(Окончаніє ¹⁾).

II.

5-го октября прошлаго 1909 года въ г. Утрехтѣ въ Голландіи, въ старо-католическомъ приходскомъ храмѣ, извѣстномъ подь именемъ св. Гертруды, совершилось величественное торжество—посвященіє (Consecratio) генеральнаго администратора маріавитовъ кс. Іоанна Маріи Михаила Ковальскаго во епископа.

Интересны причины избранія именно г. Утрехта для посвященія перваго епископа маріавитовъ ²⁾. Городъ Утрехтъ славится своею древностью ³⁾, своимъ важнымъ значеніемъ въ исторіи христіанства на западѣ, въ особенности же—нынѣшнимъ значеніемъ въ церкви старо-католической. Въ исторіи христіанства въ Голландіи Утрехтъ игралъ важную роль. Тамъ въ VII в. Виллибродъ проповѣдывалъ евангеліе фризамъ и основалъ епископскую кафедру; тамъ со временемъ основана кафедра архіепископская одновременно съ нѣсколькими епископствами въ разныхъ мѣстахъ страны; тамъ во времена политическихъ переворотовъ и религіозныхъ смуть истинная вѣра, по словамъ органа старо-католиковъ, претерпѣла жестокія бури, вышедши изъ нихъ побѣдоносно; тамъ, наконецъ, появился въ XVII и началъ XVIII в. очагъ религіозной жи-

¹⁾ См. № 28-й за 1910 г.

²⁾ Въ началѣ были слухи, что посвященіє кс. Іоанна Ковальскаго состоится въ г. Роттердамѣ, въ Голландіи.

³⁾ Онъ образовался изъ военной колоніи, основанной легионами Юлія Цезаря, переправившимися чрезъ Рейнъ. Слово Утрехтъ образовалось изъ лат. словъ: „Grajectum interius“ (нижняя переправа), „Grajectum ad Remum“ (переправа по Рейну) „Ultrajectum“ (мѣсто по переправѣ на ту сторону Рейна).

зни, приверженцы котораго (янсенисты) претерпѣли много бурь и разныхъ искушеній за правду и любовь Христову. Съ тѣхъ поръ Утрехтъ сталъ столицей той вѣтви западнаго христіанства, которая не хотѣла преклонять чело предъ притязаніями римскаго папы, постоянно протестовала противъ злоупотребленій римско-католической іерархіи и стремилась къ сохраненію чистоты вѣры и христіанскихъ обычаевъ. Съ возникновеніемъ въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія старо-католическаго движенія, независимая Голландская католическая церковь приобрѣла особенно важное значеніе. Отсюда произошелъ старо-католическій епископатъ. Первый старо-католическій епископъ Іосифъ Рейнксисъ былъ посвященъ въ 1873 году Утрехтскимъ архіеп. Гейкампомъ. Съ тѣхъ поръ Утрехтъ сталъ важнѣйшей опорой, и, такъ сказать, митрополіей старо-католической церкви.

О предстоящей консеκραціи кс. Яна Ковальскаго, равно какъ и о состоявшемся соединеніи съ церковію маріавитскою, старо-католическіе епископы, согласно существующему у нихъ древнему обычаю, сообщили своимъ вѣрнымъ чадамъ особымъ посланіемъ. Это посланіе, говоритъ маріавитскій органъ, прекрасное по своему содержанію, полное апостольскаго помазанія, есть публичное свидѣтельство, выданное правдѣ, есть правдивая апологія маріавитства.

„Мы, пишутъ пастыри церкви голландской, чувствуемъ себя обязанными увѣдомить возлюбленныхъ нашихъ чадъ (діоцезіанъ) объ этомъ, достойномъ удивленія, движеніи и его въ высшей степени глубоко захватывающихъ превратностяхъ“.

До правильнаго понятія о движеніи маріавитскомъ епископы дошли путемъ основательнаго изслѣдованія и серьезнаго внимательнаго разсмотрѣнія предмета.

„Полученныя нами, продолжаютъ голландскіе епископы, со всѣхъ сторонъ извѣстія, а также опубликованныя въ печати, выставяли это движеніе въ весьма не лестномъ свѣтѣ, что побудило насъ къ серьезному разсмотрѣнію его. Однако

всѣ эти извѣстія, послѣ ближайшаго изслѣдованія дѣла, легко были опровергнуты.

„Движеніе это началось,—гласитъ далѣе посланіе—2-го августа 1893 года и увлекло за собой многихъ священниковъ (каплановъ), которые, живя по пастырскимъ правиламъ св. Франциска, заключили между собою монашескій (благочестивый) союзъ (*zawiązali zgromadzenie zakonne*). Въ союзъ этотъ вступили самые лучшіе капланы.

„Начало этому движенію дала извѣстная благородная женщина *Magya Franciszka* Козловская, настоятельница религіознаго союза благочестивыхъ сестеръ (монахинь) (*zgromadzenie siostr zakonnych*). И это сдѣлалось причиной дикаго преслѣдованія, возбужденнаго римско-католическимъ духовенствомъ, которое поджигало бѣдный и въ темноту погруженный народъ, чтобы онъ въ защиту якобы угрожаемаго католицизма издѣвался надъ маріавитами“.

Такое свидѣтельство истинѣ даютъ епископы Голландіи, люди почтенныхъ лѣтъ и науки, люди глубоко вѣрующіе и истинно образованные.

И вотъ что замѣчательно, говорится въ органѣ маріавитовъ. Когда Марія Францишка обратилась къ бискупамъ римско-католическимъ и къ самому папѣ съ просьбой объ утвержденіи уставовъ маріавитскихъ и того дѣла, которое уже десять лѣтъ существовало и благополучно развивалось, принося великую пользу церкви, то бискупы вмѣстѣ съ папой забросали его самыми горькими поношеніями и постановили съ корнемъ истребить союзъ маріавитовъ. Провозглашены измышленія противъ него въ пастырскихъ посланіяхъ, брошены съ амвона мерзкія оскорбленія.

Между тѣмъ старо-католическіе бискупы Голландіи, почитаемые отъ іерархіи Римской за недовѣрковъ и рачіоналистовъ, не только съ радостью и удивленіемъ узнали правду Божію, но не поколебались открыто объявить ее вѣрнымъ предъ лицомъ цѣлаго свѣта.

Посланіе это подписали:

Герардъ Гуль, архіеп. Утрехтскій,
Яковъ Янъ—van Thiel, епископъ,
Николай Бартоломей Петръ Снитъ, епископъ.

Это пастырское посланіе было прочитано съ амвона во всѣхъ церквахъ Голландіи въ 17-ю недѣлю по Сошествіи Св. Духа. Оно вызвало въ средѣ вѣрныхъ не только интересъ, но и большое одушевленіе. Поэтому то 5-го августа съ самаго утра толпы народа начали стекаться къ церкви св. Гертруды въ Утрехтъ, чтобы принять участіе въ торжествѣ епископскаго посвященія.

Посвященіе совершилось по католическому архіерейскому обряднику (pontifical)—по-латыни. Новые друзья и собраты маріавитовъ, голландскіе старо-католики сдѣлали все, чтобы отличить это торжество и доказать свою любовь къ маріавитамъ.

Ровно въ 10 час. утра появилось въ боковомъ кораблѣ храма торжественное шествіе епископовъ. Открывалъ его церемонимейстеръ (mistrzъ ceremonii), пробощъ изъ Амерсфоорта кс. Кепінск, одѣтый въ священническую ризу (кара). За нимъ шли семинаристы изъ Амерсфоорта, діаконы въ далматикахъ, капланы въ столахъ. Затѣмъ архидіаконъ съ своей бумагой въ рукѣ. Это—престарѣлый ректоръ Амерсфоортской семинаріи, почетный кс. Тимошей—van-Santen. За архидіаконъ шествовали епископы—ассистенты электа (т. е. избраннаго во епископа), а именно: епископъ Яковъ Янъ van Thiel изъ Гаарлема (въ Голландіи) вмѣстѣ съ епископомъ Николаемъ Бартоломеемъ Петромъ Спитомъ изъ Девентера (въ Голландіи). Затѣмъ шли епископы Консекратора (т. е. имѣющаго посвящать во епископа): епископъ Іосифъ Деммель изъ Бонна (въ Германіи) и епископъ Аврелій Гаррисъ Матью (Mathew) изъ Кенсингтона (въ Англіи). Шествіе замыкалъ почтенный Консекраторъ, архіепископъ Утрехтскій, Герардъ Гуль. Всѣ были облачены въ древнія и богатые литургійныя облаченія.

Въ рядахъ духовенства выдѣлялась фигура каплана англиканскаго, делегата архіепископа Кентербюрійскаго, который посланъ былъ спеціально на торжество посвященія, чтобы отъ всей англиканской церкви принести первому епископу маріавитскому поздравленіе.

Въ обрядѣ епископской консекраціи у католиковъ нужно различать три главныхъ части: испытаніе (exsamen), которое бываетъ передъ началомъ св. мессы, собственно консекрація (consecratio)—во время св. мессы между чтеніемъ (lectio) и Евангеліемъ и интронизація—вслѣдъ за послѣднимъ благословеніемъ народа.

Это былъ торжественный моментъ, когда консекраторъ, изслѣдуя подлинность избранія електа, потребовалъ прочтенія относящихся къ этому дѣлу документовъ. Тотчасъ архидіаконъ громко прочиталъ актъ избранія Высокопочтеннѣйшаго Електа (Najprzewielebniejszego Electa). Избраніе это—какъ извѣстно—было произведено маріавитскими капланами и делегатами народа на генеральной капитулѣ (собраніи) 10 октября 1907 года.

Не менѣе также было трогательно зрѣлище, когда достойный електъ на задаваемые ему консекраторомъ вопросы касательно католической вѣры и каноновъ церковныхъ отвѣчалъ отчетливо, выразительно: „желаю“, „вѣрую“, „твердо вѣрую“...

Но особенно торжественный моментъ епископской консекраціи во второй ея части. Здѣсь прежде всего всѣ падаютъ на колѣна и читаютъ литанію ко всѣмъ святымъ, чтобы испросить милость и благословеніе Божіе для консекрованнаго (посвященнаго). Потомъ епископы кладутъ на плечи консекрованнаго открытую книгу Евангелія, въ знакъ того, что Евангеліе имѣетъ быть единственнымъ предметомъ его стараній и трудовъ. Одновременно съ этимъ консекраторъ (т. е. нынѣ архіепископъ) вмѣстѣ съ епископами-ассистентами возлагаетъ на консекрованнаго руки, говоря: „Прими Духа Святаго“. Потомъ, начавши вмѣстѣ съ другими гимнъ: „Приди, Душе Твор-

че“, консекраторъ крестообразно помазуетъ главу и руки посвящаемаго, даетъ ему въ руки архіерейскій посохъ (pastoral) и надѣваетъ на персть черстенъ.

Наконецъ, епископы—ассистенты снимаютъ съ раменъ консекрваннаго книгу Евангелія и вмѣстѣ съ консекраторомъ подаютъ ему ее въ руки, говоря: „возьми Евангеліе и иди, проповѣдуй народу, тебѣ ввѣренному“. Церемонія окончилась преподаніемъ посвященному поцѣлѹу мира.

Тѣлова въ своей возвышенности и простотѣ важнѣйшая, существенная часть обряда епископской консекраціи. Ее сопровождали приличествующіе этому событію унисонное пѣніе и горячія молитвы народа, который участвовалъ въ этомъ торжествѣ не только внѣшнимъ присутствіемъ, но и сердцемъ.

Обрядъ посвященія закончился торжественной интронизаціей новопосвященнаго епископа.

Послѣ св. причащенія (комуніи), въ которомъ участвовали всѣ епископы, вслѣдъ за послѣдними молитвами и преподаніемъ послѣдняго благословенія, почтпный консекраторъ, Архіепископъ Герардъ Гуль возложилъ на главу ново посвященнаго маріавитскаго епископа католическую митру (infula) и посадилъ его на тронѣ. Запѣли торжественное „Тебе Бога хвалимъ“. Новый епископъ въ сопровожденіи епископовъ—ассистентовъ прошелъ по срединѣ церкви и давалъ народу пастьрское благословеніе.

Радостные звуки гимна, видъ новаго сановника церкви, торжественное и сердечное настроеніе минуты—все это, по словамъ корреспондента маріавитскаго органа, до слезъ растрогало присутствовавшихъ.

По окончаніи обряда, архіепископъ—консекраторъ обратился къ новопосвященному епископу съ рѣчью, въ которой въ словахъ полныхъ сердечности и преданности, выразилъ ему пожеланія доблести и мужества на пути креста, на который Богъ призвалъ его, а также пожеланія благополучія и развитія всей церкви маріавитской.

Этимъ обрядъ консекраціи (посвященія) и закончился.

Присоединимъ здѣсь въ дословномъ переводѣ соответствующій официальный документъ, выданный первому маріавитскому епископу консекраторомъ архіепископомъ Утрехтскимъ.

„Во имя Святѣйшей и Нераздѣльной Троицы, Аминь.

„Года отъ Рождества Христова 1909-го, архіепископства нашего 16-го, во вторникъ, въ 18 недѣлю по Сшествіи Св. Духа, 5-го числа мѣсяца октября (Paz'qziernika), Его Высокопреосвященство (Jego Excelencya), Высокопреподобнѣйшій кс. Gerard Gul, архіепископъ Утрехтскій, въ Утрехтѣ, на Рейнѣ, въ приходскомъ храмѣ, извѣстномъ подъ именемъ св. Гертруды, во время торжественной мессы посвятилъ (pokonsecrowal) во епископа католической церкви маріавитовъ, существующей въ царствѣ Польскомъ, Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и Царствѣ Россійскомъ, каплана Яна (Marye Michala) Ковальскаго, Генеральнаго администратора (Ministra) общества маріавитовъ (zakony Mariawitow), избраннаго на соборѣ (Sinod) той же церкви во епископа, по обряду, установленному Римскимъ Архіерейскимъ служебникомъ (Pontifikal), при участіи (assistencyi) и сослуженіи преосвященныхъ епископовъ:

Іакоба Янт ван Thiel, епископа Гаарлемскаго.

Николая Бартоломея Петра Спита, епископа Девентерскаго.

Надлежащіе акты избранія вышепоименованнаго Высокопочтеннаго Отца Яна Маріи Михала Ковальскаго во епископа вразумительно и громко были прочитаны въ церкви передъ торжественнымъ посвященіемъ.

Это совершалось въ выше поименованномъ мѣстѣ, году, мѣсяцѣ и днѣ, въ присутствіи свидѣтелей тамъ бывшихъ, и ниже подписавшихся:

Герардъ Гуль, Архіепископъ Утрехтскій,

Якобъ Янт ван Thiel, епископъ Гаарлемскій,

Николай Вареоломей Петръ Спитъ, епископъ Девентерскій,

Аврелій Гаррисъ Матью (Mathew), епископъ Англиканскій,

Иосифъ Деммель, епископъ Гаарлемскій.

Затѣмъ слѣдуютъ подписи многочисленнаго сонма каплановъ, прибывшихъ изъ Голландіи, Германіи и Англіи, сверхъ того, свѣтскихъ лицъ, присутствовавшихъ при посвященіи, а также подписи шести маріавитскихъ каплановъ. Въ заключеніе подлинность и присутствіе при посвященіи кс. Яна Ковальскаго многихъ другихъ лицъ всякаго званія удостовѣряется приложеніемъ архіепископской печати и собственноручной подписью секретаря Тимооея van Santen.

Мы полагаемъ здѣсь излишними комментаріи съ своей стороны къ этому разрѣшенію маріавитскаго движенія, такъ какъ дѣло говоритъ само за себя. Отмѣтимъ здѣсь только одну важную черту въ маріавитствѣ: это—стремленіе къ возвращенію формъ первобытной Церкви и къ возстановленію церковнаго единства на основѣ принципа, выраженнаго св. Викентіемъ Леринскимъ: „что всегда, что вездѣ, что всѣми было признаваемо, то и есть истинно каоолическое“. Къ осуществленію этого принципа для маріавитства открылась возможность уже послѣ разрыва его съ папствомъ, а особенно теперь, послѣ пріобрѣтенія своей іерархіи. Нѣкоторые взгляды маріавитовъ на предметы разногласія между церквами (напр. на целибать священниковъ, на употребленіе народнаго языка въ богослуженіи) показываютъ, что они вполне искренно отрѣшаются отъ предразсудковъ католической церкви и склонны къ идеямъ вселенскаго православія. Мы не знаемъ, какъ далеко они пойдутъ по пути къ церковному единству, такъ какъ это движеніе еще недавнее, но не можетъ не привѣтствовать его, какъ явленіе отрадное среди воинствующаго римско-папскаго католицизма.

П. Петрушевскій.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Жизнь студентовъ въ наше время мирно протекала въ стѣнахъ монастыря, и дисциплинарный порядокъ держался среди насъ безъ особеннаго принудительнаго дѣйствія со стороны инспекціи.

Инспекторскій надзоръ не тяготилъ насъ. Инспекторъ и его помощникъ рѣдко посѣщали студенческія жилища компаты, не видя въ этомъ особой надобности для поддержанія порядка. Инспекторъ Леонтій даже по принципу не хотѣлъ часто являться къ студентамъ во время ихъ занятій. Человѣкъ простой, онъ не рѣдко позволялъ себѣ входить въ откровенныя объясненія съ студентами. Разъ я явился къ нему, по обязанности дежурнаго старшаго. Въ откровенной, не начальнической бесѣдѣ со мною о томъ, о семъ и о другомъ, онъ между прочимъ спрашиваетъ меня: „А что, вѣдь я хорошо дѣлаю, что рѣдко хожу по номерамъ?“ и потомъ объясняетъ: „если часто ходить по номерамъ, визиты мои потеряютъ свое значеніе, и не будутъ оставлять по себѣ никакого впечатлѣнія. А когда изрѣдка являешься къ вамъ, каждое мое посѣщеніе вами больше цѣнится, и большее впечатлѣніе оставляетъ по себѣ. Вѣдь это такъ?“ (спрашиваетъ онъ). Я, конечно, долженъ былъ согласиться съ его объясненіемъ.

Для наблюденія за порядкомъ держался въ Академіи институтъ компатныхъ старшихъ. Въ каждомъ номерѣ былъ особый старшій, и его вѣдѣнію подчинены были его сономеранты, которыхъ было большею частію четыре человѣка, рѣдко пять человѣкъ. Онъ отвѣчалъ за нарушеніе порядка кѣмъ-либо изъ своихъ сономерантовъ предъ начальствомъ, если объ этомъ нарушеніи порядка, помимо его, доходило до начальства. Отношенія старшаго къ живущимъ вмѣстѣ съ нимъ рядовымъ сту-

¹⁾ См. № 28-й за 1910-й г.

дентамъ были чисто товарищескія. Никакой начальственной власти онъ надъ ними не проявлялъ, и всегда почти старался покрывать своего товарища, если тотъ позволялъ себѣ уклоненіе отъ правилъ добраго поведенія. Одно изъ полномочій, какими пользовались старшіе, могло казаться обиднымъ для ихъ сопомераптовъ,—это то, что они ежемѣсячно должны были представлять вѣдомость о поведеніи живущихъ вмѣстѣ съ ними студентовъ, съ болѣе или менѣе полною характеристиккою ихъ. Вышолненіемъ этой обязанности тяготились и сами старшіе. Отсюда могли возникать и возникали иногда непріятности между старшимъ и его сопомераптами, хотя вѣдомости или донесенія старшихъ студентовъ не объявлялись. Дурныхъ или неодобрительныхъ аттестацій старшіе не позволяли себѣ. Они выставляли большею частію добрыя стороны, и въ вѣдомостяхъ свидѣтельствовали, что подчиненные ихъ вѣдѣнію студенты ведутъ себя вполне исправно. Но они иногда иногда больше хвалятъ, а другого меньше, и инспекторъ отсюда заключаетъ, кто изъ студентовъ болѣе благоправенъ, а кто меньше. Разъ у меня чрезъ это вышла непріятность. Насъ въ третьемъ номерѣ въ младшемъ курсѣ жило четыре человекъ,—я, Теофанъ Доброленскій, Семень Громачевскій (изъ воыпскихъ) и Богдановичъ, и старшій при насъ Григорій Прозоровскій. Въ своихъ мѣсячныхъ донесеніяхъ инспектору старшій одинъ разъ особенно расхвалить одного, а другой разъ другого, а въ третій разъ третьяго, не желая никого обидѣть. Въ одной вѣдомости онъ далъ прекрасную характеристику Доброленскаго и Громачевскаго, а меня поставилъ на третьемъ мѣстѣ и написалъ обо мнѣ только то, что я велъ себя исправно. Инспекторъ Даниль обратилъ на это вниманіе. Онъ считалъ меня вполне благоправнымъ и находилъ, что старшій напрасно унижилъ меня предъ моими товарищами. Вѣдомости старшихъ были документомъ секретнымъ. Но инспекторъ, изъ вниманія ко мнѣ, при встрѣчѣ со мною, сообщаетъ мнѣ, что старшій аттестуетъ меня не такъ хорошо, какъ онъ ожидалъ,—хуже, чѣмъ другихъ моихъ товарищей, живу-

пихъ въ одномъ номерѣ со мною. Я не былъ смущенъ этимъ сообщеніемъ инспектора, во-первыхъ, потому, что не сознавала никакой вины за собою, во-вторыхъ, потому, что инспекторъ говорилъ мнѣ объ этомъ въ такомъ тонѣ, изъ котораго я могъ заключить, что не выговоръ онъ мнѣ дѣлаетъ, а скорѣе обвиняетъ моего старшаго, что тотъ оказалъ мнѣ несправедливость. Я не хотѣлъ говорить объ этомъ своему старшему Прозоровскому; но онъ узналъ о томъ, что говорилъ мнѣ инспекторъ, отъ другихъ, и былъ смущенъ этимъ гораздо болѣе, чѣмъ я. Всячески онъ старался извиниться предо мною, и завѣрялъ меня, что у него не было никакого злого умысла противъ меня, а что онъ ежемѣсячно мѣняетъ характеристики своихъ сопомерантовъ, чтобы всѣхъ представить въ лучшемъ видѣ. Я вполне вѣрилъ его заявленію, и у меня не было по отношенію къ нему ни тѣни непріязненного чувства: я видѣлъ, что обиды мнѣ своею аттестаціею онъ не хотѣлъ нанести, и мирныя отношенія между нами этимъ инцидентомъ не были нарушены.

Номерные старшіе послѣ ужина каждый день, всѣ вмѣстѣ, являлись къ инспектору свидѣтельствовать о томъ, что въ академіи все благополучно. Въ этомъ каждодневномъ явленіи старшихъ къ инспектору было симпатическое выраженіе близкаго отношенія студенческаго міра къ начальству и въ частности къ инспектору. Старшихъ всѣхъ было человекъ пятнадцать. Лишь только являлись они въ комнаты инспектора, инспекторъ безъ замедленія выходилъ къ нимъ и велъ съ ними иногда продолжительную, а иногда краткую бесѣду. Старшіе заявляли предъ нимъ о своихъ нуждахъ, говорили о томъ, что было бы желательно для студентовъ, распространялись о своихъ занятіяхъ, просили узаконенія пѣкоторыхъ развлеченій и т. под. Инспекторъ охотно принималъ всѣ ихъ заявленія, и съ своей стороны дѣлалъ соотвѣтственныя указанія и распоряженія. А иногда заходила рѣчь у него съ студентами и о постороннихъ вещахъ. По возвращеніи отъ инспектора старшіе объявляли своимъ сопомерантамъ, о чемъ

у нихъ была рѣчь съ инспекторомъ, и если послѣдовало какое-либо распоряженіе отъ инспектора, его передавали всѣмъ.

Къ ректору являлся одинъ дежурный старшій съ классическими журналами, и не каждый день, а только два раза въ недѣлю, въ среду и субботу въ пятомъ часу вечера. Ректоръ не входилъ въ длинныя объясненія съ дежурнымъ старшимъ: только принимал отъ него журналы, спрашивалъ его: все ли у васъ благополучно, и получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, отпускалъ его съ миромъ. Что нужно ему знать о жизни студентовъ, о томъ доносилъ ему инспекторъ.

Отношеніе ректора къ студентамъ, впрочемъ, не было сухо-официальнымъ. Кромѣ профессорскихъ лекцій (онъ читалъ догматическое богословіе) онъ входилъ въ общеніе съ студентами, хотя принималъ ихъ рѣже, чѣмъ инспекторъ, а вліяніе его чувствовалось нами и проводилось имъ сильнѣе, чѣмъ вліяніе инспектора. Онъ пользовался разными случаями, чтобы приглашать къ себѣ того или другого студента и сдѣлать ему подобающее внушеніе, и сказанное одному передавалось другимъ. Напримѣръ, онъ каждый разъ чрезъ келейника призывалъ къ себѣ студента, который писалъ проповѣдь на предстоящій воскресный или праздничный день.—призывалъ не только тогда, когда проповѣдь одобрена была наставникомъ, и предназначалась къ произнесенію, но и тогда, когда проповѣдь оказывалась неудачною и признавалась недостойною произнесенія въ храмъ Божіемъ. Я уже говорилъ, что онъ являлся къ студентамъ въ прощальное воскресенье, желая совершить предъ ними и вмѣстѣ съ ними христіанскій обрядъ всепрощенія. Приходили къ нему старшіе, чтобы христосоваться съ нимъ въ пасхальные дни, и онъ въ одинъ изъ дней Пасхи являлся въ студенческой корпусъ, чтобы похристосоваться со всѣми студентами.

Но это дѣло обычное, которое исполняли и другіе начальники. Для характеристики отношенія ректора Антонія къ студентамъ я долженъ указать на одинъ симпатическій обычай, который исполнялся ректоромъ Антоніемъ во всѣ годы

его управленія академіею. Въ одинъ изъ дней рождественскихъ праздниковъ, большею частію въ день новаго года, онъ приглашалъ къ себѣ вечеромъ на чай, во-первыхъ, всѣхъ номерныхъ старшихъ, во-вторыхъ, всѣхъ монашествующихъ и священниковъ, какіе были между студентами, и въ-третьихъ, нѣкоторыхъ изъ рядовыхъ студентовъ, почему-либо заслужившихъ его вниманіе. Они являлись къ нему, и онъ припималъ ихъ, какъ гостей, и не только чай предлагалъ имъ, но даже и рюмкѣ випа. При этомъ велась откровенная бесѣда, которая продолжалась часа три, четыре. При этомъ ректоръ старался давать такой тонъ и направленіе бесѣдѣ, чтобы его юные гости не видѣли въ немъ строгаго начальника, и, не стѣняясь, все высказывали предъ нимъ, какъ предъ старшимъ братомъ. И со стороны студентовъ задавались ректору иной разъ слишкомъ смѣлые вопросы, высказывались такіа сужденія, которыа могли показаться строгому начальнику очень дерзновенными, но онъ всѣ неровности, какія допускались студентами, покрывалъ своею спиходительностію, и какъ бы ни было смѣло или даже дерзновенно слово студента, оно никогда не вызывало съ его стороны строгаго замѣчанія. Говорили въ наше время, что такой обычай приглашать студентовъ къ ректору для бесѣды на новый годъ или въ одинъ изъ святочныхъ вечеровъ заведенъ былъ Иннокентіемъ Борисовымъ, когда онъ былъ ректоромъ Академіи, и послѣ него долго держался. Но преемники Антонія уже не соблюдали этого обычая, и студентовъ къ себѣ на откровенную бесѣду не приглашали.

Для характеристики отношеній академическаго начальства къ студентамъ, стоитъ указать на то, какъ оно отпослось къ проступкамъ студентовъ, и какимъ взысканіямъ подвергало студентовъ, провинившихся въ чемъ-либо. Это отпосненіе не носило характера формальной строгости, а было мягкое и гуманное и напоминало собою отношеніе добраго начальника семьи къ живущимъ подъ его кровомъ. Въ позднѣйшее время, чуть провинится студентъ въ чемъ-либо, болѣе или менѣе

важною, тотчасъ же допесеніе въ Правленіе, составляется журналъ и налагается взысканіе въ силу установленныхъ въ академіи правилъ. Такой письменной процедуры дѣла въ наше время не было. А призоветъ ректоръ или инспекторъ студента, оказавшагося неисправнымъ, и сдѣлаетъ ему, не столько начальническое, сколько отеческое внушеніе. Угрозою для студентовъ за важные проступки были наказанія,—голодный столъ или стояніе во время обѣда въ столовой. Такъ, когда я былъ въ младшемъ курсѣ, подвергнуть былъ самому тяжкому наказанію одинъ студентъ XVI курса, бывший еще старшимъ въ томъ номерѣ, въ которомъ я жилъ, Ст. Семеновъ. Онъ напился, бушевалъ въ столовой и въ пьяномъ видѣ вилкою нанесъ легкія раны служителю. За это безчиніе онъ разжалованъ былъ изъ старшихъ, и два дня сидѣлъ за голоднымъ столомъ. Когда всѣ студенты обѣдали, онъ сидѣлъ за отдѣльнымъ маленькимъ столикомъ, и на этомъ столикѣ былъ поставленъ только хлѣбъ и вода. Но сколько помнится, онъ просидѣлъ за этимъ столикомъ, понуря голову, и не прикоснулся къ той скудной пищѣ, которая была ему предоставлена. Строгое было наказаніе, но оно было домашнее. Въ документахъ Правленія не было записи о томъ проступкѣ, которымъ оно было вызвано, и тяжкій проступокъ, заглаженный наказаніемъ, не помѣшалъ Семенову кончить курсъ въ первомъ разрядѣ, со степенью магистра богословія.

Но это примѣненіе строгаго наказанія за проступки студента единственный случай за время моего студенчества. Я не помню, чтобы кто либо изъ моихъ товарищей подвергался подобнымъ взысканіямъ, хотя проступки и нарушенія дисциплинарныхъ правилъ были; безъ того не могла обходиться жизнь довольно многочисленной семьи студентовъ. Но начальство къ нимъ относилось снисходительно, если не видѣло въ нихъ дурнаго направленія. Если замѣчалась какая либо неисправность за студентомъ, въ добромъ поведеніи котораго начальство было увѣрено, и замѣченная неисправность могла быть чистою случайностію, начальство дѣйствовало въ высшей степени дели-

катно и гуманно. Въ примѣръ этой деликатности я могу привести слѣдующій случай. Два студента, мой землякъ Сперанскій и мой близкій другъ Чемена, были въ гостяхъ у одного своего знакомаго, который, принявъ ихъ съ любовію, предложилъ имъ очень обильное угощеніе, и они возвратились отъ него вечеромъ, въ небольшомъ куражѣ. Чемена тотчасъ же, по возвращеніи въ номеръ, залегъ спать, и не явился на вечернюю молитву, которая читалась въ сосѣднемъ номерѣ, гдѣ я былъ старшимъ. Какъ разъ въ этотъ вечеръ является на молитву инспекторъ Леоптій. Замѣтивъ, что нѣтъ на молитвѣ Чемены, онъ спрашиваетъ, гдѣ онъ, и ни ожидая отвѣта, идетъ въ тотъ номеръ, въ которомъ жилъ Чемена, и застаётъ его спящимъ на кровати. Объ этомъ инспекторъ сообщилъ ректору, добавивъ при этомъ сообщеніи, что Чемена былъ невполнѣ трезвъ. Между тѣмъ Чемена былъ одинъ изъ самыхъ исправныхъ и благоправныхъ студентовъ. Что же было слѣдствіемъ этого? Какое наказаніе постигло впаваго въ случайный и невольный грѣхъ благоправнаго студента? Ждетъ онъ, что его позоветъ ректоръ или инспекторъ и сдѣлаетъ ему выговоръ или строгое замѣчаніе. Проходитъ недѣля, другая, даже мѣсяць; а ему никто не напоминаетъ, что за нимъ числится немаловажный дисциплинарный проступокъ. Только чрезъ мѣсяць ректоръ воспользовался случаемъ, чтобы деликатно напомнить ему о допущенной имъ неисправности. Черезъ мѣсяць, послѣ описаннаго случая, ректоръ приноситъ въ классъ нѣсколько сочиненій, писанныхъ бакалавру священнаго писанія Филарету, впоследствии ректору академіи и епископу рижскому на текстъ: *И пришедъ Онъ обличитъ міръ о грѣсъ и о правдѣ и о судѣ: о грѣсъ убо, яко не вѣрують въ Мя, о правдѣ же, яко ко Отцу Моему иду, и ктому не видите Мене: о судѣ же, яко князь міра сего осужденъ бысть* (Іоанн. 16, 8—11). Мое сочиненіе и сочиненіе Семова удостоено было высшей похвалы. Филаретъ поставилъ на нихъ высшій баллъ 10; а на сочиненіе Чемены, который былъ третьимъ студентомъ, только баллъ 6. Славши мнѣ и Семову сочиненія, в

сдѣлавши намъ по поводу этихъ сочиненій нѣсколько одобри-
 тельныхъ замѣчаній, онъ беретъ сочиненіе Чемена и говоритъ
 ему: „а ваше сочиненіе не совсѣмъ удачно“, и, указавъ на нѣ-
 которые недостатки сочиненія, заключаетъ слѣдующими слова-
 ми: „это не бѣда, что вы не совсѣмъ удачно написали сочине-
 ніе. Но я боюсь, какъ бы съ этимъ ослабленіемъ вашимъ не
 соединялось чего либо нравственнаго“, и эту послѣднюю фра-
 зу онъ повторилъ два раза. Этотъ намекъ понялъ Чемена и
 увидѣлъ въ этомъ укорительное напоминаніе ему о допущен-
 ной имъ нравственной случайной несправности. На него
 очень сильно подѣйствовало это замѣчаніе ректора. Въ этомъ
 состояло все наказаніе, какого долго ожидалъ Чемена отъ сво-
 его начальства, и нельзя не признать мудрой гуманности и
 деликатности въ томъ полуприкрытомъ взысканіи, какому под-
 вергся хорошій студентъ за свою случайную ошибку.

Проф. *Василій Пѣвницкій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Т р е з в а я с т р а н а .

Сосѣдняя съ нами страна Швеція 50 лѣтъ тому назадъ
 не менѣ насъ страдала отъ распространенности ужаснаго по-
 рока пьянства, но школа, съ одной стороны, п суровые за-
 коны, установившіе тяжкія наказанія (до года тюрьмы) за
 оказательство въ пьяномъ видѣ въ публичномъ мѣстѣ, а так-
 же увеличивавшіе наказаніе въ случаѣ совершенія преступле-
 нія въ нетрезвомъ состояніи, равно какъ большія поощренія
 за распространеніе въ странѣ обществъ трезвости, возымѣли
 свое дѣйствіе, и нынѣ Швеція на рѣдкость трезвая страна:
 встрѣтить въ ней пьяпаго на улицѣ составляетъ большую
 рѣдкость. У насъ стоитъ подумать объ этомъ, если вспомнить
 фактъ, что ежегодно совершается свыше 16000 болѣе или

менѣ тяжкихъ преступленій привычными пьяницами или въ состояніи опьяненія. Подумать страшно: число преступниковъ, равное дивизиі войска!

И труженикамъ школы первѣ другихъ приходится обратить свое вниманіе на это явленіе и, такъ сказать, направить свою энергію на ужасающее зло.

И если различные рисунки, снимки, наглядно показывающіе, какимъ ужаснымъ разстройствомъ организма сопровождается винопитіе и какъ оно отзывается на экономическомъ благосостояніи пьющихъ, если эти рисунки имѣютъ свое значеніе, то, кромѣ того, громадное значеніе долженъ имѣть и нравственный авторитетъ самого учителя и завѣдующаго школою.

Вотъ объ этомъ то вывѣтривающемся, къ прискорбію, нравственномъ авторитетѣ и надлежитъ серьезно подумать всѣмъ работникамъ въ народной школѣ...

А то сколько бы докладовъ о вредѣ пьянства ни представлялось на учительскіе и педагогическіе сѣзды, сколько бы ни разсылалось рисунковъ по школамъ, страсть къ винопитію не будетъ ослабѣвать, если впереди учениковъ и взрослого населенія деревни не пойдетъ самъ руководитель подрастающаго поколѣнія (Совр. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 13-го іюля 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Ц

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 30.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года 25 іюля.

Содержаніе: I. Слово „мертвое“ и слово „живое“. (Окончаніе). Свящ. Ае. Веселицкій.—II. Разборъ ученія социалистовъ о правѣ собственности и всеобщемъ равенствѣ. Прот. Н. Колпиковъ.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Цѣвницкій.—IV. Замѣтка. Пропаганда іоаннитовъ.

Слово „мертвое“ и слово „живое“.

(Окончаніе ¹⁾).

II.

Начавъ въ прошлый разъ рѣчь о мертвомъ и живомъ словѣ въ области современнаго церковнаго учительства, указавъ на недостаточную его дѣйственность и отмѣтивъ новыя попытки къ его подъему и оживленію своеобразными литературными приѣмами, намъ не хотѣлось бы остановиться только на этомъ. Сознаемся откровенно, что одно констатированіе и признаніе несовершенствъ въ такомъ важномъ дѣлѣ безъ указанія вѣрнаго пути къ ихъ устраненію было бы само по себѣ

¹⁾ См. № 29 т. г.

не болѣе, какъ безплоднымъ сѣтованіемъ. Нѣтъ, какъ бы ни было трудно, но необходимо, если хотимъ дѣйствительной пользы, ближе подойти къ дѣлу, посильно разобраться въ ошибкахъ и ложномъ направленіи, доселѣ тормозившихъ и замедляющихъ успѣхъ проповѣди, чтобы въ концѣ прійти къ положительнымъ выводамъ, хотя бы въ нѣкоторой степени освѣщающимъ вѣрный, плодотворный путь проповѣднику слова Божія. Съ этою цѣлю продолжимъ нашу бесѣду и вмѣстѣ съ вами, дорогой читатель-собратъ и сопастырь, углубимся въ предметъ.

Тамъ, въ первой статьѣ, отмѣченъ былъ нами печальный фактъ оскудѣнія „живыхъ словъ“ въ нашей проповѣди, который укоризненно поставляется намъ въ вину нашими неблагожелателями совнѣ и горько сознается самими проповѣдниками и ихъ официальными руководителями. Слѣдуетъ сказать, что это сознаніе недостатка жизненности и дѣйственности церковнаго учительства давно уже, цѣлые десятки лѣтъ, смущаетъ наше православное пастырство и заставляетъ болѣе чуткихъ и энергичныхъ его представителей и руководителей задумываться надъ причинами печальнаго факта и изыскивать способы къ его устраненію. Подъемъ проповѣдничества, оживленіе церковнаго учительства давно уже составляютъ у насъ предметъ злободневныхъ, главныхъ заботъ архипастырей и мыслящей части духовенства. И здѣсь для насъ представляются въ высшей степени интересными тѣ взгляды и мнѣнія на существо предмета, какими руководились, да и теперь отчасти руководятся лица, заявившіе себя и въ литературѣ и въ личной дѣятельности ревностными поборниками оживленія проповѣдничества.

Замѣчательна во всемъ этомъ движеніи одна общая доминирующая черта, которою, какъ намъ кажется, и можно только объяснить скудость положительныхъ результатовъ, достигнутыхъ до сихъ поръ въ дѣлѣ церковнаго учительства. Именно: какъ въ сужденіяхъ о причинахъ и условіяхъ мертвенности, молодожизненности церковнаго слова, такъ и въ указаніи вѣрныхъ способовъ его оживленія у насъ почему-то всегда обращалось и обращается главное вниманіе не на внутреннюю, са-

мую существенную въ данномъ случаѣ сторону проповѣдничества, а на второстепенную—вишнюю, скажемъ, литературно-ораторскую, художественную. „Не умѣютъ наши пастыри красно и свободно проповѣдывать, составляютъ проповѣди по схоластическимъ семинарскимъ формуламъ и произносятъ по тетрадкѣ: оттого и мертва ихъ шаблонная проповѣдь и не имѣетъ духа живаго. Но стоитъ имъ отрѣшиться отъ шаблона, привычиться къ свободной импровизаціи съ амвона, и зло будетъ устранено, проповѣдь превратится въ „живое слово“, особенно если проповѣдники будутъ говорить на злободневныя темы“. Въ такомъ, приблизительно, видѣ понпмался и рѣшался у насъ трудный проповѣдническій вопросъ до послѣдняго времени, и теперь въ сужденіяхъ по нему мы мало подвинулись впередъ. Однако, можно ли признать подобное отношеніе къ проповѣдничеству и мѣры, предлагаемая здѣсь къ его оживленію, за дѣйствительную панацею? Думаемъ, что нѣтъ, и надѣемся показать справедливость нашей мысли на фактахъ.

Вспомнимъ проповѣдническое движеніе, охватившее наши пастырскіе круги лѣтъ двадцать тому назадъ, вдохновителемъ котораго явился тогда преосвященный Харьковскій Амвросій (Ключаровъ). Самъ оразцовый церковный витія, увлекавшій слушателей глубокими по мысли и современно-жизненными, мастерскими импровизаціями, Харьковскій владыка, сверхъ личнаго примѣра, ревностно содѣйствовалъ подъему, оживленія проповѣдничества и теоретически, давши нашему пастырству особое руководственное сочиненіе, такъ и озаглавленное: „Живое слово“, гдѣ давались имъ, извлеченныя изъ собственнаго опыта, весьма мудрыя и практическія наставленія къ достиженію совершенства въ церковномъ учительствѣ. Ободряющимъ образомъ должно было подѣйствовать на пастырей-проповѣдниковъ обращенное къ нимъ слово владыки: они увидѣли, какъ легко и возможно каждому, при добромъ желаніи, освободиться отъ стѣснительныхъ формъ учительства и, оставивъ традиціонную тетрадку, свободно и смѣло выступить на церковномъ амвонѣ ораторомъ-импровизаторомъ и прямо отъ

сердца вѣщать „слово живое“. Тогда же въ духовной журналистикѣ началась детальная, всесторонняя разботка проповѣдническаго вопроса по преимуществу со стороны усовершенствованія приѣмовъ и формъ проповѣди и сближенія ея съ жизнью; изысканію наилучшихъ способовъ достиженія совершенства въ свободной импровизаціи отдавалось при этомъ особенное вниманіе. И дѣло не ограничивалось, конечно, одними теоретическими разсужденіями, они переходили въ проповѣдническую практику: не мало священниковъ покинули тогда же книжное, тетрадочное учительство, перейдя къ устному, къ импровизаціи и—не безъ успѣха. Благодаря общерусской способности къ ораторству, доказанной хотя бы опытомъ нашихъ законодательныхъ палатъ, сразу выдвинувшихъ массу мастеровъ слова, какихъ дай Богъ и западнымъ парламентамъ,—новый и дѣйствительно жизненный способъ церковнаго учительства скоро прочно утвердился, получивъ широкое распространеніе. Теперь не будетъ преувеличеніемъ сказать, что прежнее книжное или по писаннымъ тетрадкамъ проповѣдничество является не только для городскихъ, но и сельскихъ батюшекъ чѣмъ то въ родѣ архаическаго пережитка, котораго придерживаются старцы-батюшки.

Отсюда очевидно, какую неоспоримую пользу принесло отмѣченное нами движеніе отечественному церковному учительству, освободивъ его отъ сковывавшихъ свободу слова мертвящихъ узъ и выведя его на широкій жизненный путь. Съ той поры наша церковная проповѣдь, несомнѣнно, расширила кругъ своего вліянія, приумножилась количественно, сдѣлавшись постояннымъ, неразлучнымъ спутникомъ пастыря въ его служеніи; много выиграла она и въ качественномъ отношеніи—въ совершенствѣ, простотѣ и легкости формы и въ близости къ современнымъ жизненнымъ запросамъ общества по своему содержанію. Все это—такъ; и намъ остается только привѣтствовать подобное отрадное явленіе въ области проповѣдничества. Но если мы скажемъ, что этимъ все достигнуто въ нашемъ дѣлѣ и не остается желать еще чего-либо новаго и су-

щественнаго въ смыслѣ внутренняго усовершенствованія и болѣе глубокаго, чисто-религіознаго оживленія проповѣди,—то впадемъ въ гибельное самообольщеніе и самоослѣпленіе. Обратимъ, прежде всего, строгое, безпристрастное вниманіе вотъ на что: при видимомъ подъемѣ, усовершенствованіи и расширеніи современнаго церковнаго учительства, приумножилось ли замѣтно, возросло ли дѣйствительно на духовной нивѣ то единственно истинное, благодатное, Божіе „живое слово“, котораго жаждетъ и которое чувствуетъ внутреннимъ опытомъ вѣрующая душа, которое хотѣлъ бы пменно посѣвать въ сердцахъ слушателей пастырь-проповѣдникъ и о водвореніи котораго въ церковную проповѣдь только и говорили и писали у насъ за все время проповѣдническаго движенія? О, мы сами проповѣдники, хотя въ малой мѣрѣ, чувствуемъ и знаемъ, что такое—это таинственное, интимнѣйшее, дѣйственное „живое слово“, которое иногда загорается и ширится въ сердцахъ и рвется наружу, сообщая самымъ простымъ словомъ чудную силу и придавая иногда самой безыскусственной проповѣди истинное свойство слова живаго. Это живое слово есть плодъ внутреннихъ религіозныхъ переживаній, зажегшись, зародившись въ вѣрующей душѣ отъ благодатной искры единаго источника—слова Христова, оно именно и дѣлается „источникомъ воды живой“, напаяющей наши мысли, нашу рѣчь, сообщающей послѣдней духъ и жизнь. Богаты этимъ Божіимъ даромъ, этимъ плодомъ религіознаго опыта были свв. учителя церкви и общали его обильно своимъ проповѣдническимъ твореніямъ, которыя на всѣ времена остаются для вѣрующихъ словомъ живымъ; не лишены были того же благодатнаго дара и отечественные наши учителя-проповѣдники, каковы, на примѣръ, святители Димитрій и Тихонъ, и ближайшіе къ намъ по времени—святитель Иннокентій Херсонскій, Фларетъ Московскій, прот. Иродіонъ Пулятинъ. Всѣ мы при чтеніи ихъ твореній чувствуемъ, внутренне постигаемъ присутствіе въ нихъ той же особенной религіозной жизненной силы, неотразимо и благодатно дѣйствующей на насъ.

Трудно, конечно, опредѣлима эта дивная сила въ точныхъ логическихъ терминахъ, будучи по существу духовнымъ плодомъ самыхъ интимныхъ, глубокихъ переживаній, отчего и присутствіе, слѣды ея въ проповѣдяхъ принято было опредѣлять сакраментальнымъ словомъ „помазаніе“, „помазанность“; но при всемъ томъ не можетъ быть спора, что когда мы въ точномъ и опредѣленномъ смыслѣ называемъ извѣстное проповѣдническое твореніе „словомъ живымъ“, то именно утверждаемъ за нимъ обладаніе этимъ таинственнымъ свойствомъ, и никакія другія достоинства и совершенства еще не дѣлають проповѣдь „живымъ словомъ“, даже болѣе: они имѣють здѣсь, въ церковномъ учительствѣ, только служебное, второстепенное значеніе. И развѣ не имѣются въ церковной сокровищницѣ „помазанныхъ“, истинно „живыхъ словъ“, проповѣдническія творенія совершенно различныхъ формально-внѣшнихъ достоинствъ, начиная отъ искуснѣйшихъ, классически-совершенныхъ и кончая примитивными, простѣйшими.

Теперь, возвращаясь къ прежде поставленному вопросу о вліяніи проповѣдническаго движенія на возростаніе и приумноженіе истинно живыхъ благодатныхъ словесъ въ области современнаго церковнаго учительства, мы съ грустію можемъ сознаться въ одномъ: ни все вообще проповѣдническое движеніе, ни отдѣльныя усилія и старанія ревнителей церковнаго учительства не создали внутренняго прогресса въ этомъ дѣлѣ, не обогатили ниву духовную обиліемъ „слова живаго“. Это лучше всего показываетъ наша проповѣдническая литература за послѣднія десятилѣтія: появились за эту пору блестящіе импровизаторы-проповѣдники, были краснорѣчивые истолкователи общественныхъ явленій съ евангельской точки зрѣнія, на время приковывающіе вниманіе даже интеллигенціи, можно указать не мало проповѣдниковъ, обладающихъ мистически простымъ, художественнымъ слогомъ, умѣющихъ говорить съ чувствомъ и убѣдительно; но кто укажетъ хотя бы одного проповѣдника, въ словахъ котораго чувствовалось бы присутствіе „духа и жизни“, вѣяніе того благодатнаго „помазанія“, ка-

кими ярко отличались творенія прежнихъ проповѣдниковъ, помянутыхъ выше? Подробныхъ религіозно-вдохновенныхъ служителей „слова живаго“ не дала намъ проповѣдническая среда послѣднихъ десятилѣтій; не найдете и въ проповѣднической литературѣ за это время произведеній, запечатлѣнныхъ присутствіемъ высшаго, дѣйственаго духовнаго дара. Чѣмъ же объясняется такое печальное явленіе? Ужъ не тѣмъ ли роковымъ обстоятельствомъ, что мы, всемѣрно и усиленно заботясь о подъемѣ проповѣдничества, объ его оживленіи,—превращеніи въ „живое слово“ мертвой, схоластической проповѣди, отождествили ошибочно это искомое, желаемое „живое слово“, какъ существенное, единственно цѣнное во всякой церковной проповѣди свойство съ второстепенными и собственно въ нашемъ дѣлѣ несущественными свойствами—достоинствами другихъ родовъ словеснаго человѣческаго творчества? Зная, что дѣлаетъ, напримѣръ, ораторскую, публицистическую рѣчь живой и дѣйственной, зная, чему обязаны своей жизненной правдой художественныя произведенія слова, не думали ли мы тѣми же средствами превратить и нашу церковную проповѣдь въ слово живое? Наконецъ, идя по этому пути и совершенствуясь въ церковномъ учительствѣ съ внѣшней словесно-художественной стороны, не принимали ли мы этотъ внѣшній прогрессъ въ проповѣдническомъ дѣлѣ за достиженіе истинной цѣли? Боимся утверждать все это категорически, но все же остаемся при убѣжденіи, что эта, именно, неясность пониманія,—въ чемъ заключается тайна истинной жизненности проповѣдническаго слова, и отождествленіе ея съ обычной жизненно-художественной правдой и дѣйственностію другихъ родовъ словеснаго творчества лишили наше проповѣдническое движеніе глубины и плодотворныхъ результатовъ.

Что дѣйствительно до сей поры не обрѣтено нами таинственное „живое слово“ и оно не составляетъ неотъемлемаго свойства современнаго церковнаго учительства, это доказывается очевиднѣе всего явной неудовлетворенностію православно-вѣрующихъ изъ общества и народа нашей теперешней обнов-

ленной проповѣдію, равнодушнымъ отношеніемъ къ ней, и главное, ея слабымъ религіозно-нравственнымъ воздѣйствіемъ на общество и народъ. Тоже признаніе внутренняго несовершенства, слабости современной проповѣди можно видѣть въ возобновившихся за послѣднее время попыткахъ со стороны нѣкоторыхъ руководителей проповѣднической дѣятельности внести въ нашу проповѣдь недостающую ей жизненность и придать ей еще болѣе свободную отъ условныхъ традицій церковнаго учительства форму путемъ подражанія легкимъ формамъ и языку современной художественной литературы. Вотъ, на примѣръ, въ какихъ выраженіяхъ опредѣляетъ свои цѣли одинъ проповѣдническій журналъ: „Главная задача журнала—обслуживать современныя нужды амвона... Христіанская проповѣдь по своей формѣ не есть ничто неизмѣнное и неподвижное, разъ навсегда отлившееся въ строго опредѣленные формы. Однимъ изъ главныхъ условій ея является приспособляемость къ состоянію и психологіи слушателей... Переводить евангельскія истины на языкъ жизни, уяснять ихъ значеніе для каждой эпохи, растворять евангельской солью теченія общественной мысли,—вотъ къ чему должна стремиться современная проповѣдь. Для образцовъ такого рода проповѣдническаго слова и будутъ открыты страницы нашего журнала“... Соответственно обѣщанію, журналъ и наполняется проповѣдническими „набросками“ на каждый день, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ даются проповѣди „не шаблонныя, а въ духѣ и стилѣ ежедневныхъ набросковъ“, по словамъ редакціи. Уже судя по приведеннымъ программнымъ заявленіямъ, можно видѣть, что и новыя попытки не выведутъ проповѣдь изъ заколдованнаго круга, предлагая ту-же испытанную панацею—„языкъ жизни“, т. е. по просту говоря, видя оживленіе и подъемъ церковнаго учительства въ художественно живомъ выраженіи христіанскихъ истинъ и въ сближеніи по формѣ проповѣди со свѣтскимъ литературнымъ творчествомъ. Такъ оно и оказывается на дѣлѣ.

Для образца мы возьмемъ хотя бы „проповѣдническій набросокъ“ на 1-е марта: „Золотой Геліополь—„городъ солнца“— пользовался славой одного изъ самыхъ распущенныхъ... И не только всему городу, но и всему округу извѣстна „золотая гетера золотого города“... Всегда окруженная почитателями, утопая въ роскоши, съ лицомъ, точно освѣщеннымъ огромными глубокими глазами—Евдокія казалась счастливицей. Только иногда темное облако, набѣгавшее на лицо „великолѣпной блудницы“, показывало, что, пожалуй, ей живется и не такъ хорошо, какъ кажется, что ея свѣтлая улыбка, пожалуй, улыбка професіи... Да, ей не хорошо. И вотъ сегодня раньше времени она разогнала гостей, чтобы остаться одной, забыться хоть во снѣ. Сонъ не приходилъ... И вотъ она услышала. Въ маленькой избушкѣ напротивъ, на плоской крышѣ, кто-то читаетъ.—Послушаю... Авось усну... А кто-то тамъ читалъ: „Когда же прійдетъ Сынъ человѣческій во славу Своей“...—Что такое? Что онъ читаетъ? О какомъ судѣ? Кто будетъ судить? Кого?—думаетъ Евдокія, и непонятная тревога охватываетъ душу...—Надо спросить... Надо узнать—смятенно думаетъ златокудрая царица Геліополя“.—Въ такомъ тонѣ продолжается и заканчивается взятый нами наудачу „проповѣдническій набросокъ“, но мы не выписываемъ до конца, боясь утомить читателя. Не знаемъ, какъ и кому, но намъ такіе проповѣдническіе опыты не кажутся „словомъ живымъ“.

„Языкъ жизни“, которымъ они пишутся, по самоувѣренному утверженію редакціи того журнала, откуда взятъ отрывокъ, есть просто неважное, посредственное подражаніе литературному языку нашей декаденской беллетристики, и подобные опыты, если и могутъ быть признаны читателемъ съ испорченнымъ вкусомъ за живое слово, то лишь въ смыслѣ художественно-литературномъ. Развѣ же можно принять такіа фальшиво-картинныя описанія за плодъ глубокихъ религіозныхъ переживаній и развѣ пробудятъ они, зажгутъ въ сердцѣ слушателей то неизяснимо-сладостное, полное вѣры и сокрушенія кающейся души состояніе, какое создаютъ въ насъ мы-

шащіе благодатнымъ „помазаніемъ“ истинно „живыя слова“ нашихъ общепризнанныхъ церковныхъ учителей и проповѣдниковъ?!

Приведемъ еще другой отрывокъ „проповѣдническаго наброска“ изъ того же журнала, къ недѣлѣ мясопустной, 21-го февраля, „Мѡ. гл. 25, ст. 31 и далѣе“.—Неужели „судъ Божій“ будетъ совершаться такъ, какъ говорить 25 гл. евангелія Маттея? Господь сидящій на престолѣ... Люди, раздѣленные на двѣ стороны. Нѣтъ, конечно,—это только образное, такъ сказать, приточное изображеніе суда. Судъ Б. состоитъ въ томъ, что въ день суда предъ лицомъ Господа разогнутся книги совѣсти нашей. Оживетъ вся минувшая жизнь и совѣсть предъ ликомъ Господнимъ сама произнесетъ свой приговоръ. Страшная минута. „Мучительный часъ“... Не правда ли, и здѣсь вы замѣчаете тотъ же пресловутый „языкъ жизни“ и удивительное приспособленіе къ психологіи современности: не смущайся, моль, слушатель,—ни престола славы, ни права, ни лѣва на судѣ не будетъ,—это просто, аллегорія. И опять: развѣ же, такъ начавши слово о страшномъ судѣ, можно рассчитывать на живое и спасительное дѣйствіе подобной проповѣди?!

Послѣ приведенныхъ примѣровъ становится яснымъ, какъ мы, въ сущности, далеки еще отъ правильнаго рѣшенія проповѣдническаго вопроса, направляя всѣ свои усилія къ оживленію проповѣдничества, къ превращенію нашихъ проповѣдей въ „живое слово“ по ложному пути. Мы все время въ своихъ заботахъ забывали о главномъ,—о внутреннихъ благодатныхъ источникахъ „воды живой“ или все то же—„слова живаго“, кроющихся въ глубинахъ вѣрующаго сердца, въ религіозномъ опытѣ и религіозныхъ переживаніяхъ самаго проповѣдника, и какъ это ни странно, готовы были смѣшивать и даже отождествлять обыкновенную художественно-литературную жизненность и изобразительность, „языкъ жизни“ съ „живымъ словомъ“ церковнаго учительства, словомъ благодати и дара Божія.

Но теперь, подойдя близко къ тайнѣ истинно-живаго слова въ проповѣди, мы можемъ, все же, утѣшаться съ вами, читатель, и этимъ малымъ результатомъ, который предостережетъ насъ отъ общераспространенныхъ ошибокъ и иллюзій въ этомъ отношеніи. О путяхъ же и средствахъ, ведущихъ къ обладанію „живымъ словомъ“ при церковномъ учительствѣ, о психологій христіанскаго проповѣдничества отложимъ бесѣду до другаго раза.

С. А. В—ій.

Разборъ ученія социалистовъ о правѣ собственности и всеобщемъ равенствѣ.

Государство имѣетъ своей задачей всѣми средствами содѣйствовать общественному благу. Общественное благо должно быть понимаемо въ связи съ нравственными требованіями, пользование этимъ благомъ и устройство его должно быть подчинено религіозно-нравственнымъ законамъ. Дѣйствительное народное благо есть единеніе нравственныхъ и матеріальныхъ благъ. Конечно, это—идеаль, но онъ долженъ постоянно предноситься государственнымъ людямъ, какъ цѣль стремленія, и долженъ осуществляться, хотя-бы, въ подавленіи формъ общественнаго зла: болѣзней, бѣдности, грѣха, невѣрія и безнравственности.

Матеріальное общественное благо заключается, между прочимъ, въ томъ, чтобы вещественныя блага жизни были распределены соразмѣрно съ положеніемъ, занятіемъ и трудомъ каждаго человѣка. Національное благосостояніе находится тамъ, гдѣ сильное преобладающее большинство составляетъ хорошо обеспеченный средній классъ, съ среднимъ размѣромъ личнаго владѣнія собственностью. Отсюда политическая экономія, предметъ которой составляетъ общественное благо, можетъ принять въ руководство слова Премудраго: „нищеты и богатства не давай мнѣ, питай меня насущнымъ хлѣбомъ“ (Притч. XXX, 8).

Возможное благосостояніе народа зависит не только отъ труда и изобрѣтательности людей, но и отъ окружающей природы и отъ Промысла Божія. Уже простой взглядъ на форму и особенности земного шара раскрываютъ предъ нами неодинаковое распредѣленіе даровъ природы. Какъ скупа природа для якута, эскимоса, для гренландца, живущаго гдѣ то въ льдахъ сѣвернаго полюса, и какъ щедра она для обитателя юга съ вѣчно цвѣтущими розами, обширными садами, съ роскошными плодоносными долинами, съ апельсинными и лимонными рощами, гдѣ природа все даетъ, манитъ человѣка къ наслажденію, такъ что человѣку остается почти безъ труда принимать дары природы. Это „неодинаковое распредѣленіе благъ природы“ есть нѣчто такое, что мы должны принимать какъ уже заранѣе данное, касательно чего мы не можемъ прекословить Творцу міра. Бѣдность однихъ и богатство другихъ есть явленія, которыхъ устранить никогда не удастся. Недостатокъ и бѣдность всегда будутъ существовать въ человѣчествѣ, потому что они обусловливаются неизмѣнностью природы, дающей однимъ много, другимъ—мало, превратностью жизни, собственною виною человѣка; наконецъ, бѣдность вытекаетъ изъ общей бѣдственности человѣчества, въ основѣ которой лежитъ грѣхъ. Бѣдность такъ-же неразлучна съ теперешнимъ состояніемъ міра, какъ неразлучна съ нимъ и болѣзнь. Но христіанство заповѣдуетъ отдѣльнымъ лицамъ, а слѣд., и обществамъ, государствамъ стремиться къ тому, чтобы ограничить господство бѣдности, смягчить остроту нищеты, перебросить мостъ черезъ разсѣлину между бѣдными и богатыми и заполнить ее. Какой же путь предлагаетъ христіанство?—путь любви и милосердія. Высшая добродѣтель—это благотвореніе, вытекающее изъ любви къ ближнему, но благотвореніе свободное. Христіанство чуждо мысли объ уравненіи общественнаго блага, потому что оно, вытекшее изъ ума Божественнаго, слишкомъ хорошо знаетъ природу человѣка и невозможность такого уравненія, а тѣмъ болѣе оно чуждо мысли объ уравненіи благъ путемъ насильственнаго отнятія

имущества у однихъ и раздачи другимъ. Христіанство заповѣдуетъ помощь бѣднымъ; высшее благочестіе полагаетъ въ призрѣніи вдовъ и сиротъ въ ихъ скорбяхъ (Іак. 1, 27); на послѣднемъ страшномъ судѣ царство небесное получаютъ тѣ добрые, что напятили алчущаго, напоили жаждущаго, одѣли нагого, приютили странника. Кто хочетъ полного совершенства, получить наивысшую награду, тому Спаситель предлагаетъ полную раздачу имущества бѣднымъ, но свободно, безъ принужденія: „аще хочещи“..., потому что христіанство признаетъ и уважаетъ священное право собственности.

Между тѣмъ, въ настоящее время социализмъ стремится создать государство новаго образца, въ которомъ бы не было частной собственности, все было бы общимъ достояніемъ. Исходя изъ ученія о равенствѣ людей, онъ желаетъ отмѣны различій между отдѣльными личностями, настаиваетъ на сообществѣ и братствѣ, требуетъ однихъ и тѣхъ же правъ а также собственности для всѣхъ. Самый простой способъ, по ученію социализма, состоитъ въ отмѣнѣ всякой частной собственности и частныхъ приобрѣтеній, въ преобразованіи гражданскаго общества въ одно великое общее домохозяйство, въ которомъ великимъ капиталистомъ и предпринимателемъ будетъ не отдѣльный человѣкъ, а вся община, задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать равное распределеніе всѣмъ какъ труда, такъ и дохода. Чистый коммунизмъ требуетъ равнаго дѣлежа всѣхъ матеріальныхъ владѣній, полной отмѣны правъ собственности и наслѣдства, отмѣны частнаго труда. Правители должны распределить работу для каждаго такъ, чтобы самъ работающій не получалъ отъ нея личной пользы, не извлекалъ личной выгоды, потому что всякое приобрѣтеніе должно поступать въ распоряженіе общества, которое и распределяетъ его между всѣми поровну. Съ этой цѣлью люди должны быть подѣлены на группы, состоящія изъ извѣстнаго числа семействъ, которыя живутъ и работаютъ вмѣстѣ въ великолѣпныхъ помѣщеніяхъ (фаланстеріи), специально построенныхъ для этой цѣли. Въ этихъ казарменноподобныхъ зданіяхъ они

исполняютъ всѣ роды труда. Революціонное воззрѣніе на собственность выражено въ извѣстномъ изреченіи Прудона: „собственность есть воровство“. Коммунисты считаютъ несправедливостью исключать большинство отъ участія въ собственности, на которое оно имѣетъ полное право. Всякій человекъ, рождающійся и входящій въ міръ, имѣетъ полное право пользоваться землей, всѣми благами міра. Какъ воздухомъ пользуются всѣ, такъ должны всѣ безъ исключенія пользоваться міромъ и тѣмъ, что онъ даетъ.

Какъ же будутъ жить граждане въ этихъ новыхъ государствахъ, гдѣ частной собственности и владѣнія не будетъ?

На это намъ отвѣчаютъ литературныя произведенія, созданныя на почвѣ коммунистическихъ мечтаній. Къ числу такихъ произведеній относится сочиненіе Томаса Мора „Утопія“ (1561 г.). Утопія (значить „нигдѣ“) есть островъ въ южномъ океанѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ подводными скалами и потому недоступный ни для кого, кромѣ тѣхъ, у кого есть утопійскіе лодманы. На островѣ до полутора милліона жителей, имѣющихъ чисто демократическое устройство, свободно избираемыхъ чиновниковъ и главу государства. Свобода принадлежитъ всѣмъ и главная основа жизни—равенство.

Стоитъ только посмотрѣть хотя одинъ городъ въ Утопіи, и это будетъ равносильно тому, какъ повидѣть ихъ всѣ. Въ ней имѣется 54 великолѣпныхъ города съ прямыми улицами, идущими параллельными линіями, всѣ одинаковаго объема, всѣ построенныя по одному и тому же плану. Дома каждой улицы по своему расположенію совершенно похожи одинъ на другой, и чтобы жители не пріобрѣтали наклонности къ частной собственности, они распредѣляются по жребію черезъ каждые десять лѣтъ. Позади каждаго дома находится садъ, забота и обработка котораго предоставлены занимающему его. Вокругъ каждаго города лежатъ точно размежеванные участки земли съ жилищами и хозяйственными постройками, при чемъ обработка этихъ полей даетъ занятіе въ общемъ круглымъ числомъ сорока лицамъ. Утопіяне живутъ попеременно въ

деревнѣ и городѣ и всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, принуждены исполнять полевою работу, съ которой они соединяютъ и какое-либо ремесло. Они принуждены работать шесть часовъ въ день, и особый надзиратель наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы никто не проводилъ рабочіе часы праздно. Остальное ихъ время посвящается отчасти отдыху, отчасти наукамъ и искусствамъ, по которымъ предлагаются лекціи какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ. Если кто-либо желаетъ предпринять путешествіе, то онъ долженъ получить на это позволеніе. Куда бы онъ ни отправился, онъ получаетъ даровое содержаніе, но долженъ въ свою очередь принимать участіе въ такой работѣ, съ которой онъ знакомъ. Всѣ рабочіе, т. е. всѣ граждане безъ различія, сносятъ свои произведенія въ общій запасный домъ, въ центрѣ ихъ собственнаго квартала, въ городѣ, откуда имъ и выдается все, что нужно.

Правительство заботится о томъ, чтобы произведенія страны распредѣлялись въ должной соразмѣрности въ общихъ запасныхъ домахъ и оно же ведетъ торговлю съ другими странами съ цѣлью отправки въ другія мѣста такихъ специальныхъ произведеній земли, которыя оказываются ненужными у себя дома. Утопіяне ведутъ счастливую жизнь, которая указывается имъ только природой и разумомъ.

Соціалисты утверждаютъ и требуютъ, что слѣдуетъ отнять земли, деньги, фабрики у имущихъ, раздѣлить между всѣми поровну и сдѣлать всѣхъ одинаково имущими и одинаково счастливыми.

Желая привлечь возможно большее число послѣдователей, соціализмъ принималъ, иногда, религіозную окраску. Соціалисты кощунственно заявляли, что Иисусъ Христосъ былъ первый соціалистъ, что первенствующие христіане имѣли соціалистическій строй общественной жизни. Для обосновленія послѣдняго положенія ссылались на Дѣянія апостольскія, гдѣ ап. Лука повѣствуетъ, что „у множества вѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто изъ имѣнія своего ничего не называлъ своимъ, но все было у нихъ общее. Не было ме-

жду ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, кто въ чемъ имѣлъ нужду“ (гл. 4 ст. 32—35). Ананія и Сапфира, утаившіе часть проданнаго имущества, были наказаны смертю.

Что сказать объ этомъ ученіи? Возможно ли и полезно ли уравненіе всѣхъ во владѣніи имуществомъ, въ трудѣ, счастьи и положеніи въ обществѣ?

Имущественнаго равенства и равенства въ общественномъ положеніи не можетъ быть уже потому, что всегда будетъ противоположность между господствующими и подчиненными, между управляющими и управляемыми; и эта противоположность, эта сила власти въ социалистическомъ государствѣ проявится въ болѣе острой формѣ, потому что надзору будетъ подлежать вся личная жизнь, трудъ, удовольствія, экономическая жизнь, короче сказать, каждый шагъ жизни гражданина. Эти господствующіе, несомнѣнно, въ силу неизмѣнныхъ эгоистическихъ свойствъ природы, используютъ свою силу не только для усиленія власти, но и для того, чтобы улучшить и свое экономическое положеніе. Не ясно-ли, что всеобщее равенство состояній и положеній есть мечта больной фантазіи, устрояющей государства въ воздушныхъ замкахъ?

Различіе въ образованіи, умѣ, талантахъ, познаніяхъ окажутся источникомъ имущественнаго неравенства. Правда, ученые никогда не предъявляли обществу высокихъ экономическихъ требованій, но все же господство ума и знаній создаетъ силу, которая должна привести къ привилегированному экономическому положенію. А если это преимущество не будетъ дано таланту, наукѣ, то неизбѣжно понизится и даже совсѣмъ исчезнетъ культура и цивилизація. Развѣ кто-либо станетъ возлагать на себя бремя ученыхъ трудовъ, своего рода подвиги, если трудъ ученаго не будетъ выше труда молотобойца въ кузнѣ? Между тѣмъ безъ ученыхъ социалистическому госу-

дарству обойтись нельзя будетъ. Образуется густое населеніе; для его сохраненія, для питанія потребуется прогрессъ науки и техники, а это—дѣло специалистовъ, дѣло ученыхъ людей. Думать, подобно Вебелю, что отдѣльные лица на ряду съ по-денными работами могутъ заниматься и наукой, или, подобно Прудону, что научное преподаваніе можетъ быть соединено съ обученіемъ портняжному ремеслу, или кузнечному—полный абсурдъ. Громадный, ежедневно расширяющійся объемъ спеціальныхъ наукъ, колоссальныя приспособленія, естественныя и техническія науки требуютъ и всегда требуютъ специалистовъ, которые должны отдать одному дѣлу всю свою жизнь, умъ и силы. А если такъ, то образуется особый привилегированный классъ ученыхъ, инженеровъ, художниковъ, композиторовъ, трудъ которыхъ будетъ стоять и оцѣниваться несравненно выше труда молотобойца, кучера и др....

Равенства въ имущественномъ отношеніи не можетъ быть и потому, что отдѣльные граждане произведутъ различныя работы въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ. Это различіе будетъ обуславливаться различіемъ ума, умѣнья, энергіи и силы. Или, можетъ быть, социализмъ откроетъ тайну духовной нивелировки, уравненія природныхъ дарованій духовныхъ и тѣлесныхъ? Можетъ быть въ социалистическомъ государствѣ не будетъ геніевъ и талантовъ, а будетъ сплошная сѣренькая масса? Но думается, что Богомъ созданная природа останется навсегда низмѣнной. А если такъ, то нельзя же награждать одинаково того, кто сдѣлалъ много и прекрасно и того, кто сдѣлалъ мало и плохо; нельзя одинаково награждать умнаго и глупаго, усерднаго и лѣниваго.

Кто думаетъ, что послѣ введенія социалистическаго строя наступитъ всеобщая, безпредѣльная любовь и съ лица земли исчезнетъ эгоизмъ, тотъ обнаруживаетъ незнаніе жизни и души человѣческой и особенно души социалистовъ. Эту душу, эту любовь мы видѣли во время революцій, красной республики въ 1848 г. и 1871 г.; эга „гильотинная любовь“ всѣмъ памятна. Проявлялась она и у насъ во взрывахъ цѣлыхъ по-

вздовъ, безконечномъ рядѣ убійствъ, проявилась недавно въ Испаніи, гдѣ социалисты безчеловѣчно истребляли тѣхъ, кто мыслилъ иначе.

Древній философъ Платонъ говорилъ, что въ человѣческую природу глубоко вложено не одно добро, но и зло. Философъ Кантъ училъ, что въ человѣкѣ есть радикальное зло. Подъ радикальнымъ зломъ Кантъ понималъ глубоко укоренившуюся въ природѣ человѣка склонность давать предпочтеніе „правилу эгоизма“ передъ „правилами нравственности“, — склонность, которая есть зло сама въ себѣ, такъ какъ она присуща нашей волѣ. Вслѣдствіе этого, по мнѣнію Канта, человѣческая природа сама въ себѣ носитъ злой корень, изъ котораго вырастаетъ все разнообразіе недостатковъ, пороковъ и преступленій. Но не только обычные люди, но и избранники Божіи, какъ напр. Ап. Павелъ, чувствовали въ себѣ силу грѣховнаго закона. Не возможно сильнѣе и глубже описать нравственное зло внутреннее, создающее нравственное безсиліе человѣка, чѣмъ это сдѣлано св. Ап. Павломъ. „Мы знаемъ, говорить онъ, что законъ—духовенъ, а я—плотянъ, проданъ грѣху. Ибо не понимаю, что дѣлаю, потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу... ни я дѣлаю, о живущій во мнѣ грѣхъ. Знаю..., что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю.... Итакъ, я нахожу законъ, что когда хочу дѣлать доброе, прилежитъ мнѣ злое; ибо по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго... Бѣдный я человѣкъ! кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?“ (Римл. VII, 14—24). Этотъ внутренній разладъ, который есть въ то-же время разладъ между волей Бога и волей человѣка, останется въ грѣховномъ, безрелигіозномъ человѣкѣ навсегда; сила эгоизма не ослабѣетъ въ бѣдственной грѣховной природѣ человѣка. Безбожный социализмъ будетъ безсиленъ развитъ въ человѣкѣ чувство любви

и полного самоотреченія въ пользу другихъ. А если такъ, то всякій лучший работникъ потребуеть себѣ больше. И такъ должно быть не въ силу одного эгоизма, но въ силу правды—„воздать каждому по дѣламъ его.“ Что произошло бы, если бы различный трудъ и работы оцѣнивались одинаково? Результатъ понятный. Хорошій работникъ скажетъ: „зачѣмъ же я долженъ особенно стараться, если я получу столько же, сколько получаетъ лѣнливый и неспособный? и въ заключеніе понизитъ и свою энергію, и свое умѣнье, т. е. понизитъ и количество и качество работы. Ясно, что такой строй жизни долженъ развращать, приучать къ лѣности, понижать степень развитія промышленности, ремесла и технической выработки вещей, т. е. культуру.

Трудъ каждого долженъ быть провѣренъ. Кто же его провѣритъ? Конечно, чиновники, которые сами работать не будутъ; и здѣсь получится неравенство сначала положенія, а потомъ и имущественнаго владѣнія. При чемъ слѣдуетъ замѣтить, что тогда чиновниковъ и надсмотрщиковъ надъ гражданами и будетъ несравненно больше, чѣмъ теперь.

Вслѣдствіе уравниенія всѣхъ исчезнетъ возможность улучшить свое экономическое положеніе; при такомъ условіи широкая масса населенія притупится, погрузится въ покой, апатію неподвижности; и социалистическое государство выродится въ государство обжорства, откармливанія, животной жизни. А здѣсь угроза не только экономическому, но умственному и нравственному развитію.

А какой возникнетъ споръ, какая начнется взаимная вражда, когда станутъ распредѣлять трудъ и общественное положеніе? Вѣдь, всякому захочется избѣжать труда нечистаго и нездороваго и избрать трудъ здоровый и пріятный. Пріятнѣе быть земледѣльцемъ, работать въ чистомъ полѣ, на свѣжемъ, здоровомъ воздухѣ, среди зелени и цвѣтовъ, чѣмъ быть кузнецомъ въ дымной и грязной кузницѣ. Пріятнѣе быть учителемъ, нежели ремесленникомъ, музыкантомъ, художникомъ, ученымъ, нежели уборщикомъ нечистотъ на скотномъ дворѣ. Съ увѣ-

ренностью можно сказать, что съ первваго же дня начнется вражда, война и новая революція, которая ниспровергнетъ, выброситъ вонъ мертворожденное дитя и возвратится къ старому строю, т. е. къ существующему, когда каждый гражданинъ владѣетъ собственностью, избираетъ себѣ занятіе соотвѣтственно своему происхожденію, уму, развитію, склонностямъ, или даже просто случайности, претендовать на которую не приходится.

Соціализмъ желаетъ уравнивать всѣхъ въ имущественномъ владѣніи, въ радостяхъ жизни, въ счастья, въ наслажденіяхъ, въ трудѣ. Но для этого надо уравнивать человѣческія природы, отдѣльныя личности по ихъ уму, способностямъ, энергіи, предприимчивости, усердію и т. д. А это невозможно.

Прот. *Никандръ Колниковъ*.

(Окончаніе слѣдуетъ),

М о и в о с п о м и н а н і я .

(Продолженіе ¹).

Внутренняя студенческая жизнь мирно протекала въ нашъ курсъ. Мы жили, безпрекословно подчиняясь тѣмъ дисциплинарнымъ правиламъ, какими начальство упорядочивало наше поведеніе, и никакихъ протестовъ противъ этихъ правилъ съ нашей стороны не было, хотя иныя изъ нихъ казались излишне строгими. Только втихомолку иныя изъ насъ позволяли себѣ отступленія отъ этихъ правилъ, что совершалось безнаказанно, хотя начальство иной разъ узнавало объ этихъ отступленіяхъ, но относилось къ нимъ снисходительно. Никакихъ крупныхъ столкновеній съ кѣмъ-либо у студентовъ, никакихъ круныхъ событій изъ періода нашего студенчества я не могу припомнить.

Но я долженъ отмѣтить нѣкоторые обычаи, по преданію

¹) См. № 29-й за 1910-й г.

отъ прежнихъ временъ, соблюдавшіеся въ студенческомъ мірѣ и въ наше время, какіе не должны быть допускаемы въ общезжитіи, руководимомъ строгими педагогическими началами. Такъ, по преданію держался обычай студенческихъ поздравленій въ знаменательные дни для того или другаго студента, при чемъ предлагалось товарищамъ угощеніе, или говоря проще, простая выпивка. Каждый имянинникъ, за исключеніемъ развѣ самыхъ бѣдныхъ, обязательно покупалъ для товарищей потребное количество водки, съ прибавкою иногда пива и вина, и это въ общемъ собраніи выпивалось предъ обѣдомъ. Иные изъ имянинниковъ не довольствовались этимъ угощеніемъ, предлагаемымъ для всѣхъ, а вечеромъ приглашали ближайшихъ пріятелей изъ студентовъ, и для этихъ пріятелей приготовляли особое угощеніе, состоящее не изъ простой выпивки; предлагалась какая-либо закуска, и не рѣдко пились цунши, бывшіе тогда въ употребленіи и не въ студенческомъ обществѣ. Равнымъ образомъ требовали поздравленія, то есть, предложенія угощенія или выпивки, отъ студента, который въ церкви, по назначенію ректора, произносилъ проповѣдь, одобренную наставникомъ. Только немногіе изъ студентовъ, удостоенныхъ чести быть церковными проповѣдниками, освобождали себя отъ исполненія этого требованія, за что товарищи были ими недовольны. Начальству, конечно, извѣстны были эти обычаи, и оно не могло одобрять ихъ. Но противъ нихъ оно не принимало никакихъ мѣръ, и благодаря его снисходительности эти обычаи, которые нельзя не признать предосудительными съ педагогической точки зрѣнія, держались. Я не помню, чтобы хоть разъ инспекторъ или его помощникъ приходилъ въ тотъ номеръ, въ которомъ имянинникъ или проповѣдникъ предлагалъ угощеніе братіи. При этомъ, впрочемъ, не бывало шума, который бы могъ вызвать въ номера студенческіе представители инспекціи, живущихъ въ одномъ корпусѣ съ студентами. Да обыкновенно эти поздравленія не были продолжительны: въ какіе пибудь полчаса все предложенное студентомъ истреблялось. Мигомъ осушивъ бутылки, студенты обыч-

нымъ порядкомъ уходили на обѣдъ въ столовую, и если бы на этотъ разъ въ столовую пришелъ инспекторъ, онъ не увидѣлъ бы въ ней никакого безчинія.

Да не подумаетъ читатель, на основаніи указанныхъ обычаевъ, что въ наше время между студентами было поголовное пьянство. Взводить такое обвиненіе на нашъ курсъ было бы большою несправедливостію. Между нами были трезвенники, которые рѣшительно не употребляли ни вина, ни сикера, и такихъ было нѣсколько. Другіе разрѣшали на вино, но употребляли его въ самыхъ умѣренныхъ дозахъ, и только при случаѣ. Такихъ, можетъ быть, было большинство. Но были (нечего грѣха таить) между нами и невоздержники, которые искали случая потѣшить себя алкогolemъ, и у которыхъ явственно обнаруживались зачатки пьянственной страсти. Я уже упоминалъ объ одномъ изъ такихъ, который занималъ видное мѣсто въ составѣ курса, Ѳ. С. Надеждинъ. Онъ не хотѣлъ принимать участія въ студенческихъ поздравленіяхъ, но втихомолку выпивалъ каждый день, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. И развилась у него пьянственная страсть до того, что ея не могли ослабить и побѣдить ни семейныя обязательства, ни требованія довольно высокаго служебнаго положенія (онъ былъ профессоромъ С.-Петербургской академіи), и эта страсть была причиною его преждевременной скоропостижной смерти. Кромѣ него была компанія веселыхъ людей, которые не скрывали отъ своихъ товарищей, подобно Надеждину, своего пристрастія къ опьяняющимъ напиткамъ. Былъ между нами одинъ добрѣйшій товарищъ Михаилъ Максимычъ Скворцовъ, сынъ, кажется, Медынскаго протоіерея Калужской губерніи. Изъ всѣхъ студентовъ нашего курса онъ больше всѣхъ получалъ денегъ отъ отца: каждый мѣсяцъ онъ присылалъ ему по десяти рублей, а предъ большими праздниками, предъ Рождествомъ и предъ Пасхою, по пятидесяти рублей. И вотъ на счетъ этаго товарища любви утолять свою жажду любители выпивокъ. Онъ самъ не стоялъ во главѣ ихъ, но всегда готовъ былъ раздѣлить веселую компанію. Лишь только получить онъ деньги, къ

нему приступаютъ записные читатели Бахуса, и требуютъ отъ него подачки на жертвоприношеніе Бахусу. Щедрый и слабый, Скворцовъ не могъ отказать добрымъ неимущимъ товарищамъ, и начиналась попойка въ довольно ограниченномъ кругу, которая часто длилась до тѣхъ поръ, пока не истощатся средства, присланныя отцомъ на нужды сына. И богатый студентъ, истративши свои деньги на угощеніе товарищей, потомъ просить у другихъ менѣе его состоятельныхъ товарищей, чтобы ему одолжили денегъ на покупку чая и сахара, впредь до новой получки денегъ съ родины.

Замѣчательно, что тѣ изъ нашихъ товарищей, у которыхъ во время студенчества замѣтно было пристрастіе къ алкоголю, не были долговѣчны. Всѣ записные поклонники Бахуса погибли черезъ четыре, пять лѣтъ по окончаніи курса. Между тѣмъ иные изъ нихъ были настоящіе богатыри по тѣлосложенію. Такъ губить здоровье и молодую жизнь пьянственная страсть, когда она возгнѣздится и въ крѣпкомъ организмѣ.

Проф. *Василій Пивницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Пропаганда іоаннитовъ.

Пропаганда іоаннитства среди простосердечнаго и вѣрующаго населенія отдаленныхъ и глухихъ уголковъ Россіи продолжается. Большинство этихъ проповѣдниковъ—женщины; ходятъ онѣ въ полумонашескомъ одѣяніи, въ черныхъ или темныхъ платьяхъ и бѣлыхъ платочкахъ. При входѣ въ домъ онѣ истово и усердно молятся, дѣлаютъ глубокіе поклоны, а затѣмъ предлагаютъ свой товаръ и вступаютъ въ бесѣду. Товаръ ихъ: книжки, брошюрки и листки религіозно-правственнаго содержанія, большинство которыхъ—изданіе „Кронштадтскаго Маяка“, съ портретами кронштадтскаго пастыря о. Іоан-

на; тутъ же продаются портреты извѣстной Порфиріи Киселевой, краткія ея жизнеописанія и стихи въ честь ея. Продаются онѣ вѣнки грубой и своеобразной работы, карточки и портреты о. Іоанна, нагѣльные медальоны съ изображеніемъ о. Іоанна и Порфиріи Киселевой и проч. При продажѣ своего товара эти книгоноши-проповѣдники начинаютъ свою бесѣду съ того, что пріѣхали изъ Кронштадта и Петербурга, изъ домовъ трудолюбія, основанныхъ дорогимъ батюшкой, а затѣмъ начинаютъ знакомить со своимъ „высокимъ“ образомъ жизни и съ тѣмъ ученіемъ, котораго они держатся. Говорятъ о себѣ, что онѣ долго и много молятся, строго постятся, не имѣютъ своей собственности, бросили дома и всѣ прелести мірской и брачной жизни и что теперь всѣми ихъ дѣлами управляютъ поставленныя о. Іоанномъ особыя лица. „И всѣмъ надо такъ жить,—говорятъ онѣ,—потому что скоро кончина вѣка, осталось лѣтъ 12—15. Для достиженія спасенія нужно бросить дома, семьи, брачную жизнь, деньги отдать на добрыя дѣла, въ распоряженіе тѣхъ лицъ, которыя указаны о. Іоанномъ. Спасетъ же всѣхъ дорогой батюшка о. Іоаннъ: онъ—воплотившійся сынъ Божій—будетъ судить весь міръ“. Когда впечатлѣніе на довѣрчивыхъ слушателей произведено, тогда проповѣдники сообщаютъ уже болѣе глубокія свои тайны, что у нихъ есть своя богородица, схороненная въ Ораніенбаумѣ—Порфирія Киселева, что у нихъ есть блаженные старцы (одинъ уже покойный), многоболѣзненный Матвѣюшка, а другой живой—Назарій, что у нихъ есть „Предтеча“ и „Михаилъ Архангелъ“ и проч. Братство настойчиво предостерегаетъ православныхъ отъ обольщеній іоаннитскихъ проповѣдниковъ (С. Л.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 24-го іюля 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 31—32.

1910-го года 1—8 августа.

Содержаніе: I. Допустима ли смертная казнь съ христіанской точки зрѣ-
нія? Н. Гумилевскій.—II. Разстрига. Свящ. В. Пестряковъ.—III.
Разборъ ученія социалистовъ о правѣ собственности и всеобщемъ
равенствѣ. (Окончаніе). Прот. Н. Колликовъ.—IV. Запѣтки: а) Фило-
логическая догадка о словѣ „воскресеніе“. б) Публичное кощунство.

Допустима ли смертная казнь съ христіанской точки зрѣнія?

Вопросъ о смертной казни до сихъ поръ не потерялъ своей остроты. Между прочимъ, противники смертной казни, очевидно сознавая невозможность отстаивать свое положеніе съ государственно-юридической точки зрѣнія, переносятъ вопросъ на религіозно-нравственную почву и стараются доказать, что смертная казнь противорѣчитъ христіанскому ученію. При этомъ они особенно нападаютъ на православное духовенство, которое, въ значительномъ большинствѣ своемъ,—по крайней мѣрѣ, представители его въ Госуд. Думѣ,—высказы-

вается противъ отмѣны смертной казни. Замѣчательно, что защитниками смертной казни являются, главнымъ образомъ, представители правыхъ партій, отстаивающіе интересы православія, тогда какъ противниками ея—лѣвые, для которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, религія представляется дѣломъ совершенно безразличнымъ, если не прямо вреднымъ. Поэтому тѣмъ болѣе необходимо точно опредѣлить отношеніе христіанской вѣры къ смертной казни.

Христіанство, въ противоположность естественнымъ религіямъ и даже ветхозавѣтной еврейской, направляется исключительно къ созиданію „царства небеснаго“¹⁾. Оно руководитъ человѣка къ достиженію внутренняго, духовно-нравственнаго совершенства и совсѣмъ не задается цѣлью регулировать земныя, юридическія взаимоотношенія людей²⁾; поэтому невозможно въ христіанскомъ ученіи искать узаконеній относительно тѣхъ или иныхъ формъ юридическихъ наказаній. Общественныя и государственныя формы и учрежденія должны считаться несомвѣстимыми съ христіанствомъ только въ томъ случаѣ, когда онѣ по существу своему безнравственны, и лишь при такомъ условіи христіанинъ не только въ правѣ, но и обязанъ не подчиняться подобнымъ учрежденіямъ: такъ, первенствующіе христіане, будучи во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе вѣрными исполнителями римскихъ государственныхъ законовъ, отказывались исполнять законъ о воздаваніи божескихъ почестей императорамъ. Слѣдовательно, и по отношенію къ смертной казни можно ставить только вопросъ, не является ли она противной требованіямъ нравственнаго закона.

Христіанство имѣетъ полное основаніе утверждать, что смертная казнь не есть учрежденіе, безнравственное по самому существу своему: объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ Боже-

¹⁾ Христосъ началъ Свою проповѣдь словами: „покайтесь, ибо приблизилось Царствіе Небесное“ (Мѡ. 4, 17).

²⁾ Извѣстны слова Спасителя: „кто поставилъ Меня судить или дѣлать васъ?“ (Лук. 12, 14).

ственное откровеніе, такъ и правильное пониманіе христіанскаго нравственнаго идеала. Въ ветхомъ завѣтѣ Самъ Богъ повелѣлъ предавать смерти не только за убійство (Лев. 24, 17) и за хуленіе имени Божія (Лев. 24, 16), но даже за проступки чисто нравственнаго характера: нарушеніе седьмой заповѣди (Лев. 20, 10—18), непочтваніе родителей (Лев. 20, 9; ср. Мѡ. 15, 4) и т. п. Безспорно, ветхозавѣтный законъ, какъ данный народу жестокосердому (Мѡ. 19, 8), не раскрывалъ нравственнаго идеала во всей полнотѣ и потому былъ подвергнутъ исправленію (Евр. 9, 10) и восполненъ (Мѡ. 5, 17) Христомъ. Въ частности, гражданскія ветхозавѣтныя узаконенія, къ которымъ относятся и указанныя предписанія относительно смертной казни, необязательны въ новомъ завѣтѣ. Но несовершенный законъ—вовсе не то же, что безнравственный. Снисходя къ слабости не возрожденныхъ и не облагодатствованныхъ людей, Господь могъ ограничить предъявляемыя къ нимъ нравственныя требованія извѣстнаго рода *minimum*'омъ, но узаконять предписаній безнравственныхъ Господь не можетъ. И Св. Писаніе не всякое убіеніе людей считаетъ преступленіемъ. Св. пророкъ Ілія собственноручно закололъ четыреста пятьдесятъ пророковъ вааловыхъ (3 Цар. 18, 40) и, несмотря на то, удостоился быть взятымъ живымъ на небо, а Православная Церковь прославляетъ его, какъ „ангела во плоти“ (тропарь на 20-е іюля). Ап. Павелъ, предстоя на судѣ, сказалъ: „если я неправъ и сдѣлалъ что нибудь достойное смерти, то не отрекаюсь умереть“ (Дѣян. 25, 11); такимъ образомъ, апостоль не только не указалъ, что смертная казнь есть учрежденіе незаконное и безнравственное, но, напротивъ, подтвердилъ, что человѣкомъ могутъ быть совершены дѣла, достойныя смерти.

Въ святоотеческой письменности также не встрѣчается указаній на безнравственность смертной казни. Болѣе всего поводовъ говорить объ этой послѣдней представлялось христіанскимъ апологетамъ первыхъ вѣковъ, когда христіане за самую свою вѣру предавались смерти. Однако апологеты про-

тествовали не противъ смертной казни по существу, а лишь противъ того, что христіане были казнимы безъ всякой вины. Такъ, Аѳинагоръ въ своей апологіи говоритъ: „конечно, если кто можетъ обличить насъ въ великомъ или маломъ преступленіи, мы не просимъ избавить насъ отъ наказанія, но признаемъ справедливымъ нести наказаніе, какъ бы ни было оно сильно и жестоко; но если обвиненіе основывается на одномъ имени.., то долгъ вашъ, величайшіе, человѣколюбивые и мудрѣйшіе государи, закономъ оградить насъ отъ обидъ“¹⁾,—и далѣе: „насъ обвиняютъ въ трехъ преступленіяхъ: въ безбожии, въ яденіи человѣческаго мяса, въ гнусныхъ кровосмѣшеніяхъ; но если это правда, не падите никакого пола и возраста, наказывайте безъ мѣры преступленія, совершенно истребите насъ съ женами и дѣтьми“²⁾. Въ исторіи Церкви извѣстенъ случай, когда святитель Амвросій Медиоланскій отлучилъ отъ св. причащенія императора Θεодосія Великаго за избіеніе многихъ жителей Солунн; но въ данномъ случаѣ святитель осудилъ не самое примѣненіе смертной казни, такъ какъ въ Римской имперіи казни были не рѣдки, а безразсудное распоряженіе императора, который, будучи раздраженъ проступкомъ солунянъ (разбитіемъ царскихъ статуй), приказалъ войнамъ избивать ихъ безъ разбора, такъ что погибло нѣсколько тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ, безъ сомнѣнія, много невинныхъ.

Противники смертной казни говорятъ, что она явно противорѣчитъ заповѣди Божіей: „не убій“, и тѣмъ болѣе—заповѣди Христовой о любви ко врагамъ. Но, какъ уже было указано, Самъ Богъ въ ветхомъ завѣтѣ узаконилъ преданіе преступника смерти; слѣдовательно, не всякое лишеніе человѣка жизни есть законопреступное убійство. Вѣдь никто не называетъ воромъ, напр., аукціониста, который продаетъ

¹⁾ „Аѳинагора Аѳинянина, философа христіанскаго, прошеніе о христіанахъ“, гл. 2.

²⁾ Тамъ же, гл. 3.

вещи неисправнаго должника, или пристава, который описываетъ имѣніе для взысканія повинностей, хотя и тотъ и другой отнимаютъ у человѣка собственность. Такъ и судья, при-суждающій преступника къ смерти, и палачъ, умерщвляющій его, не могутъ быть названы убійцами. Въ христіанствѣ каждый отдѣльный поступокъ оцѣнивается не самъ по себѣ, а какъ выраженіе внутренняго настроенія человѣка. Христовъ законъ тѣмъ и отличается отъ всякихъ государственныхъ законовъ и даже отъ ветхозавѣтнаго, что онъ требуетъ отъ человѣка не отдѣльныхъ поступковъ, а цѣлостнаго возвышеннаго и святаго настроенія. Даже такія благочестивыя дѣла, какъ милостыня, молитва и постъ, съ точки зрѣнія христіанскаго идеала, не имѣютъ никакого значенія, если они вытекаютъ не изъ соотвѣтствующаго внутренняго расположенія, а изъ постороннихъ соображеній (Мѡ. 6, 1—18). „Если я раздамъ все имѣніе свое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы“ (1 Кор. 13, 3), говоритъ ап. Павелъ. Соотвѣтственно съ тѣмъ и грѣхамъ должно считать тѣ поступки, въ которыхъ проявляется злое, грѣховное настроеніе. Убійство потому и является однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ грѣховъ, что въ немъ обыкновенно выражаются наиболѣе противныя христіанскому настроенію чувствованія: ненависть, злоба, гнѣвъ, мстительность. Но у судьи и палача, а тѣмъ болѣе у законодателя, который, въ существѣ дѣла, является главнымъ виновникомъ смерти осужденнаго на казнь, указанныя безнравственныя чувствованія совершенно отсутствуютъ: лишая преступника жизни, они руководятся чувствомъ долга, сознаніемъ пользы своей дѣятельности для общества и государства, а въ такомъ настроеніи ничего безнравственнаго нѣтъ. При этомъ для опредѣленія нравственности или безнравственности поведенія судьи и законодателя не имѣетъ существеннаго значенія то обстоятельство, достигается ли въ дѣйствительности казнью та цѣль, которая имѣется въ виду: устрашеніе преступниковъ и уменьшеніе количества

преступленій ¹⁾. Конечно, если законодатель умножаетъ количество казней исключительно въ силу своей кровожадности, или если судья присуждаетъ къ казни подсудимаго по личной враждѣ противъ него, то они должны считаться убійцами; но при рѣшеніи принципиальнаго вопроса необходимо имѣть въ виду нормальное положеніе дѣла. Если правительственная власть для обузданія наглости преступниковъ и для огражденія отъ нихъ общества не располагаетъ никакой болѣе гуманной мѣрой, которой *вполнѣ* могла бы быть замѣнена смертная казнь, то она не въ правѣ отказываться отъ послѣдней.

Говорятъ еще, что смертная казнь безнравственна потому, что она отнимаетъ у преступника возможность исправленія. Но всякое наказаніе, если только человѣкъ, подвергаемый ему, не испорченъ окончательно и безповоротно, невольно заставляетъ его сосредоточить вниманіе на своемъ проступкѣ и, такимъ образомъ, побуждаетъ къ раскаянію. Сознаніе же неизбежной близости смерти способно вызвать въ душѣ человѣка, еще не окончательно ожесточеннаго, рѣшительный переворотъ, поразительный примѣръ котораго представляетъ благоразумный разбойникъ, распятый со Христомъ. Говорятъ, что казнить искренно раскаявшагося—безчеловѣчно; но искренность или неискренность раскаянія извѣстна только Богу да самому кающемуся. Если же часто осужденіе на смерть вызываетъ у осужденнаго не раскаяніе, а окончательное ожесточеніе, то послѣднее показываетъ, что осужденный по своему нравственному состоянію вообще былъ далекъ отъ раскаянія, и потому едва ли возможно было надѣяться на его исправленіе.

Такимъ образомъ, смертная казнь сама по себѣ не есть явленіе безнравственное. Но подобно нѣкоторымъ другимъ явленіямъ общественной жизни (другія формы юридическихъ

¹⁾ Впрочемъ, нужно сказать, что первая и главная цѣль всякой казни—окончательное лишеніе преступника возможности вредить обществу—достигается всегда.

наказаній, война и т. п.), она есть слѣдствіе зла—грѣха. Поэтому христіанство, борясь противъ грѣха—источника указанныхъ ненормальныхъ явленій, борется вмѣстѣ съ тѣмъ и съ его слѣдствіями: если бы христіанство глубже проникло въ сознание всѣхъ людей, то, за отсутствіемъ грубыхъ преступленій, и смертная казнь сдѣлалась бы совершенно ненужной. Слѣдовательно, бороться съ смертной казнью нужно не безплодными (вслѣдствіе ихъ неприменимости къ жизни) законопроектами, а распространеніемъ среди народа христіанской любви, святости и добра; но на такомъ именно пути и стоитъ наше православное духовенство. *Н. Гумилевскій.*

Разстрига.

(Очеркъ изъ жизни духовенства).

Отецъ Иванъ Промысловъ, заслуженный протоіерей одного изъ крупныхъ губернскихъ городовъ, праздновалъ день своего ангела. Большая протоіерейская квартира была биткомъ набита самымъ разнообразнымъ людомъ: были тутъ представители городского духовенства, члены соборнаго причта, было нѣсколько прихожанъ—почитателей о. Ивана, а больше всего было молодежи. Молодежь была стихіей о. Ивана; ее онъ горячо любилъ и для нея готовъ былъ нести всякія жертвы.

Разсѣянное по всей епархіи родство о. Ивана, посѣщая по дѣламъ городъ, считало своимъ долгомъ засвидѣтельствовать почтеніе старику, и Боже сохрани,—если какой-либо дьячекъ изъ захолустья, или просфорня, прибывши въ епархіальный городъ, не заходили къ старцу: обида была кровная и нужны были мѣсяцы, чтобы старикъ забылъ ее и пересталъ ворчать и жаловаться на гордость людскую, на ослабленіе въ нашъ лукавый вѣкъ даже родственныхъ узъ.

Такъ какъ главной причиной поѣздокъ духовенства въ городъ служатъ дѣти, опредѣленіе ихъ въ училище, разныя

о нихъ хлопоты, то, вмѣстѣ съ родителями, входила въ домъ о. Ивана и молодежь, здѣсь скоро осваивалась, располагалась какъ у себя дома, брала деньги въ займы, конечно безъ отдачи, просила въ нужныхъ случаяхъ ходчтайства и заступничества; и о. Иванъ насмѣшливо-добродушно все это переносилъ, хлопоталъ, безъ конца докучалъ своими просьбами епархіальному архіерею, уважавшему старика.

— Племянниками васъ, о. Иванъ, Господь Богъ не обидѣлъ, говаривалъ епископъ о. протоіерею, предстательствовавшему за какую нибудь сироту.

— Слава Богу—не забываютъ меня старика, вотъ и вчера новый племянникъ появился, такой что и не слышалъ о немъ. хочеть отецъ въ духовное училище опредѣлить; привезъ и ко мнѣ показать сына. Мимоходомъ о. Иванъ излагалъ епископу нужду своего новоявленного родственника.

Имянины о. Ивана въ мѣстномъ духовномъ кругу были событіемъ; не мало хлопотъ доставляли онѣ прежде всего ректору семинаріи. Племянниковъ о. Ивана училось въ семинаріи каждый годъ не меньше дюжины—и всѣ они считали своею обязанностію навѣстить старика въ день его ангела. Отпускать такую орду о. ректоръ всегда смущался, но старикъ былъ хитеръ и уже дня за два отправлялъ ректору самое любезное письмо съ просьбой объ отпускѣ „племянниковъ“, съ поименнымъ перечисленіемъ послѣднихъ. Ректоръ сердился, кряхтѣлъ, но отказать о. Ивану не могъ—жалѣлъ и уважалъ старика. Муки начальницы женскаго духовнаго училища въ день именинъ о. Ивана были еще горше, но и она не могла огорчить старика и епархіалки, родственницы о. Ивана, подъ защитой и покровительствомъ самой строгой и надежной класной дамы, отправлялись къ нему на вечеринку, о которой мечтали уже не одну недѣлю.

Были на именинахъ танцы, пѣніе, было весело и оживленно; а когда молодежь уставала отъ игръ, шутокъ и смѣха, она завлекала о. Ивана въ свою компанію, усаживала въ мягкое кресло и просила „дядичку“ рассказать что-нибудь инте-

ресное. За долгую жизнь не мало старикъ пережилъ и видѣлъ; встрѣчалъ тысячи людей, любилъ рассказывать о пережитомъ, но дѣлалъ это не безъ долгихъ просьбъ и многихъ отказовъ.

— Ну такъ и быть—слушайте, дѣти, можетъ быть кому нибудь и вспомнится мой рассказъ въ жизни.

— Первый мой приходъ былъ не здѣсь, а на югѣ—въ пригородѣ большого портового города. Пять лѣтъ я прослужилъ тамъ на приходѣ, но никогда не могъ сказать точно, сколько у меня было прихожанъ,—такъ неустойчиво было населеніе. Рабочіе, мастеровые, мелкіе чиновники—все это налегкѣ приходило къ намъ, но также легко и уходило. Пастырствовать было тяжеленько. Работы было много: какъ выйдешь бывало въ иной день раннимъ утромъ на дѣланіе, такъ только вечеромъ расправишь усталые члены, а дома къ этому времени уже ждетъ нѣсколько человѣкъ за совѣтомъ, на столѣ нѣсколько оффиціальныя бумага ждутъ своей очереди и отвѣта; нужно было и къ урокамъ готовиться и къ проповѣди что нибудь прочитать. Здоровьемъ и силами Господь меня не обидѣлъ, а охоты, ревности къ труду сколько было—пороку Сампсономъ самъ себѣ казался—гордый человѣкъ! Окунулся я тогда въ жизнь человѣческую, выпилъ и горя не мало, да что свое—людское-то горе и скорбь, подвигъ и паденія великія увидѣлъ и понялъ. А какнхъ только людей я не встрѣчалъ—рассказать бы да описать, если бы могъ,—сколько бы для васъ, будущихъ іереевъ,—пользы было! Вотъ объ одномъ человѣчкѣ такомъ, особенномъ, я вамъ и расскажу.

Какъ то рождественскимъ постомъ ходилъ я по приходу съ молитвой духовнымъ чадамъ. Обойти весь приходъ—нужно было потратить не меньше педѣли. Не обходилось дѣло безъ терніевъ и неприяностей разныхъ: у интеллигентовъ частенько подь самымъ носомъ дверь запирали; иные изъ простецовъ прятались неловко и неумѣло; приходилось и голодать и злость собакъ на себѣ испытывать; а особенно неловко и прямо пристыженнымъ себя чувствовалъ, когда приходилось за молитву легту принимать. На первыхъ-то порахъ, когда дома изъ ка-

ждаго угла нужда смотрѣла, нѣтъ, нѣтъ, да и вспомнишь, а хорошо было бы заработать, да жену пріодѣть, да теплую рясу сшить, да хоть самое необходимое въ домѣ завести. И знаете, удивительно чутокъ нашъ народъ православный, видѣть, что батюшка и добрый и не корыстолюбивый, а все чувствуетъ, что отъ денегъ священникъ не откажется, что онѣ ему нужны, что хоть и не сильно, а онѣ въ нихъ заинтересованъ. Оттого и неловкость была; только позднѣе, когда я это понялъ и всякія корыстныя мысли изъ души выгналъ, это хожденіе по приходу стало не только легкимъ, но и пріятнымъ.

Обошелъ я какъ-то разъ одинъ многолюдный дворъ и уже собирався въ слѣдующій направиться, слышу сзади зовуть.

— Батюшка, окликаетъ какой-то благообразный старичекъ, а что же вы меня-то обошли—я тоже православный человѣкъ, и рукой указываетъ на квартиру, что въ самомъ послѣднемъ углу большого двора схоронилась.

— Ну веди, Божья душа, веди—помолимся.

Вошелъ я въ квартиру, да и диву дался. Двѣ небольшія комнатки чистотою могли поспорить со свѣтелкой самой аккуратной и чистоплотной барышни. Хозяинъ—пожилой, благообразный, лицо доброе, только измученное и что-то тяжелое, какъ будто туманомъ, заволакивало эту доброту.

Помолились, а потомъ я присѣлъ, сталъ квартиру разсматривать, захотѣлось и человѣка поближе узнать. Что особенно понравилось мнѣ въ квартиркѣ—это божница: не только у священника, а у монаховъ рѣдко такую увидишь. Весь красный уголъ былъ завѣшенъ иконами разныхъ размѣровъ, и содержались онѣ въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ; видно было, что для хозяина это не религіозное только украшеніе, какъ у многихъ, а дорогіе символы; что каждой иконой закрѣплено и освящено какое-нибудь событіе въ жизни; а въ серединѣ божницы красовалась икона,—какой я нигдѣ потомъ не видѣлъ. Въ живописи я кое-что чувствую и

понимаю, и казалось мнѣ, что крупный художникъ потрудился надъ этой иконой-картиной, и дорога она была для хозяина. На иконѣ былъ изображенъ Господь—истерзанный и измученный, вроткимъ взоромъ смотрѣвшій туда, гдѣ въ отдаленіи, возлѣ костра, стоялъ ап. Петръ. И столько ужаса, скорби, душевной муки было выражено въ фигурѣ и лицѣ апостола, что на долго нельзя было оторвать глазъ отъ этой дивной иконы-картины. Не мало удивила меня и библіотека хозяина: въ дубовыхъ шкафахъ, въ богатыхъ переплетахъ красовались творенія Св. Отцовъ, богословскіе журналы, сборники повѣдей.

Что, думаю, за отшельника такого открылъ?—Интеллигентъ ли это кающійся, послѣ скитаній душевныхъ вернувшійся къ Церкви, нашъ ли братъ, поповичъ, изъ выслужившихъ пенсію, или просто благочестивецъ изъ свѣтскихъ людей, какихъ не мало когда то было на святой Руси и совсѣмъ не видно теперь?

Разговорились.

— Какъ же вамъ, батюшка, на новомъ мѣстѣ живется? Послѣ школы пастырское дѣло не легкимъ то показалось, особенно въ нашемъ приходѣ?

— Порою трудненько приходится.

— А вы не смущайтесь: дѣло трудное, за то какое святое и важное! Доброе вотъ дѣло дѣлаете, что прихожанъ своихъ молитвой и вниманіемъ не оставляете. Предшественникъ то вашъ, по дряхлости, совсѣмъ оставилъ хожденіе по приходу, и сталъ уже народъ отвыкать отъ пастырскихъ посѣщеній? Навѣрно многіе съ удивленіемъ васъ встрѣчали?

— Не скрою—было и это.

— Привыкнуть опять, и благодарить будутъ. Только никого, батюшка, не обходите, особенно бѣдняковъ: они вамъ, какъ празднику, рады и благодарны, что ихъ подвалы да убогія конурки посѣщаете.

— А вы не изъ духовныхъ ли будете, къ церковности большую привязанность имѣете?—спросилъ хозяина мой спутникъ—дьячекъ Илларіонычъ.

— Да, я сродни духовнымъ, отвѣтилъ тотъ, слегка смутившись.

— Что же вы такъ одинъ безъ семьи и живете? попытался я загладить неловкость.

— Была и семья, да Богъ всю отобралъ—вотъ и доживаю вѣкъ бобылемъ.

На томъ первая моя встрѣча съ нимъ и окончилась.

Илларіонычъ, знавшій приходъ основательно, имѣвшій пріятелей во всѣхъ слояхъ прихода, отъ кучеровъ и дворниковъ до мѣстной аристократіи, о новомъ моемъ знакомомъ, его звали Петромъ Ивановичемъ, только и могъ сказать, что онъ человѣкъ благочестивый, не опускаетъ ни одной службы церковной, стоитъ въ храмѣ въ уголкѣ, возлѣ иконы Богоматери Смоленской.—Видимо большой учености человѣкъ,—заключилъ онъ свои скудные наблюденія.

Очень мнѣ тогда захотѣлось поближе узнать Петра Ивановича, заглянуть въ его душу, посмотрѣть, чѣмъ она живетъ, что въ ней дѣлается; да и самъ онъ, видимо, шелъ мнѣ на встрѣчу, сталъ кое-когда заговаривать; рѣчь всего чаще заводилъ онъ по вопросамъ религіозно-церковнымъ и богослужебнымъ, съ явной тенденціей поруководить мною.

Сдѣлаю ли я ошибку, на клиросѣ чтець ли навреть, пѣвчіе ли повольничаютъ насчетъ церковнаго устава, моя совѣсть—Петръ Ивановичъ—тутъ какъ тутъ.

— А что это у насъ, батюшка, вчера стихиры на стиховны такъ кратко прочитали, какъ будто спѣшили куда то.

— А отчего это у васъ, батюшка, въ такой то день служенія не было: праздникъ то не малый и въ народѣ очень почитается.

А бывало и такъ, что Петръ Ивановичъ и авансомъ что нибудь подскажетъ,—и все это деликатно, мягко и безобидно. Скоро я замѣтилъ, что онъ—прекрасный уставщикъ, отлично

мѣстные обычаи зналъ, и вышло такъ, что не я ему, а онъ мнѣ во многихъ случаяхъ совѣтникомъ и руководителемъ былъ.

Проповѣди говорить я любилъ—голодень нашъ народъ на проповѣдное слово—и сочинительствомъ я занимался, и экспромпты произносилъ, и, знаете, иногда хорошо выходило—складно, послѣдовательно, но скоро я замѣтилъ, что проповѣди мои все же мало трогаютъ сердца моихъ слушателей.

Бывало, только выйдешь на амвонъ, обратишься лицомъ къ народу, какъ вся масса молящихся сразу двинется впередъ, слушаютъ—слова не пропустятъ, а все же умиленія, слезъ на лицахъ я и не замѣчалъ: видно не доходило мое слово до людского сердца. Спасибо Петру Ивановичу—онъ и тутъ помогъ, да какъ хорошо, умно, деликатно!

Недѣли за двѣ до какого-то большого праздника присылаетъ онъ мнѣ книжку твореній св. Іоанна Златоуста, страницу отмѣтилъ, а на отдѣльномъ почтовомъ листкѣ написалъ: „не используете ли?“ Это онъ въ мѣсяцъ раза два-три продѣлывалъ. Такъ приохотился я къ чтенію святоотеческой литературы и только тутъ я, голуби мои, практически постигъ, какое богатое сокровище въ святоотеческой литературѣ для насъ, проповѣдниковъ, имѣется: здѣсь мы можемъ не только богатый матеріалъ для проповѣди имѣть, но и истинно-церковному проповѣдному стилю научиться. И выработалась во мнѣ, благодаря Петру Ивановичу, привычка,—прежде чѣмъ проповѣдовать, не сочинительствомъ заниматься, да красивые фигурные обороты придумывать, а прежде всего почитать, что сказали по вопросу святые отцы и подвижники, напитаться ихъ духомъ, набраться ихъ мыслей, чувствъ и выраженій.

Былъ разъ со мною и такой случай. Въ восьмидесятыхъ годахъ у насъ на югѣ особенно сильно проявился штундизмъ. Теперь семинаристъ 5—6 класса въ этомъ вопросѣ куда больше нашего вооруженъ и знаетъ, откуда пошелъ штундизмъ, каково его ученіе; есть теперь по сектантству достаточная литература.

Не такъ было въ наше время. Въ моемъ приходѣ, гдѣ ютились мастеровые, портовые рабочіе, мѣщане — народъ особенно восприимчивый ко всякимъ заблужденіямъ, — штунда зажгла цѣлый пожаръ и я прямо растерялся, не зная, что дѣлать. По долгомъ размышленіи, рѣшилъ я устраивать для народа чтенія, а послѣ нихъ предлагалъ слушателямъ свои недоумѣнные вопросы высказывать — думалъ этимъ путемъ и самъ узнать, въ чемъ люди заблуждаются, и ближняго посылно на путь истины направить. Два чтенія прошли у меня сносно, на третьемъ случилась цѣлая исторія. Вышелъ впередъ послѣ моей бесѣды какой-то мѣщанинъ, съ евангеліемъ въ рукахъ, прочиталъ десятокъ другой выдержекъ изъ слова Божія, насыпалъ мнѣ вопросовъ съ три короба, наговорилъ кучу дерзостей да упрековъ. Попробовалъ я собесѣдника остановить на одномъ какомъ-нибудь вопросѣ — куда тебѣ! — не далъ мнѣ и десяти словъ сказать, снова пустился онъ обличать православіе, безъ удержу, безъ плана, но горячо, съ крикомъ, съ требованіемъ, съсылками на каждый шагъ на Св. Писаніе. Вижу я, что получается вмѣсто пользы и вразумленія — скандалъ и соблазнъ. Приходилось мнѣ на вѣку трудныя минуты переживать, но никогда я не испытывалъ такого страха, волненія, какъ въ ту минуту. Вижу, что и православные смотрятъ на меня съ недоумѣніемъ и нѣмымъ укоромъ, и это еще больше меня въ жаръ бросало.

Въ это время, какъ всегда скромный, протискался впередъ Петръ Ивановичъ и остановился противъ моего горячаго совопросника.

— Позвольте, господинъ ласковый, тихо заговорилъ онъ къ сектанту. Батюшка то видимо уже усталъ отъ чтенія, да и не привыкъ еще къ грубостямъ; вотъ я вмѣсто него хочу побесѣдовать съ вами. На десятки вопросовъ, какіе вы задали, сразу трудно отвѣтить, но насколько я замѣтилъ вы особенно сильно на наше Св. Преданіе нападаете.

— Какое преданіе? Никакого преданія не нужно. Въ словѣ Божіемъ все, что нужно для спасенія, сказано. А вотъ

по какому такому преданію ваши священники требами торгуютъ, благодать свою продаютъ, бѣдный народъ обижаютъ, снова пустился въ обличеніе сектантъ.

Петръ Ивановичъ сразу осадилъ его тихо и умѣло.

— Св. Апостолы, проповѣдники и подвижники никогда не сердились и спокойно выслушивали своихъ собесѣдниковъ; вотъ и мы съ вами попытаемся такъ побесѣдовать, по Божьи, дружески, безъ всякой вражды.

Тихая рѣчь Петра Ивановича дѣйствовала успокаивающе и на меня, и на мою аудиторію.

— Мы съ вами потолкуемъ о Св. Преданіи, которое вы такъ поносите. Скажите, что вы считаете у насъ Св. Преданіемъ?

Сектантъ попробовалъ было увильнуть, заговорить не по вопросу, но Петръ Ивановичъ опять направилъ его на ту же тему: такъ опытный экзаменаторъ не позволяетъ увертливому ученику съѣзжать на чужой билетъ и тѣмъ обморочить комиссію и спасти положеніе.

Изъ безсвязной рѣчи сектанта, теперь уже не столь горячей и убѣжденной, выходило, что подъ преданіемъ Церкви онъ понималъ деревенскія расказни, суевѣрія.

— Вотъ видите, милый мой, вы Св. Преданіе поносите, а о немъ никакого понятія не имѣете. Какъ же можно отрицать то, чего не знаешь?

— Добре!—замѣтилъ кто то въ толпѣ.

Спокойно изложилъ Петръ Ивановичъ православный взглядъ на Св. Преданіе, а я тѣмъ временемъ, успокоившись, подыскивалъ въ Библии относящіяся къ вопросу выдержки изъ Св. Писанія и прочитывалъ ихъ народу. Такъ благополучно мы довели бесѣду до конца.

Прошло съ моей первой встрѣчи съ Петромъ Ивановичемъ три года, но за это время я ни на шагъ не приблизился къ нему и оставался онъ, со своимъ прошлымъ, полной загадкой для меня. Въ это время со мною случилось самое тяжкое горе, какое только бываетъ въ жизни священника—я

лишился жены. Тяжело и теперь вспомнить объ этомъ, а что я тогда пережилъ, какія страданія вынесъ отъ тяжести утраты, одиночества, беспомощности—одному Богу извѣстно. И нашель я тутъ и лучшаго друга, и лучшаго утѣшителя изъ людей все въ томъ же Петръ Ивановичъ. Со дня смерти моей жены онъ какъ то совсѣмъ перемѣнился въ отношеніяхъ ко мнѣ. Прежде его трудно было на минуту затащить ко мнѣ на квартиру, а теперь онъ самъ ежедневно заходилъ ко мнѣ, придумывая для этого поводы, и сидитъ бывало часами, а засидѣвшись иногда и переночуетъ. И въ обращеніи онъ сталъ какъ то веселѣе, ласковѣе,—насмѣшить, бывало, пошутить—видно развеселить, разсѣять мое горе хотѣлъ.

Одинъ разъ, когда я переживаю особенно тяжелый приступъ скорби, доходившей до отчаянія, и ни въ чемъ не видѣлъ себѣ просвѣта и утѣшенія, Петръ Ивановичъ началъ меня успокаивать.

— Не гнѣвите Бога, о. Иванъ, въ вашей скорби есть утѣшеніе, какого свѣтскіе люди никогда не имѣютъ—священство ваше. Кромѣ собственной, кровной семьи, есть у васъ другая, Божья, гдѣ вы отцомъ поставлены. Живите любовью къ своимъ духовнымъ дѣтямъ, и ваше горе покажется маленькимъ, высшая радость откроется передъ вами, жизнь снова станетъ прекрасной, да и времени у васъ не останется заниматься самимъ собою, своимъ горемъ. Такъ и быть—откроюсь предъ вами, о. Иванъ,—давно уже пора—я и самъ когда то священникомъ былъ, служилъ престолу Божию...—Вы не вѣрите, удивляетесь?

— Да, былъ.., тридцать лѣтъ прошло съ той поры; женатъ два раза былъ я, имѣлъ дѣтокъ, богатъ былъ—и все это ушло и не вернется, а изъ всѣхъ потерь, какія я несъ въ жизни, я объ одной только и доселѣ скорблю и мучусь—это о потерѣ священства.

Вы видите, о. Иванъ, что я уже старъ и далекъ отъ жизни—радости ея давно остались позади меня, а вотъ нѣко-

того чувства зависти къ вамъ—священникамъ—я и доселѣ не подавилъ въ своей душѣ.

Ваше настоящее положеніе напомнило мнѣ мою прошлую жизнь и рѣшилъ я открыться передъ вами и рассказать хотя главное изъ пережитаго мною. Какъ и вы, со школьной скамьи пошелъ я во священники, только не въ шумный городъ, а въ тихое захолустное село. Было ли у меня призваніе къ этому служенію—судить не берусь, но благія намѣренія и порывы были: не разъ думалъ я о томъ, какъ я сойду съ крестьянами, подниму приходскую жизнь, устрою школу, пріютъ, заведу библіотеку; однако на первыхъ порахъ ничего я не сдѣлалъ: много времени и силъ ушло на устройство домашняго очага, на знакомство съ приходомъ, на практическое ознакомленіе со служеніемъ. Черезъ два года отъ родовъ умерла моя жена и начались съ той поры мои мытарства. Одиночество среди окружающихъ, отсутствіе родного человѣка, съ которымъ можно было бы подѣлиться горемъ и радостью, перекинуться словомъ, безпризорность дома и маленькаго сынишки, какъ камень, давили мнѣ сердце. Личное горе такъ захватило меня, что забылъ я хорошія свои мысли о пастырствѣ, и отдалился совсѣмъ отъ крестьянства. Прямая свои обязанности—богослуженіе, совершеніе требъ стать я исполнять кое-какъ, спѣша поскорѣе остаться наединѣ со своимъ горемъ, и чѣмъ больше я вдумывался въ свое положеніе, тѣмъ чаще приходила ко мнѣ мысль снять рясу, о чемъ я и подалъ наконецъ прошеніе своему епископу. Это не было зрѣлое рѣшеніе, а всего лишь юношескій порывъ, подъ вліяніемъ горя,—и какъ часто я теперь оплакиваю свой необдуманый шагъ! Найди я въ это время въ комъ-нибудь поддержку, услышь доброе слово о томъ, какой безповоротный шагъ я дѣлаю,—быть можетъ жизнь пошла бы по иному и несъ бы я до сей поры благое иго Христово!

Увѣщавать меня епископъ поручалъ благочинному—почтенному протоіерею. Человѣкъ онъ былъ пожилой, заслужен-

ный, взысканный милостями начальства; былъ большой хозяинъ и большой хлѣбосоль, но того, что называется пастырскимъ духомъ, горѣніемъ, ревностію о Богѣ, въ немъ не было, и я это глубоко чувствовалъ. Попадаются, къ несчастью, и въ нашемъ сословіи люди съ засушенной душой, такъ сказать, чиновники по рожденію, аккуратнѣйшіе службисты, не сдѣлавшіе въ жизни большого зла, но не испытавшіе отъ своего пастырства ни трепета душевнаго, ни сладостныхъ слезъ. Такіе люди одинаково прекрасно себя чувствовали за чиновничьей конторкой, за прилавкомъ магазина, впереди роты, и вездѣ имъ одинаково хорошо будетъ. Живописаль мнѣ о. благочинный тѣ ужасы, какія меня ожидаютъ въ жизни, безправность разстриги, невозможность поступить на государственную службу, отчужденіе и пренебреженіе, съ какимъ относятся всѣ къ снявшимъ санъ. Весьма тщательно, съ большимъ выраженіемъ были мнѣ прочитаны о. протоіереемъ гражданскія и церковныя узаконенія, разстригъ касающіяся. Впрочемъ, увѣщанія его были непродолжительны,—не мало было у благочиннаго и другихъ дѣлъ поважнѣе,—и ни мало они меня не поколебали: молодъ и силенъ я былъ,—и совѣмъ не страшна казалась мнѣ борьба за насущный кусокъ хлѣба.

Не буду рассказывать подробностей своихъ скитаній. Нужды я не зналъ: матеріальная удача шла за мною: отлично устроился я на частной службѣ—на фабрикѣ, гдѣ пришелся по душѣ хозяину; здѣсь имѣлъ я не только полный достатокъ и довольство, но еще получались и значительные остатки. За это время я второй разъ женился на хорошей доброй дѣвушкѣ и казалось, быть можетъ, людямъ со стороны, что былъ я вполне счастливъ, но такъ только казалось, а уже съ первыхъ лѣтъ моей новой свѣтской жизни стало давить меня и мучить чувство, которое я назвалъ бы тоскою по священствѣ.

Вы обратили вниманіе, о. Иванъ, на то, что большинство насъ, такъ называемыхъ разстригъ, за самыми рѣдкими исключеніями—неизлѣчимые алкоголики, люди, потеряв-

шіе образъ человѣческій, и всѣ безъ исключенія несчастные люди?

— Да, пожалуй, это правда.

— А отчего бы, какъ вамъ кажется? Думаете отъ неудачъ, матеріальныхъ невзгодъ, всеобщаго презрѣнія? Нѣтъ, прежде всего отъ стыда, отъ совѣсти, которая всю жизнь казнить и мучаетъ человѣка за измѣну Богу.

Начались мои муки душевныя съ малаго: сравненій моей прошлой и новой жизни. Въ деревнѣ я оставилъ простыхъ добрыхъ людей, которые несли мнѣ свое горе и радость, какъ отцу; среди нихъ я былъ свой человѣкъ—„батя“, какъ они меня часто называли. Для озлобленной, измученной трудомъ фабричной массы я былъ совершенно чужимъ человѣкомъ. бариномъ, а для себя—ничтожнымъ винтомъ въ огромномъ дѣлѣ, связанномъ съ другими лишь вопросомъ о рублѣ, о средствахъ къ жизни. На фабрикѣ все вертѣлось около денегъ, онѣ были душой дѣла, двигали людьми, колесами машинъ, и самой фабричной конторой, которой я завѣдывалъ. Прожилъ я на фабрикѣ нѣсколько лѣтъ и все чаще стала приходить мнѣ въ голову мысль: была ли въ моей фабричной жизни хотя одна минута, когда я испытывалъ бы радость отъ своего дѣла, когда оно показалось бы мнѣ близкимъ и роднымъ, стоящимъ труда и лѣтъ жизни. Такія минуты непременно испытываетъ всякій, кто несетъ свой трудъ осмысленно, по призванію: такихъ минутъ не было у меня, и въ будущемъ не могло быть. А жизнь давала другія картины, и все чаще приводила мнѣ на память мое прошлое. Священникъ у насъ на фабрикѣ былъ рѣдкій, удивительный человѣкъ: какъ свѣчка горѣлъ онъ предъ Богомъ—весь порывъ, огонь, святая душа! Проповѣдывалъ о. Викторъ,—такъ звали нашего священника,—благовременно и безвременно, но никогда не повторялся и, казалось, съ каждой проповѣдью, все сильнѣе и настойчивѣе звенѣлъ его голосъ, все болѣе завоевывалъ и покорялъ онъ Христу людскія сердца; такъ и казалось, бывало, во время его проповѣди—пройдетъ еще минута, и поднимется онъ, сія-

ющій, радостный и благословляющій, надъ тысячною толпою и поведетъ ее, покорную, за Христомъ на муки и самыя тяжкія страданія. А какъ онъ служилъ. Слабогрудый, худенькій звонкимъ своимъ голоскомъ умѣлъ онъ каждое слово молитвы, какъ рѣзцомъ, запечатлѣть въ сердцахъ слушателей: думалъ онъ надъ каждымъ словомъ молитвы и каждое слово было у него полно содержанія. Возгласъ „миръ всѣмъ“ онъ произносилъ не меньше минуты, и за это время, благодаря особой выразительности, большинство молящихся, навѣрно, успѣвало подумать и о своемъ душевномъ мирѣ и о мирѣ съ ближними. Всего чаще священнику за богослуженіемъ приходится прославлять царство и славу Отца и Сына и Святаго Духа. У большинства священниковъ въ этомъ возгласѣ нѣтъ ни выраженія, ни чувства—одна догматическая формула, скороговоркой сказанная; въ произношеніи о. Виктора, съ разстановкой, съ повышеніемъ голоса въ каждомъ словѣ такихъ возгласовъ слышалось торжественное исповѣданіе великаго непостижимаго таинства Св. Троицы. Когда я слушалъ богослуженіе и проповѣдь о. Виктора, мнѣ невольно приходила въ голову мысль: вотъ гдѣ есть истинное прочное счастье. Это счастье и мнѣ Господь когда то открылъ, а я его дерзко и легкомысленно отвергъ. Я далекъ былъ отъ мысли сравнивать себя съ о. Викторомъ, но думалъ, что и десятой доли его труда и ревности достаточно было, чтобы жизнь была не пустой. Вспоминалъ я свое священство въ первые годы, и находилъ, что и тогда жизнь, не смотря на мою молодость, не была безсодержательной, какъ теперь, и не мало дала мнѣ счастливыхъ минутъ. Проповѣдывалъ я не часто и не мудро, но мои простыя рѣчи нравились крестьянамъ. А богослуженіе?—Сколько высшихъ радостей давало оно мнѣ, какъ порою оно воодушевляло меня и поднимало надъ землей! Сожалѣніе и раскаяніе о невозвратномъ прошломъ такъ поглотили меня и покорили, что сталъ я совсѣмъ другимъ человѣкомъ, внѣшняя жизнь ступевалась, потеряла для меня всякій смыслъ.

Какъ ни уговаривалъ меня хозяинъ, какихъ только льготъ ни предлагалъ, я все же оставилъ фабрику: хотѣлось остаться одному со своимъ горемъ и муками. Въ это время меня постигло новое горе: умерла отъ тифа моя вторая жена, за нею скоро умерли и дѣти.

Любилъ я и жену и дѣтей, но, не скрою, теперь уже семейное горе не было для меня такимъ тяжкимъ, какъ первое, и принялъ я его покорно, какъ отверженный раскаявшийся сынъ принимаетъ покорно гнѣвъ отца. Муки о томъ, что я ушелъ отъ священства, что личное счастье поставилъ выше службы Богу, разгорались во мнѣ въ огонь, который жегъ меня изнутри, давилъ на мозгъ, парализовалъ волю, доводилъ до бреда, до помѣшательства. „Иуда“—слышалось мнѣ изъ разныхъ угловъ моей квартиры и не далеко я былъ отъ участи Иуды въ послѣдній моментъ его жизни. Въ эти страшныя для меня минуты обратился я къ о. Виктору за совѣтомъ, а тотъ направилъ меня къ одному старцу благочестивому, жившему верстахъ въ 200 отъ насъ. Жилъ этотъ старецъ въ небольшомъ монастырѣкѣ, слылъ за прозорливца, знатока сердца человѣческаго и опытнаго врача душевныхъ недуговъ. Народъ валомъ къ нему валилъ и, по рассказамъ, многіе находили у него облегченіе въ горѣ, утѣшеніе и мудрый совѣтъ.

По лицу ли старецъ мое настроеніе узналъ, озаренъ ли онъ былъ свыше, только, увидѣвши меня, самъ первый заговорилъ.

— Что, батюшка, жить тяжело? Жить не хочется? а вспомни ап. Петра: онъ отрекся отъ Господа, а слезами и раскаяніемъ тяжкій грѣхъ свой загладилъ.

Когда я подробнѣе рассказалъ старцу свою жизнь и свои мученія, онъ коротко отрѣзалъ: не умничай, а молись, и рясцы снялъ потому, что молился мало—больше своимъ горемъ занимался.

Спросилъ было я робко старца: не поступить ли мнѣ послушникомъ въ монастырь,—въ тѣ времена я и вкладъ могъ

сдѣлать въ монастырь значительный,—но старецъ это предложеніе отклонилъ.

— Не нужно. Отъ совѣсти не откупишься, а монашеская ряса только самообманомъ для тебя служить будетъ, въ ней скорѣе себя легче почувствуешь, а то, пожалуй, и грѣхъ свой забудешь.

— Что же мнѣ дѣлать,—спросилъ я старца на прощаньи.

— Живи, и въ міру спасайся. Въ храмъ Божій каждый день ходи и любуйся красотой и благолѣпіемъ службы Божіей, и плачь о потерѣ того счастья, какое тебѣ Господь давалъ, а ты не захотѣлъ. А въ помощь себѣ ап. Петра каждый день на молитвѣ призывай. И куда бы тебя Господь ни привелъ, вездѣ пастырямъ помогай: будь примѣрнымъ прихожаниномъ, если не сумѣлъ быть добрымъ пастыремъ.

— Вотъ вамъ, племяши, и вся почти исторія Петра Ивановича, закончилъ о. Иванъ свой разсказъ. Какъ разойдетесь по весямъ и вкусите горькаго хлѣба іерейскаго, или,—не дай Богъ,—строгій консисторскій судъ на себѣ испытаете, быть можетъ и моего Петра Ивановича вспомните,—царство ему небесное! Теперь дѣти пора и подкрѣпиться,—и молодежь, предводительствуемая о. Иваномъ, гурьбой повалила въ столовую.

Священникъ *В. Пестряковъ*.

Разборъ ученія соціалистовъ о правѣ собственности и всеобщемъ равенствѣ.

(Окончаніе ¹⁾).

Соціализмъ совершенно не обращаетъ вниманія на индивидуальныя особенности человѣческой души. Заблужденіе соціализма заключается въ томъ убѣжденіи, что, если всѣмъ людямъ дать одно и то же воспитаніе, одно внѣшнее состояніе жизни, то исчезнуть всѣ существующія между ними различія.

¹⁾ См. № 30-й за 1910-й г.

По ихъ мнѣнію, различіе между самыми противоположными характерами, между философомъ и зауряднымъ уличнымъ разносчикомъ возникаетъ не столько отъ природы, сколько отъ обычая, нравовъ и воспитанія. Но это отнюдь не такъ, что тысячи разъ доказалъ опытъ. Мы ежедневно видимъ, что дѣти однихъ и тѣхъ же родителей, воспитанныя въ одномъ семействѣ, при одинаковыхъ условіяхъ, развиваются въ различныхъ направленіяхъ какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Одно и то же семейство даетъ Сима и Хама, воздержнаго и блуднаго сына, Алешу Карамазова и Дмитрія Карамазова, Корделію и Гонэриль и т. д... Поэтому нельзя утверждать, что всѣ люди имѣютъ одни и тѣ же недостатки, воспріимчивы къ однимъ и тѣмъ же удовольствіямъ, могутъ быть приспособлены къ одному и тому же труду, способны къ совершенію дѣлъ, имѣющихъ одинаковое значеніе и качества. Здѣсь личныя, индивидуальныя особенности выступаютъ во всей своей силѣ и онѣ подавляются въ социалистическомъ государствѣ. Въ такомъ государствѣ не можетъ быть и рѣчи объ истинно личномъ трудѣ, такомъ трудѣ, который носилъ бы отпечатокъ особенной своеобразности человѣка, на которомъ бы лежала печать даннаго отъ Бога своеобразнаго таланта, въ которомъ индивидуумъ находилъ бы полное удовлетвореніе. Трудъ предоставляется государствомъ; такой порядокъ вещей долженъ притуплять охоту къ работѣ, ослаблять одушевленіе къ любимой дѣятельности, т. е. подавлять таланты и способности, потому что талантъ не принимается во вниманіе и не встрѣчаетъ оцѣнки. Надо представить себѣ довольство, счастье „социалистическаго гражданина“, у котораго убиваютъ не тѣло, а то, что выше и дороже,—убиваютъ душу!

Въ социалистическомъ государствѣ не можетъ быть рѣчи и о собственно „личномъ наслажденіи“, „личномъ счастьи“, потому что избираетъ его не самъ человѣкъ, а указываютъ другіе. Онъ долженъ наслаждаться, развлекаться, чувствовать себя счастливымъ тамъ и такъ, гдѣ и какъ ему предписано. А между тѣмъ, кто же не знаетъ, что и счастье индивидуаль-

но. Одинъ находитъ полное удовлетвореніе и блаженство въ отшельнической пещерѣ, другой—въ ученомъ кабинетѣ, иной—въ музыкальныхъ или художественныхъ занятіяхъ, иной—въ театральныхъ развлеченіяхъ и т. д. до безконечности. Въ социалистическомъ государствѣ вы должны радоваться по предписанію. Какъ это скучно!? Какое это насиліе надъ личностью!? И это, гдѣ же?—въ „свободномъ“ государствѣ. Истинно: „свобода хуже неволи“.

Счастья не будетъ, потому что жизнь будетъ однообразна, монотонна, по указкѣ, при полной личной подавленности и неудовлетворенности. Оглушающее однообразіе труда, пищи, одежды, наслажденій, занятій—да, вѣдь, это самое ужасное рабство, безъ надежды вырваться на свободу! Это такое рабство, господство не только надъ тѣломъ, но и надъ духомъ человѣка. какого никогда и нигдѣ не было. Это страшное подавляющее физическое и духовное крѣпостничество!

Правда, Зиббернъ говоритъ: можно сдѣлать такъ, что утромъ—портной, въ полдень—мѣдникъ или столяръ, вечеромъ музыкантъ. Конечно, это сдѣлать можно, но, что же это будутъ за музыканты?

Сколь мало принимаются во вниманіе интересы личности въ социалистическомъ государствѣ, видно изъ того, что у нихъ совершенно отмѣняется семейная жизнь. Жизнь семейнаго очага съ ея взаимнымъ и искреннимъ обмѣномъ мыслей, съ взаимной помощью и поддержкой, съ ея домашними правилами, въ которыхъ отображается отличительный характеръ и духъ семьи, съ ея гостепримствомъ, съ ея прибытіемъ и отбытіемъ друзей, съ семейными праздниками, съ взаимною любовью дѣтей и родителей,—все это должно прекратиться, потому что всѣ будутъ жить казарменнымъ образомъ за счетъ государства, гдѣ всѣ раздѣлены и дѣти удалены отъ родителей. Да и будутъ ли знать, кто ихъ родители? Не родитъ ли это общеніе во владѣннн тѣ мерзости, о которыхъ св. ап. Павелъ совѣтуетъ христіанамъ даже не говорить?

Подавление личной жизни особенно сказывается въ отнѣніи правъ частной собственности. Безъ личнаго владѣнія имуществомъ собственно такъ называемая личная жизнь не мыслима. Каждый человѣкъ нуждается въ извѣстномъ запасѣ такихъ вещей, которыя онъ могъ бы назвать собственными, вполне располагать ими. Безъ такой собственности индивидуальная личность не можетъ достигнуть полнаго развитія. Личное существованіе, или состояніе жизни остается до тѣхъ поръ неустойчивымъ, пока человѣку не достаетъ средствъ для личной жизни, для личнаго самоутвержденія, для разрѣшенія своихъ личныхъ задачъ, для удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей, вкусовъ. Но самая большая опасность и вредъ какъ для личнаго развитія и усовершенствованія жизни, такъ и для общественнаго благосостоянія, заключается въ томъ, что человѣкъ не станетъ напрягать свои силы въ трудѣ, зная, что его трудами воспользуется какой-либо лѣнливый, преступный, неспособный членъ общества. Кромѣ того, необходимость отдать все выработанное, даже возвратить въ общественную казну сбереженіе пріучитъ быть расточительнымъ, т. е. будетъ нравственно развращать людей.

Итакъ мы утверждаемъ, что равенство въ положеніи, владѣніи имуществомъ, счастьемъ, радостями жизни невозможно. Эту мысль подтверждаетъ и жизненный опытъ. Въ Америкѣ возникли коммунистическія общины. Эти общины, просуществовавши нѣсколько лѣтъ, прекратили свое бытіе. Одна община (Zoav) совсѣмъ погибла, а другая обратилась въ акціонерное общество. У насъ въ Россіи ту же участь испытали пресловутые толстовскіе поселки съ опроставшимися барышнями, студентами и прочими поклонниками графа.

Но, если бы даже насильственно и устроили для новаго опыта общее коммунистическое владѣнье, имущественное равенство, то скоро оказалось бы различіе: одни имѣли бы больше, другіе—меньше. Лѣнливый, пьяный, расточительный ничего не имѣли бы, а трудолюбивый, трезвый и бережливый имѣлъ бы свое имущество. Тогда что? тогда снова пришлось

бы отнимать у трезвыхъ, честныхъ и бережливыхъ, чтобы отдать лѣнтяямъ и пропойцамъ. Скажите, спросивши у своего разума и совѣсти, у кого бы явилась охота работать при такихъ условіяхъ? Съ увѣренностью можно сказать, что скоро бы появилась масса недовольныхъ (и это были бы лучшие люди) и постаралась бы разрушить социалистическій строй жизни, немыслимый, пагубный для отдѣльной личности, для общества, для науки, искусства, вообще для культуры и цивилизаціи; появилась бы новая революція; и тогда, какъ мечта, предносился бы нашъ современный строй жизни съ правомъ собственности, съ правомъ семейной жизни, съ правомъ устроенія личной жизни и счастья по своему влеченію, по складу души, ума и сердца, съ правомъ избрать занятіе, соответствующее способностямъ и наклонностямъ человѣка.

Кто будетъ и какъ будетъ распредѣлять общее имущество въ социалистическомъ государствѣ? Одни допускаютъ самопроизвольное распредѣленіе: каждый возьметъ, что хочетъ и сколько хочетъ. Другіе этого „принципа сумашедшихъ“ не признаютъ и говорятъ, что общее достояніе будетъ распредѣляемо государствомъ. Какъ?—Мѣсто металлическихъ денегъ займутъ рабочія деньги; мѣриломъ цѣнности явится не время труда, а время „средняго труда“. Поэтому каждый гражданинъ получаетъ плату не за то количество рабочихъ часовъ, которые онъ дѣйствительно потратилъ, а за то, которое долженъ потратить средній рабочій, съ средними способностями.

Очевидно, эта система распредѣленія рѣшаетъ задачу относительно способныхъ къ работѣ, а неспособные къ работѣ въ этомъ государствѣ ничѣмъ и никакъ не обезпечены.

Проектируемая социализмомъ таксировка труда прямо не возможна; она представила бы сложную задачу и для самаго совершеннѣйшаго государства; кромѣ того, эти таксы постоянно пришлось бы пересматривать, вслѣдствіе измѣненія въ продуктивности труда. Таксировка въ социалистическомъ государствѣ привела бы къ курьезной оцѣнкѣ труда. Если этотъ

способъ распредѣленія провести исполнѣ послѣдовательно, то средній рабочій часъ Рафаэля въ экономическомъ отношеніи будетъ стоять ниже средняго часа поденщика, потому что рабочій день ученаго заключаетъ въ себѣ меньше среднихъ рабочихъ часовъ, чѣмъ рабочій день механическаго работника.

Соціалисты возстаютъ противъ собственности и потому еще, что считаютъ ее результатомъ насилія и хитрости. Но это есть злостное отворачиваніе отъ правды и истины. Конечно, бываютъ случаи, когда безчестные люди приобрѣтаютъ имущество хитростью, насиліемъ, обманомъ и преступленіями; но обычное явленіе—то, что собственность и имущество приобрѣтаются благодаря уму, энергіи, предпріимчивости, честности, трезвости и бережливости. Иногда люди идутъ на рискъ въ дѣлѣ приобрѣтенія богатства, предпринимаютъ длинныя путешествія, переселяются въ чужія страны, поселяются въ глухихъ мѣстахъ, подвергаютъ опасности даже жизнь свою. Въ результатѣ бываетъ или разореніе и гибель, или обогащеніе. Опытъ жизненный свидѣтельствуешь, что расточительные богачи дѣлались бѣдняками, а бережливые и трезвые, способные бѣдняки приобрѣтали огромныя имущества; милліонеры оказывались послѣ раззолоченныхъ палатъ и блестящихъ одеждъ среди пировъ и веселья въ подвалахъ, грязныхъ лохмотьяхъ, съ кускомъ черстваго хлѣба, а простой плотникъ, пришедшій въ городъ съ однимъ топоромъ, но умный, честный, бережливый и расторопный становился въ этомъ городѣ обладателемъ многоэтажныхъ домовъ и большихъ денегъ. Если общество отниметь имущество у богатыхъ, то этимъ ясно покажетъ, что оно не придаетъ значенія ни уму, ни трезвости, ни честности, ни усердію, какъ условіямъ приобрѣтенія богатства и вообще имущества, и становится на сторону лѣности, тунеядства, босячества.

Соціалисты обыкновенно говорятъ: имуществомъ, какъ и воздухомъ, должны пользоваться всѣ.

Конечно, если бы имуществомъ можно было пользоваться такъ же, какъ и воздухомъ, тогда никто не протестовалъ

бы противъ равняго имущественнаго владѣнія. Воздухомъ мы пользуемся, не затрачивая ни труда, ни ума, ни энергіи, ни силы воли и характера; мы дышемъ сидя, лежа и во время даже сна. Вотъ если бы и имущество текло ко всѣмъ безъ физической и духовной затраты, то отчего же? пусть бы и пользовались имъ всѣ въ равной части; если бы имущество пріобрѣталось такъ же легко, какъ легко дышется воздухомъ, даже лежа на боку; если бы имущество было въ родѣ сказочной шапки, невидимки или ковра-самолета, быстро переносающаго человѣка въ область сказочнаго счастья, или въ родѣ золотой рыбки, дающей все по желанію, то никто не возражалъ бы противъ одинаковаго имущественнаго владѣнія. Но, когда имущество является результатомъ труда, ума, силы, энергіи, честности, бережливости, трезвости, тогда уравнивать имущественное владѣніе значило бы нарушить всякую правду.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ относительно заявленія социалистовъ, что христіанство проповѣдуетъ тоже самое, что и социализмъ, и что Іисусъ Христосъ былъ первый социалистъ.

Надо удивляться тому, что социалисты, отрицающіе всякую религію, считающіе ее пережиткомъ, тормазомъ развитія, не вѣрующіе въ Христа, Сына Божія, ссылаются на Евангеліе, на христіанскую религію. Это они дѣлаютъ для того, чтобы легче уловить простецовъ, вѣрующихъ людей. Волки одѣваются въ овечьи шкуры, лицемѣры призываютъ къ своему пагубному ученію во имя Іисуса Христа, въ Котораго они не вѣрують.

Ссылка ихъ на Евангеліе не вѣрна. Іисусъ Христосъ никогда не проповѣдывалъ социалистическаго ученія, безбожія, животной и распутной жизни, что проповѣдуетъ социализмъ. Было бы прямо кощунствомъ причислять Спасителя—эту вѣчную правду, безграничную любовь, кротость, смиреніе и всепрощеніе, къ обществу бомбометателей, убійць и экспроприаторовъ.

Христіанство признаетъ священное право собственности и считаетъ грѣхомъ не только воровство, отнятіе имущества хитростью, обманомъ или насиліемъ, но и одно лишь пожеланіе чужой собственности: „не пожелай дома ближняго твоего, ни поля его, ни вола его.., ни всего, что принадлежитъ ближнему твоему“.

Слово Божіе говоритъ: „Богъ далъ, Богъ и взялъ“ (Иовъ 1, 21). Предъ Богомъ у человѣка ничего нѣтъ своего, человѣкъ только приставникъ къ своему добру и представленъ Богомъ. Св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: „у тебя все не свое: и богатство, и даръ слова, и самая душа, ибо она отъ Господа (Поуч. Іоан. Злат. т. II, стр. 3). Если Богъ отдалъ имущество человѣку, то кто же посмѣетъ, кромѣ Бога, отнять его?“

„Не укради“, говоритъ Господь чрезъ пророка Моисея. На вопросъ: „учитель благій, что сдѣлать, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную,—Иисусъ Христосъ отвѣчалъ: „не украдь“ (Мѡ. 19, 16, 18). Св. апостоль Павелъ считаетъ отнятіе имущества нарушеніемъ Закона Божія, безчестьемъ (Римл. 2, 22, 23). Св. апостоль Петръ пишетъ: „кто воруетъ, кто посягаетъ на чужое, тотъ и не христіанинъ (1 Петр. 4, 15, 16). „Съ хищникомъ“, по слову апостола Павла, „даже и ѣсть вмѣстѣ не слѣдуетъ“ (1 Кор. 5, 11). „Грабители и воры царствія Божія не наслѣдуютъ“ (1 Кор. 6, 10). Не ясно ли, что Слово Божіе осуждаетъ воровство и всякое насильственное отнятіе, отчужденіе имущества. И напрасно социалисты, проповѣдники уничтоженія права собственности, ищутъ поддержки въ Словѣ Божіемъ: оно—противъ нихъ.

Ссылаясь на Дѣянія Апостольскія, гдѣ говорится, что у первыхъ христіанъ было все общее, что у нихъ было одно сердце и одна душа, социалисты утверждаютъ, что у первенствующихъ христіанъ права собственности не было, что строй ихъ жизни былъ социалистическій.

Ссылка эта не вѣрна. Социалисты, какъ и вообще всѣ, не желающіе видѣть правду и истину, не хотятъ дочитать до конца. Правда, въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ говорится, что хри-

стіане ничего не почитали своимъ, продавали имѣнія и вырученное отъ продажи отдавали апостоламъ, что Ананія и Сапфира, утаившіе часть денегъ, вырученныхъ отъ продажи имущества, были наказаны смертью. Но прочитаемъ до конца. Апостоль Петръ, обращаясь къ Ананіи, сказалъ: „Ананія! для чего ты допустилъ сатанѣ вложить въ сердцѣ твое мысль солгать Духу Святому и утаныть изъ цѣны земли? Чѣмъ ты владѣлъ, не твое ли было, и прибрѣтенное продажей не въ твоей ли власти находилось? Для чего ты положилъ это въ сердцѣ твоёмъ? Ты солгалъ не человѣкамъ, а Богу“ (Дѣян. 5, 3, 4).

Надо отказаться отъ пониманія того, что читаешь, чтобы въ этихъ словахъ прочитатъ отрицаніе права собственности. Наоборотъ, св. ап. Петръ, какъ бы, подчеркиваетъ мысль объ этомъ правѣ и говоритъ, что имущество и деньги принадлежали Ананіи, что этого имущества никто не требовалъ, власти и права распоряжаться по своему усмотрѣнію никто не отнималъ; наказанъ же Ананія былъ за обманъ, за ложь и притомъ не предъ людьми, а предъ Духомъ Святымъ.

Христіанство совѣтуетъ богатымъ раздавать имущество, помогать бѣднымъ, но эта помощь должна вытекать изъ свободнаго рѣшенія и желанія, безъ всякаго принужденія. Если богачъ не даетъ, то виновенъ, но не предъ людьми, а предъ Богомъ, Который можетъ наказатъ его и отнять у него все; Богъ, но не люди. Рука христіанина, рука порядочнаго человѣка не должна прикасаться къ чужому.

Да; право собственности—вѣчное понятіе! Оно никогда не потеряетъ силы. Уничтожить это право значитъ пойти противъ Божескихъ и человѣческихъ законовъ, противъ человѣческой природы, противъ разума, противъ культуры и цивилизаціи, значитъ обречь все лучшее, возвышенное, благородное, таланты, счастье человѣка, науки и искусства на вѣрную гибель.

Закончимъ словами Премудраго: „Сынъ мой! если будутъ склонять тебя грѣшники, не соглашайся; если будутъ говорить: „иди съ нами, сдѣлаемъ засаду для убійства, подстережемъ

непорочнаго, живыхъ проглотимъ ихъ, наберемъ всякаго драгоценнаго имущества, наполнимъ дома наши добычею; жребій твой ты будешь бросать вмѣстѣ съ нами, складъ одинъ будетъ у всѣхъ насъ“, удержи ногу твою отъ стези ихъ, потому что ноги ихъ бегутъ ко злу и спѣшатъ на пролитіе крови“ (Притч. Солом. I, 10—16).

Протоіерей *Никандръ Колликовъ*.

ЗАМѢТКИ.

а) Филологическая догадка о словѣ „воскресеніе“.

— На страницахъ Владивостокскихъ Епарх. Вѣдомостей (№ 10 отъ 15 мая) помѣщена любопытная замѣтка, дающая филологическую догадку о словѣ „воскресеніе“. Авторъ этой замѣтки считаетъ слово „воскресеніе“ *образнымъ словомъ*, выражающимъ сильныя, потрясающія картины крестной смерти Христовой и сошествія Христа во адъ, съ ихъ послѣдствіями. Слово „воскресеніе“ состоитъ изъ двухъ частей: приставки *воз* и глагола *кресать*. *Кресало*,—огниво, *кресать*—ударомъ огнива (стали) о камень (кремень) добывать огонь, свѣтъ,—а вмѣстѣ взятыя—значать: возбуждать, возсіять свѣтъ скрытый, померкшій; въ дальнѣйшемъ значеніи—вскрывать, открывать, возбуждать скрытую жизнь. Черезъ воскресеніе Христово свѣтъ возсіалъ на все человѣчество, непосредственно же и впервыхъ,—на ветхозавѣтное (во адѣ), а затѣмъ и на все послѣдующее человѣчество. Въ словѣ „воскресеніе“ приставкой *воз* образно выражается свѣтоносное „преведеніе отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеси“. Глаголь *кресать* въ словѣ воскресеніе выражаетъ собственно обстоятельства смерти Христовой. Авторъ замѣтки признаетъ слова—*кресать* и *крестъ* однохарактерными названіями. Филологической догадкой слова *воскресеніе* „имѣется въ виду показать, какъ это церковно-славянское слово многовыразительно и глубокосодержательно, и какъ блѣдны языки латин-

скій и греческій, давшіе слова *resurrectio* и *ἀναστασία*, выражающія только внѣшнюю сторону событія воскресенія Христова: *поднялся, всталъ*. Честь славянскому языку! Честь святымъ Просвѣтителямъ славянъ!

в) Публичное кощунство.

Недавно въ Москвѣ происходило публичное перекрещиваніе православныхъ въ баптизмъ; залъ, въ которомъ происходило „таинство“, былъ биткомъ набитъ простонародіемъ, платившимъ по 12 коп. съ человѣка за интересное зрѣлище.

„Русская Земля“ говоритъ, что трудно описать негодованіе присутствовавшихъ, когда происходила кощунственная сцена, когда „жертвы перекрещиванія окунались въ водѣ, когда ломался съ оборванной коркой французскій хлѣбъ на тарелкѣ и вино изъ пивного бокала, глумясь надъ нашей Божественной литургіей; когда низводили „Св. Духа“.

Когда же окончилась вся процедура, изъ толпы послышались негодующіе возгласы:

— Гдѣ слово Божіе велитъ перекрещивать православныхъ христіанъ??—спрашиваютъ дрожащіе голоса, которые точно клубы слезъ давятъ въ горлѣ...

— Зачѣмъ вы глумитесь надъ св. вѣрой нашей?—спрашиваютъ другіе...

— Зачѣмъ оскверняете святую Москву православную? Трудно было разобрать, что и говорили другіе.

Боже, неужели мы—въ Россіи? Неужели русскій народъ долго будетъ совращаться на нашихъ глазахъ не только проповѣдью, но и публичными искаженіями таинствъ... Неужели „свобода совѣсти“ будетъ и впредь безпрепятственно осквернять и предавать православную Церковь?? (Совр. Обзор.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 31-го іюля 1910 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ, Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей

№ 33.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года августа 15-го дня.

Содержаніе: I. Характеристика католичества въ легендѣ Ф. М. Достоевскаго „Великій Инквизиторъ“. Н. Гумилевскій.—II. Къ вопросу о первоконномъ клиросномъ пѣніи. Прот. Петръ Успенскій.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.—IV. Борьба съ ересями.

Характеристика католичества въ легендѣ Ф. М. Достоевскаго „Великій Инквизиторъ“.

Очень часто религіозную вражду и фанатизмъ различныхъ вѣроисповѣданій объясняютъ отсутствіемъ вѣротерпимости: угнетаемыя вѣроисповѣданія, говорятъ, не могутъ не питать враждебныхъ чувствъ по отношенію къ господствующей религіи, ради которой они стѣснены въ своихъ правахъ, тѣмъ будто бы и въ Россіи объясняется вражда различныхъ исповѣданій и сектъ къ Православной Церкви. Но Высочайшій указъ 17 апрѣля 1905 г. о религіозной свободѣ всѣхъ исповѣданій обнаружилъ, что духъ нетерпимости и вражды лежитъ въ самой сущности религіознаго сектантства, такъ какъ послѣ и именно вслѣдствіе этого указа нападенія на Православную Церковь со стороны разнаго рода сектъ и исповѣданій и стре-

мленіе отторгать отъ нея членовъ всѣми средствами, не исключая лжи и насилій, не только не уменьшились, но напротивъ въ значительной степени усилились.

Въ Западной Россіи такое отношеніе обнаружилось въ особенности со стороны католичества, которое на первыхъ порахъ переманивало къ себѣ православныхъ цѣлыми тысячами. При этомъ католическіе пропагандисты часто старались внушать темному народу, что католичество отличается отъ православія не по существу своего вѣроученія, а только несущественными обрядами. Поэтому православнымъ необходимо точно уяснить себѣ, что самый духъ и характеръ католическаго ученія противоположенъ духу православія, несмотря на то, что большая часть христіанскихъ догматовъ формулируется тѣмъ и другимъ вѣроисповѣданіемъ одинаково (напр., символъ вѣры, за исключеніемъ *Filioque*).

Въ нашей богословской литературѣ, помимо духовныхъ спеціалистовъ, надъ уясненіемъ духа и характера западныхъ исповѣданій особенно потрудились славянофилы, во главѣ съ А. С. Хомяковымъ. Къ славянофиламъ, по своимъ воззрѣніямъ, принадлежитъ и нашъ великій поэтъ Ф. М. Достоевскій, избравшій въ высоко-художественный формѣ основныя черты католическаго ученія въ своемъ романѣ „Братья Карамазовы“ (книга пятая, гл. V—„Великій Инквизиторъ“). Черты представителя католицизма—инквизитора выступаютъ еще рельефнѣе черезъ сопоставленіе его съ выведеннымъ въ томъ же романѣ обаятельнымъ образомъ старца Зосимы, носителя и выразителя истинно-православнаго духа.

Весь интересъ указанной легенды сосредоточивается въ рѣчи инквизитора Христу, явившемуся въ Севильѣ въ самый разгаръ инквизиціонныхъ ауто-да-фе (въ XVI вѣкѣ). Въ этой рѣчи, по мысли автора, высказывается въ существенныхъ чертахъ все католическое міровоззрѣніе, основу котораго самъ авторъ формулируетъ такъ: „все, дескать, передано Тобою папѣ и все, стало-быть, теперь у папы, а Ты хоть не приходи теперь вовсе, не мѣшай до времени, по крайней мѣрѣ“.

Дѣйствительно, инквизиторъ, угрожая Христу сожженіемъ, начинаетъ свою рѣчь упреками: „зачѣмъ Ты пришелъ намъ мѣшать? ибо Ты пришелъ намъ мѣшать и Самъ это знаешь“. И въ самомъ дѣлѣ, Христось могъ только помѣшать дѣлу инквизитора, такъ какъ дѣло Христово и дѣло инквизитора противоположны по своей цѣли и по средствамъ. Инквизиторъ самъ далѣе подробно выясняетъ это: онъ утверждаетъ, что онъ и ему подобные исправляютъ дѣло Христа, такъ какъ, по его мнѣнію, пришествіе Христово не достигло своей цѣли—не дало счастья людямъ. Христось, по словамъ инквизитора, преувеличилъ силы людей и потому предъявилъ къ нимъ такія требованія, которыя для громаднаго большинства ихъ оказались непосильными. „Ты возжелалъ свободной любви человѣка, чтобы свободно пошелъ онъ за Тобою, прельщенный и плѣненный Тобою. вмѣсто твердаго древняго закона, — свободнымъ сердцемъ долженъ былъ человѣкъ рѣшать впредь самъ, что добро и что зло, имѣя лишь въ руководствѣ Твой образъ предъ собою; но неужели Ты не подумалъ, что онъ отвергнетъ же, наконецъ, и оспоритъ даже Твой образъ и Твою правду, если его угнетутъ такимъ страшнымъ бременемъ, какъ свобода выбора?“ — „Ты жаждалъ свободной вѣры, а не чудесной, жаждалъ свободной любви, а не рабскихъ восторговъ невольника предъ могуществомъ, разъ навсегда его ужаснувшимъ“. Но свобода, по утвержденію инквизитора, есть наиболѣе мучительный и невысимо-тяжелый даръ для человѣка: „нѣтъ ничего обольстительнѣе для человѣка, какъ свобода его совѣсти, но нѣтъ ничего и мучительнѣе“. Люди, по природѣ своей, бунтовщики, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе всего—рабы. Это прекрасно понималъ „страшный и умный духъ“, искушавшій Христа въ пустынѣ. Христось, по мысли инквизитора, именно потому и не далъ счастья людямъ, что Онъ отвергъ совѣты этого духа; но зато совѣтами этими воспользовались исправители подвига Христова—инквизиторъ и ему подобные. Онъ прямо говорить: „мы не съ Тобой, а съ *нимъ*, вотъ наша тайна! мы давно уже не съ Тобою, а съ *нимъ*, уже восемь вѣковъ“. Но

при всемъ томъ инквизиторъ и ему подобные сознательно обманываютъ народъ, для успокоенія его совѣсти утверждаютъ, что они все совершаютъ во имя Христова, проповѣдуютъ Его ученіе.

Совѣты „страшнаго духа“ представляются инквизитору болѣе обезпечивающими счастье людей потому, что они приспособляются къ потребностямъ послѣднихъ; но при этомъ инквизиторъ имѣетъ въ виду низшія потребности и совершенно игнорируетъ существованіе у человѣка высшихъ. Прежде всего „умный духъ“ предлагалъ Христу обратить камни въ хлѣбы. Христосъ вмѣсто того общалъ людямъ хлѣбъ небесный. Но люди, за исключеніемъ нѣсколькихъ тысячъ „избранныхъ“, „великихъ и сильныхъ“, — „малосильны, порочны, ничтожны“, имъ земной хлѣбъ дороже небеснаго, и потому они идутъ не за Христомъ, а за тѣмъ, кто общаетъ накормить ихъ. „Пройдутъ вѣка, и человѣчество провозгласитъ устами своей премудрости и науки, что преступленія нѣтъ, а стало быть, нѣтъ и грѣха, а есть лишь только голодные. „Накорми, тогда и спрашивай съ нихъ добродѣтели!“ вотъ что напишутъ на знамени, которое воздвигнуть противъ Тебя, и которымъ разрушится храмъ Твой“. Но, продолжаетъ инквизиторъ, „никакая наука не дастъ имъ хлѣба, пока они будутъ оставаться свободными, но кончится тѣмъ, что они принесутъ свою свободу къ ногамъ нашимъ и скажутъ намъ: „лучше поработите насъ, но накормите насъ“; поймутъ, наконецъ, сами, что свобода и хлѣбъ земной вдоволь для всякаго вмѣстѣ невысказаны, ибо никогда, никогда не сумѣютъ они раздѣлиться между собою!“ Дѣло въ томъ, что у человѣка есть еще болѣе сильная потребность, чѣмъ потребность хлѣба земнаго. „Нѣтъ заботы непрерывнѣе и мучительнѣе для человѣка, какъ, оставшись свободнымъ, сыскать поскорѣе того, предъ кѣмъ преклониться. Но ищетъ человѣкъ преклониться предъ тѣмъ, что уже безспорно, столь безспорно, чтобы всѣ люди разомъ согласились на всеобщее предъ нимъ поклоненіе... Вотъ эта потребность общности преклоненія и есть главнѣйшее мученіе каждо-

человѣка въ отдѣльности, какъ и цѣлаго человѣчества съ начала вѣковъ“. Эту потребность инквизиторъ понимаетъ въ самомъ низшемъ смыслѣ: по объясненію инквизитора, люди стремятся преклониться предъ тѣмъ, „кто успокоитъ ихъ совѣсть“, овладѣвъ ихъ свободой, т. е. непререкаемымъ авторитетомъ своимъ освятить для нихъ легко исполнимый нравственный законъ, освободивъ ихъ, такимъ образомъ, отъ непосильной обязанности свободнымъ подвигомъ достигать высшаго совершенства и взявъ на себя отвѣтственность за ихъ безсиліе. Къ удовлетворенію этой потребности и направлялъ „умный духъ“ свое второе искушеніе, когда предлагалъ Христу совершить чудо, бросившись съ кровли храма іерусалимскаго, и этимъ чудомъ покорить себѣ людей. „Есть три силы“, говоритъ инквизиторъ, „единственные три силы на землѣ, могущія навѣки побѣдить и плѣнить совѣсть этихъ слабосильныхъ бунтовщиковъ, для ихъ счастья,—эти силы: чудо, тайна и авторитетъ“; изъ этихъ трехъ силъ важнѣйшей является, безъ сомнѣнія, послѣдняя, такъ какъ чудо и тайна имѣютъ значеніе, лишь какъ средства для достиженія авторитета. Христосъ не пожелалъ насильственно, чудомъ подчинить Себѣ совѣсти людей, но и въ этомъ отношеніи Его дѣло взяли исправить инквизиторъ и подобные ему. „Мы исправили подвигъ Твой и основали его на *чудѣ, тайнѣ и авторитетѣ*. И люди обрадовались, что ихъ вновь повели какъ стадо, и что съ сердець ихъ снятъ, наконецъ, столь страшный даръ, принесшій имъ столько муки. Правы мы были, уча и дѣлая такъ, скажи? Неужели мы не любили человѣчества, столь смиренно сознавъ его безсиліе, съ любовію облегчивъ его ношу и разрѣшивъ слабосильной природѣ его, хотя бы и грѣхъ, но съ нашего позволенія?“

Но для доставленія людямъ полнаго счастья, для совершеннаго уничтоженія непосильнаго для нихъ дара свободы, не достаточно овладѣть ихъ совѣстью, а необходимо всецѣло подчинить ихъ себѣ, т. е. принять тотъ третій даръ „могучаго духа“, который отвергъ Христосъ, но который присвоили

себѣ инквизиторъ и ему подобные. „Мы давно уже не съ Тобою, а съ *нимъ*, уже восемь вѣковъ. Ровно восемь вѣковъ назадъ какъ мы взяли отъ него то, что Ты съ негодованіемъ отвергъ, тотъ послѣдній даръ, который онъ предлагалъ Тебѣ, показавъ Тебѣ всѣ царства земныя: мы взяли отъ него Римъ и мечъ Кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и донинѣ не успѣли еще привести наше дѣло къ полному окончанію“. Правда, люди, будучи по природѣ бунтовщиками, возмущаются противъ власти инквизитора и ему подобныхъ, но своими силами достигнуть счастья они не могутъ. „Свобода, свободный умъ и наука заведутъ ихъ въ такія дебри и поставятъ предъ такими чудами и неразрѣшимыми тайнами, что одни изъ нихъ, непокорные и свирѣпые, истребятъ себя самихъ, другіе непокорные, но мало-сильные, истребятъ другъ друга, а третьи оставшіеся, слабо-сильные и несчастные, приползутъ къ ногамъ нашимъ и возопіютъ къ намъ: „да, вы были правы, вы одни владѣли тайной Его, и мы возвращаемся къ вамъ, спасите насъ отъ себя самихъ“. Тогда и образуется единое царство, въ которомъ удовлетворена будетъ потребность людей во всемірномъ единеніи. Тогда для людей наступитъ всеобщее счастье, которое инквизиторъ представляетъ въ такомъ видѣ. „Тогда мы дадимъ имъ тихое, смиренное счастье, счастье слабосильныхъ существъ, какими они и созданы... Они станутъ робки и станутъ смотрѣть на насъ и прижиматься къ намъ въ страхѣ, какъ птенцы къ насѣдкѣ... Они будутъ разслабленно трепетать гнѣва нашего, умы ихъ оробѣютъ, глаза ихъ станутъ слезоточивы, какъ у дѣтей и женщинъ, но столь же легко будутъ переходить они по нашему мановенію къ веселью и смѣху, къ свѣтлой радости и счастливой дѣтской пѣсенкѣ. Да, мы заставимъ ихъ работать, но въ свободные отъ труда часы мы устроимъ ихъ жизнь, какъ дѣтскую игру, съ дѣтскими пѣснями, съ хоромъ, съ невинными плясками. О, мы разрѣшимъ имъ и грѣхъ, они слабы и безсильны, и они будутъ любить насъ, какъ дѣти, за то, что мы имъ позволимъ грѣшить. Мы скажемъ имъ,

что всякій грѣхъ будетъ искупленъ, если сдѣланъ будетъ съ нашего позволенія; позволяемъ же имъ грѣшить потому, что ихъ любимъ, наказаніе же за эти грѣхи, такъ и быть, возьмемъ на себя“. Несчастливы будутъ только одни руководители, взявшіе на свою отвѣтственность безсиліе и грѣхи всѣхъ остальныхъ людей и сохраняющіе тайну, что все дѣло ихъ основано на обманѣ, такъ какъ они выдаютъ себя за слугъ Христовыхъ, будучи на самомъ дѣлѣ слугами „страшнаго и умнаго духа“.

Совершенно прѣвположный взглядъ на значеніе дѣла Христова и на условія человѣческаго счастья высказываетъ старецъ Зосима. Все спасеніе и счастье людей—во Христѣ: „на землѣ воистину мы какъ бы блуждаемъ, и не было бы драгоценнаго Христова образа предъ нами, то погибли бы мы и заблудились совсѣмъ, какъ родъ человѣческій передъ потономъ. Многое на землѣ отъ насъ скрыто, но взаменъ того даровано намъ тайное сокровенное ощущеніе живой связи съ міромъ инымъ, съ міромъ горнимъ и высшимъ, да и корни нашихъ мыслей и чувствъ не здѣсь, а въ мірахъ иныхъ“. Это всемірное единеніе основывается не на общемъ подчиненіи однимъ и тѣмъ же руководителямъ, какъ въ рѣчи инквизитора, а на любви, простирающейся не только на всѣхъ людей, но и на всю природу, созданную Богомъ. „Любите все созданіе Божіе, и цѣлое, и каждую песчинку. Каждый листикъ, каждый лучъ Божій любите. Любите животныхъ, любите растенія. любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь въ вещахъ. Постигнешь однажды—и уже неустанно начнешь познавать ее все далѣе и болѣе, на всякъ день. И полюбишь, наконецъ, весь міръ уже всецѣло, всемірною любовью“. Эта любовь, и именно любовь смиренная, а не насильственно навязанный авторитетъ, есть величайшая сила, побѣждающая зло. „Предъ иною мыслью станешь въ недоумѣніи, особенно видя грѣхъ людей, и спросишь себя: „взять ли силой или смиренною любовью?“ Всегда рѣшаешь: „возьму смиренною любовью“. Рѣшишься такъ разъ навсегда,

и весь міръ покорить можешь. Смирение любовное—страпная сила. изъ всѣхъ сильнѣшая, подобной которой и нѣтъ ничего“. Вооружившись этой силой, христіанинъ долженъ не потворствовать грѣху, считая его непобѣдимымъ, а бороться съ нимъ и побѣждать его какъ въ себѣ, такъ и въ окружающихъ его людяхъ. „Други мои, просите у Бога веселья. Будьте веселы, какъ дѣти, какъ птички небесныя. И да не смущаетъ васъ грѣхъ людей въ вашемъ дѣланіи, не бойтесь, что затреть онъ дѣло ваше и не дастъ ему совершиться, не говорите: „силень грѣхъ, сильно нечестіе, сильна среда скверная, а мы одиноки и безсильны, затреть насъ скверная среда и не дастъ совершиться благому дѣланію“. Бѣгите, дѣти, сего унынія!“ Побѣда надъ зломъ въ себѣ ведетъ къ торжеству добра и въ другихъ людяхъ („если бы ты свѣтилъ, то свѣтомъ своимъ озарилъ бы и другимъ путь, и тотъ, который совершилъ злодѣйство, можетъ быть, не совершилъ бы его при свѣтѣ твоёмъ“) и во всей природѣ: „и птичкамъ было бы легче, и ребенку, и всякому животному около тебя, если бы ты самъ былъ благоуспѣшенъ, чѣмъ ты есть теперь, хоть на одну каплю да было бы“.

Въ противоположность мысли инквизитора, что нужно приспособляться къ потребностямъ людей, хотя бы и низшимъ, старецъ Зосима именно приумноженіе всякаго рода потребностей считаетъ источникомъ зла и бѣдствій. „Міръ говоритъ: „имѣешь потребности, а потому и насыщай ихъ, ибо имѣешь права такія же, какъ и у знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ людей. Не бойся насыщать ихъ, но даже приумножай,“—вотъ нынѣшнее ученіе міра. Въ этомъ и видятъ свободу. И что же выходитъ изъ сего права приумноженія потребностей? У богатыхъ *удиненіе* и духовное самоубійство, а у бѣдныхъ—зависть и убійство, ибо права то дали, а средствъ насытить потребности еще не указали. Увѣряютъ, что міръ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе единится, слагается въ братское общеніе тѣмъ, что сокращаетъ разстояніе, передаетъ по воздуху мысли. Увы, не вѣрете такому единенію людей. Понимая свободу, какъ приумноженіе и скорое

утоленіе потребностей, искажаютъ природу свою, ибо зарождають въ себѣ много безсмысленныхъ и глупыхъ желаній, привычекъ и нелѣпѣйшихъ выдумокъ“. Для достиженія нравственнаго совершенства нужно подчинять низшія потребности высшимъ. „Надъ послушаніемъ, постомъ и молитвой даже смѣются, а между тѣмъ лишь въ нихъ заключается путь къ настоящей, истиной уже свободѣ: отсѣваю отъ себя потребности лишнія и ненужныя, самолюбивую и гордую волю мою смиряю и бичую послушаніемъ, и достигаю тѣмъ, съ помощію Божіей, свободы духа, а съ нею и веселья духовнаго!“ Въ противоположность утвержденію, что для счастья рядовыхъ людей необходимо ихъ безусловное подчиненіе господству руководителей, каковымъ мнить себя инквизиторъ, старецъ проповѣдуетъ всеобщее слѣдованіе заповѣди евангельской: „кто хочетъ быть первымъ между вами, да будетъ всѣмъ рабомъ“ (Марк. 10, 44). „Безъ слугъ невозможно въ міру, но такъ сдѣлай, чтобы былъ у тебя твой слуга свободнѣе духомъ, чѣмъ если бы не былъ слугою. И почему я не могу быть слугою слугѣ моему и такъ, чтобы онъ даже видѣлъ это, и ужь безъ всякой гордости съ моей стороны, а съ его—невѣрія?.. Даже и теперь еще это такъ исполнимо, но послужить основаніемъ къ будущему уже великолѣпному единенію людей, когда не слугъ будетъ искать себѣ человѣкъ и не въ слугѣ пожелаетъ обращать себѣ подобныхъ людей, какъ нынѣ, а, напротивъ, изо всѣхъ силъ пожелаетъ стать самъ всѣмъ слугою, по Евангелію... Смѣются и спрашиваютъ: когда же сіе время наступитъ и похоже ли на то, что наступитъ? Я же мыслю, что со Христомъ это великое дѣло рѣшимъ“.

При указанной противоположности, и самое счастье человѣческое Зосима, весьма естественно, понимаетъ иначе. Чѣмъ инквизиторъ. „Старое горе“, говоритъ онъ, „великою тайною жизни человѣческой, переходитъ постепенно въ тихую умиленную радость; вмѣсто юной кипучей крови наступаетъ кроткая ясная старость: благословляю восходъ солнца ежедневный, и сердце мое попрежнему поетъ ему, но уже бо-

лѣе люблю закатъ его, длинныя косыя лучи его, а съ ними тихія, кроткія, умиленныя воспоминанія. милые образы изъ всей долгой и благословенной жизни,—а надо всѣмъ-то правда Божія умиляющая, примиряющая, всепрощающая! Кончается жизнь моя, знаю и слышу это, но чувствую на каждый оставшійся день мой, какъ жизнь моя земная соприкасается уже съ новою, безконечною, невѣдомою, но близко грядущею жизнью, отъ предчувствія которой восторгомъ трепещетъ душа моя, сіяетъ умъ и радостно плачетъ сердце“.

Н. Гумилевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ вопросу о церковномъ клиросномъ пѣніи.

Стройное, молитвенное, благогласное пѣніе на клиросахъ всегда составляло предметъ особенной заботливости высшаго и ближайшаго къ духовенству правительства нашей церкви. Устраняя въ этомъ случаѣ многочисленными своими распоряженіями изъ церковнаго пѣнія все рѣзкое, страстное, вычурное, крикливое и чуждое высокихъ поучительныхъ цѣлей, высшее духовное начальство нашей церкви между прочимъ предписываетъ (Цирк. Ук. Св. Син. отъ 21 декабря 1892 г. № 9) епархіальнымъ преосвященнымъ въ отношеніи къ церковному пѣнію „наблюдать, чтобы оно всюду производилось по тѣмъ нотнымъ книгамъ, которыя изданы и впредь будутъ издаваться Св. Синодомъ и которыя должны быть въ неотмѣняемомъ употребленіи,—учреждать курсы церковнаго пѣнія, гдѣ и когда будетъ удобно, разрѣшая вводить, гдѣ окажется полезнымъ, общее пѣніе нѣкоторыхъ церковныхъ молитвъ“. Дѣятельно рекомендуется поддерживать въ храмахъ и стройное хоровое пѣніе на клиросахъ. Чтобы придать съ этой стороны надлежащую величественность и торжественность церковному Богослуженію даже въ бѣдныхъ и малообезпеченныхъ храмахъ, духовное начальство вмѣняетъ въ непремѣнную обязан-

ность учащимъ въ церковно-приходскихъ школахъ сообщать дѣтямъ возможно болѣе обстоятельныя свѣдѣнія по церковному пѣнію, и изъ учениковъ приходскихъ школъ формировать стройные пѣвческіе хоры для участія въ церковномъ Богослуженіи. Для приготовленія же опытныхъ въ церковномъ пѣніи учителей, по особому распоряженію Училищнаго Совѣта при Святейшемъ Синодѣ, давно уже введены въ практику, съ ассигнованіемъ отъ правительства до 150 тыс. руб. каждаго года, лѣтніе краткосрочные курсы для учителей и учительницъ школъ церковно-приходскихъ, имѣющіе главною цѣлю сообщеніе учащимъ въ школахъ важнѣйшихъ свѣдѣній по церковному пѣнію. Учителя и учительницы, съ усердіемъ отдающіеся въ своихъ школахъ дѣлу организаціи стройнаго церковнаго пѣнія, обыкновенно имѣются въ особомъ вниманіи мѣстныхъ начальствъ, опредѣляются иногда предпочтительно предъ другими на мѣста лучшія и нерѣдко поощряются за свои труды начальственными благодарностями и денежными наградами. Въ нѣкоторыхъ же епархіяхъ, какъ напр., въ Тамбовской, введено даже въ непремѣнное правило учителямъ и учительницамъ, организовавшимъ пѣвческіе хоры, выдавать ежегодно изъ церковныхъ суммъ, въ видѣ прибавки къ ихъ содержанію, по 40 руб. Черезъ учрежденіе при церковныхъ школахъ пѣвческихъ хоровъ мало-по-малу облегчается путь и къ общему въ церквахъ народному пѣнію, которое съ такою любовію поощряется высшимъ духовнымъ начальствомъ. И благодареніе Богу, въ настоящее время нерѣдко можно встрѣтить приходскіе храмы, гдѣ присутствующіе за богослуженіемъ всѣ славословятъ Троицу Единосущную и Нераздѣльную уже въ духѣ древняго христіанскаго единомыслія — *едиными усты и единымъ сердцемъ*, взаимно назидая другъ друга (1 Кор. 14, 26). Нѣтъ нужды распространяться, къ какимъ благотворнымъ результатамъ можетъ вести въ религіозно-нравственномъ отношеніи подобное участіе всѣхъ молящихся въ благоговѣйномъ возглашеніи глубоко умилительныхъ церковныхъ молитвословій и пѣснопѣній. Въ такомъ пѣніи заключается не только

живой источникъ религіознаго назиданія и одушевленія, но и самое надежное средство для борьбы съ сектантскимъ богослуженіемъ, въ которое весьма широко у многихъ допущено общее пѣніе. Чрезъ участіе въ общемъ пѣніи лучше всего достигается и разумное, сознательное отношеніе къ самому содержанію богослуженія со стороны молящихся.

Слѣдуетъ, къ сожалѣнію, сознаться, что такое величественное и высоконазидательное хоровое и общее пѣніе для приходскихъ храмовъ есть, если можно такъ выразиться, нѣкоторая лишь роскошь. потому что оно обнимаетъ собою далеко не всѣ церковныя службы и слышится здѣсь только въ дни праздничныя, когда учащіеся въ церковно-приходскихъ школахъ, будучи свободными отъ учебныхъ занятій, обязательно собираются для молитвы въ приходскіе храмы. Во всѣ же остальные дни года, а въ тѣхъ церквахъ, гдѣ вовсе не организованы дѣтскіе хоры изъ школьныхъ питомцевъ, въ теченіе цѣлаго года обыкновенно слышится въ храмахъ, дополняемое участіемъ неумѣлыхъ любителей, одиночное пѣніе приходскихъ псаломщиковъ, не отличающееся правильностію и искусствомъ и не отвѣчающее требованіямъ церковнаго благозвучія. Правда, на подготовленіе хорошихъ клиросныхъ пѣвцовъ, контингентъ которыхъ составляется главнымъ образомъ изъ кончившихъ и не кончившихъ курсъ питомцевъ духовныхъ училищъ и семинарій, высшимъ духовнымъ начальствомъ обращено также самое широкое и всестороннее вниманіе. Церковное пѣніе, по смыслу начальственныхъ распоряженій духовнаго вѣдомства, есть обязательный предметъ не только училищнаго, но и семинарскаго курса, и хотя въ ряду предметовъ, назначенныхъ для сихъ заведеній, по росписанію поставленъ послѣднимъ (п. 14 § 120 Уст. Дух. Сем. и п. 10 § 77 Уст. духов. учил. 1884 г.), однако числится тамъ непосредственно за такими важными общеобразовательными предметами, какъ дидактика, философія, психологія, логика въ духовныхъ семинаріяхъ и чистописаніе, географія, ариѳметика въ духовныхъ училищахъ. На прохожденіе его положено въ каждомъ классѣ

семинарскаго и училищнаго курса по одному уроку въ недѣлю, во второмъ же классѣ училища 2 урока, а въ первомъ— даже 4 урока (Прилож. къ уст. дух. сем. № 1 и приложен. къ § 80 уст. дух. учил.). Въ предупрежденіе небрежнаго со стороны учащихъ отношенія къ столь важному предмету, высшимъ духовнымъ начальствомъ въ особыхъ позднѣйшихъ распоряженіяхъ установлено—учениковъ лѣнивыхъ и небрежныхъ къ занятіямъ по церковному пѣнію подвергать прежде всего дисциплинарнымъ взысканіямъ; въ случаѣ же безуспѣшности мѣръ взысканія начальствамъ духовно-учебныхъ заведеній вмѣняется въ обязанность малоуспѣшность учениковъ въ церковномъ пѣніи, если она зависить не отъ состоянія ихъ здоровья, удостовѣреннаго свидѣтельствомъ врача, а отъ ихъ упорнаго равнодушія къ означенному предмету, принимать во вниманіе при составленіи разрядныхъ списковъ, при чемъ высшее мѣсто, при совершенно равномъ количествѣ балловъ, предоставляется тѣмъ воспитанникамъ, которые имѣютъ преимущество по успѣхамъ въ церковномъ пѣніи, упорно же лѣнивыхъ и небрежныхъ въ его изученіи не переводить въ высшіе классы впредь до исправленія (опред. Св. Сип. отъ 26 мар.— 17 іюня 1887 г. въ разъясн. къ § 120 Уст. Дух. Сем.).

Что же касается учениковъ, не поддающихся никакимъ педагогическимъ мѣрамъ исправленія и взысканія, то предоставляется право даже и увольнять ихъ изъ учебнаго заведенія за нетерпимое для духовнаго воспитанника нравственное направленіе (Опред. Св. Сип. отъ 3/4 февр. 1889 г. за № 243 въ Циркул. по духовно—учебн. вѣдом. за 1889 г. № 5). Положеніе церковнаго пѣнія въ духовныхъ училищахъ приравнено съ этой стороны къ положенію его въ семинаріяхъ. Независимо отъ сего, по указу Св. Сип. отъ 30 ноябр. 1834 г. № 8, учителямъ церковнаго пѣнія духовно-учебныхъ заведеній вмѣняется въ обязанность „проходить съ воспитанниками во время уроковъ предстоящія церковныя службы по указаніямъ церковнаго устава, приучая ихъ пѣть по церковнымъ гласамъ тропари, кондаки, стихиры, богородичные, догматики

и пр. и такимъ образомъ еженедѣльно знакомить ихъ практически съ содержаніемъ и послѣдованіемъ пѣнія какъ воскресныхъ, такъ и праздничныхъ церковныхъ службъ“. Повидимому, чрезъ всѣ эти начальственныя предписанія церковное пѣніе въ духовныхъ школахъ, какъ учебный предметъ, возведено на такую образовательную высоту, что должно бы само по себѣ возбуждать въ учащихся интересъ, надежно вести къ благоуспѣшнымъ результатамъ и давать церкви Божіей хорошихъ знатоковъ клиросаго церковнаго пѣнія; тѣмъ болѣе, что и самая программа сего предмета отличается большою полнотою и разнообразіемъ. Она обнимаетъ собою не только простое пѣніе съ голоса и обиходное пѣніе, но и древнерусское, касается такъ называемыхъ „лицъ“, „ѣтъ“ и „знаменъ“ крюковаго распѣва, знакомить учащихся съ партеснымъ, итальянскимъ пѣніемъ, а въ послѣднихъ двухъ классахъ семинаріи излагаетъ даже исторію пѣнія и методику обученія сему предмету въ церковно-приходскихъ школахъ, которая (методика) завершается практическими уроками въ образцовой при семинаріи школѣ. Въ заключеніе же всего программа внушаетъ наставнику сообщать желающимъ и наиболѣе способнымъ воспитанникамъ и свѣдѣнія, относящіяся до организаціи хороваго пѣнія и до управленія пѣвческимъ хоромъ. При такой широкой программѣ обученіе въ духовныхъ школахъ церковному пѣнію естественно ожидать, что изъ школъ этихъ будутъ выходить кандидаты на занятія псаломщическихъ должностей, хорошо и всесторонне подготовленные къ своему дѣлу, — люди, искусно умѣющіе владѣть голосомъ, пріучившіе слухъ свой еще на школьной скамьѣ къ правильнымъ церковнымъ напѣвамъ, — съ любовію и расположеніемъ въ душѣ къ пѣвческому искусству, и чѣмъ выше пройденный этими лицами курсъ церковнаго пѣнія, тѣмъ и самыя ихъ познанія будутъ отличаться большею обстоятельностью и совершенствомъ. Однако въ дѣйствительности, какъ свидѣтельствуетъ повсюдвый опытъ, далеко не оправдываются означенныя ожиданія. Лицамъ, близко стоящимъ къ этому дѣлу, хорошо извѣстно, что ны-

пѣшніе молодые псаломщики изъ окончившихъ курсъ оказываются мало практически подготовленными къ отправленію клиросныхъ обязанностей. Отъ приходскихъ священниковъ слышатся въ этомъ случаѣ справедливыя сѣтованія на небрежное и даже высокомѣрное отношеніе такихъ псаломщиковъ къ церковному клиросу, на слабость и невыработанность ихъ голосовъ, на частыя отступленія ихъ отъ церковныхъ напѣвовъ и на нетвердое знакомство ихъ особенно съ такими священными пѣснопѣніями, которыя употребляются за богослуженіями сравнительно рѣдко, напр., съ пѣснопѣніями Страстной седмицы, св. Четырдесятницы и въ частности—литургии преждеосвященныхъ Даровъ. Что же касается церковнаго обиходнаго пѣнія, за которымъ въ школахъ должно бы быть признано по отношенію къ выработкѣ правильныхъ приемовъ пѣнія весьма важное дисциплинирующее значеніе, то безъ преувеличенія можно сказать, что изъ современныхъ духовныхъ школъ не выносятся ни твердой сознательной подготовки, ни расположенія къ нему. Если же обиходное пѣніе съ нѣкоторою любовію и поддерживается еще нынѣ на клиросахъ, то лишь пѣвцами стариннаго типа, которые, къ сожалѣнію сказать, нынѣ становятся уже рѣдки. „Теперь въ нашихъ храмахъ, особенно сельскихъ“, говоритъ одинъ изъ ученыхъ публицистовъ сего вопроса, „крайне рѣдко можно встрѣтить псаломщика, твердо и чисто знающаго церковныя напѣвы; обыкновенно поется нѣчто болѣе или менѣе сходное съ ними,—иногда басовая партія хоровыхъ переложеній, которая сама по себѣ крайне не красива, не мелодична и не даетъ объ истинномъ церковномъ мотивѣ почти никакого представленія. Впрочемъ, такіе псаломщики, даже въ селахъ въ одиночку поютъ обыкновенно лишь въ будни, а въ праздники собираютъ любителей и оглашаютъ своды храма ужаснѣйшими партесами. Недаромъ понимающіе дѣло говорятъ, что пѣвцовъ, знающихъ и правильно исполняющихъ древне-церковное пѣніе, теперь почти невозможно найти“ (Богослов. Вѣстн. за 1899 г., августъ, стр. 553 „О современныхъ нуждахъ церков-

наго пѣнія“). „Замѣчательно, что поколѣніемъ или двумя раньше они не представляли изъ себя особенной рѣдкости, и наши отцы съ восторгомъ и сожалѣніемъ вспоминаютъ о томъ времени, когда подобные пѣвцы возбуждали истинное религіозное чувство своимъ одоголоснымъ исполненіемъ“ (Комарова „Средства къ улучшенію церковнаго пѣнія“. Правосл. Обзорѣн. за 1890 г.).

Вслѣдствіе слабой и неудовлетворительной подготовки молодыхъ современныхъ псаломщиковъ къ церковному клиросу, и самое пѣніе ихъ страдаетъ здѣсь неувѣренностію, недостаткомъ правильности и отсутствіемъ духа церковности и по этой причинѣ не можетъ имѣть цивилизующаго, руководительнаго значенія для мѣстныхъ, не отличающихся искусствомъ и музыкальнымъ вкусомъ, любителей церковнаго пѣнія, и даже напротивъ, при нетвердомъ знакомствѣ съ церковными напѣвами подобные псаломщики болѣею частію сами съ легкостію подчиняются мѣстнымъ, иногда очень уродливымъ традиціямъ клироса. Конечно, иного чего-либо нельзя и ожидать отъ псаломщиковъ этого рода, у которыхъ пріобрѣтенное въ школѣ практическое знакомство съ церковными пѣснопѣніями, несмотря на обширность учебной программы, въ дѣйствительности обыкновенно сводится лишь къ изученію первыхъ двухъ-трехъ воскресныхъ стихирь на Господи воззвахъ каждаго недѣльнаго гласа, воскресныхъ и вообще наиболѣе употребительныхъ ирмосовъ октоиха, догматиковъ, обычныхъ литургійныхъ пѣснопѣній и праздничныхъ тропарей, причемъ все остальное богатство стихирь, особенно стиховныхъ и хвалитныхъ и другихъ церковныхъ пѣснопѣній, заключающихся въ тріодяхъ и минеяхъ, остается ими незатронутымъ и совершенно для нихъ неизвѣстнымъ. Практическимъ результатомъ подобной односторонности изученія церковныхъ пѣснопѣній обыкновенно является то, что даже въ храмахъ самыхъ учебныхъ заведеній, имѣющихъ цѣлію подготовленіе церковныхъ пѣвцовъ, малоупотребительныя пѣснопѣнія, напр., въ первую седмицу поста и въ Страстную недѣлю, а также и въ дни рѣдко повторяющихся

ся празднествъ, по временамъ исполняются, и особенно на лѣ-
 выхъ клиросахъ, весьма неискусно, съ искаженіемъ словъ, съ
 неправильными раздѣленіями текста, съ неумѣстными и не-
 увѣренными остановками, а иногда, вопреки требованіямъ цер-
 ковнаго устава, замѣняются произвольно другими пѣснопѣні-
 ями, чаще употребляющимися и болѣе извѣстными, напр., ка-
 тавасія „Божественнымъ покровень“ замѣнена была въ одномъ
 учебномъ заведеніи ирмосами „Отверзу уста моя“. Умилитель-
 ное и трогательное пѣніе церковныхъ прокимновъ на гласъ
 даже въ храмахъ учебныхъ заведеній почти повсюду уже утра-
 тилось и замѣняется пѣніемъ однообразнымъ, речитативнымъ.
 Что же касается простаго пѣнія преждеосвященной Боже-
 ственной литургіи, то нынѣ едва ли можно найти 5—10 се-
 минарій, гдѣ бы воспитанники владѣли имъ болѣе или менѣе
 твердо: оо совершенно здѣсь вытѣснилось пѣніемъ парте-
 снымъ, и представленія объ этомъ пѣніи простомъ среди ны-
 нѣшнихъ учащихся духовныхъ юношей самая сбивчивыя, не-
 ясныя, или лучше сказать—они вовсе отсутствуютъ.

Если за нынѣшними семинаріями и духовными училища-
 ми и сохраняется реноме учебныхъ заведеній, въ которыхъ
 процвѣтаетъ еще хорошее пѣніе, то по справедливости это
 слѣдуетъ сказать лишь о хоровомъ пѣніи, которое дѣйстви-
 тельно иногда здѣсь бываетъ доведено до возможнаго совер-
 шенства и привлекаетъ въ домовыя церкви сихъ заведеній зна-
 чительное число богомольцевъ, желающихъ усладить слухъ свой
 искусственнымъ пѣніемъ. Въ храмахъ сихъ заведеній также
 слышится по временамъ и величественное общее пѣніе, спо-
 собное доставить слушателямъ цѣлый рядъ высокихъ впечат-
 лѣній. Но и то и другое не имѣютъ никакого значенія для
 выработки цѣлцовъ церковнаго клироса. Хоръ семинарскій
 обыкновенно составляетъ группа воспитанниковъ съ хорошими
 сравнительно голосами, способныхъ къ пѣнію и нѣкоторымъ
 образомъ его понимающихъ; но въ знаніи простыхъ церков-
 ныхъ напѣвовъ, въ пѣніи клиросномъ одиночномъ они часто
 оказываются столь же малосвѣдущи, какъ и прочіе ихъ това-

рици. Пѣніе же общее, вращаясь по преимуществу въ кругѣ только болѣе извѣстныхъ и постоянно употребляемыхъ церковныхъ пѣснопѣній, каковы на молитвахъ разнаго рода тропари и за литургіей символъ вѣры, Отче нашъ, Достойно есть, Приидите поклонимся, а за всеобщимъ бдѣніемъ Свѣте тихій, великое славословіе и др., не даютъ учащимся твердаго и широкаго усвоенія церковныхъ напѣвовъ. Прикрываясь массою голосовъ, многіе воспитанники, напротивъ, вовсе не поютъ здѣсь и слѣдов. общее пѣніе является для нихъ не имѣющимъ никакого значенія; другіе поютъ съ вольностями, съ недостатками и, являясь за массою незамѣченными, постепенно выкаютъ къ нимъ и укореняются въ нихъ. Въ смыслѣ выработки приѣмовъ и подготовки къ церковному клиросу подобное общее пѣніе не только не приноситъ существенной пользы, но для нѣкоторыхъ воспитанниковъ даже служитъ тормазомъ къ исправленію ихъ недостатковъ.

Можно ли послѣ всего этого удивляться, если приходскіе священники часто открещиваются отъ назначенія къ нимъ псаломщиковъ изъ окончившихъ курсъ и охотнѣе довольствуются псаломщиками съ меньшимъ образованіемъ, напр., изъ духовныхъ училищъ или, какъ напр., въ Тамбовѣ, изъ школы миссіонерской? Всѣ эти пѣвцы хотя тоже не выносятъ изъ низшихъ современныхъ школъ надлежащихъ пѣвческихъ знаній, однако они относятся къ церковному клиросу тщательнѣе и съ большею живостію сохраняютъ въ себѣ навыки къ пѣнію, практически ими пріобрѣтенные въ годы самаго ранняго дѣтства. Можно прямо сказать, что при настоящемъ состояніи обученія въ духовныхъ школахъ церковному пѣнію, успѣхи воспитанниковъ обыкновенно являются обратно пропорціональными высотѣ ихъ учебнаго курса. Поступая въ семинарію изъ училищъ съ нѣкоторыми знаніями относительно церковныхъ напѣвовъ, воспитанники или останавливаются здѣсь на одной точкѣ, ни количественно, ни качественно не прогрессируя въ своихъ знаніяхъ, или же обнаруживаютъ полнѣйшій регрессъ, постепенно утрачивая къ концу курса и тѣ крупныя знанія

какими обладали они въ училищахъ. Есть ли какое-н. основаніе отъ такой подготовки ожидать для клироса хорошихъ пѣвцовъ?

При современномъ стремленіи духовнаго начальства къ оживленію и улучшенію церковнаго пѣнія, звучитъ диссонансомъ это замѣчающееся повсюду оскудѣніе на церковномъ клиросѣ искусныхъ и одушевленныхъ пѣвцовъ. На грустные размышленія наводитъ всѣхъ истинныхъ любителей церковнаго благолѣнія эта бесплодность занятій въ духовныхъ школахъ по церковному пѣнію. Гдѣ кроется истинная причина такого страннаго несоотвѣтствія между серьезными, повидимому, заботами школы о приготовленіи хорошихъ церковныхъ пѣвцовъ и горькимъ отсутствіемъ ихъ въ дѣйствительности?

По уставу 1867 года церковное пѣніе въ духовныхъ школахъ не было предметомъ обязательнымъ и положено было для преподаванія внѣ класснаго времени (примѣч. 2-е въ приложен. къ уст. дух. сем. 1867 г. № 2),—было, можно сказать, въ духовной школѣ забыто, и конечно, печальные результаты такого пренебреженія столь важнымъ для духовной школы предметомъ не замедлили обнаружиться во всей силѣ. Воспитанники являлись совершенно неподготовленными къ отправленію церковной службы, всюду возбуждая и среди духовенства, и въ свѣтскомъ обществѣ, не порвавшимъ связи своей съ церковію, справедливое негодованіе на свое невѣжество относительно церковнаго пѣнія. По уставу 1884 года обстоятельства дѣла, повидимому, существенно измѣнились—церковное пѣніе введено по духовнымъ школамъ въ кругъ предметовъ обязательныхъ; внимательное отношеніе къ нему учащихъ ограждено строгими предписаніями; программы расширены, и обученіе церковному пѣнію изъ внѣ класснаго времени перенесено на обычное учебное время. Однако и нынѣ на клиросахъ пѣвцы знающіе и искусные попрежнему рѣдки и, можно сказать, исключительны. Отчего зависить бесплодность усилій дать ихъ церкви Божіей, когда на эту сторону дѣла обращено широкое и всестороннее вниманіе? По всему замѣтно,

что современное обученіе въ духовныхъ школахъ церковному пѣнію страдаетъ множествомъ ненормальностей, и вопросъ, о томъ, какъ лучше и цѣлесообразнѣе вывести его изъ этого положенія, естественно, долженъ быть близокъ сердцу каждаго, кому дороги и успѣхи духовной школы, и благолѣпіе церковнаго богослуженія. Чѣмъ же слѣдуетъ объяснить столь слабые нынѣ успѣхи занятій въ духовныхъ школахъ по церковному пѣнію? Почему современная духовная школа не даетъ хорошихъ пѣвцовъ церкви Божіей?

Прот. *Петръ Успенскій*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Нѣкоторые студенты имѣли знакомства въ городѣ. Такіе часто посѣщали своихъ знакомыхъ и принимали участіе въ тѣхъ домашнихъ увеселеніяхъ, какія бывали въ знакомыхъ семействахъ. Выходъ изъ академическаго корпуса былъ довольно свободный: студентъ, когда хотѣлъ, могъ невозбранно отлучаться изъ него. Можно было записываться въ книгѣ, съ указаніемъ, къ кому именно идетъ студентъ и до какого времени пробудетъ у знакомыхъ; но строгаго наблюденія надъ тѣмъ, чтобы студентъ возвращался въ указанное время, не было. Обѣщавшійся возвратиться въ семь часовъ вечера возвращался въ двѣнадцатъ, случалось—и позднѣе. И это сходило благополучно. Инспекція не допытывалась и не узнавала, въ свое ли время возвратился студентъ въ академическій корпусъ. Но многіе отлучались изъ корпуса, не записываясь въ книгѣ. Дозволяли себѣ студенты такую самовольную отлучку потому, что инспекція очень рѣдко посѣщала жилые номера и столовую, надѣясь, что ихъ отсутствіе не будетъ

¹⁾ См. № 30 т. г.

замѣчено и доведено до свѣдѣнія инспектора. Инспекторъ, впрочемъ, зналъ, что такія самовольныя отлучки, безъ записи въ книгѣ, частенько практикуются студентами, но не находилъ нужнымъ принимать противъ нихъ строгія мѣры.

Одно только неудобство было при этихъ отлучкахъ. При позднемъ возвращеніи въ академію затруднительно было проникнуть въ академическій корпусъ. Затруднительно проникнуть, собственно не въ академическій корпусъ (корпусъ не запирался), а въ монастырскій дворъ, въ которомъ расположены зданія академіи. Въ этотъ дворъ вела одна калитка въ монастырскихъ воротахъ, находящихся вблизи комнатъ ректора, настоятеля монастыря, и эта калитка очень рано запиралась. Привратникъ былъ изъ прислужниковъ монастырскихъ. Возвращавшіеся поздно должны были стучать ему, чтобы онъ отперъ имъ калитку и впустилъ ихъ во дворъ. Привратникъ иной разъ крѣпко заснетъ, или по нежеланію не спѣшитъ отпирать калитку. Нерѣдко приходилось долго дожидаться, пока привратникъ пуститъ во дворъ запоздавшего студента. Случалось, что на сильный и продолжительный стукъ въ ворота выходилъ самъ ректоръ, помещеніе котораго было недалеко отъ воротъ, и поздно возвращавшійся студентъ, не въ урочный часъ, попадался на глаза начальника. Но ректоръ, поймавшій студента, не производилъ разслѣдованія, гдѣ онъ былъ и откуда возвращался, и не налагалъ на него взысканія. Студенту только совѣстно было, что вина его—поздняя отлучка изъ корпуса—дѣлалась извѣстна начальству, и это не мало беспокоило его,—беспокоило его, можетъ быть, больше, чѣмъ наложенное на него дисциплинарное взысканіе.—Чтобы избѣжать непріятностей при возвращеніи домой позднимъ вечеромъ чрезъ запертую и не скоро открываемую калитку, нѣкоторые студенты избирали болѣе короткій, хотя не совсѣмъ благовидный путь,—прямо съ улицы перелѣзали чрезъ монастырскую ограду. Ограда противъ академическаго корпуса была невысокая, и перелѣзть черезъ нее было не трудно, въ особенности если напередъ приготовить къ тому нѣкоторыя

приспособленія, что и дѣлалось желающими воспользоваться такимъ нелегальнымъ путемъ. А входъ въ корпусъ былъ открытый, и жилыя комнаты, гдѣ были спальни, на ночь не запирались.

Упомянувъ о студентахъ, имѣвшихъ знакомства въ городѣ и дозволявшихъ себѣ нерѣдкіе выходы изъ корпуса, я долженъ оговориться, что я не принадлежалъ къ числу такихъ студентовъ. Будучи студентомъ, я жилъ чуть не затворникомъ. Мои знакомства ограничивались міромъ студенческимъ, и внѣ академіи я не имѣлъ знакомствъ, и изъ академіи выходилъ только въ Михайловскій монастырь, куда мы, владимірцы, изрѣдка являлись къ преосвященному Аноллинару, всегда милостиво насъ принимавшему. Мой старшій братъ, во время своего студенчества, приобрѣлъ нѣсколько знакомствъ. И когда, по окончаніи курса, онъ уѣзжалъ изъ Кіева, по желанію своихъ знакомыхъ, онъ предлагалъ мнѣ и даже настоятельно просилъ меня наследовать и продолжать его знакомства. Но я не принялъ его предложенія и передаваемого чрезъ него предложенія его знакомыхъ, и въ старшемъ курсѣ остался такимъ же затворникомъ, какимъ былъ въ младшемъ. Причиною такого моего отчужденія отъ внѣшнихъ знакомствъ и отъ общества была моя природная застѣнчивость, усиленная въ юные годы моимъ сиротствомъ. По смерти отца и матери, оторванный отъ семейства, я вмѣстѣ съ тѣмъ оторванъ и удаленъ былъ отъ общества. Среди общества я чувствовалъ себя чуждымъ человѣкомъ, и мало видѣлъ ласкающей любви. А при неизбѣжныхъ сношеніяхъ съ обществомъ меня заслонялъ собою братъ мой, который, какъ старшій въ семьѣ, бралъ на себя представительство за всѣхъ насъ младшихъ. Когда въ какихъ-либо собраніяхъ мы бывали вмѣстѣ, ему принадлежала активная роль, а мнѣ пассивная: онъ больше говорилъ, а я больше молчалъ. Такъ образовалось у меня настроеніе, при которомъ я не искалъ общества, а скорѣе уклонялся отъ него. Такимъ я былъ вначалѣ, когда поступилъ на службу въ академію. Въ первые годы моей службы меня

почти насильно вводили въ общества, гдѣ желали припимать меня. Но съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ добраго расположенія ко мнѣ людей внѣшнихъ, мое дикарское настроеніе сглаживалось и измѣнялось, и изъ студента-затворника я сдѣлался потомъ человѣкомъ общественнымъ, хотя свѣтскаго лоску никогда не могъ пріобрѣсть.

Моимъ развлеченіемъ въ періодъ студенчества, какъ развлеченіемъ и многихъ моихъ товарищей, была почти ежедневная прогулка. Въ четыре часа дня, а лѣтомъ позднеѣ, мы группами въ два, три человѣка, отправлялись по александровской улицѣ, а потомъ переходили отъ нея на набережное шоссе, по которому иногда заходили очень далеко. Набережное шоссе тогда только что было устроено и содержалось довольно чисто. Оно было тогда мѣстомъ гулянья чистой кievоподольской публики.

Изъ студенческихъ прогулокъ по шоссе мнѣ припоминается одинъ случай, который я считаю не лишнимъ, занести въ свою хронику. По шоссе имѣлъ обыкновеніе совершать прогулку въ одинъ опредѣленный часъ каедральный протоіерей Іоаннъ Михайловичъ Скворцовъ, бывшій прежде профессоромъ философіи въ академіи, а въ періодъ нашего студенчества профессоромъ богословія въ университетѣ св. Владиміра. Разъ вмѣстѣ съ нимъ шелъ по шоссе Викторъ Ипатьичъ Аскоченскій, и онъ замѣтилъ, что нѣкоторые студенты, встрѣчаясь съ Скворцовымъ, не оказываютъ ему должнаго почтенія, то есть, не кланяются ему. Аскоченскій, замѣтивъ это, тотчасъ же бѣжитъ къ инспектору Леонтію, и съ азартомъ жалуется ему на студентовъ, на ихъ неблаговоспитаанность и непочтительность. Идетъ всѣмъ извѣстный протоіерей, бывшій профессоръ академіи, уважаемый не только всѣмъ Кіевомъ, но и всею Россією. А молодые люди, студенты академіи, которые другимъ должны показывать примѣръ благовоспитаанности, не хотятъ шапки предъ нимъ скинуть. Инспекторъ принялъ къ свѣдѣнію горячее заявленіе Аскоченскаго, но не хотѣлъ разслѣдовать, кто это изъ студентовъ оказалъ непочтеніе протоіерею

Скворцову, а только всѣмъ намъ сдѣлалъ общее внушеніе, чтобы мы всегда соблюдали правила вѣжливости, и всѣмъ высокопоставленнымъ людямъ, при встрѣчѣ съ ними, кланялись.

Проф. *Василій Пльвицкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Борьба съ ересями.

Наблюдается повсемѣстно весьма утѣшительное явленіе. Міряне образуютъ миссіонерскія общества и выступаютъ на борьбу съ ересями. На ст. Омскѣ открытъ миссіонерскій кружокъ, въ который записалось около 300 ревнителѣй православія обоого пола. Члены кружка имѣютъ свою кружку, устраиваютъ 3 раза въ недѣлю собранія; на нихъ ревнители изучаютъ слово Божіе и учатся спорить съ сектантствомъ. Польза отъ миссіонерскаго кружка громадная. Пропаганда баптистовъ всюду встрѣчаетъ энергичный отпоръ со стороны членовъ кружка. Баптисты притихли, стараются вести пропаганду не гласно, но это теперь не всегда удается: зорко слѣдятъ за ними члены кружка. Баптисты ненавидятъ кружокъ и призываютъ на его голову всякія бѣды. Хорошо бы устроить такіе же кружки во всѣхъ приходяхъ съ сектантскимъ населеніемъ. Любители слова Божія всегда найдутся, найдутся и прекрасные собесѣдники. Простое слово мужика или женщины имѣетъ иногда гораздо большее значеніе, чѣмъ слово священника. Жива, слава Богу, вѣра Православная въ русскомъ народѣ. А пока жива вѣра Православная, жива и великая Россія.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 10-го августа 1910 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

цѣна годовому изданію на шестъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 34.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года 22 августа.

Содержаніе: I. Проповѣдь, какъ одно изъ средствъ привлеченія народа къ храму. Н. Пальмовъ.—II. Характеристика католичества въ легендѣ Ѳ. М. Достоевскаго „Великій Инквизиторъ“. (Окончаніе). II. Гумилевскій.—III. Къ вопросу о церковномъ клиросномъ пѣніи. (Окончаніе). Прот. П. Успенскій.—IV. Замѣтка. Лучше поздно чѣмъ никогда.

Проповѣдь, какъ одно изъ средствъ привлеченія народа къ храму.

Чаще и чаще стали раздаваться голоса, что нашъ народъ охладѣваетъ къ храму,—тотъ самый русскій народъ, который искони отличался преданностью церкви и усердіемъ къ храму Божію. Теперь пропадаетъ, говорятъ и пишутъ, старинная крѣпкая связь народа съ храмомъ, этимъ не такъ давно еще единственнымъ мѣстомъ отдохновенія для человѣка, измученнаго тяжелой борьбой за существованіе, надежнымъ пристанищемъ въ житейскихъ скорбяхъ и напастяхъ, дѣйствительно цѣлебнымъ источникомъ, оздоравливающимъ страждущую душу. Куда, какъ не въ храмъ Божій, несъ нашъ бѣдный поселянинъ тяжкое бремя душевной туги? гдѣ, какъ не въ храмѣ

Божіемъ, онъ свергалъ съ себя это бремя? гдѣ, наконецъ, какъ не въ томъ же святомъ храмѣ, подь сладостныя звуки церковныхъ пѣсноуѣній, внимая священнымъ глаголамъ, созерцающа пречистыя лики Спасителя, Богоматери и угодниковъ Божіихъ, онъ укрѣплялъ и настраивалъ свою душу къ дальнѣйшимъ подвигамъ трудовой жизни? Теперь—не то.

Послѣ недѣли упорной и изнурительной работы на полѣ, на фабрикѣ, на заводѣ, на рыбномъ промыслѣ, въ воскресенье народъ идетъ не въ храмъ, а направляется совсѣмъ въ противоположную сторону отъ храма. Онъ ищетъ не церковныхъ утѣшеній, а стремится къ иного рода „развлеченіямъ“, въ особенности—молодежь. И вотъ что: пьяный разгуль съ срамными пѣснями, безтолковыя разглагольствованія на темы, выброшенныя въ народную массу мутными волнами „освободительной эпохи“, обыкновенно сводящіяся къ дерзкому хуленію властей, къ осмѣянію церковныхъ установленій и къ брани по адресу служителей Церкви, а въ завершеніе всего: кражи, грабежи, насилія и, нерѣдко, убійства,—вотъ что наполняетъ теперь у русскаго, нѣкогда святаго народа дни, данныя Богомъ человѣку для физическаго отдыха и для духовнаго успокоенія. Какъ это глубоко прискорбно!

Но мы вѣримъ, что русская земля не гибнетъ, но переживаетъ только *лихолѣтѣ*, срокъ котораго уже сократился. Въ глубинѣ души, русскій народъ остался попрежнему религіозенъ; онъ только со внѣ подвергся развращенію новыми учителями—„освободителями“. Страхнувъ напавшій на него кошмаръ, русскій народъ пойметъ, что вѣковѣчныя святыни его, оскверненныя было недругами, суть подлинныя святыни, а то, что предлагали замѣнъ ихъ—не больше, какъ идола, обреченные на погибель. Въ религіи Христовой и въ церкви Христовой есть осязательная сила, сила не человѣчская, но Божественная, мощно влекущая человѣка къ себѣ и только тогда оставляющая его, когда онъ упорно отталкиваетъ ее. Сила эта—спасительная благодать Божія (Апок. 3, 20—21).

Нынѣшнее духовное состояніе русскаго народа надо называть состояніемъ болѣзни,—болѣзни не смертной, но требующей, однако, упорнаго и настоятельнаго врачеванія духовными средствами. Какъ физически больному иногда необходимо бываетъ указывать лѣчебницу, гдѣ врачуется его болѣзнь, а иногда даже—и употреблять принудительныя мѣры къ тому, чтобы одержимый болѣзнию пошелъ къ врачу, такъ и въ наши дни пастырь церкви долженъ *благовременнѣ и безвременнѣ* (2 Тим. 4, 2) настаивать предъ своими прихожанами на непреложной истинѣ, что единственное наше спасеніе отъ всѣхъ, обдержажихъ насъ бѣдъ и золь—въ святой Церкви, въ этой надежнѣйшей духовной лечебницѣ, которую создалъ для насъ самъ Господь Богъ, и изъ которой еще не одинъ человѣкъ не выходилъ неизлѣченнымъ, если съ вѣрою вступалъ въ нее. Въ храмѣ Божіемъ, гдѣ подается необходимое къ животу и благочестію, пастырь долженъ создать такую обстановку, чтобы религиозное чувство у молящагося разгоралось при ней еще больше. Внятное со смысломъ чтеніе, стройное пѣніе, общее благолѣпіе церковной службы и весь внѣшній видъ храма, приукрашеннаго, въ крайшемъ случаѣ, безупречною чистотою и опрятностью—все это должно быть предметомъ заботы для рачительнаго священника. А собственная его проповѣдь?—О, какъ крѣпко можетъ привязать она прихожанъ къ храму и къ пастырю! Нашъ народъ положительно жаждетъ пастырской проповѣди и, за отсутствіемъ ея, перѣдко обращается... къ сектантамъ, чтобы тамъ послушать ее, хотя и заплативъ иногда дорогою цѣною собственнаго спасенія за вредоносное удовольствіе!

Жалобы и сѣтованія на отсутствіе въ нашихъ храмахъ проповѣди стали, кажется, общимъ мѣстомъ. И говорятъ, и пишутъ о необходимости устной проповѣди, считая ее за ту именно живую, дающую начало духовной жизни проповѣдь, которой жаждетъ отъ своихъ пастырей нашъ народъ. Священникъ о. Іоаннъ Набивачъ, напр., усиленно рекомендуетъ своимъ со-

братіямъ, въ „Оренбургскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, устное, импровизированное слово. Къ простой и связной литературной рѣчи способенъ каждый пастырь, какъ образованный человѣкъ, разсуждаетъ о. І. Набивачъ. Стоитъ приобрести нѣкоторый навыкъ въ устномъ проповѣданіи, стоитъ, напр., для этого произнести наизусть нѣсколько чужихъ, простыхъ по содержанию и изложенію проповѣдей, какъ можно будетъ позволить себѣ первые опыты собственной импровизаціи. При упражненіи, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, начнетъ улучшаться достоинство рѣчи, разовьется логичность мышленія, появится находчивость, языкъ будетъ легче, и пастырь по всякому поводу найдетъ дасть отвѣтъ вопрошающему¹⁾.

Нашъ авторъ правъ, когда говоритъ, что излагать устною рѣчью незамысловатый предметъ проповѣди (напр., пересказъ своими словами дневнаго евангелія) съ церковной кафедрой не такъ трудно,—стоитъ привыкнуть къ этому. Вѣдь объясняетъ же священникъ въ качествѣ законоучителя урокъ школьникамъ въ классѣ и не прибѣгаетъ при этомъ къ пособію книги и тетради. Такъ точно и въ храмѣ. Предъ проповѣдникомъ, говорятъ, тѣ же ученики, что и въ школѣ, только — взрослые, и ему нечего стѣсняться слушателей въ храмѣ, какъ не стѣняется онъ учениковъ въ классѣ.

Но вотъ вопросъ: возможно ли ограничивать содержаніе проповѣди такимъ же точно матеріаломъ, какъ урокъ по закону Божію въ школѣ? Вполнѣ возможно, отвѣчаютъ. Пересказать своими словами дневное евангеліе и сдѣлать изъ него два—три назиданія для слушателей,—вотъ, говорятъ, и содержаніе для проповѣди. Такой простой матеріалъ, прибавляютъ, безъ всякихъ затрудненій каждый священникъ сможетъ взложить устною рѣчью, и у него получится импровизація. Какъ видно изъ этого, импровизація дѣло совсѣмъ не трудное, и

¹⁾ См. № 11 „Оренб. Еп. Вѣдомостей“ за г. г. „Жажда въ народѣ живого слова“.

если проповѣдники наши бѣгутъ, тѣмъ не менѣе, отъ импровизацій, то по одному недоразумѣнію ¹⁾).

По поводу изложенныхъ взглядовъ на импровизацію намъ приходилось уже высказываться въ „Р. д. с. п.“ ²⁾. Здѣсь мы ограничимся немногими словами. Намъ, кажется, совсѣмъ не по недоразумѣнію нѣкоторые, даже опытные и пользующіеся успѣхомъ, проповѣдники избѣгаютъ импровизаціи. Они ясно представляютъ себѣ, что такое настоящая импровизація, когда приподнимаются творческія силы духа у проповѣдника, и слово его износить предъ слушателями перлы высокаго краснорѣчія, какъ, съ другой стороны, не менѣе ясно сознаютъ и то, что состояніе духовнаго подъема—есть состояніе исключительное, и на появленіе его въ желанную минуту особенно надѣяться нельзя. Вотъ потому-то и талантливые проповѣдники обычно не рискуютъ безъ приготовленія, въ надеждѣ на вдохновеніе, пускаться въ плаваніе по словесному морю, которое сплошь да рядомъ оказывается коварнымъ; они предпочитаютъ произносить заблаговременно приготовленные проповѣди даже съ пособіемъ тетради.

Въ самомъ дѣлѣ, что это за живое слово—пересказъ дневнаго евангелія, уже однажды выслушаннаго присутствующими въ храмѣ? Да и можетъ ли передача евангельскаго текста „своими словами“ способствовать возвышенію достоинствъ его въ глазахъ слушателей? А затѣмъ, какое особенно назидательное значеніе могутъ имѣть два—три нравственныхъ урока, выведенные изъ евангельскаго повѣствованія и, быть можетъ, болѣе или менѣе удачно примѣненные къ состоянію слушателей? Какъ бы бойко ни была произнесена подобнаго рода проповѣдь, она окажется той же проповѣдью по шаблону, которую справедливо осуждаютъ сторонники живаго слова. Пе-

¹⁾ См. напр., статью о. А. *Понамарева* въ „Екатеринб. Епарх. Вѣдомостяхъ“ за 1909 г. № 33: „По поводу статьи: „о церковной проповѣди въ связи съ современной смутой“.

²⁾ „Р. д. с. п.“ за 1909 г. №№ 49—50: „Что говорятъ о проповѣдническомъ словѣ“.

редать своими словами евангельское повѣствованіе и предложить два—три нравственныхъ урока слушателямъ—это значитъ сказать проповѣдь, которая глубокаго слѣда въ душѣ слушателей не оставитъ, а тѣмъ болѣе не возжетъ въ душѣ ихъ новую, благодатную жизнь.

Возжечь благодатную жизнь въ душѣ—не такъ-то легко. Развѣ смогутъ возжечь ее два—три нравственныхъ урока, рекомендуемые въ качествѣ нравственнаго приложенія къ евангельскому разсказу? Въ краткое, сравнительно, время, удѣляемое церковнымъ обычаемъ на сказываніе проповѣди, невозможно надлежащимъ образомъ внѣдрить трехъ и даже двухъ нравственныхъ истинъ, потому что проповѣдникъ долженъ обратить больше вниманія на доводы, убѣждающіе принять предлагаемыя имъ истины. Вслѣдствіе же недостатка времени, прозойдетъ или то, что проповѣдникъ обратитъ больше вниманія на одинъ нравственный урокъ и меньше на другой, а третій совсѣмъ оставитъ безъ раскрытія, или,—вѣроятнѣе всего,—въ погонѣ за раскрытіемъ въ одинаковой мѣрѣ всѣхъ частей правоучительнаго матеріала ни одной не раскроетъ должнымъ образомъ, и вслѣдствіе этого обезцѣнитъ весь матеріаль. Въ виду краткаго времени сказыванія проповѣди нельзя брать матеріала больше, чѣмъ на уясненіе только *одного* нравственнаго урока. Вотъ почему опытные проповѣдники и гомилеты говорятъ, что первымъ залогомъ успѣха проповѣди является единство содержанія проповѣди: въ проповѣди долженъ быть одинъ лишь предметъ, но онъ долженъ получить такое всестороннее раскрытіе, которое обезпечивало бы воспріятіе его слушателями.

Если съ этой стороны посмотрѣть на проповѣдь и признать за несомнѣнное, что она имѣетъ цѣлью убѣжденіе слушателей въ извѣстной нравственной истинѣ,—то глубокое убѣжденіе, которое потомъ находитъ примѣненіе и въ жизни, то нельзя будетъ не согласиться и съ тѣмъ, что приготовленіе хорошей проповѣди требуетъ гораздо большаго запаса времени, чѣмъ какой удѣляется ей о. І. Набивачемъ („часть“). Конечно, нельзя съ математическою точностью высчитать время на

приготовленіе къ проповѣди, но уже одно, напр., рѣшеніе вопроса: *какъ* убѣдить слушателей въ избранной для проповѣди истинѣ: больше ли доводами разума, или больше ученіемъ Слова Божія и св. отцовъ, или тѣмъ и другимъ въ извѣстномъ соотношеніи вмѣстѣ,—не принадлежитъ къ числу вопросовъ, рѣшаемыхъ быстро. Надъ этимъ надо подумать. А затѣмъ: какіе именно аргументы выбрать изъ многихъ, представляемыхъ и здравымъ разумомъ, и ученіемъ Слова Божія, и святоотеческими твореніями, и прочими вспомогательными предметами? Какъ лучше расположить аргументы, исходя изъ взгляда, что на однихъ болѣе дѣйствуетъ одно, напр., доводы разума, а на другихъ другое, напр., ученіе Слова Божія? Каждому слушателю пастырѣ—проповѣдникъ обязанъ предложить свое „житомѣріе слова“, какъ училъ св. Григорій Богословъ.

Читатель можетъ перервать наши рѣчи восклицаніемъ: „ну, къ чему предъявлять такія серіозныя требованія къ сельской проповѣди! Поселяне—народъ простой, и имъ надо предлагать съ церковной каеедры простыя проповѣди!..“ — Да,—простыя, совершенно вѣрно. Но потому-то и слѣдуетъ много работать надъ проповѣдями, чтобы въ простой, доступной пониманію народа формѣ умѣть внушать ему глубокія христіанскія истины и производить имъ въ его душѣ спасительный переворотъ. Томимый духовною жаждою народъ можетъ слушать, и даже не безъ удовольствія, всякое проповѣдное слово своего пастыря. Но выслушанное слово нерѣдко улетучивается у него изъ головы. Да что говорить о простомъ народѣ! Глубоко ли лежатъ нравственныя истины въ нашей интеллигентной натурѣ? Не забываемъ ли часто мы ихъ, и преимущественно тогда, когда особенно хорошо должны были бы помнить ихъ? Конечно, человѣческая природа удобопреклонна ко грѣху; но несомнѣнно и то, что человѣческая душа весьма нуждается по временамъ въ прожиганіи ея небеснымъ глаголомъ. Надъ этимъ-то и приходится призадуматься слушателю слова, разъ онъ поставилъ своимъ идеаломъ слово *живое*.

Зажигаетъ духовную жизньъ въ другомъ тотъ, кто самъ горитъ ею. Эту аксіому необходимо положить пастырю во главу угла его проповѣдническаго служенія. Возращеніе въ самомъ себѣ сѣмянъ Христова ученія, неустанная работа надъ нивой собственнаго сердца, развитіе добродѣтелей и искорененіе пороковъ, вообще восхожденіе по степенямъ духовнаго совершенства—вотъ чѣмъ прежде всего долженъ быть озабоченъ каждый призванный проповѣдывать Христово ученіе. Тогда дѣйствительно, живымъ словомъ будетъ проповѣдь того, кто раскрываетъ предъ слушателями Законъ Христовъ, потому что онъ самъ живетъ имъ.

Нѣтъ сомнѣнія, раскрытіе нравоучительныхъ истинъ возможно и въ безыскусственной формѣ. Не даромъ указываютъ, что простая сердечная рѣчь подвижника сильнѣе воздѣйствуетъ, чѣмъ велерѣчивое краснорѣчіе присяжнаго проповѣдника. Но никто, надѣмся, не будетъ настаивать, что живое слово только и мыслимо въ одной безыскусственной формѣ. Напротивъ, тогда-то и пріобрѣтаетъ слово особенную силу, когда, будучи само по себѣ сильно и дѣйственно, оно облекается еще при этомъ въ наилучшую словесную форму. А разъ это—фактъ, то предъ проповѣдникомъ открывается широкое поле работы: и по части внутренняго возвращенія въ себѣ сѣмянъ Христова ученія силою Божіею и силою собственнаго духа, и по части вѣшняго словеснаго выраженія результатовъ сокроуенной дѣятельности совершающагося духа.

Великой силы духа былъ митрополитъ московскій Філаретъ, и благодатнымъ духомъ небснаго помазанія вѣетъ отъ его нестарѣющихъ проповѣдей. Но какъ много работалъ онъ надъ ними!

И вотъ этотъ неподражаемый церковный витія, къ голосу котораго прислушивалась въ свое время вся Россія, даетъ и собственнымъ примѣромъ, и прямыми наставленіями проповѣдникамъ одинъ совѣтъ: работать и работать надъ проповѣдями. Стройность и порядокъ въ расположеніи мыслей, ихъ глубина, основательность и назидательность, форма словеснаго

выраженія, соотвѣтствующая священному достоинству предмета,—все это должно быть подвергнуто строгой критикѣ и прежде всего—со стороны самого проповѣдника. „Мохъ безпечности и кочки лѣности“, выразился однажды митр. Филареть, „должны быть безпощадно выдираемы сохою здоровой критики“. Въ дѣлѣ великой важности, каково проповѣданіе Слова Божія, „малѣйшее небреженіе“, говорилъ м. Филареть, „влечетъ за собою гибельныя послѣдствія“. Исходя изъ этой точки зрѣнія, м. Филареть настаивалъ на заблаговременномъ приготовленіи проповѣди и тщательномъ ея разсмотрѣніи прежде произнесенія съ церковной кафедры. Любившій всегда разбирать вопросъ съ разныхъ сторонъ, м. Филареть и здѣсь замѣтилъ, что кто рѣшается на импровизацію, тотъ естественно во время службы оказывается занятъ въ умѣ приготовленіемъ ея; отсюда—„нарушеніе богослуженія“: „архіерей (и іерей) долженъ предшествовать всѣмъ, находящимся въ церкви непрерывнымъ вниманіемъ къ молитвѣ и къ таинству, а не оставлять оное, занимаясь приготовленіемъ къ проповѣди“¹⁾.

„Есть счастливые люди“, говоритъ Я. К. Амфитеатровъ въ своей Гомилетикѣ, „которые не имѣютъ нужды въ трудной работѣ долгихъ размышленій и въ утомительномъ приготовленіи себя къ сказыванію. Отъ природы одаренные быстрымъ и пронизательнымъ взглядомъ, глубокимъ и сильнымъ чувствомъ, обширнымъ соображеніемъ, и сверхъ того трудомъ и усиліемъ пріобрѣтшіе глубокую опытность и ученость, они вдругъ постигаютъ всю глубину и обширность представляющагося имъ предмета, и говорятъ объ немъ такъ живо, ясно и увлекательно, какъ будто бы послѣ долгихъ размышленій и самыхъ точныхъ изслѣдованій“²⁾. Но, во-первыхъ, какъ видно изъ самого описанія, это—исключительныя и по дарованіямъ, и по образованію личности, которыя не могутъ являться примѣромъ

¹⁾ См. „Моск. Церк. Вѣд.“ за 1897 г. ст. *Н. Лихарева*: „Взгляды митрополита Филарета на проповѣдь“, №№ 25 и 28.

²⁾ „Чтенія о церковной словесности или Гомилетика“. К. 1846, ч. 2, с. 213—214.

для всѣхъ, а во-вторыхъ, самъ Я. К. Амфитеатровъ, желавшій, чтобы „каждый проповѣдникъ былъ импровизаторомъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, которые своею внезапностью не даютъ бесѣдовнику времени для размышленія“, оговаривается, что „къ импровизаціи должно приступать тогда, когда мы совершенно научились сочинять слова, и когда наши способности получаютъ твердое логическое образованіе“. А въ противномъ случаѣ?—„Въ противномъ случаѣ, импровизація можетъ совершенно испортить насъ, пріучивши къ неосновательности, несвязности и безотчетности въ мысляхъ и словахъ“¹⁾.

Вотъ это-то опасеніе, что импровизація вмѣсто пользы можетъ принести вредъ какъ самому проповѣднику, такъ и слушателямъ, которые, по выраженію м. Филарета, принуждены „бываютъ собирать отъ каѳедры проповѣдника не зерна и не плоды, а „сухія плевы, или цвѣты увеселяющіе, но не питающіе“²⁾, и заставляетъ опытныхъ гомилетовъ предостерегать проповѣдниковъ отъ увлеченія импровизаціей³⁾. Ввѣрять живое слово предварительно бумагѣ не значитъ умерщвлять его, но, напротивъ, значитъ способствовать его ббльшему развитію, укрѣпленію и силѣ, потому что всѣ имѣющія послѣдовать послѣ написанія проповѣди исправленія и въ содержаніи ея, и въ изложеніи, будутъ клониться къ одному, къ улучшенію проповѣди.

Но какъ, повторимъ, крѣпко можетъ привязать хорошими проповѣдями пастырь прихожанъ своихъ къ храму и къ самому себѣ!

Н. Пальмовъ.

¹⁾ Ibid. с. 215.

²⁾ „Моск. Ц. Вѣд.“ за 1897 г. № 25, с. 331.

³⁾ Взглядъ В. О. Пльвицкаго на импровизацію неоднократно излагался и указывался нами на страницахъ „Р. д. с. п.“. См., напр., № 50 за 1909 г. с. 356; № 51 за 1906 г. с. 420, и др.

Характеристика католичества въ легендѣ О. М. Достоевскаго „Великій Инквизитор“.

(Окончаніе ¹⁾).

Посмотримъ теперь, дѣйствительно ли инквизиторъ въ своей рѣчи выражаетъ подлинный духъ и характеръ католичества. При этомъ, само собою разумѣется, намъ нужно имѣть въ виду ту специфическую систему католичества, которая выработана и доселѣ высказывается и защищается его главными представителями и руководителями, такъ какъ въ массѣ католическаго народа и даже у отдѣльныхъ богослововъ долгое время сохранялись, и очень возможно, и донинѣ сохраняются остатки вселенскаго сознанія Христовой Церкви, одною изъ славнѣйшихъ частей которой была нѣкогда и церковь Римская. Такими руководителями и выразителями специфически-католическаго религіознаго сознанія, послѣ „непогрѣшимыхъ“ папъ, по всей справедливости, слѣдуетъ признать прежде всего іезуитовъ. Уже самое возстановленіе ихъ ордена непогрѣшимымъ въ глазахъ всякаго правовѣрнаго католика напою свидѣтельствуешь, что въ ихъ воззрѣніяхъ не заключается ничего противнаго католическому вѣроученію. И дѣйствительно, для всякаго, знакомаго съ развитіемъ папскаго католицизма, ясно, что іезуитское ученіе есть хотя крайній, но воиолнѣ логически правильный и неизбѣжный выводъ изъ специфически-католической, ультрамонтанской системы.

Конечно, никто изъ католиковъ, по совѣсти, не можетъ согласиться съ тѣмъ, что онъ слѣдуетъ не за Христомъ, а за „страшнымъ и умнымъ духомъ“—искусителемъ, и самъ Достоевскій, безъ всякаго сомнѣнія, вовсе не хотѣлъ доказывать той мысли, что руководители католицизма сознательно служатъ искусителю. Но вопросъ въ томъ, не мѣшаетъ ли проповѣдь чистаго Христова ученія дѣлу этихъ руководителей—созданію

¹⁾ См. № 33-й за 1910-й г.

всемірной папской монархіи? Въ самомъ дѣлѣ, какъ долженъ отнестись папа, претендующій на всемірную свѣтскую власть и на неограниченное господство въ Церкви, къ проповѣднику, который обратился бы къ нему со словами: „вы знаете, что князья народовъ господствуютъ надъ нами, и вельможи властвуютъ ими, но между вами да не будетъ такъ; а кто хочетъ быть между вами бѣльшимъ, да будетъ вамъ слугою“ (Мѡ. 20, 25—26), ибо „царство Мое не отъ міра сего“ (Іоанн. 18, 36); или: „пасите Божіе стадо... не господствуя надъ наслѣдіемъ Божиимъ“ (1 Петр. 5, 2—3),—если руководители католичества людей, высказавшихъ подобныя мысли, всегда объявляли еретиками и схизматиками и преслѣдовали всѣми, имѣющимися въ ихъ распоряженіи средствами, не исключая сожженія въ торжественныхъ ауто-да-фе? И развѣ не правда, что папы поддались третьему искушенію злого духа, которое отвергъ Христосъ? Правда, папы за обладаніе земными царствами и славой ихъ видимымъ образомъ не поклоняются сатанѣ, но владычество ихъ надъ народами распространяется и поддерживается совершенно не тѣми средствами, которыя употребляли и заповѣдали употребить Христосъ и Его апостолы, а именно тѣми, которыя рекомендуетъ инквизиторъ Достоевскаго, руководясь совѣтами „умнаго духа“, такъ какъ и цѣль у руководителей католичества та же, что и у инквизитора,—подавить своимъ непогрѣшимымъ авторитетомъ совѣсть людей, обезличить ихъ и, такимъ образомъ, добиться безусловнаго и всецѣлаго подчиненія ихъ себѣ.

Для достиженія этой цѣли, инквизиторъ, слѣдуя совѣтамъ „умнаго духа“, рекомендуетъ два средства: потворство слабостямъ людей и нравственное насиліе надъ ихъ личностью; оба эти средства и употребляютъ руководители католичества. Инквизиторъ упрекаетъ Христа за то, что Онъ, „вмѣсто твердаго древняго закона“, въ Лицѣ Своемъ показалъ людямъ высочайшій идеаль, который они должны свободно осуществлять въ своей жизни; инквизиторъ находитъ это непосильнымъ для

большинства людей,—такъ же смотрятъ на дѣло и католическіе богословы: они постарались законъ Христовъ, законъ „духа и жизни“, направляющійся къ цѣльному возрожденію и освященію всей личности человѣка, раздробить на множество отдѣльныхъ, формально-казуистическихъ предписаній и такимъ образомъ возвратились къ юридизму ветхозавѣтнаго закона, или, точнѣе сказать, къ талмудическому пониманію послѣдняго. Наиболѣе выразительно такое отношеніе къ новозавѣтному закону высказывается іезуитами. Законъ Христовъ іезуиты разсматриваютъ, не какъ руководство къ достиженію нравственной чистоты и богоуподобенія—необходимыхъ условій для истинной вѣчной жизни въ блаженномъ единеніи съ источникомъ безконечной любви Богомъ, а какъ систему ограниченій свободы человѣческой со стороны Бога, безпощадно карающаго за всякое нарушеніе Своей воли. Человѣку, съ своей стороны, для отстаиванія своей свободы приходится изыскивать ограниченія закона, отыскивать въ немъ такія стороны, которыя можно было бы нарушить безнаказанно. Въ данномъ случаѣ, на помощь человѣку и приходятъ іезуитскіе богословы съ своей теоріей пробабиллизма, т. е. съ искусствомъ оправдать нарушенія закона болѣе или менѣе правдоподобными оговорками. Вотъ какъ излагаетъ эту теорію, напр., іезуитъ Равиньянъ. „Человѣкъ свободенъ: законъ долга сковываетъ свободу лишь въ томъ случаѣ, когда налагаемая имъ обязанность несомнѣнна. Законъ сомнительный или несознанный—не законъ: онъ не отнимаетъ у человѣка несомнѣннаго права на свободу дѣйствій. И такъ, когда въ совѣсти возникаетъ основательный-разумный поводъ усомниться въ дѣйствительности существованія закона или долга, когда представляются полновѣсныя соображенія и полновѣсныя авторитеты, достаточныя для убѣжденія человѣка мудраго и клоняющіеся къ утверженію недействительности или, по крайней мѣрѣ, сомнительности и недостоверности существованія спорной обязанности, тогда свобода пользуется преимуществомъ такъ называемаго правдоподоб-

наго мнѣнія“¹⁾). Приведемъ нѣсколько примѣровъ, чтобы показать, что это за „полновѣсныя соображенія“, „полновѣсныя авторитеты“ и „правдоподобныя мнѣнія“. „Можно, не впадая въ смертный грѣхъ, скорбѣть, разумѣется въ мѣру, о жизни ближняго, радоваться естественной его смерти и желать ея, недѣйственнымъ желаніемъ, только бы не вслѣдствіе нерасположенія къ этому лицу, а имѣя въ виду какую-либо мірскую пользу для себя“²⁾). Поэтому „позволительно сыну, отвлеченнымъ помысломъ, желать отцу своему смерти, конечно, не какъ зла для отца, но какъ добра для себя, ради ожидаемаго, значительнаго наслѣдства“³⁾). „Если сынъ завѣдуетъ отцовскими дѣлами, то можетъ требовать себѣ такой же платы, какую получалъ бы въ его должности сторонній приказчикъ, а если не посмѣетъ этого требовать, или отецъ не согласится удовлетворить его, то самъ можетъ вознаградить себя украдкою“⁴⁾). Точно также и слуги „могутъ тайно похищать принадлежащее ихъ господину, для вознагражденія себя за труды, если они находятъ, что эти труды недостаточно оплачиваются получаемымъ ими жалованьемъ“⁵⁾). Есть соотвѣтствующія „полновѣсныя соображенія“ и для торговцевъ, напр.: «купецъ, продающій порченый товаръ, обязанъ спустить цѣну, но не обязанъ, по совѣсти, предупредить покупателя о порчѣ»⁶⁾), и т. п. И такъ для людей всѣхъ званій и состояній избрѣтаются всякаго рода послабленія и обходы закона. При этомъ, въ противоположность инквизитору Достоевскаго, берущему на себя отвѣтственность за грѣхи слабыхъ людей, іезуиты считаютъ себя совершенно правыми. Іезуитами потворство грѣху доведено до

¹⁾ Ю. Ф. Самаринъ. „Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи“. 3-е изд. Москва, 1870. 190 стр. Книга эта составлена на основаніи сочиненій самихъ іезуитовъ.

²⁾ Тамъ же, 233 стр.

³⁾ 239 стр.

⁴⁾ 250 стр.

⁵⁾ 249 стр.

⁶⁾ 252 стр.

крайности; но развѣ не къ тому же направляется система индულгенціей, составляющихъ одну изъ главнѣйшихъ прерогативъ папской власти?—вѣдь индულгенція также есть средство возможно легчайшимъ способомъ избавиться отъ возмездія за нарушеніе закона. Исторія совращеній изъ православія въ католичество у насъ, въ Россіи, показываетъ, что практика католическая не расходится съ теоріей. Здѣсь среди другихъ приемовъ проаганды мы также видимъ стремленіе ксендзовъ привлекать православныхъ всякаго рода послабленіями, напр., разрѣшеніемъ вступать въ незаконный бракъ (четвертый) и т. п.

Инквизиторъ, какъ мы видѣли, рекомендуетъ еще нравственное насиліе. И въ этомъ отношеніи руководители католичества превзошли его: помимо нравственнаго насилія, они, гдѣ только возможно, не гнушаются и грубѣйшими физическими насиліями. Всѣмъ извѣстны папскіе интердикты, крестовые походы противъ еретиковъ, инквизиція, сожигавшая тысячи людей и т. п. То же самое совершается, можно сказать, и на нашихъ глазахъ. Гдѣ только поляки—католики чувствуютъ въ своихъ рукахъ нѣкоторую силу, тамъ совмѣстная съ ними жизнь для православныхъ становится невыносимой, особенно въ Холмскомъ краѣ¹⁾. Католики-паны прогоняютъ своихъ безземельныхъ батраковъ—православныхъ, лишая ихъ тѣмъ всякихъ средствъ существованія, и всячески притѣсняютъ православныхъ арендаторовъ. Католики-крестьяне въ православные праздники опустошаютъ поля и луга своихъ православныхъ односельчанъ, когда послѣдніе молятся въ своемъ храмѣ, поджигаютъ ихъ избы, и убиваютъ ихъ самихъ, силой затаскиваютъ ихъ въ костелы, гдѣ ксендзы вынуждаютъ ихъ высказывать ужаснѣйшія проклятыя, которыя постигнуть не только ихъ, но и всѣхъ ихъ предковъ и потомковъ, если они осмѣлятся снова возвратиться въ православіе. Всѣхъ сословія католики всячески глумятся и издѣваются надъ всѣмъ рус-

¹⁾ См., напр., „Положеніе Православія и русской народности въ Холмской Руси“—И. Н.—Тамбов. Епарх. Вѣдом. 1906 г. № 8.

скимъ, надъ „хлопской“ православной вѣрой,—въ которой однако никакой погрѣшности указать не могутъ,—распускаютъ слухи, что Царь принимаетъ католичество, что всю землю отнять у оставшихся православными и русскими и передадутъ католикамъ,—и темные православные крестьяне, видя безнаказанность католическихъ издѣвательствъ, поневолѣ вѣрятъ этимъ слухамъ и для сохраненія своей вѣры спѣшагъ переселяться въ Сибирь, покидая родную землю, политую кровью отцовъ и дѣдовъ ихъ. Все это—безусловно несомнѣнные факты, частью официально провѣренныя; а католическій ксендзъ въ Гос. Думѣ утверждаетъ, что будто бы католики прекрасно относятся къ православнымъ, и что будто бы всѣ притѣсненія послѣднихъ первыми—выдумки; вотъ—образецъ истинно-католическаго пастыря: предъ такимъ *безстыдствомъ* великій инквизиторъ Достоевскаго—сущій младенецъ. Въ особенности безвыходное положеніе создается въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ мужъ католикъ, а жена православная, или наоборотъ. Ксендзы угрожаютъ ужаснѣйшими проклятіями и вѣчной гибелью католикамъ, если они не совратятъ въ католичество своихъ православныхъ супруговъ, и несчастные, помимо своего желанія, вносятъ адъ въ свою семейную жизнь, лишь бы только умиловитивъ своихъ духовныхъ отцовъ, говорящихъ будто бы отъ имени Христа.

Вотъ этотъ-то противный Христу и Его ученію духъ католичества, ясно выражающійся какъ въ ученіи, такъ и въ дѣлахъ исповѣдниковъ послѣдняго, прежде всего и долженъ имѣть въ виду православный священникъ, если онъ хочетъ показать своимъ прихожанамъ неизмѣримое превосходство православія предъ католичествомъ и удержать колеблющихся отъ измѣны православію.

Н. Гумилевскій.

Бъ вопросу о церковномъ клиросномъ пѣніи.

(Окончаніе ¹⁾).

Самой главной причиной современнаго на клиросахъ оскудѣнія одушевленныхъ, владѣющихъ хорошо выработанными голосами и трогającychъ сердце пѣвцовъ является замѣчаемое повсюду постепенное измелъчаніе современной молодежи, идущее въ параллель съ оскудѣніемъ высокихъ талантовъ и среди самаго общества. Рѣдки нынѣ возвышенные самоотверженные характеры, рѣдки съ искрой идеализма таланты, рѣдки носители чистаго художественнаго искусства, рѣдки и одушевленные пѣвцы въ храмахъ Божіихъ, подобные тѣмъ, которые въ былое древнее время, хотя и не отличались иногда большимъ образованіемъ, но дышали благочестіемъ, неподдѣльно-младенческою любовію къ храму Божію, неотвратимую преданностію церковному клиросу,—которые въ исполненіе церковныхъ обязанностей способны были вложить всю свою душу, которые находили истинное наслажденіе въ славословіи Господа и считали для себя грѣхомъ всякое малѣйшее отступленіе отъ церковнаго устава или уклоненіе отъ древнихъ церковныхъ напѣвовъ.

Другой не менѣ важной причиной неподготовленности воспитанниковъ духовной школы къ искусному отправленію обязанностей на клиросѣ является иногда равнодушное отношеніе самихъ лицъ начальствующихъ в ближайшихъ руководителяхъ къ этому важному дѣлу ихъ практической подготовки. Обыкновенно въ этомъ случаѣ замѣчается, что въ однихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ на эту сторону подготовки будущихъ служителей церкви обращено больше требовательности и вниманія, въ другихъ—менѣе, а отсюда и самые успѣхи обученія церковному пѣнію, при общихъ вышеуказанныхъ недостаткахъ, не вездѣ одинаковы; въ нѣкоторыхъ же духовныхъ

¹⁾ См. № 30 т. г.

семинаріяхъ и училищахъ, не смотря и на процвѣтающее въ стѣнахъ ихъ общее пѣніе, часто не обращается вовсе никакого вниманія на выработку воспитанниками голосовъ, на умѣнье ихъ пѣть правильно и искусно поодиночкѣ, на ихъ усердіе къ этому важному предмету и на уклоненіе учащихся отъ этихъ занятій. Результаты подобнаго отношенія понятны...

Болѣе же всего вредить успѣхамъ обученія сему предмету присущая дѣйствующему уставу двойственность самаго взгляда на этотъ предметъ. Съ одной стороны, церковное пѣніе, по смыслу устава, есть на ряду съ прочими предметами и важный, и обязательный; съ другой—изученіе его обставлено такими исключительными условіями, что они дѣлаютъ его далеко непохожимъ на другіе предметы. Уставомъ дается понять, что предметъ этотъ важный и обязательный; а между тѣмъ лица, преподающія его, только въ послѣднее время до нѣкоторой степени сравнены съ преподавателями прочихъ предметовъ. Но и доселѣ они не пользуются прибавками къ своему содержанію, какъ прочіе преподаватели; не сравнены въ платѣ за годичный урокъ; не получили права на старшіе преподавательскіе оклады III и IV разрядовъ и, хотя бы отличались высокимъ спеціальнымъ образованіемъ, пенсія ихъ далеко ниже назначенной по росписанію прочимъ преподавателямъ.

Страннымъ представляется положеніе сего предмета и въ томъ отношеніи, что по уставу признается онъ обязательнымъ, между тѣмъ баллъ по этому предмету все же остается въ школьной вѣдомости за чертою обязательныхъ прочихъ предметовъ, не входитъ въ сложеніе съ баллами по другимъ предметамъ и оказывается не имѣющимъ даже вліянія на полученіе воспитанниками званіе студента. Ему отводится въ этомъ случаѣ очень скромная и едва уловимая роль: только въ общемъ спискѣ, при равномъ количествѣ балловъ, имѣющей высшую отмѣтку по церковному пѣнію долженъ быть поставленъ выше, а получившій низшую отмѣтку, по требованію дѣйствующаго устава, занимаетъ и низшее мѣсто. Но не отзывается ли этотъ порядокъ злой ироніей надъ самымъ предметомъ?

Представимъ себѣ двухъ воспитанниковъ—у одного общій балль ниже на единицу, но по церковному пѣнію высшій балль пять (5); у другого по общеобразовательнымъ предметамъ балль выше на единицу, а по церковному пѣнію только средній балль три (3). Ужели справедливо будетъ, и особенно въ духовной школѣ, предпочесть послѣдняго первому и дать ему высшее мѣсто? Ужели способность и усердіе ученика въ занятіяхъ по церковному пѣнію для духовной школы менѣе значить, чѣмъ успѣхъ его по математикѣ, по древнимъ языкамъ, по логикѣ, по исторіи?

Заслуживаетъ упоминанія также и особенная, исключительная регламентация церковнаго пѣнія по циркулярамъ духовно-учебнаго вѣдомства и въ другихъ отношеніяхъ. Упорно лѣнивыхъ и небрежныхъ, напр., предписано тамъ не переводить въ высшіе классы впредь до исправленія. Но если церковное пѣніе предметъ одинаковой важности и достоинства по сравненію съ другими предметами семинарскаго или училищнаго курса, то почему бы и о немъ не сказать, какъ и о прочихъ предметахъ, что лѣнивые и небрежные въ изученіи его на общихъ основаніяхъ могутъ быть подвергаемы переэкзаменовкѣ, оставленію на повторительный курсъ и даже исключенію изъ заведенія за малоуспѣшность?

Всѣ эти мелкія и, повидимому, ничтожныя стороны дѣла не могутъ ускользнуть отъ тонкаго юношескаго вниманія учащихся и естественно должны парализовать собою нормальное отношеніе ихъ къ этому предмету.

Допускаемое, затѣмъ, циркулярными указами освобожденіе отъ занятій по церковному пѣнію вслѣдствіе голосовыхъ и грудныхъ недостатковъ, удостовѣренныхъ свидѣтельствомъ врача, даетъ основаніе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ многимъ трактовать этотъ предметъ не какъ предметъ для всѣхъ обязательный, но лишь какъ искусство, къ которому не всѣ могутъ имѣть природное расположеніе и способность. А это ведетъ въ свою очередь къ тому, что многіе изъ учащихся, часто поддерживаемые въ этомъ случаѣ и своими родителями,

забывши мудрое правило, что почти всѣ голосовые и грудные недостатки, препятствующіе пѣнію, при настойчивомъ упражненіи голосовыхъ органовъ, за самыми рѣдкими исключеніями, могутъ существенно исправляться, съ первыхъ же дней школьнаго обученія на законномъ основаніи отъ пѣнія уклоняются, записывая себя въ ряды неспособныхъ. Если же имѣть при этомъ въ виду извѣстную всѣмъ легкую снисходительность медицинской экспертизы и узко-спеціальнаго, окрашенный только медицинскими соображеніями, взглядъ врачей на голосовые недостатки, лишенный нравственнаго пониманія важности пѣнія для духовной жизни человѣка, то не трудно понять, къ какимъ прискорбнымъ послѣдствіямъ можетъ вести этотъ порядокъ. Но въ дѣйствительности, на практикѣ воспитанники даже и не выправляютъ себѣ медицинскихъ свидѣтельствъ при освобожденіи отъ пѣнія, а увольняются отъ занятій самими учителями лишь краткою отмѣткою въ классномъ журналѣ, вслѣдствіе чего уклоненія отъ пѣнія являются для учащихъ еще болѣе легкими и доступными, и въ нихъ чрезъ это постепенно укореняется пагубный взглядъ, что требованія устава съ этой стороны даже и не заслуживаютъ вниманія.

При такомъ положеніи дѣла можетъ ли быть у учащихся энергія и настойчивость къ занятію пѣніемъ? Можетъ ли быть уваженіе и серьезная любовь къ нему? Можетъ ли воля ихъ не разслабляться такими ненормальностями въ положеніи предмета?

Чтобы оживить въ духовныхъ школахъ церковное пѣніе, возбудить интересъ къ нему и пригтовить для церковнаго клироса хорошихъ пѣцовъ, намъ кажется—необходимо прежде всего съ юныхъ лѣтъ и словомъ, и дѣломъ внушать учащимся хранить въ себѣ пѣвческіе таланты, какъ высокое данное Богомъ сокровище, съ дѣтства развивать, упражнять свои голоса. Справедливо, что рѣдко встрѣчаются нынѣ хорошіе, выдающіеся пѣвческіе голоса. Но приходится наблюдать и тотъ фактъ, что иногда и съ посредственными голосами, при разумномъ отношеніи ко своимъ пѣвческимъ дарованіямъ и при

настойчивомъ упражненіи своихъ голосовыхъ органовъ, пѣвцы достигаютъ значительнаго успѣха. Съ другой стороны, ни для кого не тайна, что даже и хорошіе голоса еще въ юные годы у многихъ нынѣ портятся неумѣреннымъ употребленіемъ алкоголя, табакомъ, чрезмѣрнымъ неестественнымъ крикомъ при чтеніи и пѣніи или просто, какъ говорится, у многихъ *дичаютъ*, не находя для себя разумнаго упражненія. Необходимо внушать дѣтямъ, что голосъ у человѣка есть своего рода благоустроенный музыкальный инструментъ; какъ этотъ послѣдній добрые музыканты берегутъ, предохраняютъ отъ порчи, дорожатъ имъ, цѣнятъ его и стараются „огладить“, „обыграть“ его путемъ частаго упражненія, такъ равно и наоборотъ, онъ портится и теряетъ свою цѣнность отъ небрежнаго къ нему отношенія. Подобное сему происходитъ и съ голосомъ человѣка: чтобы придать ему звучность и красоту, нужно его развивать и разумно упражнять и во всякомъ случаѣ тщательно избѣгать небрежнаго съ нимъ обхожденія. Что касается современнаго оскудѣнія вообще въ нашей жизни талантовъ, то невозможно, конечно, легко и скоро выйти изъ этого печальнаго положенія. Но во всякомъ случаѣ, въ цѣляхъ возрожденія хорошихъ голосовъ и укрѣпленія въ учащихся пѣвческаго искусства, необходимо въ школахъ всесторонне заботиться о физическомъ воспитаніи дѣтей, на что нынѣ такъ мало обращается въ духовныхъ школахъ вниманія. Слѣдуетъ также воспитывать въ учащихся благодушіе чрезъ разумное созерцаніе природы, гдѣ всѣ живыя твари, каждая свойственнымъ ей голосомъ и умѣнемъ восхваляютъ величіе Творца вселенной. Воспитателямъ нужно, далѣе, поддерживать въ юношеской средѣ довольство, духъ бодрости и энергію и вызывать ихъ на эстетическія впечатлѣнія. Въ этомъ случаѣ весьма много можетъ принести пользы вообще усиленіе въ школахъ художественно-эстетической стороны воспитанія, возможно болѣе широкое допущеніе къ нимъ музыки, декламации и др. занятій, способствующихъ укрѣпленію и развитію голоса.

А такъ какъ слабое отношеніе учащихся къ церковному пѣнію съ практической стороны во многомъ зависитъ отъ равнодушія самихъ начальниковъ и преподавателей къ сему предмету, необходимо затѣмъ сдѣлать строго отвѣтственными начальниковъ духовно-учебныхъ заведеній и за постановку въ нихъ занятій по церковному пѣнію. Ревизоры учебнаго Комитета въ своихъ отчетахъ сравнительно мало отдають вниманія этому важному предмету; но въ цѣляхъ возвышенія его необходимо, чтобы о немъ говорилось въ отчетахъ и давалось ревизорами руководственныхъ указаній на мѣстѣ отнюдь не меньше, нежели по прочимъ предметамъ, и чтобы начальники нерадивые подвергались строгой отвѣтственности за свое небреженіе къ нему.

Чтобы вывести церковное пѣніе въ духовныхъ школахъ на надлежащую высоту, нужно сдѣлать этотъ предметъ буквально для всѣхъ воспитанниковъ обязательнымъ. Нельзя считать его искусствомъ лишь нѣкоторыхъ избранныхъ людей. Пѣніе является ви́шнимъ выраженіемъ благодушія человѣка. Пѣніемъ поддерживается въ душѣ человѣка религіозный восторгъ. Пѣніе вводитъ вѣрующаго въ самый духъ молитвеннаго настроенія. Черезъ пѣніе молящіеся взаимно назидаютъ другъ друга. Можно ли при такомъ пониманіи считать хотя кого-н. неспособнымъ къ нему и можно ли послѣ этого поощрять въ духовной школѣ со стороны воспитанниковъ уклоненіе отъ этого столь важнаго предмета? Пусть не всѣ въ одинаковой мѣрѣ способны къ церковному пѣнію; пусть въ голосѣ нѣкоторыхъ встрѣчаются и существенные недостатки; но кому неизвѣстно, что и въ другихъ предметахъ учащіеся успѣваютъ, каждый сообразно съ своими природными дарованіями? Есть, напр., малоспособные съ математикѣ, къ древнимъ языкамъ, къ исторіи и т. д., однако же это отнюдь не служитъ основаніемъ считать такіе предметы необязательными для нихъ, и долгъ преподавателей въ этихъ случаяхъ не удалять учащихся отъ предметовъ, а разумными мѣрами ослаблять и исправлять въ нихъ природные недостатки. Въ доброе старое время не ставили цер-

ковное пѣніе за черту предметовъ обязательныхъ; среди учащихся встрѣчались къ церковному пѣнію и малоспособные, но ихъ всеже заставляли упражняться въ пѣніи, и результаты получались весьма цѣлесообразные.

Вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть уничтожены и всѣ исключительныя условія, въ которыя поставлено нынѣ въ духовныхъ школахъ церковное пѣніе. Преподаватели церковнаго пѣнія должны имѣть образовательный цензъ, равный съ преподавателями прочихъ предметовъ, и должны быть безусловно сравнены съ ними во всѣхъ отношеніяхъ. Баллъ по церковному пѣнію долженъ обязательно входить въ общую сумму балловъ по прочимъ предметамъ и при опредѣленіи правъ воспитанника на званіе студента должно быть обращено всегда особенное вниманіе на занятія его по церковному пѣнію. При этомъ воспитанники малоспособные къ пѣнію должны проходить не теорію только пѣнія, какъ это установлено въ правилахъ нынѣ дѣйствующихъ, но должны фактически упражняться въ самомъ пѣніи съ тѣмъ, чтобы достигнуть здѣсь возможнаго успѣха и исправить свои недостатки.

При прохожденіи курса, нынѣ скоро переходятъ на четырехголосное партесное пѣніе. Между тѣмъ, какъ показываетъ опытъ стараго времени, церковный обиходъ долженъ быть поставленъ въ основу и главу обученія, и ему естественно должно принадлежать въ этомъ случаѣ дисциплинирующее значеніе. У начинающихъ нужно бываетъ приучить голосъ твердо выдерживать соответствующее протяженіе нотныхъ знаковъ, дѣлать тамъ, гдѣ слѣдуетъ, остановки, производить между нотами правильные переходы, вообще неуклонно, безъ вольностей вести церковный напѣвъ,—все это достигается чрезъ изученіе нотнаго обихода. Что же касается общаго пѣнія, то оно должно быть допускаемо лишь послѣ основательнаго усвоенія въ отдѣльности каждымъ воспитанникомъ изучаемаго напѣва. Здѣсь невольно припоминается намъ одинъ изъ преподавателей стараго школьнаго времени. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ, непонятнымъ для преподавателей нашего времени, про-

водилъ онъ каждого изъ учащихся по обиходу, съ точнымъ соблюденіемъ размѣра, а затѣмъ выпрашивалъ названіе обиходныхъ нотъ, указывая ихъ отвѣчающему въ разныхъ мѣстахъ обихода. Не освобождались отъ пѣнія и отъ этихъ сиротовъ и ученики малоспособные. Изучившихъ твердо данный напѣвъ заставлялъ онъ по двое пѣть обиходныя строки, одного въ основной тонъ, другого въ терцію. Когда же оказалось, что всѣ въ отдѣльности изучили извѣстное пѣснопѣніе, тогда онъ заставлялъ пѣть всѣхъ на два голоса, раздѣливъ соответственно цѣлый классъ. Когда удавалось это послѣднее пѣніе, тогда онъ раздѣлялъ учащихся на четыре голоса и составлялъ уже общее пѣніе съ хоровымъ разнообразіемъ голосовъ. Разученное такимъ способомъ пѣніе звучало твердо, разумно и одушевленно. Не поющихъ или съ вольностію относящихся къ церковнымъ напѣвамъ тогда почти не было. Къ концу училищнаго курса мы въ состояніи были съ искусствомъ пѣть на четыре голоса и многія партесныя пѣснопѣнія.

Нынѣ дѣйствующій уставъ заставляеть, наконецъ, ввести воспитанниковъ какъ можно ближе и въ порядокъ того или другого предстоящаго праздничнаго богослуженія. Но дѣло это по духовно-учебнымъ заведеніямъ находится какъ бы въ забросѣ. Въ каждомъ учебномъ заведеніи есть обыкновенно правый хоръ; сюда входятъ лучшіе, избранные пѣвцы, которые ведутъ и разучиваютъ по преимуществу партесное пѣніе. Вездѣ есть затѣмъ—лѣвый хоръ; сюда входятъ пѣвцы сравнительно уже худшіе, но тоже избранные, несмѣняемые. На ихъ обязанности лежитъ держать преимущественно простое пѣніе—ектени, стихиры, ирмосы и пр. Считая простое пѣніе хорошо для себя извѣстнымъ, пѣвцы эти становятся на клиросѣ большею частію безъ всякой подготовки, вслѣдствіе чего поютъ неувѣренно, съ искаженіями словъ, съ неправильными остановками, или произвольно замѣняютъ одни пѣснопѣнія другими. Всѣ прочіе воспитанники стоятъ особнякомъ, безучастно и обыкновенно не входятъ въ практику церковнаго пѣнія. Между тѣмъ, лѣвый клиросъ учебнаго заведенія по

существо долженъ бы быть мѣстомъ приготовленія воспитанниковъ и для приходскаго клироса. На эту сторону дѣла начальствамъ духовно-учебныхъ заведеній слѣдовало бы обратить серьезное вниманіе. Какъ организовать это дѣло, могутъ быть указаны различные способы. Но намъ въ этомъ случаѣ приходится на мысль практика одной духовной семинаріи прежняго времени, не лишенная современнаго общаго интереса. Подготовка воспитанниковъ къ чтенію и пѣнію доведена была въ этой семинаріи до значительнаго совершенства. Къ каждому праздничному Богослуженію инспекторомъ семинаріи назначалась здѣсь поочередно изъ всѣхъ классовъ для чтенія особая группа, причемъ заблаговременно объявлялось, что каждому назначено было читать. Въ цѣляхъ лучшаго выбора и для возбужденія нѣкотораго соревнованія на каждый предметъ чтенія назначалось по два воспитанника. Назначенные обязывались готовиться къ чтенію, а наканунѣ праздника инспекторъ или духовникъ семинаріи прослушивали ихъ и назначали окончательно къ чтенію, причемъ наглядно по церковнымъ книгамъ объясняемы были имъ различныя подробности церковнаго устава, давались указанія относительно приемовъ самаго чтенія, отмѣчались недостатки голоса и выяснялись практическіе способы ихъ устраненія. Чтеніе внушалось отчетливое, осмысленное, выразительное. Для ближайшаго руководства чтецами назначались изъ старшаго класса по очереди особыя уставщики, на обязанности которыхъ было изучить подробно порядокъ Богослуженія и слѣдить со стороны устава за чтецами и пѣвцами на клиросахъ. Послѣдовательность богослуженія и особенно болѣе сложныя части его они обязывались излагать даже на бумагѣ въ особой тетради. О качествахъ чтенія каждаго назначеннаго воспитанника дѣлалась отмѣтка въ нарочитой, заведенной для того книгѣ. Безъ сомнѣнія, такой порядокъ имѣлъ доброе дѣйствіе на воспитанниковъ; по крайней мѣрѣ при немъ замѣтно было значительное оживленіе въ занятіяхъ воспитанниковъ по церковному чтенію.

Къ пѣнію на лѣвомъ клиросѣ воспитанники здѣсь привлечены быть поочереди также всѣ. Съ этою цѣлію всѣ они раздѣлены были по классамъ на группы, такъ какъ по классамъ имъ удобнѣе было собираться на спѣвки. Ученики 1 кл. казеннаго общежитія составляли одну группу, ученики того же класса изъ епархіальнаго общежитія—другую группу и ученики квартирныя—третью. Такимъ же образомъ распределены были воспитанники и прочихъ всѣхъ классовъ. Для каждой группы избирался изъ ихъ же среды регентъ или „запѣвало“. Инспекторомъ группы распределялись по праздничнымъ днямъ, къ которымъ онѣ и обязывались готовиться заблаговременно. Въ періодъ приготовленія каждой группой устраивались спѣвки, происходившія обыкновенно въ присутствіи инспектора семинаріи. Ученикамъ при этомъ внушалось и на самомъ дѣлѣ требовалось, чтобы пѣніе ихъ было правильное, стройное, благозвучное, безъ крика и вольностей. При этомъ порядкѣ обыкновенно получалось пѣніе на лѣвомъ клиросѣ хорошо разученное, осмысленное, одушевленное. Между отдѣльными группами замѣтно наблюдалось полезное для дѣла, нѣкоторое благородное соревнованіе, и всѣ воспитанники при этомъ порядкѣ получали возможность въ теченіе учебнаго года побывать по нѣскольку разъ на лѣвомъ клиросѣ и принять дѣятельное участіе, цѣлымъ товарищескимъ кружкомъ, въ праздничномъ пѣніи. Украшая праздничную службу стройнымъ хорошимъ пѣніемъ, воспитанники пріучались здѣсь также и къ самостоятельному пѣнію на клиросѣ.

Всѣ указанные нами въ этомъ сильномъ очеркѣ способы возможнаго улучшенія постановки занятій въ духовныхъ школахъ по церковному пѣнію, конечно, далеко не исчерпываютъ собою всего этого, столь важнаго вопроса. Мы высказали свои замѣчанія и соображенія единственно лишь съ тою цѣлію, чтобы вызвать соотвѣтствующія разъясненія и со стороны другихъ лицъ, практически знакомыхъ съ этимъ вопросомъ.

Но, заключая свой очеркъ, мы свидѣтельствуемъ полное свое убѣжденіе, что только вѣрующая и хорошо настроенная духовная школа можетъ дать и хорошихъ пѣвцовъ. Школа же колеблющаяся, хромающая на оба колѣна, пропитанная современнымъ духомъ невѣрія и скрытой измѣны православію, не можетъ пѣть Богу съ любовью, съ одушевленіемъ, разумно и поучительно для другихъ.

Умножьте вѣру Божію—и любовь къ пѣнію, какъ нѣжный отпрыскъ этой вѣры, сама собою явится въ школѣ духовной.

Прот. *Петръ Успенскій.*

Лучше поздно чѣмъ никогда.

(О борьбѣ съ самоубійствами).

До самаго послѣдняго времени значительная часть прессы извѣстнаго направленія не переставала напѣвать по адресу молодежи не только тогда, когда молодежь буйствовала, флиртовала или просто ничего не дѣлала, но даже и въ томъ случаѣ, если эта молодежь, всѣмъ дозволеннымъ пресытившись, начинала стрѣляться, топиться, рѣзаться. Но теперь, когда слишкомъ много печальныхъ фактовъ на лицо, и слѣпые прозрѣли. Такъ, ж. „Пробужденіе“ (1910, № 11) пишетъ, что очень многихъ изъ современной слабой и неврастенической молодежи толкаетъ на самоубійства беконечное описаніе соотвѣтствующихъ несчастныхъ случаевъ въ нашей печати и въ обществѣ. Журналъ вооружается противъ того вниманія, которое общество и печать удѣляютъ самоубійствамъ, противъ того ореола мученичества, которымъ нѣкоторые окружаютъ „героевъ“ смерти. Журналъ недоволенъ и пышными похоронами, устраиваемыми молодежью, и рѣчами на могилахъ, „часто убѣждающими слушателей, что покойному ничего другого не оставалось дѣлать, какъ актомъ самоубійства констатировать отсутствіе смысла жизни“. Журналъ не оста-

навливается и передъ слѣдующимъ яснымъ выводомъ: „необходимо прекратить регистрацію самоубійствъ въ газетахъ или, во всякомъ случаѣ, отказаться отъ подробностей описанія ихъ... Необходимо, чтобы молодежь, какъ бы она ни понимала своихъ товарищей—самоубійць, перестала оказывать имъ погребальныя почести, и вообще, всячески старалась игнорировать самоубійства“.—Нужно сознаться, что журналъ стоитъ въ данномъ случаѣ на вѣрной психологической и педагогической почвѣ, и намъ хочется только сказать: Церковь всегда права, ибо лучше святыхъ отцовъ никто и никогда еще не зналъ человѣческаго сердца и внутреннѣйшей жизни его. А потому-то Церковь и не благословляетъ обычно-торжественныхъ похоронъ самоубійць, молясь о нихъ болѣе молитвой тайной и сугубо сокрушенной... (Тавр. е. в.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій

Печатать дозволяется. Кіевъ, 18-го августа 1910 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Ц.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 35 — 36.

1910-го года 29 августа—5 сентября.

Содержаніе: I. Слово „мертвое“ и слово „живое“. Свящ. Ав. Веселичкій.—
II. Къ изъясненію третьяго прошенія великой ектеніи. Н. Паль-
мовъ.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Цѣвницкій.

Слово „мертвое“ и слово „живое“.

(Къ вопросу о современномъ проповѣдничествѣ).

III.

Въ послѣдней статьѣ остановились мы съ вами, собратъ-
читатель, предъ глубоко-интереснымъ, но въ то же время и
труднымъ для всесторонняго выясненія вопросомъ о психоло-
гии церковнаго учительства. Необходимость опредѣленія особен-
ностей этой высшей формы творчества человеческого духа вы-
текаетъ уже изъ того отмѣченнаго нами факта, что недоста-
точно ясное представленіе этихъ особенностей вело руководи-
телей проповѣдническаго движенія по ложному пути, заставляя

ошибочно искать оживленія и одухотворенія нашего проповѣдничества не тамъ, гдѣ воистину сокрыты неистощимые источники „воды живой“. Послѣднія по времени попытки выведенія нашего проповѣдничества на плодотворный и какъ будто жизненный путь, о которыхъ говорили мы въ предшествующей статьѣ, съ убѣдительною должны показать, что и онѣ по существу не достигаютъ намѣченной цѣли и потому именно, что поставляютъ суцность рѣшенія труднаго вопроса, какъ было и раньше, не въ главномъ, а внѣшне-второстепенномъ. „Переведите религіозныя истины на языкъ жизни, и ваша проповѣдь сразу будетъ словомъ живымъ“,—говорятъ намъ сторонники этихъ послѣднихъ попытокъ въ подъемѣ церковнаго учительства и предлагаютъ намъ готовые опыты осуществленія, проведенія въ жизнь открытаго якобы ими проповѣдническаго секрета.

Мы уже видѣли, что это за опыты, и въ чемъ ихъ слабая сторона: въ нихъ роковымъ образомъ жизненность, дѣйственность слова церковнаго учительства сливается, отождествляется съ художественною, литературною изобразительностію и жизненностію слова современныхъ писателей художниковъ. Если церковный проповѣдникъ сумѣетъ своимъ словомъ пробудить въ слушателяхъ тѣ же эстетически-художественныя переживанія, какія способенъ вызвать своимъ произведеніемъ въ читателѣ писатель-беллетристъ,—онъ достигъ цѣли, онъ перевелъ „на языкъ жизни“ отвлеченныя религіозныя истины. Такъ ошибочно думаютъ у насъ о задачахъ и цѣляхъ проповѣди, но мы уже имѣли случай выразить по этому поводу наше принципиальное несогласіе. При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи психологіи церковно-религіознаго учительства ошибочность вышеприведенныхъ взглядовъ предъ нами обнаружится, надѣмся, еще съ большей ясностію; но предварительно хотѣлось бы, въ виду замѣтно усиливающагося нынѣ уклона нашего проповѣдничества въ эту сторону легкаго завоеванія призрачныхъ успѣховъ на церковной каѳедрѣ,—хотѣлось бы, говоримъ мы, демонстрировать на нѣкоторыхъ фактахъ, взятыхъ изъ личнаго

опыта, всю иллюзорность, ошибочность тѣхъ упованій и свѣтлыхъ надеждъ руководителей новаго какъ будто и животворнаго движенія въ нашемъ проповѣдничествѣ, полагающихъ силу послѣдняго чуть ли не единственно въ „языкѣ жизни“, въ легкихъ, литературно-художественныхъ формахъ церковнаго учительства.

Не скроемъ, что первоначально и лично на насъ это новѣйшее по времени направленіе въ церковномъ учительствѣ, проводимое идейно и практически осуществляемое обильнымъ приложеніемъ проповѣдей новаго типа нѣкоторыми духовно-проповѣдческими журналами, производило чарующее, захватывающее впечатлѣніе. Крайняя простота формы поученій, художественное изящество языка, наконецъ, самое содержаніе, захваченное прямо изъ окружающей насъ жизни, съ ея злободневными тревогами,—все это, вмѣстѣ взятое, напередъ какъ-будто ручалось за дѣйственность, неотразимую силу вліянія на слушателя проповѣдей новаго типа. „Дождь-лась таки и наша бѣдная русская православная паства настоящей жизненной церковной проповѣди—и понятной, и поучительной, и близкой къ интересамъ и нуждамъ простыхъ православныхъ людей. Теперь-то прояснится, сдѣлается болѣе устойчивымъ и разумнымъ религіозное и нравственное сознаніе темныхъ народныхъ массъ!“

Подобныя отрадные мысли и надежды будилъ въ насъ особенно одинъ изъ петербургскихъ проповѣдческихъ журналовъ—„Воскресный Благовѣстъ“, выдающійся представитель новаго „жизненнаго“ направленія въ проповѣди. И къ неотъемлемой чести этого журнала слѣдуетъ сказать, что онъ своимъ прекраснымъ содержаніемъ, вполне соответствующимъ поставленнымъ и исповѣдуемымъ редакціею цѣлямъ церковнаго учительства, по праву можетъ занять первое руководительное мѣсто среди другихъ однородныхъ съ нимъ по направленію изданій. Но вотъ что оказалось при провѣркѣ дѣйственности и цѣнности содержанія этого прекраснаго изданія путемъ жизненнаго эксперимента. Пишущій эти строки, самъ

восхищенный свѣжестію и новизной какъ проповѣдническаго матеріала, такъ и его литературной обработки въ „Воскресномъ Благовѣстѣ“, съ большимъ усердіемъ сталъ предлагать его для чтенія (а иногда и самъ читаль) своимъ близкимъ друзьямъ и знакомымъ изъ среды простого православнаго русскаго народа. Это—кружокъ въ 7—8 человѣкъ искренне-глубоко вѣрующихъ русскихъ людей, соединенныхъ службою въ одномъ казенномъ учрежденіи. Не взирая на городскія условія жизни и соблазнъ отъ своихъ же товарищей, эти милые люди сумѣли сохранить непосредственную народную религіозность, любовь къ церкви Божіей, и будучи всѣ достаточно грамотны, охотно отдаютъ свои досуги отъ службы чтенію и бесѣдамъ о „божественномъ“. Хорошая настроенность простыхъ людей, частое посѣщеніе церкви и ихъ религіозная любознательность привели ихъ къ сближенію съ нами, заставивъ прійти имъ съ посильною помощію въ видѣ случайныхъ бесѣдъ и снабженія ихъ книжками религіознаго содержанія. И вотъ на этой почвѣ пришлось убѣдиться намъ не однократно въ глубокой религіозной чуткости и вѣрной, поразительно безошибочной оцѣнкѣ моими друзьями даваемыхъ имъ книжекъ для прочтенія. Видимо сильное впечатлѣніе производили на нихъ житія святыхъ синодальнаго изданія и четь-минея на русскомъ языкѣ; но особенное дѣйствіе, какой-то религіозный подъемъ и потрясеніе оказалъ на моихъ друзей дневникъ о. Іоанна Кронштадтскаго. Удивительное дѣло: когда возвращали они книжки дневника, въ глазахъ ихъ, вмѣстѣ съ благодарностью, свѣтился какой-то особенный восторгъ, душевный захватъ, который испытываетъ человѣкъ, нечаянно нашедшій, открывшій мучительную тайну, обрѣтшій утolenіе давно мучившей его душевной пытки.

— Вотъ ужъ книги, такъ книги, истинно душевныя, спасительныя!—наперерывъ одобряли мои пріятели возвращаемый дневникъ:—Земное спасибо и поклонъ тебѣ за нихъ. Чувствуешь, что кто-то за самое сердце, за душу тебя задѣваетъ, и мысли вдругъ являются свѣтлыя, чистыя. И видишь

туть, какъ ты грѣшенъ и недостойнъ предъ Богомъ, и какъ Онъ Самъ Батюшка святъ“ милосердѣ. Страшно за грѣхи свои, и радость туть же, что Господь тебя проститъ, и Матерь Божія и святые грѣшники за тебя окаяннаго похотѣйствуютъ, заступятся. Истинно, святой человѣкъ былъ о. Іоаннъ: близокъ онъ Богу, и какъ читаешь его слова, такъ и чувствуешь, что Богъ-то и къ тебѣ близокъ, туть вотъ Онъ, возлѣ тебя, милостивый и праведный. И радостно, и страшно сдѣлается на душѣ, будто другимъ становишься“...

— Мы съ Семеномъ порѣшили, батюшка, купить эти книжки для себя, будь добрымъ—помоги ихъ достать, а деньги уплатимъ сейчасъ же, сколько онѣ стоятъ.—Заключилъ общія изліянія восторга одинъ изъ моихъ друзей, рабочій Андрей, и туть же поспѣшилъ вручить нужную сумму на выпускъ дневника о. Іоанна.

— Не надо добраго дѣла затягивать, —добавилъ онъ въ поясненіе своей настойчивой поспѣшности:—ожилъ, пробудилась душа отъ святой книжки, и надо ее имѣть при себѣ и чаще заглядывать, чтобы не остыть. Нечего прибавлять, что его желаніе было съ готовностію исполнено. Тогда же какъ-разъ, въ обмѣнъ на возвращенныя книжки дневника кронштадтскаго батюшки, даны были моимъ пріятелемъ тетрадки „Воскреснаго Благовѣстника“ въ полной надеждѣ, что и онѣ доставятъ имъ истинное духовное удовлетвореніе. Но нашей надеждѣ не суждено было оправдаться.

Недѣли черезъ двѣ возвращаютъ друзья прочитанныя ими тетрадки съ спокойно-формальной благодарностью; ни въ словахъ ихъ, ни въ выраженіи лицъ не замѣтно особеннаго восхищенія или удовольствія отъ прочитаннаго, какъ это было послѣ прочтенія дневниковъ о. Іоанна.

— Добрые листочки, что говорить, только совсѣмъ какъ-будто не то супротивъ тѣхъ книжекъ, которыя раньше давали,—услышали мы въ отвѣтъ на разспросы о впечатлѣніи отъ прочитанныхъ номеровъ „Благовѣста“, и напере-

рывъ стали мои читатели высказывать свои откровенныя сужденія.

— Когда читали мы между собой книжки кронштадскаго батюшки, душа другой дѣлалась, и сердце по иному чувствовало: Богъ, будто, вотъ тутъ и есть близехонько, и радостно-радостно таково. И съ чего бы? Статейки все разныя и маленькія, иная всего-то строкъ пять, а такъ-то задѣнетъ за сердце—ино до слезъ. А вотъ эти листочки читали: нѣтъ той силы. Будто все похорошему—и Богъ, и святые и всякое наученіе на добро, но душа не трогается, и Бога близь себя не чувствуешь. Послушаешь, считаешь—и нѣтъ въ тебѣ переменны, опять такой же, какъ раньше былъ.

— Опять же про святыхъ много рассказывается добраго, на каждый-то день все примѣры, какъ по ихнему поступать слѣдуетъ въ жизни. Читали мы съ удивленіемъ, какъ это понятно, просто для насъ описано: будто, какъ мы же грѣшныя, святые угодники и угодницы божіи живыми передъ глазами стоятъ. А подумаешь потомъ и раздумье беретъ;—ужь правильно ли все это описано—ужь очень будто легко спасеніе имъ давалось, за одну доброту, а то и за догадливость. Тутъ вотъ описано, какъ инокъ одинъ блудъ сотворилъ, страшный грѣхъ, а потомъ рѣшилъ про себя: ничего, молъ, этого со мной не бывало, и, наконецъ того, прощеніе получилъ за это самое. Что-то какъ-будто не такъ. Вотъ въ житіяхъ, что раньше давали читать, святые совсѣмъ по иному описаны: уму не постижимо, какіе подвиги они совершали; слушаешь и думаешь, гдѣ намъ грѣшнымъ до нихъ, и страхъ беретъ предъ Богомъ за свое окаянство и слабости. Вотъ и беретъ сомнѣніе, какъ, молъ, это по разному нишуть.

— Ужо вы извините меня, батюшка, ежели и я скажу свое слово, можетъ и глупое, несуразное, объ этихъ листочкахъ,—говорилъ послѣ товарищей одинъ изъ моихъ друзей, болѣе скромный, сдержанный въ выраженіи своихъ мнѣній, но, на мой взглядъ, и болѣе вдумчивый, глубже религіоз-

ный:—По моему не для насъ православныхъ крестьянъ подходящи эти тетрадки: святости въ нихъ настоящей нѣту, сурьезности въ словахъ, въ рѣчи самой. Говорится о божественномъ, а вслушаешься: истовно, какъ въ газетѣ пишутъ. Слушиваль я, и самъ, грѣшнымъ дѣломъ, читаль газету „Копѣйку“,—свать у меня извозчикъ часто ее покупаетъ,—и вотъ какъ есть, сходственно тамъ описываютъ разныя пустыя житейскія дѣла. Какъ зачали читать этотъ „Благовѣсть“, такъ и пришла на умъ „Копѣйка“,—грѣхъ одинъ на душѣ. Можетъ такъ показалось съ худого ума, а все же въ мысляхъ не спокойно... Ужъ вы меня простите, коли пустое сказалъ, но опять же, какъ не открыть, что на душѣ камнемъ лежитъ. Вотъ же и отъ товарищей слышали, смущаются и они. Можетъ, страха божія нѣтъ настоящаго теперь въ людяхъ, оттого и начали писать по новому о божественномъ.

Нужно ли говорить, какое неожиданное совершенно разочарованіе произвела въ насъ вышеприведенная, наивно-откровенная, съ одной стороны грубая, но, по существу, не лишенная психологической глубины, оцѣнка со стороны простыхъ вѣрующихъ людей лучшаго, по моему первоначальному искреннему убѣжденію, журнала, посвященнаго дѣлу церковнаго учительства. Самая рѣзкость отзывовъ моихъ друзей и неожиданное противорѣчіе ихъ съ личнымъ мнѣніемъ заставили невольно задуматься надъ такимъ страннымъ отношеніемъ простаго вѣрующаго человѣка къ нашимъ безкорыстнымъ стараніямъ къ оживленію проповѣди и приближенію ея къ народному пониманію. Хотѣлось выяснитъ для себя психологическую основу и причины страннаго явленія, и результатомъ явились тѣ выводы, съ которыми уже знакомъ читатель предшествующихъ статей въ общихъ чертахъ. Отчего, въ самомъ дѣлѣ,—недоумѣвали мы,—такъ неодинаково приняли и оцѣнили мои простецы-друзья даваемые имъ раньше религіо-назидательныя книжки и какъ бы нарочито для нихъ приспособленный проповѣдническій журналъ? Отчего днев-

никъ о. Іоанна, заключающій въ себѣ краткія, отрывочныя записи интимнѣйшихъ личныхъ религіозныхъ переживаній, чувствъ и мыслей пастыря, даже и не предназначенныя для слушателей или читателей, произвелъ на нихъ такое глубокое и животворное дѣйствіе, а между тѣмъ статьи и поученія журнала, простыя и даже изящныя по формѣ, близкія къ жизни по содержанію, не только не удовлетворили ихъ религіозныхъ запросовъ, но вызвали въ нѣкоторыхъ душевное смущеніе и тревогу? И чѣмъ объяснить, что житія святыхъ, изложенныя въ торжественно-религіозной и въ то же время эпически-спокойной четъ-минейной формѣ, безъ нарочитыхъ приложеній къ современной жизни, оставляли въ душахъ читателей неизгладимый слѣдъ и умиленіе, восторгъ предъ ихъ подвигами; а въ то же время отдѣльные факты и примѣры добродѣтелей изъ жизни святыхъ, составляющіе содержаніе ежедневныхъ поученій журнала и облеченные въ красивую форму, сближающую ихъ съ современной дѣйствительностью, ни мало не тронули души и сердца моихъ простецовъ, заронивъ въ нихъ лишь искру сомнѣнія въ правильности изображенія и жизни, и подвиговъ свв. угодниковъ? Въ чемъ же дѣло, гдѣ разрѣшеніе недоразумѣнія?—спрашивали мы самихъ себя, и рѣшеніе вопроса открылось предъ нами въ безхитростныхъ, откровенныхъ отзывахъ нашихъ друзей,—стоило лишь пристальнѣе вникнуть въ смыслъ этихъ отзывовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ означать восторженный отзывъ о дневникѣ о. Іоанна, какъ не то, что читатели обрѣли и постигли въ немъ своей вѣрующей душой глубоко-искреннія религіозныя переживанія самого кронштадтскаго пастыря и, по закону психической контагіозности, сами также должны были при чтеніи испытать и перечувствовать ихъ въ собственныхъ душахъ. Вѣдь оттого и оказываютъ неотразимое дѣйствіе дневники о. Іоанна на cadaго вѣрующаго, что въ нихъ онъ выражалъ, изливалъ непосредственно тѣ мысли, чувства, переживанія, какія посѣщали его вѣрующую душу въ минуты подъема религіозной жизни, высшаго религіознаго озаренія,

и при томъ, запечатлѣвалъ онъ это богатство личнаго религіознаго опыта не поминованіи его, а въ самомъ процесѣ, такъ сказать—фотографировалъ. И вотъ это богатство личнаго религіознаго опыта, лежащаго въ основѣ дневника и просвѣчивающее въ каждомъ словѣ и строчкѣ его сообщало, несомнѣнно, ему необыкновенную, таинственную силу и дѣйственность. Въѣстъ съ о. Іоанномъ читатели естественно чувствовали и близость Бога, и чудный подъемъ духа, и притокъ новой, обновленной жизни. Не могли ничего подобнаго вынести наши читатели изъ поученій и статей даннаго имъ журнала: въ нихъ не было, или если было, то въ видѣ рѣдкой искры, того зажигающаго сердце священнаго огня, которымъ преисполненъ дневникъ кронштадтскаго пастыря; читатели чувствовали, что въ основѣ благочестивыхъ, спасительныхъ мыслей, наставленій и совѣтовъ не лежитъ личнаго опыта, личныхъ переживаній ихъ авторовъ, говорящихъ лишь отъ холоднаго разума. А „языкъ жизни“, которымъ призываются они здѣсь къ общенію съ Богомъ и къ святости, не только не помогаетъ пробужденію самостоятельныхъ религіозныхъ переживаній, а, напротивъ, своею житейскою тривіальностью, близостію къ свѣтско-газетному жаргону еще болѣе понижаетъ и мрачитъ религіозное самочувствіе простаго, наивнаго читателя. То же слѣдуетъ сказать и о примѣрахъ изъ жизни святыхъ, въ изобиліи приводимыхъ въ краткихъ поученіяхъ журнала. Образы святыхъ, примѣры ихъ подвиговъ и добродѣтелей, выхваченные изъ чудной атмосферы цѣлостныхъ четь-минейнейныхъ повѣствованій, наполненной вѣяніемъ святости, религіозно-благоговѣйнымъ преклоненіемъ предъ нравственной высотой жизни святыхъ людей,—эти образы святыхъ и ихъ дѣла, вставленные въ журналѣ въ совсѣмъ другія рамки современной жизни, сближены съ нею и представленные опять же „языкомъ жизни“—свѣтской литературы, должны были производить на нашихъ читателей странное впечатлѣніе. Они, эти земные ангелы, угодники Божіи, неизбѣжно въ такомъ изображеніи представлялись имъ

совсѣмъ иными, какими они привычно мыслились по изображенію Четь-Миней, и, вмѣсто влеченія къ подражанію, будили только сомнѣнія и ропоть на неправильное ихъ представленіе авторами. Таковъ, именно, былъ смыслъ отрицательной оцѣнки нашими читателями даннаго имъ журнала, смыслъ, по нашему мнѣнію, весьма поучительный, обнаруживающій наглядно ошибочность нашихъ усилій, направленныхъ къ оживленію проповѣди. Эти усилія послѣдняго времени, направленные главнымъ образомъ на внѣшне-литературное совершенство учительнаго слова и на сближеніе съ жизнію, оказываются сами по себѣ не достигающими цѣли, а иногда даже, какъ мы сейчасъ видѣли, могутъ послужить въ ущербъ истинной жизненности и дѣйственности церковной проповѣди.

Только-что рассказанный нами опытъ неодинаковаго дѣйствія на умы и сердца простыхъ вѣрующихъ людей, жаждущихъ „вѣры живой, словесныхъ произведеній религіознаго творчества въ зависимости отъ присутствія или отсутствія въ основѣ ихъ личнаго религіознаго опыта, религіозныхъ переживаній, открываютъ передъ нами съ поразительной ясностію тайну „живого слова“, истинной жизненности и дѣйственности церковнаго учительства. Съ одной стороны мы видѣли, что произведенія религіозной мысли, даже и не имѣющія строго проповѣднической формы, каковы Четь-Миней и дневникъ о. Іоанна, но являющія собою воплощеніе въ словѣ дѣйствительныхъ религіозныхъ движеній и переживаній ихъ авторовъ, оказываются для читателей и слушателей истинно „живымъ словомъ“; между тѣмъ другія произведенія, прямо приспособленные для наученія и назиданія, искусно приближенные къ жизни и пониманію, безукоризненно литературныя по формѣ, но скудныя личнымъ религіознымъ опытомъ самихъ писателей и лишеныя непосредственности религіознаго воодушевленія, являются „мѣдью звенящею и кимваломъ бряцающимъ“ для слушателей, алчущихъ „хлѣба жизни“, слова живаго. Не открывается ли здѣсь съ очевидностію для всѣхъ насъ психологія церковно-проповѣдническаго

словеснаго творчества, главныхъ, существенныхъ условій его дѣйствительной жизненности, плодотворности: эти свойства проповѣдь получаетъ единственно тогда, когда слово проповѣдника будетъ искреннимъ выраженіемъ и воплощеніемъ его личнаго религіознаго вдохновенія, глубокихъ внутреннихъ переживаній вѣрующей души. Требуется, чтобы каждая мысль, каждый образъ и чувство въ проповѣди были выношены, пережиты въ душѣ самого проповѣдника, и тогда лишь слово его будетъ „живымъ и дѣйственнымъ“; степень силы и дѣйственности всякой проповѣди прямо зависитъ отъ этихъ главныхъ, основныхъ элементовъ религіознаго творчества. Такъ и должно обстоять дѣло по аналогіи съ низшей, сравнительно, художественной формой творчества человѣческаго духа. Если тамъ, въ художественной области, художественное произведеніе,—будетъ ли то произведеніе пластическаго искусства, или словесное,—оказывается тѣмъ совершеннѣе и жизненно-дѣйственнѣе, чѣмъ глубже, тщательнѣе выношено оно въ душѣ художника и чѣмъ воспримчивѣе самъ онъ къ постиженію красоты,—то не въ правѣ ли мы предложить тѣ же требованія и условія къ творчеству религіозному, однимъ изъ видовъ котораго несомнѣнно должна признана быть и проповѣдь. Вѣдь то человѣческое, художественное творчество ограничено созданіемъ лишь мертвыхъ, хотя и прекрасныхъ образовъ, произведеній (Палатей); между тѣмъ высшему виду творчества человѣческаго духа, религіозному, дано отъ Бога творить жизнь—пораждать живыхъ сыновъ царствія Божія. Не ясно ли, что здѣсь требуется несравненно высшій подъемъ духовныхъ силъ, самое глубокое и святое религіозное воодушевленіе, сближающее насъ съ источникомъ жизни, Богомъ, съ благодатнымъ, возрождающимъ міромъ духовнымъ; безъ личнаго проникновенія въ этотъ міръ, безъ религіознаго опыта безсилны мы будемъ ввести туда и слушателей.

Такова оказывается психологія церковно-религіознаго учительства: въ основѣ его, какъ главное условіе жизненно-

сти, плодотворнаго дѣйствія проповѣди, долженъ необходимо находиться религіозный личный опытъ самого проповѣдника; слово живое должно проистекать изъ глубинъ душевныхъ и сердечныхъ переживаній религіознаго характера. Въ своемъ дѣлѣ, истинные проповѣдники приближались, можно сказать, къ границамъ пророческаго вдохновенія, и это именно придавало силу и жизненность ихъ учительному слову. Не погрѣшимъ, если скажемъ, что въ предѣлахъ человѣческой ограниченности, приближались они и къ единому Учителю и Господу Иисусу Христу. И въ самомъ дѣлѣ, разсматривая съ отмѣченной нами существенной стороны религіозное учительство пророковъ, апостоловъ, Самого Иисуса Христа и, слѣдомъ, проповѣдническую дѣятельность какъ древнихъ, такъ и близкихъ къ намъ по времени пастырей Церкви, мы найдемъ въ основѣ ихъ проповѣдническихъ подвиговъ одну и ту же черту—глубокое проникновеніе въ міръ духовный, истинное, реально-опытное постиженіе его тайнъ и Самого Божества, и та или иная степень этого духовно-религіознаго озарѣнія придавала ихъ слову и жизнь и силу. Совершеннѣйшій образецъ полноты и глубины богослуженія несомнѣнно явилъ Самъ Иисусъ Христосъ въ Своемъ божественномъ самосознаніи, какъ единый съ Богомъ Отцемъ, и если Онъ говорилъ, что видѣвшій Его видѣлъ Отца, то это означало, также и то, что всякій, слышавшій Его, слышалъ Самого Бога. И мы знаемъ изъ Евангелія, что Онъ училъ, „говорилъ, какъ не говорилъ ни одинъ человѣкъ“, что слово Его было „со властію, исполнено благодати и истины“. Оно было не просто „словомъ живымъ“, т. е. дѣйственнымъ въ нашемъ человѣческомъ смыслѣ, но „словомъ животнымъ“, творческимъ, оно само заключало въ себѣ „духъ и животъ“, возрождая людей въ сыновъ царствія Божія. Подобную, въ границахъ человѣческой ограниченности, глубину богообщенія, постиженія міра горняго, являли и боговдохновенные пророки и апостолы. Эта глубина и жизненность единенія съ міромъ духовнымъ, ясность, реальность богосознанія дивнымъ

образомъ отражалась и на ихъ проповѣди, придавая слову ихъ чудотворную дѣйственность надъ сердцами человѣческими. „Такъ глаголетъ Господь“—начинали свою проповѣдь пророки, реально, вдохновеннымъ внутреннимъ опытомъ ощущая въ себѣ Бога, слыша Его глаголы. Та же самая глубина и живость религиозныхъ переживаній, высшій подъемъ и озареніе вѣрующей души можемъ мы видѣть и чувствовать въ проповѣди апостоловъ. Вспомнимъ, напр., вдохновенную рѣчь св. Стефана, за которой вдохновеніе религиозное св. архидіакона и апостола достигло небесныхъ видѣній: „вотъ я вижу небеса отверстыя и Сына Человѣческаго, стоящаго одесную Бога!“—говорилъ онъ въ синагогѣ, и „всѣ сидѣвшіе видѣли вдохновенное лице его, какъ лице ангела Божія“.

Несомнѣнно, то же богатство личныхъ благодатныхъ переживаній, религиознаго опыта, „избытокъ вѣрующаго сердца“, служилъ источникомъ и основой проповѣди Христовой истины, церковнаго учительства и въ послѣдующія времена существованія Церкви Христовой. Святые мученики, пастыри и учителя Церкви первыхъ и послѣдующихъ вѣковъ, даже до нашихъ дней—всѣ они почерпали благодатную дѣйственную силу своего слова о Христѣ, своей проповѣди въ глубинахъ своихъ вѣрующихъ душъ и сердець. И только ихъ личная вѣра, личное богообщеніе и, прибавимъ, чистая, святая жизнь по вѣрѣ—сдѣлали ихъ слово о Христѣ истинно живымъ словомъ и дѣйственнымъ, совершенно безотносительно къ его внѣшней формѣ, красотѣ, совершенству и ораторскому дарованію. Конечно, и эти внѣшнія формы слова человѣческаго никогда не пренебрегались въ области благовѣстія о Христѣ, въ церковномъ учительствѣ, что въ особенности нужно сказать о такъ называемомъ „золотомъ вѣкѣ“ Церкви Христовой, вѣкѣ свв. вселенскихъ учителей Василия В., Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго; но вѣдь, это же въ глазахъ ихъ было не болѣе, какъ только второстепеннымъ человѣческимъ средствомъ для болѣе успешнаго уловленія душъ просвѣщеннаго языческаго общества въ мре-

жи царствія Божія. И при томъ эти святители вселенскіе не особенно строго держались изученныхъ ими тщательно пріемовъ языческаго краснорѣчія и литературной художественности, жертвуя ими съ готовностію во благо простыхъ слушателей, ради „буйства“ Христовой проповѣди. По крайней мѣрѣ о св. Златоустѣ мы знаемъ достовѣрно, что онъ еще на первыхъ порахъ учительства, выслушавъ замѣчаніе простой женщины о непонятности его проповѣди, витіевато построенной по требованіямъ ораторскаго искусства, сразу же упростилъ свое учительское краснорѣчіе навсегда, ни мало не сожалѣя о нарушеніи тѣмъ изученныхъ имъ правилъ языческаго краснорѣчія. Обращаясь отъ тѣхъ классическихъ временъ церковнаго учительства къ нашимъ отечественнымъ проповѣдникамъ, стяжавшимъ славу краснорѣчивыхъ ораторовъ, напр., митр. Платону, архіеп. Иннокентію Херсонскому или Амвросію Харьковскому; мы и у нихъ найдемъ то же христіански-мудрое пользованіе красотой и изяществомъ внѣшнихъ формъ слова для достиженія высшихъ духовныхъ цѣлей. Никто не скажетъ, что для нихъ художественный даръ краснорѣчія былъ чѣмъ-то самодовлѣющимъ, что они витійствовали въ церкви ради самоуслажденія своимъ даромъ и этимъ только даромъ плѣняли слушателей, создали себѣ бессмертную славу. Нѣтъ, сила и жизнь, неотразимое вліяніе ихъ прекрасныхъ проповѣдей заключались именно въ томъ, что при помощи ораторскаго и художественнаго таланта они особенно рельефно и ярко выражали всю глубину ихъ богато религіознаго опыта и такимъ образомъ своими религіозными переживаніями заражали, неотразимо плѣняли слушателей, заставляя въ унисонъ своимъ личнымъ интимнымъ состояніямъ звучать струны вѣрующихъ сердцемъ. Можно даже безошибочно сказать, что необычная религіозная чуткость этихъ витій, живость ихъ вѣры и нравственныхъ порывовъ сообщала и внѣшнимъ формамъ ихъ проповѣди особенную художественную возвышенную красоту и жизненность. Отсюда, мы могли бы выразить извѣстное класичес-

кое изреченіе: „*nemo orator, nisi vir bonus*“ въ примѣненіи къ церковному ораторству въ нѣсколько измѣненной формѣ: *nemo orator ecclesiasticus, nisi vir pius*“ признавъ тѣмъ благочестіе (*pietas*), т. е. богатство и глубину личной религіозной жизни проповѣдника первымъ, главнымъ, безспорно необходимымъ условіемъ успѣха, жизненности и дѣйственности его слова на слушателей...

Думаемъ, что всѣхъ высказанныхъ нами мыслей и соображеній достаточно для того, чтобы постичь тайну „живаго слова“ въ нашемъ церковномъ учительствѣ, достаточно и для объясненія того, почему это „живое слово“, не смотря на всѣ наши старанія и усилія, не водворяется изобильно въ области роднаго проповѣдничества, и попрежнему нашъ православный народъ и вѣрующая часть русскаго общества не находятъ утоленія глада душевнаго въ церковной проповѣди. Ошибоченъ былъ путь, по которому шли до послѣдняго времени наши передовые ревнители подъема и оживленія церковнаго учительства, принимая второстепенныя, внѣшне-формальныя условія процвѣтанія проповѣди за главное и, въ заботахъ объ ихъ усовершенствованіи, оставили въ тѣни „единое на потребу“. И если мы искренне хотимъ превратить нашу проповѣдь въ „живое слово“, питающее души вѣрующихъ, то намъ слѣдуетъ безотлагательно исправить эту невольную ошибку и *на первый планъ, на первое мѣсто* выдвинуть вопросъ объ углубленіи, расширеніи и, вообще, развитіи религіозно-нравственнаго самосознанія, религіознаго опыта самихъ проповѣдниковъ. Великое горе наше въ томъ, что современная жизнь съ ея привязанностію къ земнымъ матеріальнымъ интересамъ, крайне осложненная, многозаботливая, лишаетъ и насъ, пастырей церкви, свободы и возможности отдаться самоуглубленію, религіозному самовоспитанію, отвлекая и умъ и сердце къ предметамъ и дѣламъ, хотя и связаннымъ внѣшне съ нашимъ служеніемъ, но по существу подавляющимъ жизнь духа, особенно ея высшую сферу—религіозную. И диво ли, что мы, „осутившись въ помысле-

ніяхъ своихъ“ подъ неотвратимымъ гнетомъ матеріальной дѣйствительности и ставши тяжелыми на религіозный подъемъ, уже не со вчерашняго дня начали отыскивать пути и средства для оживленія своей пастырской и учительской дѣятельности тутъ же въ окружающей насъ матеріальной дѣйствительности. И въ области нашей словесно-учительской службы Церкви и народу мы хотимъ сдѣлаться подражателями свѣтскихъ „властителей думъ“ современнаго общества, художниковъ-писателей, копируя въ проповѣдяхъ ихъ рѣчь, ихъ приемы литературнаго творчества. А достигнувъ нѣкотораго совершенства въ имитации, научившись легко говорить „языкомъ жизни“, мы впадаемъ въ самообольщеніе,—думаемъ, что и нашъ подражательный лепетъ можетъ содѣлать насъ „властителями религіозныхъ думъ“ нашего православнаго народа и вѣрующей части общества. Между тѣмъ увлекшись этимъ легкимъ средствомъ воздѣйствія на слушателей, мы забыли, что отъ насъ, церковныхъ учителей, вовсе не того требуетъ и ждетъ вѣрующая душа, вѣрующій народъ. Онъ говорить намъ: „покажи намъ вѣрующее свое сердце, зажги и наши души огнемъ вѣры и святости, приблизь, сродни насъ съ Богомъ, со Христомъ, открой тайны царствія Божія“,—а мы-то сами оказываемся не менѣе, если не больше чужды и далеки отъ этого міра духовно-религіозной жизни, и лепечемъ предъ слушателями подражательно-литературнымъ живымъ на нашъ ошибочный взглядъ и мертвымъ по оцѣнкѣ этихъ слушателей языкомъ свои „простонародныя“ поученія, не имѣющія въ основѣ очень часто ни искры личнаго религіознаго воодушевленія, не одухотворенныя нашей живой вѣрой...

Не ясно ли, дорогой читатель, гдѣ искать намъ и нашимъ руководителямъ въ проповѣдническомъ дѣлѣ истинно-плодотворнаго пути къ подъему, одухотворенію и оживленію церковнаго учительства. Тѣсенъ этотъ путь, и узки врата, ведущія къ „дѣйствительно живому слову“ проповѣди: онъ заключается въ личномъ нашемъ религіозно-нравственномъ подъемѣ, въ обогащеніи нашихъ собственныхъ душъ сокровища-

ми религіознаго опыта, религіозныхъ переживаній. И тогда наше религіозно-словесное учительное творчество будетъ плодотворно и дѣйственно, будучи истиннымъ отображеніемъ жизни нашей души. Не забудемъ, что никогда намъ не подмѣнить въ глазахъ простыхъ вѣрующихъ душъ жалкими подобіями живого ораторскаго или литературнаго творчества того „хлѣба жизни“ и „воды живой“, которыхъ просить и ждеть наша алчущая и жаждущая паства. Быть можетъ, удастся намъ побесѣдовать и объ этихъ желательныхъ, вѣрныхъ путяхъ, къ оживленію учительства подробнѣе; но и помимо того эти тѣсные пути и врата всегда открыты предъ нами, и молить надо Бога, чтобы Онъ далъ мужество и силу намъ войти на эту дорогу! Свящ. Аѳ. *Веселичій*.

Къ изъясненію третьяго прошенія великой ектеніи.

Третье прошеніе великой ектеніи читается по-славянски такъ: „О мирѣ всего міра, о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей, и соединеніи всѣхъ, Господу помолимся“; по-гречески: Ὑπερ τῆς εἰρήνης τοῦ συμπάντος κόσμου, εὐσταθείας τῶν ἁγίων τοῦ θεοῦ ἐκκλησιῶν, καὶ τῆς τῶν πάντων ἐνώσεως, τοῦ Κυρίου δεηθῶμεν.

Какъ можно сразу же замѣтить, три предмета входятъ въ это прошеніе великой ектеніи: 1) моленіе о мирѣ всего міра, 2) моленіе о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей и, наконецъ, 3) моленіе о соединеніи всѣхъ.

1. Первый предметъ—моленіе о мирѣ для всего міра, для вселенной, не вызываетъ, кажется, недоумѣній. Миръ вѣнній, тишина и спокойствіе во вселенной всегда были вождѣнными для лучшей части человѣчества и особенно послѣ того, какъ человѣчество удостоилось принять радостную вѣсть о ниспосланіи на землю небснаго мира воплотившимся Спасителемъ—Сынѣмъ Божіимъ. Въ цѣляхъ уста-

новленія небеснаго мира на землѣ, въ наши дни, по временамъ, созываются, — и иногда не напрасно, — такъ называемыя мирныя конференціи, обсуждающія средства водворенія мира на землѣ. Въ цѣляхъ мирнаго разрѣшенія конфликтовъ, которые возникаютъ между отдѣльными государствами при преслѣдованіи общихъ интересовъ, созываются международныя третейскіе суды, изыскивающіе способы удовлетворенія тяжущихся сторонъ не цѣною человѣческой крови, но примѣненіемъ гуманной силы права и законности. Вождѣннень миръ для внѣшняго благополучія людей, но еще болѣе вождѣннень онъ для духовнаго развитія и возрастанія человѣчества. Человѣчество не вышло бы изъ дикаго и грубаго состоянія, если бы все время отдавалось только кровавымъ войнамъ и было занято междоусобными бранями. И то тихое и безмолвное житіе, во всякомъ благочестіи и чистотѣ, которое заповѣдуетъ христіанамъ апостоль, обусловливается внѣшнимъ миромъ и внѣшнимъ спокойствіемъ, оберегаемымъ предохраняющими властями ¹⁾.

2. Если не вызываетъ недоумѣній моленіе о мирѣ всего міра, то нельзя сказать, чтобы свободно было отъ недоумѣнія второе моленіе: „о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей“. Слово: „благостояніе“ — понятно. Имъ обозначается внѣшнее благополучіе и внутреннее благоустройство. Но какія „святая Божія церкви“ имѣются здѣсь въ виду?

Названіе „святая церковь“, какъ и другія названія: „Божія церковь“ и „Христова церковь“, — весьма древняго, даже апостольскаго происхожденія. При этомъ названія: „Божія церковь“ и „Христова церковь“ употребительнѣе въ Св. Писаніи ²⁾, а названіе „святая церковь“ — въ литургическихъ и каноническихъ памятникахъ. Въ древнѣйшей литургіи,

¹⁾ См. *Николая Кавасилы*, архіеи. Фессалоникійскаго (XIV в.) толкованіе словъ: „О мирѣ всего міра“ въ „Изясненіи Божественной литургіи“. „Писаніе св. отцовъ и учителей церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго Богослуженія“, т. III. Сиб. 1857 г. с. 324.

²⁾ Римл. 16, 16; 1 Кор. 1, 1; 2 Фессал. 1, 1; 1 Тим. 3, 5.

записанной въ книгѣ „Апостольскихъ Постановленій“, есть, между прочимъ, такое обращеніе діакона къ народу: „О мирѣ и благостояніи міра и святыхъ церквей помолимся, чтобы Богъ всего даровалъ намъ непрестанный и неотъемлемый миръ свой, чтобы сохранилъ насъ провождающими жизнь въ полнотѣ добродѣтели по вѣрѣ“¹⁾. Принимая во вниманіе близость литургій Апостольскихъ Постановленій къ временамъ апостоловъ, мы должны истолковать слово „святой“ въ выраженіи: „святая церковь“ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ оно употреблялось у апостоловъ. У апостоловъ же слова: „святой“, „святые“ въ приложеніи къ христіанамъ обозначали вѣрность христіанъ пренеданному имъ апостолами Христову ученію. „Святъ всякій, приобщающійся вѣрѣ“, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, разъясняя 1 ст. 1 главы посланія ап. Павла къ Ефесянамъ, и, конечно, разумѣетъ при этомъ вѣру истинную, апостольскую²⁾. Такимъ образомъ, подъ „святыми церквами“ необходимо понимать тѣ именно церкви, которыя сохранили въ чистотѣ апостольское ученіе.

Лжеучители изъ язычниковъ и іудеевъ появились очень рано, тоже въ вѣкъ апостольскій. Свращая въ свое лжеученіе немощныхъ духомъ христіанъ, они составляли собственныя религіозныя общины. Но въ глазахъ христіанъ эти общины отнюдь не были церквами—святыми, Христовыми и Божіими. Противъ лжеучителей выступили на борьбу сами апостолы и въ предостереженіе отъ нихъ писали христіанамъ особыя посланія, именуя христіанъ „святыми“, „вѣрными“ и „возлюбленными Божіими“ (Римл. 1, 7; Филип. 4, 22; Колос. 1, 2). И вотъ, какъ „святыми“, „вѣрными“ и „возлюбленными Божіими“ были въ вѣкъ апостольскій только вѣрные христіане, такъ „святыми

¹⁾ См. „Собраніе древнихъ литургій восточныхъ и западныхъ въ переводѣ на русскій языкъ“. Спб. 1874 г. Отдѣлъ первый, литургій іерусалимско-антиохійскія, с. 107.

²⁾ „Святаго отца нашего Іоанна, архіепископа Константинопольскаго, Златоустаго, бесѣды на посланіе св. апостола Павла къ Ефесянамъ“, ч. 1. Спб. 1859 г. бес. 1, с. 10.

церквами“, составленными изъ вѣрныхъ апостольскому учению христіанъ, были церкви, по нашей современной терминологіи, православныя. Онѣ были разсѣяны въ предѣлахъ римской имперіи „отъ концевъ до концевъ“ по выраженію литургіи Апостольскихъ Постановленій, но всѣ вмѣстѣ составляли единую „святую вселенскую церковь“¹⁾. Добавленіе къ выраженію: „святая церковь“ словъ: „Божія“ или „Христова“, взятыхъ изъ апостольскихъ посланій, не измѣняетъ, разумѣется, существа дѣла. Находя себѣ мѣсто уже въ литургіи ап. Іакова, слово „Божій“, присоединенное къ понятію „святая церковь“ и согласованное съ нимъ, какъ бы округляетъ словесную форму цѣлаго выраженія²⁾.

Съ значеніемъ указанія на православіе вселенской церкви, а также на православіе той или иной помѣстной церкви, употребляются и въ церковныхъ канонахъ выраженія: „святая Божія каѳолическая церковь“ (6 всел. пр. 45), „святѣйшая церковь константинопольская“ (4 всел. пр. 28), „святѣйшая церковь римская“ (6 всел. пр. 3), „святѣйшія кипрскія церкви“ (3 всел. пр. 8).

Послѣ этого можно ли въ возглашеніи: „о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей“ находить, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, указаніе на молитву о благостояніи инославныхъ церквей, каковы, напр., современная римская церковь, армянская и др.?—Конечно, нѣтъ. Возглашеніемъ: „о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей“, мы приглашаемся къ молитвѣ о благостояніи не какихъ иныхъ, но только православныхъ, помѣстныхъ церквей. Таковы церкви православныя восточныя: константинопольская, антиохійская, александрійская, іерусалимская, православныя церкви: элладская въ Греческомъ королевствѣ, кипрская, сербская, болгарская, черногорская, молдаво-валахская, православныя церкви въ предѣлахъ Австрійской имперіи и православная церковь въ

¹⁾ „Собраніе древн. литургій“, с. 107.

²⁾ Ibid. с. 154.

Персіи среди присоединившихся къ православію сиро-халдейцевъ, бывшихъ несторіанъ.

3. Переходимъ къ третьему предмету моленія: „о соединеніи всѣхъ“. „Соединеніе“—по-гречески ἕνωσις. Словомъ ἕνωσις (происходитъ отъ числительнаго εἷς—одинъ) обозначается внутреннее единеніе, какъ словомъ σύνωσις—внѣшнее стѣсненіе. Примѣнительно къ христіанамъ, слово ἕνωσις будетъ обозначать то тѣсное и преискреннее единеніе духа между христіанами идеальный образъ котораго представленъ въ единеніи лицъ св. Троицы¹⁾. Объ этомъ единеніи духа въ союзѣ любви постоянно поучали древнихъ христіанъ апостолы (1 Петр. 2, 17; 4, 8, 10; 1 Иоанн. 2, 9—11; 1 Коринѳ. 1, 10; Ефес. 4, 3), какъ поучаетъ и теперь насъ церковь, приглашая къ молитвѣ о соединеніи всѣхъ.

Но кого же „всѣхъ“? Всѣхъ ли церквей, не исключая и инославныхъ; всѣхъ ли вообще христіанъ, въ томъ числѣ—и инославныхъ, или только христіанъ православныхъ, составляющихъ собраніемъ своимъ православныя помѣстныя церкви, или, наконецъ, всѣхъ вообще людей, безъ различія ихъ вѣроисповѣданія, потому что всѣ люди—наши ближніе, и мы обязаны, по ученію Христа, любить ихъ (Лук. 10, 29—37)?

Существуютъ различныя пониманія словъ: „о соединеніи всѣхъ“.

Близость слова „всѣхъ“ въ славянскомъ текстѣ къ впереди стоящему слову „церквей“ побуждаетъ многихъ считать слово „всѣхъ“ согласованнымъ съ словомъ „церквей“ и видѣть въ ектенійномъ возгласѣ: „о соединеніи всѣхъ“ приглашеніе къ молитвѣ о соединеніи инославныхъ церквей съ церковью Православною. Такого толкованія держался въ свое время и митрополитъ московскій Филаретъ. Въ статьѣ своей подъ заглавіемъ: „Значеніе церковной молитвы о соединеніи церквей“, представляющей толкованіе третьяго прошенія вели-

¹⁾ См. м. Макарія—„Православно догматическое богословіе“, т. I. Сиб. 1849 г. с. 271.

кой ектениі, м. Филаретъ одобряетъ тѣхъ, которые, „расширяя сердце свое любовію, миролюбіемъ и вѣротерпимостью, молятся не только о „*благостояніи*“ и „*соединеніи*“, то есть сохраненіи въ единствѣ святыхъ Божіихъ церквей православныхъ, частныхъ, составляющихъ помѣстную церковь, на примѣръ: константинопольской, александрійской, іерусалимской, російской, но и о воссоединеніи церквей, уклонившихся отъ православія, на примѣръ: римской, армянской“.

Въ подтвержденіе такого толкованія словъ: „о соединеніи всѣхъ“ митр. Филаретъ приводитъ слѣдующія соображенія. „Если бы“, говоритъ онъ, „молитва должна была имѣть ограниченное значеніе о православныхъ только церквахъ, то надлежало бы слова поставить такъ: *о благостояніи и соединеніи всѣхъ святыхъ Божіихъ церквей, Господу помолимся*. Но не такъ поступлено, а раздѣлена молитва на двѣ части: 1) *о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей*, 2) *и соединеніи всѣхъ*. Молитва сія приносится всегда, и въ мирное, и въ немирное для церквей время. Слѣдственно, первая часть молитвы имѣетъ слѣдующее значеніе: *о благостояніи*, то есть о состояніи мира и единства, *святыхъ Божіихъ церквей* православныхъ, чтобы *благостояніе*, уже дарованное, было сохранено, а если гдѣ либо чѣмъ либо нарушено, было вновь даровано благодатію Божіею. Согласно съ симъ, и вторую часть молитвы должно разумѣть о *соединеніи* церквей, чтобы оно было сохранено, поколику существуетъ, и чтобы восстановлено было, поколику гдѣ-либо нарушено. Въ сей второй части молитвы поставлено слово: *всѣхъ*, котораго нѣтъ въ первой: а сіе даетъ разумѣть, что значеніе второй части обширнѣе, чѣмъ первой. Изъ того, что вторая часть не соединена съ первой, а отдѣлена, должно заключить, что не все, содержащееся въ первой, должно быть отнесено ко второй, и потому нѣтъ нужды дополнять вторую такъ: *о соединеніи всѣхъ святыхъ Божіихъ Церквей*; а надлежитъ дополнить только такъ: *о соединеніи всѣхъ церквей*. Посему православная Церковь молится о соединеніи церквей такъ, что-

бы соединеніе православныхъ церквей, уже существующее, было благодатію Божіею сохранено, и чтобы благодатію Божіею возставлено было соединеніе съ Православною Церковію и тѣхъ церквей, которыя отдѣлило отъ нея какое-либо неправое ученіе¹⁾.

М. Филаретъ совершенно правъ былъ, когда утверждалъ, что въ словахъ: „о соединеніи всѣхъ“ нѣтъ указанія исключительно на молитву о соединеніи православныхъ церквей. Если бы эта молитва имѣлась въ виду, то выраженіе: „о соединеніи всѣхъ“ стояло бы въ предидущемъ предложеніи, рядомъ съ словами: „о благостояніи“. Теперь слова: „о соединеніи всѣхъ“ являются особою частью, какъ бы отдѣльнымъ предложеніемъ. Текстъ древнѣйшихъ ектенійныхъ моленій вполнѣ подтверждаетъ апріорное сужденіе м. Филарета. Изъ этого текста обнаруживается, что если возносилось моленіе о соединеніи православныхъ помѣстныхъ церквей, то оно формулировалось именно такъ: „О мирѣ всего міра и соединеніи всѣхъ святыхъ Божіихъ церквей“, ²⁾ или: Ὑπὲρ τῆς... ἐνώσεως πασῶν τῶν ἁγίων τοῦ Θεοῦ ὀρθοδόξων ἐκκλησιῶν—„О... соединеніи всѣхъ святыхъ Божіихъ православныхъ церквей“ ³⁾.

Вѣрно указавъ, что слова: „о соединеніи всѣхъ“ составляютъ отдѣльную часть моленія въ третьемъ прошеніи великой ектеніи, м. Филаретъ неправильно, однако, счелъ слово „всѣхъ“ согласованнымъ съ подразумеваемымъ, будто бы,

¹⁾ См. „Прибавленіе къ твореніямъ св. отцевъ, въ русскомъ переводѣ“, ч. XIX м. 1860 г. с. 1—3. Статья—безъ подписи, но въ „Указателѣ для Приб. къ твор. св. отцевъ за двадцать лѣтъ“ статья помѣчена принадлежащею м. Филарету (с. 12), что, впрочемъ, ясно открывается и изъ самаго стиля статьи.

²⁾ Изъ древняго списка (греч.) литургій св. ап. Іакова. „См. „Собраніе др. литургій“, сс. 154, 157, 166.

³⁾ Изъ діаконскихъ возглашеній на преждеосвященной литургіи св. Василия Великаго, изд. проф. А. А. Дмитриевскимъ по Синайской ркп. XII в. въ книгѣ: „Богослуженіе страстной и пасхальной седмиць во св. Іерусалимѣ IX—X в.“. Казань. 1894 г. сс. 303, 304, 306.

словомъ „церквей“. М. Филаретъ производитъ разборъ словъ ектеніи по славянскому тексту, а не по греческому. Между тѣмъ, въ греческомъ текстѣ ясно видно, что слово τῶν πάντων—„всѣхъ“ не согласовано съ словомъ ἐκκλησίῳν—„церквей“. Слово ἐκκλησία—рода женскаго и πᾶς—„весь“ при немъ стояло бы не въ формѣ—πάντων, а въ формѣ—πασῶν.

Съ греческимъ подлинникомъ м. Филаретъ ознакомился послѣ, и это ознакомленіе заставило его внести нѣкоторыя поправки въ вышеприведенное первоначальное толкованіе, но не разубѣдило въ правильности основной мысли. Вотъ что говоритъ м. Филаретъ въ *дополненіи* къ статьѣ: „Сіе изслѣдованіе написано было по чтенію словенскаго текста литургіи, въ которомъ слово *всѣхъ* не иначе можно было изъяснить, какъ чрезъ дополненіе изъ предыдущей части текста: *всѣхъ церквей*. Уже по написаніи сего, намъ случилось имѣть въ виду греческій текстъ литургіи, въ которомъ читается не τῶν πασῶν, а τῶν πάντων, то есть, *всѣхъ* христіанъ. Но сіе не противорѣчитъ нашему толкованію, потому что, если бы надлежало дать тексту ограниченное значеніе, то надлежало бы сказать: περὶ τῆς τῶν πάντων ὀρθοδόξων χριστιανῶν ἐνώσεως. Безъ сего ограниченія рѣчь необходимо даетъ слѣдующій смыслъ: *о соединеніи всѣхъ* христіанъ православныхъ между собою, и *о соединеніи* съ ними и съ Православною Церковію и прочихъ христіанъ, непринадлежащихъ къ единству Церкви Православной“¹⁾.

Центръ тяжести въ приведенномъ *дополненіи* составляетъ слово χριστιανῶν—„христіанъ“, каковое слово м. Филаретъ подразумѣваетъ при словѣ τῶν πάντων—„всѣхъ“. Дѣйствительно, если бы Церковь молилась о соединеніи только православныхъ христіанъ, то въ ектеніи стояло бы: τῶν ὀρθοδόξων χριστιανῶν; но разъ просто стоитъ (какъ думалъ м. Филаретъ): τῶν πάντων χριστιανῶν, значить—подъ χριστιανῶν разумѣются всѣ вообще исповѣдующіе Христа, безъ различія

¹⁾ „Приб. къ тв. св. Отцевъ“, ч. XIX, с. 5.

въ догматической сторонѣ вѣроученія и во внѣшнемъ, церковно-каноническомъ устройствѣ. Православная Церковь и молить Господа, говоритъ м. Филаретъ, чтобы инославные христіане, составляющіе инославныя церкви, соединились съ нею и образовали бы, вмѣстѣ съ нею, единую святую соборную и апостольскую церковь.

Толкованіе м. Филарета съ логической стороны построено очень тонко. Но оно не свободно отъ возраженія, подрывающаго самый корень толкованія: почему при τῶν πάντων неперемѣнно слѣдуетъ подразумѣвать слово χριστιανῶν? М. Филаретъ выразился, что *во имя всеобъемлющей любви Православная Церковь молится о соединеніи съ нею церковей, „уклонившихся отъ нея неправильными ученіями, да будетъ, по обѣтованію Господа нашего Иисуса Христа, едино стадо, какъ уже есть Онъ единый Пастырь и Владыка своей Церкви на землѣ и на небеси, во времени и въ вѣчности“* ¹⁾.— Это, безъ сомнѣнія, вѣрно. Но вѣдь у Православной Церкви, кромѣ чаянія о соединеніи съ нею инославныхъ церковей, есть и другое чаяніе, чтобы въ спасительный дворъ ея вошли еще и тѣ, которые доселѣ продолжаютъ блуждать въ совершенной тьмѣ невѣдѣнія и сѣни смертной грубаго язычества, люди, не знающіе ни истиннаго Бога, ни Спасителя міра—Господа Иисуса Христа, ни Освятителя нашего—Святаго Духа ²⁾. Есть и еще чаяніе, чтобы возвратились въ лоно Церкви тѣ, которые хотя и родились въ христіанствѣ, но въ послѣдствіи добровольно и сознательно свергли съ себя христіанское званіе, провозгласивъ вѣру Христову удѣломъ глупыхъ и суевѣрныхъ людей. Такими сознательными язычниками особенно богата Франція. А всѣ такъ называемые „новые христіане“, покидающіе церковь, въ которой родились, и образующіе собственныя самочинныя религіозныя общины по-

¹⁾ Ibid. с. 4

²⁾ И милліонами ихъ приходится нечислять! См. рѣчь архіеп. казанскаго Никанора при открытіи миссіонерскаго слѣзда въ Казани въ г. „Колоколь“ отъ 20 іюня т. п.: „Бога бойтесь, царя чтите“.

добно тѣмъ древнимъ лжеучителямъ, о которыхъ св. апостоль Іоаннъ Богословъ выразился: „Они вышли отъ насъ, но не были наши“ (1 Іо. II, 19)? Развѣ во имя той же, заповѣданной Христомъ всеобъемлющей любви, Православная Церковь не будетъ молить Господа, чтобы религіозные отщепенцы пришли наконецъ въ разумъ истинный и, покаившись въ своихъ заблужденіяхъ, соединились съ святою Церковью, дабы получить спасеніе?

Такимъ образомъ, указываемый м. Филаретомъ объектъ (χριστιανοί) недостаточенъ для всеобъемлющей любви. Сопотвѣтствующимъ ей объектомъ на землѣ могутъ быть только οἱ ἄνθρωποι—всѣ люди, и вотъ слово τῶν ἁνθρώπων и слѣдовало бы подразумѣвать при τῶν πάντων, если бы τῶν πάντων дѣйствительно нуждалось въ добавленіи къ нему существительнаго. Но τῶν πάντων не нуждается ни въ какомъ къ нему добавленіи. Слово πᾶς съ членомъ обозначаетъ само по себѣ совершенную полноту понятія и переводится на русскій языкъ словомъ „цѣлый“. Во множественномъ числѣ οἱ πάντες будетъ значить: „всѣ, составляющіе цѣлое“, „всѣ цѣликомъ“. Такимъ образомъ, выраженіе: ὑπὲρ τῆς ἐνώσεως τῶν πάντων слѣдуетъ перевести на русскій языкъ буквально: „о соединеніи всѣхъ, составляющихъ цѣлое“, иначе:—„о соединеніи всего человѣческаго рода,—всего человѣчества“¹⁾.

Въ чемъ же должно быть это соединеніе?—По прекрасному, краткому опредѣленію блаж. Симеона Солунскаго: „въ правой вѣрѣ, любви и богоугодной жизни“²⁾. Подъ условіемъ истинной, правой вѣры, любви и богоугодной жизни только и мыслимо соединеніе человѣческаго рода въ единую духовную семью.

¹⁾ Когда при πᾶς стоятъ еще опредѣлительныя слова, то членъ ставится при нихъ, какъ: ὑπὲρ τῆς ἐνώσεως πασῶν τῶν ἀγίων... ἐκκλησίων.

²⁾ Писанія св. отцовъ и учителей Церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго Богослуженія“, т. II. Спб. 1856 г. с. 446.

Въ недавнее время, мысль о томъ, что слова третьяго прошенія великой ектеньи: „о соединеніи всѣхъ“ содержатъ въ себѣ нарочитое моленіе о соединеніи съ Православною Церковью инославныхъ церквей, нашла себѣ защиту въ лицѣ г-на Z., подѣлившагося своими соображеніями съ читателями „Руководства для сельскихъ пастырей“¹⁾. Цитируя греческій текстъ возглашенія, г. Z. не прибѣгаетъ къ предположенію пропуска при τῶν πάντων слова—*χριστιανῶν*; г. Z. относитъ τῶν πάντων къ τῶν ἐκκλησίῶν въ предыдущей части предложенія, ни мало не смущаясь тѣмъ, что получается грамматическая неправильность: существительное—родъ женскаго, а опредѣленіе къ нему—въ родѣ мужескомъ. Поставивъ вопросъ, не намѣренная ли неясность и неоконченность заключается въ словахъ: „о соединеніи всѣхъ“, и выразивъ увѣренность, что въ этихъ словахъ продолжается моленіе о соединеніи тѣхъ же (?) церквей, о благостояніи которыхъ молились мы въ предыдущей части прошенія (подъ святыми Божиими церквами г. Z. склоненъ, повидимому, разумѣть не однѣ только православныя помѣстныя церкви), г. Z. заканчиваетъ свою статью словами: „Нельзя забывать, что происходящій ощутительно на нашихъ глазахъ процессъ соединенія церквей, о которомъ лучшіе сыны православной церкви ежедневно молятся въ храмахъ (хотя, можетъ быть, грамматически и неправильно), тормозится одинаково какъ религіознымъ индифферентизмомъ, такъ и религіозною нетерпимостью“²⁾.

Очень жаль, что г. Z. оставилъ безъ выясненія предполагаемую имъ намѣренную неясность или неоконченность мысли въ словахъ: „о соединеніи всѣхъ“, которую онъ послѣ называетъ грамматическою неправильностью. Интересно было бы знать, для чего понадобился такой приѣмъ учредителямъ богослужебнаго чина? Равнымъ образомъ, же-

¹⁾ См. № 24 за т. г. — „О какомъ соединеніи всѣхъ молимся мы въ 3-мъ прошеніи великой ектеньи“, с. 131—136.

²⁾ с. 136.

лательно было бы имѣть ясное раскрытіе мысли о религиозномъ индифферентизмѣ и религиозной нетерпимости, которыми, по словамъ автора, одинаково тормозится процессъ соединенія церквей. Съ чьей стороны, напр., проявляется индифферентизмъ? кто объять религиозною нетерпимостью? въ чемъ это реально выражается? Всѣ эти вопросы остаются у г. Z. безъ отвѣта.

Довольно ясно (на нашъ, конечно, взглядъ), что подъ святыми Божиими церквами г. Z. разумѣеть и церкви инославныхъ исповѣданій¹⁾). Но это неправильно. Наименованіе святыхъ Божіихъ церквей усваивается только церквамъ православнымъ. Этотъ пунктъ, надѣмся, съ достаточною полнотою выясненъ у насъ выше. Здѣсь можно прибавить развѣ еще то, что и м. Филаретъ, усматривавшій въ третьемъ прошеніи великой ектеніи моленіе о соединеніи съ Православною Церковью инославныхъ церквей, не въ той части прошенія, гдѣ предлагается моленіе о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей, искалъ указанія на церкви инославныя: подъ святыми Божиими церквами м. Филаретъ разумѣлъ только православныя церкви, частныя, составляющія ту или другую помѣстную церковь. М. Филаретъ видѣлъ указаніе на инославныя церкви (и то—сначала, до знакомства съ греческимъ текстомъ) въ словѣ „всѣхъ“, мысленно добавляя къ нему еще разъ слово „церквей“.

Г. Z. согласуеть слово „всѣхъ“ съ впереди стоящимъ— „церквей“. Но съ чѣмъ, спросимъ, сталъ бы онъ согласовать „всѣхъ“, если бы слово „церковь“ предыдущей части прошенія стояло не во множественномъ числѣ, какъ стоитъ въ современномъ греческомъ и славянскомъ текстахъ, а въ числѣ единственномъ? Такой вариантъ на самомъ дѣлѣ есть. Онъ

¹⁾ Указавъ (с. 132) на „естественность“ того смысла, что въ выраженіи: „о соединеніи всѣхъ“ „рѣчь идетъ о соединеніи или единеніи только что упомянутыхъ церквей“, т. е.—святыхъ Божіихъ, г. Z. высказанное положеніе дальше ничѣмъ не ограничиваетъ. Слѣдовательно?..

указанъ у *прот. М. И. Орлова* въ его критическомъ изданіи текста литургіи *Василія Великаго*. Вотъ онъ: „*Ο... βλγστοκμῖν σῆν βῆῖν ἑβῆκε ν σῆβκοϋπλενῖν κσῆ* 1). Изъ этого варианта для насъ совершенно ясно, что слово „*всѣхъ*“ не имѣетъ отношенія къ слову „*церковь*“, стоящему въ предыдущей части прошенія въ единственномъ числѣ. Разъ же слово: „*всѣхъ*“ сохранило свою форму при измѣненіи формы слова: „*церковь*“, и, при томъ, больше не съ чѣмъ согласовать его, то, слѣдовательно, надо разбирать это слово какъ слово самостоятельное. Греческое *πάντων*, стоящее съ членомъ *τῶν*, вполне оправдываетъ такой разборъ и указываетъ, какъ слѣдуетъ буквально перевести *τῶν πάντων*.

—

Нѣсколько раньше г-на *Z.*, на страницахъ „*Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей*“, точный смыслъ интересующаго насъ третьяго прошенія великой ектеніи старался установить священникъ *Мих. Митроцкій* 2). Исходя изъ несомнѣннаго факта, что „*святыхъ Божиихъ церкви*“ въ третьемъ прошеніи великой ектеніи суть церкви православныя помѣстныя, о. *М. Митроцкій* не раздѣляетъ того толкованія словъ: „о соединеніи *всѣхъ*“, будто въ нихъ заключается указаніе на молитву о соединеніи съ Православною Церковью инославныхъ церквей. Не о соединеніи церквей молимся мы въ этомъ прошеніи, говорить о. *М. Митроцкій*, но о соединеніи христіанъ и при томъ—только православныхъ.

Мнѣніе свое о. *М. Митроцкій* аргументируетъ такъ. Несомнѣнно, говорить онъ, греческое слово *τῶν πάντων* со словомъ *ἐκκλησίῶν* не согласовано. Но съ чѣмъ женибудь оно должно быть согласовано, кажется о. *М. Митроцкому*. И вотъ, онъ, безъ колебаній, прибавляетъ къ слову *τῶν πάντων*, въ

1) *Прот. М. И. Орлова*.—„Литургія св. *Василія Великаго*“. СПб. 1909 г. с. 43.

2) См. № 8—9 за т. г.—„О третьемъ прошеніи ектеніи мирной“, с. 219 - 221.

скобкахъ т. е. *χριστιανῶν*. Прибавивъ же это слово, о. М. Митроцкій устанавливаетъ первоначальный его смыслъ и для этого дѣлаетъ справку въ Евангеліи ¹⁾ и въ церковныхъ канонахъ ²⁾. Выводъ, къ которому о. М. Митроцкій послѣ этого приходитъ, таковъ: „На языкѣ церковномъ слово „христіанинъ“ никогда не прилагается къ иновѣрцамъ. Христіанами называются лишь православные. Поэтому, въ третьемъ прошеніи нужно видѣть молитву о соединеніи христіанъ *православныхъ*“ ³⁾.

Выше мы показали, что никакой надобности въ приисканіи къ τῶν πάντων особаго существительнаго—нѣтъ. Τῶν πάντων совершенно свободно можетъ стоять безъ существительнаго, потому что по-гречески оно такое же самостоятельное слово, какимъ иногда и по-русски бываетъ слово „весь“ во множественномъ числѣ. Мы, напр., легко обходимся безъ вставки слова „люди“, когда выражаемся: „всѣ—смертны“.

Затѣмъ, на какомъ основаніи, прибавивъ къ τῶν πάντων слово *χριστιανῶν*, о. М. Митроцкій даетъ ему древне-церковное значеніе, а не то, какое усвоится ему теперь на богословскомъ языкѣ? Если бы о. М. Митроцкій указалъ древній вариантъ текста, въ которомъ дѣйствительно читалось бы, какъ онъ говоритъ: τῶν πάντων *χριστιανῶν*, то онъ имѣлъ бы право придать слову *χριστιανός* то значеніе, какое имѣло слово *χριστιανός* въ вѣкъ происхожденія текста. Но вѣдь онъ самъ подыскиваетъ *χριστιανῶν* къ τῶν πάντων и самъ вставляетъ *χριστιανῶν* въ современный намъ греческій текстъ. Ясное дѣло, искусственно подысканному слову о. М. Митроцкій долженъ былъ бы сообщить современное значеніе, а

¹⁾ МѠ. XVIII, 17; „Аще же не послушаетъ ихъ, повѣждь церквн аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь“.

²⁾ Лаодик. пр. 31: „Не подобаетъ со всякимъ еретикомъ заключати брачный союзъ, или отдавати таковымъ сыновъ и дочерей, но паче брати отъ нихъ, аще общаются христіанами быти.“

³⁾ „Кіевск. Епарх. Вѣдом.“ цит. №, с. 220.

не древнее. У богослововъ, какъ извѣстно, различаются теперь: *χριστιανός* и *χριστιανός ὀρθόδοξος*, и если о католикѣ, напр., не говорятъ: *χριστιανός ὀρθόδοξος*, то, во всякомъ случаѣ, не отказываютъ ему въ наименованіи: *χριστιανός*. Имѣя въ виду существующее въ богословской наукѣ разграниченіе терминовъ: *χριστιανός* и *χριστιανός ὀρθόδοξος*, м. Филаретъ счелъ вполне возможнымъ, какъ мы видѣли раньше, отнести и къ послѣдователямъ инославныхъ вѣроисповѣданій наименование *χριστιανοί*.

Итакъ, коренная ошибка о. М. Митроцкаго при истолкованіи третьяго прошенія великой ектеніи заключается въ произвольномъ внесеніи въ текстъ лишняго слова *χριστιανῶν* и, кромѣ того, въ усвоеніи этому слову иного значенія, чѣмъ то, какое слово это имѣетъ теперь. А такъ какъ конечный выводъ нашего автора о молитвѣ за однихъ православныхъ покоится на указанныхъ основаніяхъ, то, за несостоятельностью ихъ, онъ теряетъ силу ¹⁾. *И. Палмовъ.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ № 22 „Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостей“ на статью о. М. Митроцкаго сдѣлалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній *священникъ Петръ Палчевскій*. Замѣчанія эти заслуживаютъ того, чтобы съ ними познакомиться. „Православные христіане“, прежде всего говоритъ о. П. Палчевскій, „и такъ уже, на самомъ дѣлѣ, находятся между собою въ религіозномъ единеніи“. Они достигли соединенія „самымъ фактомъ своего пребыванія въ Церкви Православной“. Значитъ, не о соединеніи православныхъ христіанъ молится Церковь въ третьемъ прошеніи великой ектеніи. О чемъ же она молится? Она молится „о всеобщемъ соединеніи въ одной святой соборной церкви всѣхъ людей на землѣ“. Божественный Основатель Церкви *хочетъ всѣмъ человекомъ спастися и въ разумъ истинны пріити*. Апостоламъ повелѣлъ Онъ итти въ міръ весь и проповѣдывать евангеліе *всей твари*. Молитва о соединеніи всѣхъ имѣетъ глубокой смыслъ и высокое значеніе, прибавляетъ о. П. Палчевскій. Она возвышаетъ предъ всѣми другими церквами святую Православную Церковь, какъ истинную Церковь Христову (с. 546—547).

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Если изображать жизнь студентовъ нашего времени, то нужно говорить не о сношеніяхъ ихъ съ вѣшнихъ міромъ, а главное вниманіе обратить на ихъ внутренній бытъ. Внѣшнія знакомства были далеко не у всѣхъ; да и у искавшихъ знакомства съ чуждымъ студенчеству міромъ эти сношенія наполняли небольшую часть времени. Такихъ студентовъ, какъ я, немѣвній никого знакомыхъ въ городѣ и рѣдко выходявшій изъ стѣнъ академическаго корпуса, было нѣсколько между мной товарищами. Господствующій интересъ, которымъ жили студенты нашего курса, лежалъ въ ихъ внутреннемъ мірѣ. Чѣмъ меньше занимали насъ и наполняли нашу жизнь вѣшнія сношенія, тѣмъ сильнѣе развивался и укрѣплялся нашъ внутренній союзъ, тѣмъ болѣе получалъ значенія среди насъ міръ взаимныхъ сношеній довольно многочисленной студенческой семьи. И вотъ образовалось рѣдкое содружество студенческой семьи, которая въ себѣ самой, во взаимныхъ отношеніяхъ своихъ членовъ находила удовлетвореніе стремленію къ общности, стремленію раздѣлять свои чувства и впечатлѣнія съ другими, болѣе или менѣе близкимъ, людьми.

Добрыя товарищескія отношенія студентовъ между собою наиболѣе рельефное выраженіе находили въ часы досуга, когда, освободившись отъ официальныхъ занятій, они искали дружескаго общенія съ товарищами. Были излюбленные номера, куда по преимуществу сходились студенты въ свободные часы для взаимной непринужденной бесѣды. Такого рода номеръ 19-й номеръ нижняго этажа, въ которомъ я былъ старшимъ. Въ немъ любили собираться потому, что онъ былъ обширнѣе другихъ, раздѣленъ былъ на три отдѣльныхъ комнаты. До общенія этого помѣщенія въ жилой студенческой номеръ, въ

¹⁾ См. № 33-й. за 1910 г.

немъ были бакалаврская квартира, и предъ нашимъ поселеніемъ въ немъ занималъ эту квартиру бакалавръ Никифоръ Ивановичъ Щеголевъ. Въ этомъ номерѣ читались молитвы, для слушанія которыхъ сходились студенты изъ двухъ другихъ номеровъ, и послѣ вечерней молитвы нѣкоторые еще оставались въ чужомъ номерѣ для какихъ-либо частныхъ заявленій, что способствовало обращенію этого номера, какъ бы въ сборную залу, какой въ то время не было. Особенно въ субботу, послѣ всенощной и ужина, въ часы наибольшаго досуга собиралось много товарищей студентовъ побалакать, подѣлиться впечатлѣніями послѣднихъ дней, а иногда поспорить о чемъ-нибудь, по возбужденному къмъ-либо вопросу. При этомъ иной разъ было и довольно шумно. Въ сосѣднихъ съ нашимъ номеромъ комнатахъ жилъ бакалавръ архимандритъ Іоанникій, бывший тогда помощникомъ инспектора, впоследствии митрополитъ московскій и кіевскій. Не знаю, доходилъ ли до него чрезъ стѣну шумъ, поднимавшійся въ нашемъ номерѣ. Только онъ ни мнѣ, и никому другому не заявлялъ о томъ, что мы беспокоимъ его, хотя ему извѣстно было, что нашъ номеръ служить мѣстомъ сборища.

Эти частыя собранія студентовъ въ часы досуга въ одномъ номерѣ были неупорядоченнаго свойства и имѣли хаотическій характеръ. Времяпрепровожденіе въ нихъ предоставлено было чистой случайности, чуждой всякой планомѣрности. Бесѣды велись несвязныя и непринужденныя, о чемъ попало. Среди такихъ хаотическихъ собраній возникла и какъ-то заявлена была мысль, нельзя ли намъ какъ-нибудь урегулировать свои собранія, и придать имъ болѣе серьезный характеръ. За эту мысль ухватились и тотчасъ же подвергли ее скорому и энергичному исполненію. Изъ разбросанныхъ случайныхъ посѣтителей собраній рѣшили образовать болѣе или менѣе сплоченное общество, которое бы послужило цементомъ, скрѣпляющимъ воедино все студенческое товарищество. Составленъ и избранъ былъ президіумъ или совѣтъ, на обязанность котораго возложена была распорядительная часть по устроению и

веденію дѣлопроизводства собраній общества. Члены президіума приглашали студентовъ въ засѣданія общества: они же составляли программу занятій въ каждомъ засѣданіи и эту программу предъявляли товарищамъ, и постановкою въ программѣ интересныхъ пунктовъ привлекали иныхъ, и равнодушныхъ къ обществу, къ участию въ его засѣданіяхъ. Избранные члены совѣта или президіума къ своимъ родовымъ фамиліямъ присвоили себѣ особыя вымышленныя прозвища и съ этими вымышленными фамиліями они значились въ обществѣ, и ими подписывались на бумагахъ и журналахъ общества. Одинъ (президентъ) присвоилъ себѣ фамилію Розенкампфа, другой (вице-президентъ) фамилію Клонштока, третій (старшій совѣтникъ) Рудко и т. д. При образованіи общества нѣкоторые охотно заявили свое желаніе предлагать на засѣданіяхъ какія-либо чтенія, о чемъ заблаговременно должны были заявлять президіуму. Эти чтенія или литературныя выступленія постоянныхъ или случайныхъ членовъ общества составляли главное занятіе въ засѣданіяхъ общества, и представляли въ нихъ главный интересъ, привлекавшій студентовъ въ собраніе. Больше всего имѣли мѣсто здѣсь рассказы юмористическаго свойства. Самымъ усерднымъ поставщикомъ такихъ рассказовъ былъ Алексѣй Ивановичъ Поморцевъ (изъ харьковскихъ), по окончаніи курса поступившій на службу въ Орловскую семинарію, и бывшій въ Орлѣ священникомъ. и потомъ угодившій изъ города въ село, кажется, за проведеніе на епархіальномъ съѣздѣ духовенства, на которомъ онъ избранъ былъ предсѣдателемъ, либеральныхъ мѣропріятій, которыя не могли заслужить одобренія епархіальнаго начальства. У него къ каждому засѣданію было готово какое-либо занимательное чтеніе. Но Поморцевъ былъ не единственнымъ поставщикомъ литературнаго матеріала, годнаго для услажденія членовъ общества въ обычныхъ засѣданіяхъ. Многіе усердствовали вносить свою долю участія въ общую работу забавляющагося на досугъ общества. Одинъ читали, хотя не всегда художественные, стихи то серьезнаго, то шутившаго содержанія: другіе предлагали на

обсужденіе какіе-либо богословскіе или метафизическіе вопросы, и выступали съ попыткою ихъ рѣшенія, третьи представляли образцы ораторскихъ рѣчей на темы пзъ обыденной студенческой жизни.

Много было и устныхъ разглагольствій по вопросамъ, предъявляемымъ президіуму или предложенныхъ кѣмъ-либо изъ членовъ президіума.

Не должно показаться страннымъ, если въ обществѣ молодыхъ людей подвергался обсужденію женскій вопросъ. Между прочими докладами нашель мѣсто докладъ одного члена, въ которомъ онъ, взявъ въ основаніе первые стихи XXVIII главы книги Іисуса, сына Сирахова, начертилъ портретъ доброй жены или идеаль женщины, и при этомъ пустился въ разсужденіе о томъ, насколько приближаются къ этому идеалу извѣстныя студентамъ постоянныя посѣтительницы Братскаго храма. Критика его представительницъ прекраснаго пола была довольно добродушна, и студенты выслушивали ее не безъ удовольствія. Объ ней молва дошла и до тѣхъ, кого она касалась. Но онѣ отнюдь не досадовали на эту критику, а скорѣе были довольны тѣмъ вниманіемъ, какое имъ дѣлали не безынтересные для нихъ молодые люди. Этотъ докладъ,—небольшая частица всего матеріала, предлагавшагося на засѣданіяхъ общества,—былъ поводомъ къ тому, что студентъ, принявшій пночество, обвинялъ общество въ антимонашескомъ направленіи, и цѣлю организациі этого общество ставилъ недопущеніе товарищей до монашества и склоненіе ихъ къ вступленію въ бракъ.

Всѣ засѣданія общества были въ моемъ номерѣ, то есть, въ томъ номерѣ, гдѣ я былъ старшимъ. (Вмѣстѣ со мною въ этомъ номерѣ между прочими жилъ В. М. Смирновъ, впоследствии Веніаминъ, епископъ воронежскій). Самымъ удобнымъ временемъ для этихъ засѣданій признаны были вечерніе часы по субботамъ, послѣ всенощной и ужина. Продолжались засѣданія часа два, три, даже четыре. Дольше одиннадцати часовъ рѣдко заспживались на этихъ засѣданіяхъ. Исключеніе

бывало развѣ только тогда, когда предлагалось что-либо особенно интересное, вызывавшее споры и длинныя обсуждения вопроса. Случалось, что мои сономеранты говорили своимъ товарищамъ, если тѣ не показывали расположенія сократить засѣданія: „какъ ни пріятно намъ проводить время вмѣстѣ съ вами; но пора спать...“ Потому члены общества отлагали свои споры и разсужденія до будущаго засѣданія.

Велись журналы засѣданій общества. Этимъ дѣломъ занимались секретарь (сначала Поморцевъ, а потомъ Палладій Браиловскій) и два его помощника (Михаилъ Максимычъ Скворцовъ и Николай Ѳедоровичъ Кленачевскій). Въ архивѣ общества вмѣстѣ съ журналами и докладами накопилось 136 №№ бумагъ. Въ это число еще не вошли бумаги, относящіяся къ послѣднему прощальному засѣданію, которыхъ образовалось №№ 10. Всѣ эти бумаги подѣлены были между членами общества, при ликвидаціи дѣлъ его, по окончаніи курса. Изъ нихъ составилось 19 отдѣленій, и каждое отдѣленіе бумагъ передано было, на память объ обществѣ и нашей товарищеской жизни, по раздѣлу, одному изъ наиболѣе усердныхъ дѣятелей общества, какиихъ оказалось девятнадцать студентовъ. Мнѣ оставлены и достались бумаги, относящіяся къ послѣднему засѣданію общества, которое въ журналѣ названо высоко-торжественнымъ.

Объ этомъ высокаторжественномъ засѣданіи я считаю не лишнимъ сообщить нѣкоторыя подробности. Объ немъ стоитъ упомянуть потому, что оно представляетъ рѣдкое выдающееся явленіе въ мірѣ студенческомъ. Изъ разсказа о немъ вы можете усмотрѣть, какъ мы прощались съ академіей, а далѣе сообщенія о немъ могутъ дать понятіе о характерѣ и задачахъ нашего студенческаго общества; такъ какъ на этомъ засѣданіи подводился итогъ всего того, что дѣлалось въ обществѣ въ частныхъ предшествующихъ засѣданіяхъ.

Проф. *Василій Пьвницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій

Печатать дозволяется. Кіевъ, 31-го августа 1910 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.